

№ 14 (133) 2012
Выпуск 21

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
и.о. ректора НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
и.о. проректора по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Л.Я. Дятченко,
доктор социологических наук,
профессор (НИУ «БелГУ»)

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

К.Э. Циолковский и тюбингенцы: поиски антропологического идеала.
В.В. Лыткин 5

Русский космизм между культурно-идеологическим конструированием
и философско-теоретической реконструкцией. *В.П. Римский,
В.В. Трошихин, Л.П. Филенко 16*

К проблеме экспликации и рационализации концепта «русский
космизм». *Л.П. Филенко 31*

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Донаучные социально-когнитивные формы в генезисе научного
познания: концептуальная разнородность подходов.
Г.Н. Калинина 37

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Социокультурные детерминанты ресоциализации пожилых людей
в условиях постсоветской модернизации. *Т.И. Литич,
М.С. Азарина 46*

О семиотической природе идей. *Н.А. Лукьянова 54*

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Сотрудничество приграничных регионов в реализации инвестиционных
проектов. *Д.Г. Васильченко 60*

Особенности пути жизни современного человека: гендерный аспект.
С.А. Ермаков, Л.Г. Мезина 66

Механизмы управления развитием приграничных территорий в условиях
трансформации социальной среды. *Т.Н. Каменева, В.В. Зотов 70*

«Транснациональная идея» как идеологема постсоветской интеграции в
контексте кризиса национальных идентичностей. *Е.Г. Каменский,
В.Б. Тарабаева 76*

Влияние модернизации национальных образовательных систем
постсоветского пространства на инновационное развитие приграничных
регионов. *М.В. Кожемякин, И.С. Шаповалова 82*

Сотрудничество субъектов молодежной политики на постсоветском
пространстве: организационные формы и технологии.
А.А. Максименко, Л.Н. Шмигирилова 91

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Медицинская антропология христианской церкви.
А.А. Шевченко 102

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Основной понятийный аппарат концепции договорного
регулирования природопользования и охраны окружающей среды.
Н.М. Митякина 120

Государственное право в философской системе А.Л. Блока.
Е.В. Сафронова, Е.С. Кравченко 131

Лингвистические ошибки в текстах российских законов.
Е.Е. Тонков, В.Ю. Турагин 138

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов
кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии

Г.А. Борисов, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Н.В. Витрук, доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

М.Н. Громов, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Т.Р. Лоусон, доктор философии, профессор Луисвилльского университета и Университета Кентукки (США),

директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвилльского университета, Почетный профессор НИУ «БелГУ»

М.В. Маркгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.В. Реутов, кандидат социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства (НИУ «БелГУ»)

Развитие института права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом в России и некоторых зарубежных странах.
С.В. Тычинин, М.С. Луповской 145

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Некоторые аспекты противодействия и профилактики преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в России. **И.Н. Архипцев 151**

Личностные детерминанты формирования духовной безопасности молодежи: социологические аспекты. **В.В. Бахарев, Г.А. Фомченкова 162**

Представление о природе материнской любви. **Ю.Г. Белогурова 168**
Страсть к экстремальности. **М.А. Бородовская 173**

Система кадровой работы в организациях и учреждениях социальной защиты региона. **А.А. Горяинов 178**

Детство в российском и мировом социокультурном пространстве. **О.В. Ковальчук 186**

Классификация и типология массовых праздников и зрелищ. **М.В. Литвинова 191**

Эволюция богословских воззрений Лютера в контексте современности. **Т.В. Луценко 202**

Проблема корреляции понятий «религиозная культура» и «религиозная субкультура». **С.С. Почепцов 209**

А.П. Чехов о русской интеллигенции. **О.И. Родионова 217**

Виртуальное общение: социальные сети – одиночество или исповедальность? **М.С. Сороцкий 227**

Зарубежный опыт местного самоуправления и возможности его применения в современной России. **С.М. Ягуткин, Е.С. Ягуткина 233**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: страницы истории. **С.М. Климова 240**

Сведения об авторах 244

Информация для авторов 247

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 24.08.2012.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 29,29.
Тираж 1000 экз.
Заказ 302

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

**№ 14 (133) 2012
Issue 21**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,
Acting Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,
Acting Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,
Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,
Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko
Doctor of sociology, Professor
(Belgorod National Research University)

Chief editor

V.P. Rimskiy
Doctor of philosophy, professor
(Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev
Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Tsiolkovsky and tubingenses: the quest for the anthropological ideal.

V.V. Lytkin 5

Russian kosmism between cultural ideological construction and philosophical theoretical reconstruction. **V.P. Rimskiy, V.V. Troshikhin, L.P. Filenko 16**

On explication and rationalization of the concept "Russian kosmism".

L.P. Filenko 3

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Pre-scientific socio-cognitive form of the genesis of scientific cognition: conceptual diversity of approaches. **G. N. Kalinina 37**

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Social and cultural determinants of re-socialization of elderly people in post-Soviet modernization. **T.I. Lipich, M.S. Azarina 46**

On the semiotic nature of ideas. **N.A. Lukyanova 54**

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Cooperation between border regions in the realization of investment projects. **D.G. Vasilchenko 60**

Life path of the contemporary man: gender approach. **S.A. Ermakov, L.G. Mezina 66**

Mechanisms of development of border areas in the transformation of social environment. **T.N. Kameneva, V.V. Zotov 70**

"Transnational idea" as an ideologeme of post-soviet integration in the context of national identity crisis. **E.G. Kamensky, V.B. Tarabaeva 76**

Impact of post-Soviet national education system modernization on border regions development. **M.V. Kozhemyakin, I.S. Shapovalova 82**

Cooperation of subjects of youth policy post-soviet space: organizational forms and technologies. **A.A. Maximenko, L.N. Shmigirilova 91**

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Medical anthropology of christian church. **A.A. Shevchenko 102**

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The main concepts apparatus in conception of contractual regulation of nature use and environment protection. **N.M. Mityakina 120**

State law in philosophical system of A.L. Block. **E.V. Safronova, E.S. Kravtchenko 131**

Linguistic mistakes in texts of the Russian laws. **E.E. Tonkov, V.Y. Turanin 138**

Development of the law institute of limited use of foreign real estate in Russia and some foreign countries. **S.V. Tychinin, M.S. Lupovskoy 145**

THESIS

Some aspects of the counter and prevention of crimes committed foreign citizens and persons without citizenship in Russia. **I.N. Arhiptsev 151**

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod National Research University)

T.R. Lawson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A.Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, Associate professor (Belgorod National Research University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, Associate professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod National Research University)

The articles are given in authors` editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 24.08.2012
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer`s sheets 29,29
Circulation 1000 copies
Order 302.

Subscription reference
in Rospechat` agency catalogue – 18078
Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Personal determinants of the youth`s spiritual security formation in sociological aspects. **V.V. Bakharev, G.A. Fomchenkova 162**

Representations of the mother`s love. **J.G. Belogurova 168**

Lust for extremeness. **M.A. Borodovskaya 173**

System of personnel management in regional organizations and institutions of social protection. **A.A. Gorjainov 178**

The childhood within the Russian and world sociocultural space.

O.V. Kovalchuk 186

Classification and typology of mass holidays and spectacles.

M.V. Litvinova 191

Evolution of theological views of Luther in the present context.

T.V. Lutsenko 202

Problem of correlation of the concepts "religious culture" and "religious subculture". **S.S. Pocheptsov 209**

A.P. Chekhov on the Russian intelligentsia. **O.I. Rodionova 217**

Virtual communication: social networks – loneliness or frankness?

M.S. Sorotskii 227

Foreign experience of local government and possibilities of it`s application in modern Russia. **S. Yagutkin, E. Yagutkina 233**

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Faculty Of Philosophy Of Lomonosov Moscow State University:

Pages Of History. **S.M. Klimova 240**

About authors 244

Information for authors 247

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 1.091.470

К.Э.ЦИОЛКОВСКИЙ И ТЮБИНГЕНЦЫ: ПОИСКИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

В.В. ЛЫТКИН*Калужский государственный
университет
им. К.Э. Циолковского**e-mail: vlad-lytkin@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема формирования антропологического идеала в русском космизме. К.Э.Циолковский и его поиски антропологического идеала (создатель «Космической философии», классического варианта космизма), рассматриваются в контексте влияния идей Тюбингенской школы критики Библии. В работах тюбингенцев (Д.Штраус, Э.Ренан) и К.Э.Циолковского выявлено много параллелей и прямых совпадений, что позволяет говорить о влиянии тюбингенцев на формирование идей и взглядов основных представителей русского космизма, прежде всего К.Э.Циолковского.

Ключевые слова: русский космизм, антропологические идеалы, К.Э.Циолковский, Тюбингенская школа, религиозоведение.

Для русского космизма, оформившегося в своем классическом варианте «Космической философии» К.Э. Циолковского на рубеже XIX – XX веков, всегда был характерен пристальный интерес к духовной жизни общества. При этом все наиболее яркие и значимые представители русского космизма, так или иначе пытались решить вопрос о сущности идеалов, возможности их формулировки и вероятности достижения. Для Н.Ф. Федорова это был принцип «супраморализма», где выполняется «сыновний долг» перед ушедшими поколениями «отцов» и достигается всеобщая блаженная идеальная и вечная жизнь. Для В.С. Соловьева, достижение «бого – человеческой» стадии в развитии человечества, как реализация идеалов социального и антропологического порядка. У В.И. Вернадского «ноосфера», сфера влияния автотрофного человечества, расширяется в ближний и дальний космос в целях преобразования вселенной.

Интерес К.Э. Циолковского к проблематике достижения социального, и прежде всего личного, антропологического идеала, определился достаточно рано. При этом, в значительной степени его антропологические идеалы самым тесным образом соседствовали с религиозными христианскими идеалами. Очень часто находились под их непосредственным воздействием. По крайней мере, начало этого влияния мы можем относить с полным правом к середине 80-х годов XIX столетия. В то время молодому

К.Э. Циолковскому было всего 25 лет. Изучение его автобиографических материалов свидетельствует о том, что молодой человек был достаточно хорошо знаком с основами православного вероучения. Но в то же самое время, для молодого исследователя был характерен и субъективный интерес к религиозным проблемам. Прежде всего, к попыткам рационального исследования Евангелия, осмысления личности и образа Иисуса Христа, как центральной фигуры христианского вероучения и христианской этики¹.

Какова же была причина этого интереса со стороны формирующегося ученого-естествоиспытателя к религиозно-богословской, христианской проблематике? В ходе своих научных исследований и поисков, на определенном этапе их, К.Э. Циолковский неизбежно сталкивался с проблемами философского характера. Только философские подходы позволяли в той или иной степени решать некие всеобщие, глобальные, принципиально важные вопросы онтологического, нравственно-этического, гносеологического порядка.

Любой ученый, посвящающий себя пристальному изучению природы, становящийся естествоиспытателем, неизбежно нуждается в привлечении к своим исследованиям философии, как единственно возможного подхода к решению наиболее общих, но принципиально важных проблем. В то же время, постановка подобных глобальных мировоззренческих проблем, заставляет исследователя обращаться к предшествующему опыту человечества, в надежде найти там ответы на извечные вопросы: Что такое наш мир? Как он возник и куда движется? Какова природа человека и человечества? Что их ожидает в будущем? Что такое добро, зло, счастье? и т.д. Естественным было предположить, что не только научные теории и философские системы искали ответов на эти вопросы, но и религиозные учения, как древнейшие из известных способов объяснения окружающего мира.

Обращаясь к творчеству К.Э. Циолковского, анализируя его “Космическую философию” как зрелое и достаточно цельное учение, мы не можем не отметить, что центр его философских интересов, центр его мировоззренческих устремлений лежит в этической плоскости. “Что такое счастье, каковы пути его достижения, возможно ли достижение счастья?”, вот, в общих чертах, центр, основная проблема, вокруг которой строится все учение К.Э. Циолковского, включая и его теорию межпланетных путешествий, как праксикологическую часть его учения. Исходя из выше сказанного, мы безусловно присоединяемся к мнению наших предшественников, считавших, что основной целью исследований К.Э. Циолковского в области религиоведения было нахождение позитивного знания, содержащегося в различных религиозных системах мира, и прежде всего в Христианстве². При этом основное внимание в своих исследованиях К.Э. Циолковский сосредотачивает именно на этической стороне Христианства. С этой точки зрения становится более понятным тот интерес, который ученый проявлял к Христианству, к его истории, вероучению, к личности Иисуса Христа. При этом К.Э. Циолковский стремился видеть в жизни и деятельности Иисуса Христа черты, подтверждающие его “гениальность”. Он считал последнего неким “героем”, стремившимся изменить образ жизни человечества достаточно радикально, ускорить его продвижение по пути к счастью.

Очень близких взглядов придерживались и идеологи народничества в России, с основными взглядами которых К.Э. Циолковский имел возможность познакомиться во время своего проживания в Москве и работы в Румянцевской библиотеке. Позднее этот интерес сохранился, и, скажем, в Рязанский период жизни ученого. Он продолжал читать произведения представителей народничества и российской демократической мысли. Как уже указывалось, под влиянием идей некоторых из этих общественных деятелей и писателей он находился, возможно, в течение всей своей жизни.

В одной из своих работ П.Л. Лавров, один из общепризнанных и наиболее интересных идеологов народничества, анализируя условия общественной жизни,

¹ Циолковский К.Э. Фатум, судьба, рок. Автобиография, 1919, Архив РАН. ф. 555, оп.2, д.1, л.4.

² Кольченко И.А., Платонов К.К. К.Э. Циолковский как мыслитель. Труды II Чтений К.Э. Циолковского. Секция “Исследование научного творчества К.Э. Циолковского”. – М., 1968. – С. 9.

сложившиеся на Ближнем Востоке в эпоху проповеди там своего учения ранними христианами, писал: “Всюду здесь присутствовало сознание, лежащее в основе всякой социалистической пропаганды, сознание несправедливости наличных форм общественного строя... Но никогда победа не была, да и не могла быть на стороне этих религиозных социалистов. Теологический строй мысли подрывал в самом корне созданные ими теории”³.

Говоря об исканиях К.Э. Циолковского в области истории и теории религии, религиозного вероучения, нельзя не отметить, что именно период после 1917 года характеризуется своеобразным всплеском интереса ученого к данной проблематике, и, в особенной степени, к личности Иисуса Христа и к евангельской истории. В эти годы ученым были, в частности, написаны такие работы, как: “Палестина – родина галилейского учителя”, “Евангелие Ивана на обыденном языке с пояснениями”, “Христианство. (Евангелие Матвея с комментариями)” и ряд других. Чем можно объяснить подобный пристальный интерес К.Э. Циолковского именно в это время (первые годы после 1917 года) и именно к этим вопросам? По всей вероятности, причина может заключаться в усиленном поиске ученым после революционного переворота 1917 г. исторических аналогов этим событиям. В какое-то время К.Э. Циолковский находил их в деятельности ранних христиан и деятельности Иисуса Христа. Необходимо сказать, что этот интерес во многом определялся, по нашему мнению, и творчеством Э. Ренана, с трудами которого ученый был хорошо знаком. По крайней мере, в библиотеке К.Э. Циолковского был основной труд Э. Ренана “Жизнь Иисуса”. Более того, на это же указывает и ряд косвенных данных, в частности, сравнительный анализ религиозноведческих работ К.Э. Циолковского и Э. Ренана⁴.

Одна из основных работ Э. Ренана “Жизнь Иисуса” была написана автором в 1863 году и в скором времени стала весьма популярна и широко известна. Вся просвещенная Европа с восторгом приняла эту книгу. Э. Ренан принадлежал к последователям так называемой “Тюбингенской школы критики библии”, одним из основателей которой был Д.Ф. Штраус. Исследователи этой школы придерживались, в целом, рационалистического, исторического взгляда на Библию, на Евангельскую историю и личность Иисуса Христа. Это не могло не привлечь к их работам внимание многих представителей естествознания, людей мыслящих рационалистически, склонных к свободомыслию. В то же время, “Тюбингенская школа” была по сути своей религиозной. Представители этой школы были людьми, глубоко уважающими основы христианства, но они стремились к определенной модернизации христианского догматизма.. В то же время, деятельность представителей тюбингенской школы, из-за их неизбежного впадения в ересь, подвергалась критике со стороны представителей теологии и богословия, в частности, Православного: «... все, без исключения рационалистические воззрения на Лице и дело Иисуса Христа,... Например, Тюбингенская школа исключительно зиждется на совершенном и грубом искажении фактов, относящихся к учению о Лице и деле Богочеловека... и имеет в своей основе ту мысль, что учение о Божестве Иисуса Христа окончательно утвердилось в церкви только на Никейском соборе... Такое понимание дела ... дает рационалистам призрачное право смотреть на христианское учение о Богочеловеке как на дело чисто человеческое»⁵. Таким образом, богословие резко критикует тюбингенцев за отход от основ догматического вероучения, т.е. за рационализм, а, в конечном итоге, за склонность к еретизму. Их подходы носили, во многом, безусловно, религиозный характер. Но несомненным является и то, что деятельность представителей тюбингенской школы критика Библии, их творчество, не могли оставить равнодушными очень многих, оказав существенное влияние на

³ Лавров П.Л. Религиозные социалисты. Встань, человек! – М., 1986. – С. 62.

⁴ Лыткин В.В. Некоторые проблемы критики христианства в трудах К.Э. Циолковского. Научно-атеистические исследования в музеях. – Л.: Издательство ГМИРиА, 1987. – С.71-79; Лыткин В.В. Философия космического будущего человечества. Часть 2, п.2.3. – Калуга: Издательство КГПУ им.К.Э. Циолковского, 2000. – С.176.

⁵ Иустин. Божественное лицо и дело Господа нашего Иисуса Христа. Соч., т. 3, – М., 1895, – С. 282-283.

формирование мировоззрения передовых деятелей науки и культуры своего времени во всем образованном мире. Этот феномен отмечался и нашими современными исследователями. Так еще И.А. Кривелев писал, что: «Во второй половине прошлого века облик Христа в общественном мнении европейской интеллигенции преломляется сквозь призму того изображения, которые дал... Эрнест Ренан в своей книге»⁶. И.А.Кривелев особенно подчеркивал роль творчества Э.Ренана в распространении новых подходов к пониманию личности Иисуса Христа и того, что он сделал в истории мировой культуры.

Не стала исключением и русская интеллигенция. Идеи Э.Ренана оказали на нее огромное воздействие, в том числе и на К.Э.Циолковского. О том огромном импульсе, который вызывала работа Э.Ренана «Жизнь Иисуса» в России, свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1906 г. эта книга вышла в С.-Петербурге уже 25-м изданием! Многие выдающиеся русские мыслители и ученые того времени, во многом под влиянием ренановских идей, подвергали критическому, рационалистическому переосмыслению личность и дело Иисуса Христа в истории, Евангельскую историю, и ее происхождение. Они начинали склоняться к мысли о человеческой природе Иисуса Христа, рукотворности Евангелия и Библии вообще. Среди них можно назвать таких выдающихся писателей и философов, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский⁷.

Не остался в стороне от этого переосмысления образа Иисуса Христа, навеянного чтением книг Э.Ренана, его идеями, и К.Э. Циолковский. Свидетельством этому является тот факт, что в работах К.Э.Циолковского и книгах Э.Ренана, прежде всего в его «Жизни Иисуса», есть много общих мест, аналогичных взглядов. Прежде всего, это касается оценки личности Иисуса Христа, его деятельности как лица исторического. Это дает нам повод говорить о вероятном влиянии идей Э.Ренана на К.Э.Циолковского в области понимания смысла Евангельской истории и евангельских образов.

Само построение работ К.Э.Циолковского и Э.Ренана во много совпадает по структуре. Авторы последовательно анализируют тексты Евангелий, особое внимание уделяя пробелам жизни и деятельности Иисуса Христа, от его рождения до смерти и последующего воскрешения из мертвых.

Являясь последовательным сторонником и продолжателем идей тюбингенской школы критики Библии, Э.Ренан считал Иисуса Христа личностью, безусловно, исторической. Это же было характерно и для взглядов К.Э.Циолковского. Так Э.Ренан пишет о том, что Иисус не был единственным сыном Марии и Иосифа, но у них были еще и другие дети⁸. Таким образом, по мнению исследователя, сами авторы Евангелия свидетельствовали о том, что у Христа были родные братья и сестры, не божественного, а вполне земного происхождения⁹.

Эти же идеи мы можем найти у Д.Ф. Штрауса, основателя и первого идеолога Тюбингенской школы, учителя Э. Ренана. Он, в частности, писал: «Мы узнаем также, что Иисус имел братьев и сестер... весьма возможно, что библейский язык дает иногда имя брата двоюродному брату; но два человека, о которых идет дело, постоянно называются братьями Иисуса без всякого другого пояснения и всегда упоминаются в обществе его матери. Вследствие этих соображений гипотеза о двоюродных братьях считается шаткой и приходится подозревать, что она вышла из догматической предвзятой идеи»¹⁰. Аналогичные идеи мы можем найти и в выше упомянутой работе К.Э. Циолковского. Он так же, вслед за Ренаном и Штраусом, обращает внимание на некоторые несоответствия в Евангельских сказаниях, на свидетельство о кровных родственниках Иисуса Христа и возникающую в связи с этим проблему его божественного происхождения¹¹. Впрочем, К.Э. Циолковский не уделял особенно пристального внимания этой проблеме, отмечая

⁶ Кривелев И.А. Что знает история об Иисусе Христе? – М., 1969. – С. 38.

⁷ Кийко Е.И. Достоевский и Ренан. Достоевский. Материалы и исследования. – Л., 1980, т. 4. – С. 106.

⁸ Ренан Э. Жизнь Иисуса. – СПб., 1906, – С. 52-53.

⁹ Библия. Евангелие. От Матфея святое благовествование. 12:46. – М., 1983, – С. 1027.

¹⁰ Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса. т.1. – М., 1907. – С. 181.

¹¹ Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН. ф. 555, оп. 1, д. 383, л. 213.

лишь то, что кровные родственники Иисуса были значительно ниже его по уровню духовного развития.

В то же самое время, даже в таком, казалось бы незначительном несоответствии, некоторой противоречивости Священного писания и взглядов ортодоксального богословия, К.Э. Циолковский вслед за Э. Ренаном видит нечто большее. А именно, он приходит к выводу о человеческой природе Иисуса Христа. Вслед за представителями тюбингенской школы он впадает, по сути дела, в несторианскую ересь. Это принципиально противоречит христианскому догматизму вообще, и православному, в частности, считающему Иисуса Христа богочеловеком, имеющим две природы: «Называя себя сыном человеческим, Христос Спаситель премудро соединял тем указание и на природу человеческую, и на природу Божественную, и даже на свое Мессианское призвание. Будучи Сыном Человеческим, Христос Спаситель есть, по Его учению, и Сын Божий»¹².

Мы видим, как в дальнейших своих рассуждениях К.Э. Циолковский, вслед за Э. Ренаном, уделяет существенное внимание более развернутому доказательству тезиса о небожественном происхождении Иисуса Христа. Это было необходимо, прежде всего, чтобы подчеркнуть его особенную роль в делах земных, а не небесных, отдаленных во времени и пространстве, гипотетических в своей основе. Подобное отрицание божественной сущности, божественного происхождения Иисуса Христа, утверждение единства его природы, его человеческого рождения мы находим уже в работах Д. Штрауса. В частности он отмечал, что: «... герой какой-либо биографии может быть только настоящим человеком в полном и ходячем значении слова. Двойная личность, человек с одной стороны, сверхчеловек – с другой, сын богов или бога... (...) такая личность есть достояние фантазии и поэзии и не могла бы войти в план исторического рассказа. История знает только людей. Существ из плоти и духа... (...) догматическое представление о Христе находится в противоречии с общим понятием истории и специальным понятием биографии»¹³. Д. Штраус ни на мгновение не сомневается в историчности Иисуса Христа, а, значит, и в его исключительно только человеческой сущности. На этой же точке зрения стоит и Э. Ренан. Он, вслед за Д. Штраусом, пишет о том, что: «... никогда Иисус не выражал кощунственной идеи, что он Бог...», а несколько далее, уточняя это утверждение, он замечает, что: «... нельзя сомневаться, что Иисусу никогда не приходило на мысль выдавать себя за воплощение бога...»¹⁴.

Такого же мнения придерживался и К.Э. Циолковский. Например, он следующим образом комментирует одно из событий евангельской истории. Текст Евангелия гласит: «16. И вот, некто, подошедши, сказал Ему: Учитель благий! Что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? 17. Он же сказал ему: Что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог»¹⁵. И по этому поводу К.Э. Циолковский замечает: «... и отсюда, между прочим, видно, что Христу никогда и в голову не приходило приравнять себя богу»¹⁶. Опираясь на собственные слова Иисуса Христа, который для К.Э. Циолковского был личностью безусловно исторической, исследователь, вслед за выше названными авторами, выступает с опровержением (попыткой опровержения, скорее всего) одного из основополагающих положений христианского догматизма, считающим Иисуса Христа богоравным, определяющим у него два лица – человеческое и божественное и вводящим его на этом основании в состав Христианской Троицы.

Пристальный интерес как у Э. Ренана, так и у К.Э. Циолковского, следующего за ним в своих рассуждениях, вызывает вопрос и о том, как историческая личность, человек Иисус Христос, превратился в общественном сознании в Бога, какие силы совершили это, как исторически возник культ Иисуса Христа? Здесь исследователи на первый план выдвигают психологические аспекты проблемы. Начало данному пониманию вопроса было положено работами Д.Ф. Штрауса. Он следующим образом пытался объяснить это

¹² Кудрявцев А. Краткий курс лекций по православному богословию. – М., 1889. – С. 318.

¹³ Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса. Т.1. – М., 1907. – С. 9-10.

¹⁴ Ренан Э. Жизнь Иисуса. – Спб., 1906. – С. 62, 175.

¹⁵ Библия. Евангелие. От Матфея святое благоговествование. 19.16:17: – М., 1983. – С. 1036-1037.

¹⁶ Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН, ф.555, оп. 1, д. 383, л.229.

явление: «Вся жизнь Иисуса оказалась облаком славы, которая все более и более возвышала его над человечеством, и, в свою очередь, делала его все более и более чуждым естественности и исторической истине».¹⁷ У Штрауса уже содержится глухой намек на то, что своей славе и своему обожествлению Христос обязан, с одной стороны, превратной, возвышенной оценке его со стороны людей, его почитателей и последователей. С другой стороны – содержится намек, скрытое указание на некоторые личные выдающиеся свойства, которыми обладал Иисус Христос. У Э. Ренана и К.Э. Циолковского эти идеи выступают уже в более явном, рельефном виде. Так, Э. Ренан пишет о том, что евангельская история – это легенда, “плод большого, бессознательного заговора”.¹⁸ Он отмечает, что круг легенд сопутствовал Иисусу Христу уже при его жизни. Уже в то время начиналось определенное обожествление личности Христа его учениками и последователями, начинал складываться его культ. Легенды уже тогда приписывали Христу некоторые сверхъестественные, магические и чудесные свойства. По мнению Э. Ренана, подобное явление закономерно сопутствует любому историческому лицу, любому более или менее значимому историческому событию, в большей или меньшей степени.¹⁹ Более того, по мнению Э. Ренана, образ Иисуса Христа, его слова, поступки, сами идеи, им высказанные когда-либо, претерпевали значительные изменения из-за искажений, вкрапившихся в тексты Священного писания при их более поздней переписке. И в этом, последнем факторе, Э. Ренан видит едва ли не основную причину искажения истинного облика Иисуса Христа и облика его мыслей. Это он полагает за основную причину появления его культа, его постепенного обожествления: “особенно трудно узнать, действительно ли совершалось все то, что смущает нас... (...) или это было делом верующих редакторов, сильно преданных теософии, живущих в этом отношении в среде, подобной среде современных спиритов”²⁰. Так, по мнению Э. Ренана, неумолимое время и слепой фанатизм некоторых людей, неизвестно изменили личность Иисуса Христа, его идеи и идеалы, превратив талантливого проповедника новых общественных отношений в божество, в идола. Вслед за Э. Ренаном и К.Э. Циолковский полагал, что: «Христос не может отвечать за выдумки своих излишне усердных почитателей»²¹. К.Э. Циолковский обращает внимание прежде всего на большую вероятность воздействия субъективного фактора на формирование евангельской истории, на большую вероятность ее искажений, имеющих под собою причины чисто субъективного, человеческого характера. Налицо явная субъективизация в подходах Э. Ренана и К.Э. Циолковского к оценке возникновения механизма обожествления Иисуса Христа. При этом авторы обращают внимание, прежде всего, на личностный, субъективно-психологический фактор, не принимая во внимание причины более общего, социально-культурного характера. В то же самое время, исследователи верно отмечают тот факт, что обожествление личности Иисуса Христа начинается уже при его жизни, и значительно увеличивается сразу же после его смерти. К такому же выводу приходит и один из известных современных исследователей христианства З. Косидовский. Он полагает, что уже в самых древних сказаниях Иисус-человек начинает постепенно превращаться в Христа – Бога²².

Считая Иисуса Христа личностью безусловно исторической, К.Э. Циолковский не находит возможности не критически воспринимать все без исключения события и описания, представленные в Евангелиях. В частности, он пишет: «Видна легендарность рассказов, полное согласование всех событий с пророчествами. Но даже и самые события подвергаются справедливому сомнению современных историков»²³. Для научной методологии проведения любых исследований К.Э. Циолковским характерно полное неприятие точки зрения любых авторитетов. Не было исключением и Священное

¹⁷ Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН, ф.555, оп. 1, д. 383, л.229. – С.293.

¹⁸ Там же. – С.174.

¹⁹ Ренан Э. Жизнь Иисуса. – Спб., 1906. – С.175.

²⁰ Там же. – С.174.

²¹ Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН, ф.555, оп.4, д.383, л.185.

²² Косидовский З. Сказания евангелистов. – М., 1977. – С. 232.

²³ Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН, ф.555, оп. 383, л.189.

писание. Ученый неоднократно подчеркивал, что для него нет никаких авторитетов, кроме авторитета точной науки²⁴. Именно поэтому К.Э. Циолковский в значительной степени критически оценивал деятельность евангелистов, полагая их точку зрения в описании жизни, личности и идей Иисуса Христа, его деятельности как исторического лица, некомпетентной и предвзятой, не исторической, но ставящей перед собой иные цели и задачи. Ученый объясняет подобную их позицию фанатизмом, подчинением интересов истины интересам религиозной идеи, теологии и нарождающейся церковной организации. Так, затрагивая вопрос об исцелениях, совершавшихся Иисусом Христом, К.Э. Циолковский замечал: «Насколько в этих исцелениях было лечебного искусства Христа, насколько увлечения его поклонников, любви и расположения народа, фантазии переписчиков... (...) – решать мы не беремся... (...) может быть много искажений его деятельности. Не сам Христос себя описывал, почему и судить о его трудах вполне точно нельзя»²⁵.

Таким образом, К.Э. Циолковский отводил евангелистам лишь роль “переписчиков”, и, в целом, весьма недоверчиво относился к евангельским текстам. Он полагал, что основная задача их исследователя как раз и состоит в том, чтобы выделить в них рациональное зерно, действительные исторические события, которые могут открыть нам глаза на историческую истину об основателе мировой религии, христианства. Так, вслед за Э. Ренаном, К.Э. Циолковский приходит к мысли о том, что Священное писание не истинно, во многих своих местах не исторично, что не согласуется с христианским догматом о почитании Священного писания как божественного откровения, богоданной истине. Но ведь именно в Священном писании, в Ветхом и Новом заветах, содержится основной догматический корпус истинных сведений об Иисусе Христе: «Ты ищи Христа не для приспособления к своей исторической жизни, ищи не такого, какого тебе хочется, а каков он был в действительности... (...) Доискивайся правды о Нем в Святом Писании... (...) И ты обретешь, что Христос – Бог, Сын Божий»²⁶. Так богословами догматизируется Святое писание, провозглашается его абсолютная истинность, абсолютность. К.Э. Циолковский же видел противоречивость Евангелий, не принимал его на веру, что неизбежно приводило его к рационализации образа Иисуса Христа.

Близки позиции Э. Ренана и К.Э. Циолковского и в вопросе объяснения феномена евангельских чудес и роли Христа в них как чудотворца. При этом авторы не допускают возможности существования чуда, как сверхъестественного вмешательства Бога в причинно-следственный порядок событий бытия, нарушающего, таким образом, законы природы. А ведь именно такой, трансцендентный подход к сущности чуда характерен для теологической и богословской позиции: «Чудо... (...) предполагает бытие свободного личного Бога, который господствует над миром и в то же время действует в мире, предполагает относительную самостоятельность мира и в то же время зависимость его от Бога»²⁷. Таков взгляд на сущность чуда и божественных чудес в православной религии и богословии. И это стало одним из острых противоречий во взглядах Тюбингенцев и теологов. Еще Д.Ф. Штраус, говоря о чуде, писал: «под чудом вообще подразумевают факт, необъяснимый стечением конечных причин и считающийся прямым проявлением действия последней и бесконечной причины, или Бога... (...) Поскольку для исторической критики обеспечена свобода повинаться лишь своим собственным законам, она ни в коем случае не допускает существования чудес»²⁸. Штраус отвергает саму возможность существования чуда, что делает вслед за ним и Э. Ренан, считающий, что все чудеса, совершенные Иисусом Христом, поддаются естественнонаучному объяснению. Отмечая крайнее однообразие евангельских чудес, Э. Ренан обращает особенное внимание на способность Иисуса Христа к врачеванию и исцелению больных, которая Евангелием представляется как чудо и способность Иисуса Христа к совершению чудес. Э. Ренан

²⁴ Циолковский К.Э. Монизм Вселенной. – Калуга, 1931. – С.2.

²⁵ Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН ф. 555, оп. 1, д. 383, л. 206.

²⁶ Григорий (Лебедев). Евангельские образы. Богословские труды. Сб. № 17. – М., 1977. – С.10.

²⁷ Буткевич Г.И. Взгляд Ренана на чудеса и пророчества в евангельской истории. – Харьков, 1904. – С. 7-8.

²⁸ Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса. Т.1. – М., 1907. – С. 140.

объясняет успешные действия Иисуса Христа по исцелению страждущих и немощных его особенными индивидуальными и психологическими способностями²⁹. При этом Э.Ренан подчеркивает, что, как правило, Иисус Христос наиболее успешно исцелял больных психическими расстройствами. А в этом случае, по мнению автора, особенное значение начинает играть сама личность лечащего: “Кто решится утверждать, что во многих случаях, за исключением характерных случаев повреждения, прикосновение изящной личности не стоит всех актерских средств? Врачует уже одно удовольствие, что видишь ее. Она дает, что может, – улыбку, надежду, и это чего-нибудь да стоит”³⁰.

У К.Э. Циолковского естественнонаучные подходы к объяснению сущности и возможности евангельских чудес выступают еще более рельефно. В частности, ученый естественными причинами объясняет появление в Евангелии хорошо известной легенды о чуде хождения Иисуса Христа по воде как по суше. В Евангелии от Матвея так рассказывается о данном событии: “В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю”³¹. К.Э. Циолковский следующим образом комментирует это евангельское событие: “Возможно, что Христос стоял на мели, а им показалось, что он двигается, т.к. двигалась лодка и было темно. На мели и волны должны ослабеть”³². К.Э. Циолковский не отрицает возможности самого, описываемого в Евангелии события. Но считает, что и заурядное явление, в необычных, стрессовых ситуациях, может вызвать у верующих людей совершенно неожиданное толкование и понимание. Более того, К.Э. Циолковский полагал, что некоторые из евангельских событий и эпизодов могли быть просто придуманы их авторами, Цели этого могли быть самыми разнообразными: религиозными, политическими, идеологическими, моральными и т.д. Так, комментируя эпизод явления Бога, Моисея и Ильи Иисусу Христу и его ученикам на горе и их беседы, ученый пишет о том, что происшествие было целиком придумано после смерти Иисуса Христа для того, чтобы убедить население в правомочности проповеднической деятельности Иисуса, в праве его нести новые законы³³. Близких взглядов по вопросу чудес и исцелений, осуществленных Иисусом Христом, придерживаются и современные исследователи проблемы, подчеркивая естественный ход событий, их природные причины³⁴. Обращается внимание и на то, что самих чудес, в том числе и исцелений было очень мало³⁵.

Позиции К.Э. Циолковского и таких представителей тюбингенской школы критики Библии как Д.Ф. Штраус и Э. Ренан, весьма близки, а иногда совпадают буквально (позволяя говорить о прямых влияниях) в некоторых аспектах естественнонаучной критики Евангелия. Наиболее существенным аспектом здесь представляется трактовка ими образа Иисуса Христа, как личности сугубо исторической, центральной фигуры евангельских повествований, создателя новой мировой религии. Вопрос об историчности Иисуса Христа долгое время считался дискуссионным. Но к настоящему времени у большинства исследователей историчность Иисуса уже не вызывает сомнений.

Уже в прошлом веке исследователи истории христианства отмечали своеобразие социально-экономической и культурной ситуации в Палестине на рубеже старой и новой эры. Палестина того времени являлась как бы “идейным бульоном” для вызревания различных религиозных и мировоззренческих учений. Ф.Энгельс следующим образом характеризовал эту ситуацию: «... среди тысяч пророков и проповедников, которые в то время создавали бесчисленное количество своих религиозных новшеств, успех имели не только христиане. Не только Палестина, но и весь Восток кишмя кишел такими основателями религий, среди которых господствовала, можно сказать, прямо по Дарвину борьба за идейное существование»³⁶. И более чем вероятно, что среди этого сонма

²⁹ Ренан Э. Жизнь Иисуса. – Спб., 1906. – С. 184.

³⁰ Ренан Э. Жизнь Иисуса. – Спб., 1906. – С. 185.

³¹ Библия. Евангелие. От Матфея святое благовествование. 14:25. – М., 1983. – С. 1030.

³² Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН, ф. 555, оп. 1, д. 383, л. 219.

³³ Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН, ф. 555, оп. 1, д. 383, л. 224.

³⁴ Эванс К. Иисус глазами ученых. – М.: Эксмо, 2011. – С.165.

³⁵ Бокэм Р. Иисус глазами очевидцев. – М.: Эксмо, 2011. – С.71.

³⁶ Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. Соч., т. 19, – С. 314.

проповедников был и Иисус Христос, последователи которого одержали победу, утвердив начала той религиозной проповеди, которую он когда-то пронес по Палестине. Социально-культурные особенности эпохи возникновения новой религии отмечали и русские народники. Так П.Л. Лавров писал: «... Человек чувствовал страдания, но не видел средств выйти из них... (...) Тогда стали появляться... (...) новые пророки, ... (...) Христы, с проповедью, обращенной к низшим классам общества, имевшего в виду уничтожить неравенство классов... (...) по крайней мере, утешить его надеждою на лучшее будущее в фантастическом мире загробной жизни»³⁷. Естественно предположить, что исторически существующий пророк с Именем Иисуса, несший проповедь новых социальных идей, выступал наряду со многими, подобными ему. Таким образом, сведения о нем, сохранившиеся в исторических, независимых источниках, могут носить лишь самый общий, случайный характер, к тому же они могли быть искажены последующими исправлениями, добавлениями, легендами и мифами последователей и почитателей проповедника. На это обращал внимание и А.В.Луначарский, выступивший после 1917 года против идеи историчности Иисуса Христа. Он писал: «Если какая-то личность и легла в основу легенды, то она так обросла всякими фантазиями, что не найдешь и следа ее... (...) Самая биография этого пророка, вплоть до его казни, имеет столько легендарных корней, что нельзя никак сказать, что было какое-то истинное событие»³⁸. Данная точка зрения, в свете более поздних научных открытий, безусловно, представляется крайней, отражающей тенденции яростного атеизма, характерные для советского общества периода 20-30-х г.г. XX века. Тем не менее, нельзя не отметить и стремление автора находиться на научной, критической базе. В целом же, необходимо отметить, что подавляющее большинство современных исследователей пришли к выводу об историчности Иисуса Христа, хотя сама эта проблема остается в достаточной степени и сложной и многогранной³⁹.

Замечательно то, что идеи, высказанные К.Э. Циолковским в этой области, в некоторых своих положениях созвучны с современной точкой зрения по этому вопросу. Конечно же, для К.Э. Циолковского в значительной степени была характерна идеализация личности Иисуса Христа. Но не следует забывать и об особенностях той исторической эпохи, когда жил и творил К.Э. Циолковский. Эпоха социального и идейного нигилизма конца XIX века в России ярчайшим образом отразилась на жизни и взглядах ученого. Необходимо помнить, что многие передовые люди того времени стояли на близких к позициям. Так В.Г. Белинский в какой-то мере идеализировал раннее христианство. Он полагал, что Иисус Христос в своих идеях принес человечеству зародыши идей новой нравственности, новых социальных отношений, что именно Иисус Христос: «... первый возвестил людям учение свободы, равенства, братства»⁴⁰. По словам З. Косидовского: «Э. Ренан... своими работами об Иисусе завоевал мировую известность и оказал влияние на формирование современных взглядов в этой области»⁴¹. Не оказалась в стороне от этого влияния и русская интеллигенция к. XIX – н. XX вв., в том числе и К.Э. Циолковский.

Как уже отмечалось ранее, взгляды К.Э. Циолковского и представителей Тюбингенской школы критики Библии во многом совпадали. Но, конечно же, были между ними и различия. Так, для К.Э. Циолковского было характерно несколько иное понимание особенностей личности Иисуса Христа. Для Э. Ренана Иисус Христос – талантливый человек, целиком и полностью сын своего времени и исторической ситуации, масштабная личность с масштабными человеческими переживаниями и стремлением поставить свой талант на служение человечеству⁴². Для К.Э. Циолковского же Иисус Христос – личность не вполне обыкновенная. Это, безусловно, личность

³⁷ Лавров П.Л. Религиозные социалисты. Встань человек! – М., 1986. – С. 61.

³⁸ Луначарский А.В. Личность Христа в современной науке и литературе. – М., 1928. – С. 17.

³⁹ Свентицкая И.С. От общины к церкви. – М., 1985. – с. 74; Косидовский З. Сказания евангелистов. – М., 1977. – С. 234 – 235.

⁴⁰ Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю от 15 июля 1847 г. Полн. собр. соч., Т. 10, – С. 214.

⁴¹ Косидовский З. Сказания евангелистов. – М., 1977. – С.8.

⁴² Крывелев И.А. Что знает история об Иисусе Христе? – М., 1969. – С. 47.

историческая. Это человек, со всеми присущими людям качествами, включая и их слабости. Так, по мнению К.Э. Циолковского, Иисус Христос считал себя грешным и каялся в собственных грехах⁴³. Но, в то же самое время, Иисус Христос, это “высочайший из людей”, это “герой-одиночка”, нравственный эталон человечества, безусловный объект для подражания. Более того, по мнению К.Э. Циолковского, Иисус Христос был гениальным ученым – естествоиспытателем, познавшим главные, системообразующие законы вселенной, управляющие жизнью всего космоса. Иисус Христос стремился перенести свои знания и открытия в мир, поделиться ими с людьми⁴⁴. Иисус Христос был гением, намного опередившим в своем интеллектуальном и нравственном развитии все человечество. Поэтому он оказался непонятым современниками, слава его принадлежала далекому будущему⁴⁵. В лице Иисуса Христа, по мнению К.Э. Циолковского, мы видим личность выдающегося ученого с тяжелой судьбой, гения, которого преследуют жизненные неудачи и удары судьбы. В целом же, в образе Иисуса Христа у К.Э. Циолковского преломлялись его интересы в области изучения космоса, его антропологические идеалы, идеи достижения счастья человечеством через его нравственное и техническое совершенствование. На трактатке К.Э. Циолковским образа Иисуса Христа сказались и его социально-утопические воззрения на исторический процесс, как развивающийся за счет деятельности гениальных личностей. Прежде всего гениальных ученых. Таким был и Иисус Христос у К.Э. Циолковского – выдающийся, гениальный ученый, познавший законы жизни вселенной и попытавшийся вывести невежественное человечество к счастью, основываясь на этом знании. По сравнению с Э. Ренаном, личность Иисуса Христа у К.Э. Циолковского более романтична и глобальна, она максимально драматизирована и космизирована, но Иисус Христос у К.Э. Циолковского не становится от этого менее человеческим.

Можно сказать, что К.Э. Циолковский был идейным учеником и последователем Э. Ренана. Его книги, его идеи оказали на русского ученого большое мировоззренческое воздействие, что сказалось, в целом, и на позициях классического и позднего русского космизма.

К.Э. Циолковский не был атеистом в общем принятом смысле этого слова. Его мировоззрение, безусловно, эволюционировало от свободомыслия к атеизму. Но процесс этот был весьма постепенным и своеобразным и так и не завершился. В то же время, нельзя представлять ученого и верующим человеком, входящим в лоно Православной церкви или иной известной религии. Систему его взглядов, его отношения к религии и религиозному миропониманию можно охарактеризовать, скорее всего как рационалистическую ересь с элементами богоискательства. Об этом свидетельствует вся система “Космической философии” К.Э. Циолковского.

Список литературы

1. Циолковский К.Э. Фатум, судьба, рок. Автобиография, 1919, Архив РАН. ф. 555, оп.2, д.1.
2. Кольченко И.А, Платонов К.К. К.Э. Циолковский как мыслитель. Труды II Чтений К.Э. Циолковского. Секция “Исследование научного творчества К.Э. Циолковского”. – М.: Издательство ИИЕиТ АН СССР, 1968. – с. 3-18.
3. Лавров П.Л. Религиозные социалисты. Встань, человек! – М.: Советская Россия, 1986. – 528 с.
4. Лыткин В.В. Некоторые проблемы критики христианства в трудах К.Э. Циолковского. Научно-атеистические исследования в музеях. – Л.: Издательство ГМИРиА, 1987. – с.71-79.
5. Лыткин В.В. Философия космического будущего человечества. – Калуга: Издательство КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2000. – 232 с.
6. Иустин. Божественное лицо и дело Господа нашего Иисуса Христа. Соч., т. 3. – М., 1895. – 531 с.
7. Кривелев И.А. Что знает история об Иисусе Христе? – М.: Советская Россия, 1969. – 299 с.

⁴³ Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН. ф.555, оп. 1, д.383, л. 186.

⁴⁴ Там же. – С. 238.

⁴⁵ Циолковский К.Э. Письмо к Ивановскому. 1928 г. Архив ГМИК им. К.Э. Циолковского. ф. 4, оп. 1, д.432, л. 27.

8. Кийко Е.И. Достоевский и Ренан. Достоевский. Материалы и исследования. Т.4. – Л., 1980. – с.116-140.
9. Ренан Э. Жизнь Иисуса. – Спб.: Издание М.В.Пирожкова, 1906. – 413 с.
10. Библия. Евангелие. От Матфея святое благовествование. – М.: Издание МП, 1983.
11. Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса. Т.1. – М., 1907.
12. Циолковский К.Э. Христианство. Архив РАН. ф. 555, оп. 1, д. 383.
13. Кудрявцев А. Краткий курс лекций по православному богословию. – М.: Тип. Волчанинова, 1889. – 402 с.
14. Косидовский З. Сказания евангелистов. – М.: Политиздат, 1977. – 262 с.
15. Циолковский К.Э. Монизм Вселенной. – Калуга, 1931.- 84 с.
16. Григорий (Лебедев). Евангельские образы. Богословские труды. Сб. № 17. – М., 1977. – с.3-84.
17. Буткевич Т.И. Взгляд Ренана на чудеса и пророчества в евангельской истории. – Харьков, 1904.
18. Эванс К. Иисус глазами ученых. –М.: Эксмо, 2011. – 368 с.
19. Бокэм Р. Иисус глазами очевидцев. – М.: Эксмо, 2011. – 672 с.
20. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 19. –с.194-203.
21. Луначарский А.В. Личность Христа в современной науке и литературе. – М.: Издат. «Безбожник», 1928.
22. Свентицкая И.С. От общины к церкви. М., 1985, с. 74; Косидовский З. Сказания евангелистов. – М.: Политиздат, 1977. – 224с.
23. Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю от 15 июля 1847 г. Полн. собр. соч., Т. 10. –СПб., 1914.
24. Циолковский К.Э. Письмо к Ивановскому. 1928 г. Архив ГМИК им. К.Э.Циолковского. ф. 4, оп. 1, д.432.

TSIOLKOVSKY AND TUBINGENSES: THE QUEST FOR THE ANTHROPOLOGICAL IDEAL

V.V. LYTKIN

*Kaluga State University
by K.E.Tsiolkovsky*

e-mail: vlad-lytkin@yandex.ru

Describes an issue of anthropological ideal in Russian cosmism. K.E.Tsiolkovsky and his search for the anthropological ideal (creator of the "cosmic philosophy", the classic version of cosmism), being considered in the context of the influence of the ideas of the Tübingen`s School of criticism of the Bible. In the works of Tubingences (D. Strauss, E. Renan) and K.E.Tsiolkovsky revealed many parallels and direct matches, allowing you to talk about the influence of Tubingences on the formation of the ideas and views of the main representatives of Russian cosmism, notably K.E. Tsiolkovsky.

Keywords: Russian cosmism, anthropological ideals, K.E. Tsiolkovsky, Tübingen`s school, religious studies.

УДК 130.2

РУССКИЙ КОСМИЗМ МЕЖДУ КУЛЬТУРНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ КОНСТРУИРОВАНИЕМ И ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИЕЙ

В.П. РИМСКИЙ¹⁾
В.В. ТРОШИХИН²⁾
Л.П. ФИЛЕНКО³⁾

*¹⁾Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

*²⁾Белгородский университет
кооперации, экономики и права*

*³⁾Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

В статье эксплицируется проблема: является ли «русский космизм», выделенный современными исследователями в качестве отдельного направления в истории отечественной философии и науки в 70/90-е годы прошлого века, философско-теоретическим концептом, содержащим рациональное, понятийно-категориальное содержание и отражающим конкретные культурно-исторические реалии в развитии русской философии (и культуры), специфическое направление в ее эволюции в XX столетии, или культурно-мировоззренческим конструктом и социокультурным проектом, возникшим на основе интерпретации текстов и идей определенного круга мыслителей и ученых (Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и др.) и решающим политико-идеологические, мировоззренческие, культурные и экзистенциальные задачи философии, науки, общества и части интеллектуалов в СССР-России на рубеже XX-XXI столетий?

Ключевые слова: дискурс, концепт, конструкт, реконструкция, русский космизм.

Для исследовательской и методологической антиномии, заявленной уже в теме нашей статьи, имеются все основания. Дело в том, что сам разброс современных мнений относительно феномена «русского космизма», который наблюдается последние тридцать-сорок лет в отечественной литературе, тяготеет к антиномизму. В целом преобладают «апологетические» точки зрения, не только находящие идеи «русского космизма» в истории отечественной философии, но и рационализирующие их в актуальном философском, научном и социокультурном контексте. При этом лишь изредка раздаются скептические вопросы в духе Клима Самгина, персонажа М. Горького, «ровесника» Н.Ф. Федорова: «А был ли мальчик?»¹. В частности, Н.К. Гаврюшин приводит скептическое высказывание немецкого профессора М. Хагемайстера, одного из немногих западных исследователей философии Н.Ф. Федорова, заявившего, что «никакого русского космизма вообще не было, потому что не было живой традиции, преемственности в развитии идей». При этом сам Н.К. Гаврюшин, которого считают одним из творцов самого термина «русский космизм» (и он сам так считает), указывает, что впервые термин был употреблен в старой «Философской энциклопедии» в статье Р. Гальцевой о В.И. Вернадском (мы к этой проблеме обратимся чуть ниже), пытается определить контексты конструирования данного концепта и приходит к выводу, что нельзя «однозначно утверждать, что русского космизма вообще не было»².

К скептическому и критическому анализу концепта и конструкта «русский космизм», а также к выявлению его рационального содержания, отвечающего не только задачам историко-философской науки, но и определенным запросам эпохи, мы и обратимся далее. Это поможет, на наш взгляд, ответить на обозначенную дилемму. Мы постараемся проследить происхождение и «судьбу» концепта «русский космизм» и ответить на вопрос о его специфике. Мы, во-первых, берем термин «русский космизм» в кавычки, так как речь будет идти по преимуществу о концепте и конструкте, а это, как

¹ См.: Гаврюшин Н.К. А был ли «русский космизм»? // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993. – № 3. – С. 104-105.

² Там же.

известно, вещи достаточно условные, и, во-вторых, для большей последовательности подзаголовками выделяем основные вехи на путях рационализации данного «концепта».

Судьба термина «русский космизм»

Как известно, любой концепт предполагает первичное рождение и закрепление в термине, изначально несущем различные, неоднозначные смыслы.

Начнем с интересной работы А.П. Огурцова, ведущего отечественного специалиста в сфере концептологии, истории философии, методологии и философии науки, в том числе и отечественной. А.П. Огурцов в 2007 г. предпринял исследование концепта «русский космизм» (прежде всего на материалах, доступных в интернете). В сносках он отметил факт сетевой институализации концепта: «Количество страниц, где упоминается термин «русский космизм» лишь в поисковой системе Яндекс составляет 58673. А число сайтов – не менее 2149. Если охарактеризовать то, как представлено творчество представителей «космической философии», то в той же поисковой системе число страниц, посвященных Н.Ф. Федорову, 21699, сайтов – не менее 1696, К.Э. Циолковского – страниц 174 459 и сайтов 1056, В.И. Вернадского – страниц 56 026 и сайтов не менее 1681, В.Н. Муравьева – страниц 43310 и сайтов не менее 2077, Н.А. Сетницкого – страниц 1159 и сайтов 366, А.К. Горского – страниц 26 608 и сайтов не менее 1570. Естественно, что дать обзор хотя бы большинства сайтов русского космизма – дело немислимое. Выбор этих сайтов – дело автора и обосновывается его интересами»³. Сейчас, разумеется, интернет-пространство «русского космизма» стало еще больше и многообразнее.

Он сразу же недвусмысленно обозначил собственную позицию по вопросу научной оценки места, роли и специфики «русского космизма»: «Итак, в постсоветском сознании прочно утвердились две оценки «русского космизма»: во-первых, что это течение уникально и представляет собой специфически русское явление и, во-вторых, его идеи альтернативны любым идеологиям зарубежья – от потребительского до постиндустриального общества. Сразу же хочу сказать, что эти оценки не верны: существуют и зарубежные варианты космической философии»⁴. Но кто же первым ввел термин «русский космизм», задает он вопрос?

А.П. Огурцов отметил, что в 1998 году Ф.И. Гиренок объявил себя автором термина «русский космизм», и приводит его слова: «В конце 70-х годов я занимался изучением генезиса концепции ноосферы В.И.Вернадского... В результате я придумал теорию «русского космизма», к которому отнес и Вернадского. Написал статью и отправил ее в редакцию журнала «Вопросы философии». Статью не приняли по той причине, что если существует русский космизм, то должен быть еще и немецкий, а у меня ничего про это не сказано. В 1984 г. мою работу прочел Н. Моисеев и поддержал меня. Издательство «Наука» опубликовало мою книгу «Экология. Цивилизация. Ноосфера» (этот текст содержал основные идеи его докторской диссертации – авт.). Так возник феномен «русского космизма»⁵. Можно сослаться и на сайт «поклонников» Ф.И. Гиренка, где просто написано, что Ф.И. Гиренок, русский философ, «ввел в обиход представление о русском космизме»⁶. Интересно, что Ф.И. Гиренок в своих интервью высказался еще более однозначно: «Одним из достижений русской философии последних времен было открытие русского космизма. Я имел к этому самое прямое отношение. Когда мне нужно было защищать диссертацию, надо было что-то придумывать, и я придумал русский космизм. Тогда были проблемы: мог быть, наверное, «советский космизм» или еще какой-то космизм, а «русский космизм» не очень-то укладывался в существовавшую идеологию. Только после того как академик Моисеев посмотрел рукопись и дал добро на мою первую книжку. Ему страшно понравилось и само словосочетание. После этого я опубликовал целую серию статей на эту тему, которая

³ Огурцов А.П. Русский космизм (Обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) // Vox. Электронный философский журнал. Вып. №4. Май, 2008 // Режим доступа: <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurcov.pdf>.

⁴ Там же.

⁵ Гиренок Ф.И. Патология русского ума (Картография дословности). – М., 1998. – С. 7.

⁶ Федор Гиренок – русский философ // <http://www.fedorgirenok.narod.ru/#about>.

с тех пор стала популярной. И сейчас уже стыдно не знать, что такое русский космизм»⁷. Все статьи и книги, о которых идет речь в заявлениях Ф.И. Гиренка, относятся к его докторской диссертации «Экология как феномен самосознания цивилизации» (1989), а, следовательно, к 80-м годам.

Во-первых, надо заметить, что так просто концепты, понятия, концепции и даже «термины», а тем более «феномены», не возникают. И, во-вторых, в любом случае, мы имеем свидетельство того, что тот, кто одним из первых «приложил руку» к созданию термина «русский космизм», сам не скрывает факта его *сознательного конструирования*.

Возвращаясь к вопросу о первичных правах на конструирование термина (и концепта!) «русский космизм», надо признать, что, на наш взгляд, большие права на это имеет, в конце концов, С.Г. Семенова, нежели Ф.И. Гиренок, которая действительно в конце 70-х годов не только писала в своих статьях об особом, «космически-утопическом» ответвлении русской философии⁸, но и сделала *настоящий прорыв*: ведь публикация ею совместно с А.В. Гулыгой сочинений *религиозного философа Н.Ф. Федорова* в серии «Философское наследие» издательства «Мысль» в 1982 г. была подобна взрыву бомбы, как и издание в следующем году – андроповские времена!? – маленькой монографии А.Ф. Лосева «Вл. Соловьев» в серии «Мыслители прошлого» этого же издательства⁹. До этого из религиозных отечественных мыслителей были опубликованы лишь сочинения Г.С. Сковороды¹⁰, которого по какой-то случайности до сих пор еще не рассматривают в контексте «русского космизма» (или наоборот надо?), а уж именно кто, как не он, может рассматриваться и по строю гностических идей, и по образу жизни («харьковский Сократ»!) в качестве одного из непосредственных предшественников Н.Ф. Федорова?

Поэтому, думаем, А.П. Огурцов совершенно резонно поправляет «русского философа-археоавангардиста» по поводу его «авторских прав»: «Здесь Ф.И. Гиренок не корректен. Хочу обратить внимание на то, что он говорит о конце 70-х гг. Между тем уже в начале 70-х гг. Н.К. Гаврюшин опубликовал статью о русском космизме и К.Э. Циолковском¹¹. Вспоминаю, как в сентябре 1970 г. мы вдвоем ходили по улицам Калуги и обсуждали, как назвать то направление, к которому принадлежал К.Э. Циолковский, и Гаврюшин предложил термин «русский космизм» (см. мнение самого Н.К. Гаврюшина, приведенное выше – авт.). Вспомнили и о том, что у К.Э. Циолковского есть работа «Космическая философия», тогда еще не опубликованная и хранившаяся в Архиве АН СССР»¹². Мы с большим уважением относимся ко всем работам Н.К. Гаврюшина и лично к нему, но, на наш взгляд, и его «первоавторство» в творении термина «русский космизм» следует поставить под сомнение, тем более, что он сам и указал, где искать «мальчика».

Вот здесь нам и должны прийти на помощь как «диатрибические» издания, учебники и словари (кстати, Н.Ф. Федоров очень уважал термин «диатриба» – после него удачно его использовал только А.Ф. Потемкин¹³, который не без влияния М.К. Петрова и рассматривал специфику понимания философии в контексте «школярских», диатрибических тезаурусов), так и литература биографическая и мемуарная,

⁷ Я называю это пространством бытовой свободы: Интервью Румянцева Б.В. с Ф.И. Гиренком // Хронос // http://www.hrono.info/libris/lib_g/girenok_fi.html.

⁸ Семенова С.Г. Н.Ф. Федоров и его философское наследие // Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982. С. 17.

⁹ Семенова С. Об одном идейно-философском диалоге (Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров) // Север. – 1980. – №2; Федоров Н.Ф. Сочинения / Общ. ред. А.В. Гулыга; Вступ. статья, примеч. и сост. С.Г. Семеновой. – М., 1982. – (Филос. наследие); Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. – М., 1983. – (Мыслители прошлого).

¹⁰ См.: Сковорода Г. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М., 1973; Сковорода Г. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1973.

¹¹ Гаврюшин Н.К. Из истории русского космизма // Труды V и VI Чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию творчества К.Э. Циолковского. – М., 1972. – С. 104-106.

¹² Огурцов А.П. Русский космизм (Обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) // Vox. Электронный философский журнал. Вып. №4. Май, 2008 // Режим доступа: <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurcov.pdf>.

¹³ Потемкин А.В. Проблема специфики философии в диатрибической традиции. – Ростов н/Д, 1980.

отражающая экзистенциальный контекст создания того или иного концепта. А.П. Огурцов с сожалением констатировал, что два словаря по русской философии противоречиво трактуют появление термина «русский космизм»: то он будто бы возник в 70-е годы¹⁴, то – в 80-е годы¹⁵. Но надо сожалеть не об этом. А о том, что все новое – хорошо забытое старое...

Авторам соответствующих статей в указанных словарях следовало бы вспомнить статьи в других словарях и энциклопедиях, связанные с описываемым автором, школой или течением. А для этого не мешало бы всем, кто претендует на первородство в рождении термина «русский космизм», заглянуть в старую, советскую пятитомную «Философскую энциклопедию»¹⁶. Тем более, что один из авторов статей в энциклопедических изданиях по русской философии (ныне покойный Л.В. Голованов) лично участвовал в реализации самого интересного тома этого проекта. Простой ее анализ весьма поучителен и показателен не только в плане рождения «термина», но и «концепта», т.к. выявляет тот дискурс, в котором рождался и который рождал концепт «русский космизм».

Первый том энциклопедии (1960 г.): отсутствует статья о В.И. Вернадском, хотя к этому времени были изданы его «Избранные сочинения» в пяти томах (М., 1953-1960), а его имя и работы, содержавшие достаточно обоснованные философско-материалистические эволюционистские идеи, были известны не только у нас в стране. Ну, разумеется, не «философ»... Во втором томе статья «Космизм» отсутствует; статья «Космос» подготовлена А.Ф. Лосевым и ограничена только античной философией; здесь же помещены статьи «Космогония» и «Космология», написанные сугубо в естественнонаучном ключе и без упоминания каких-либо философов, тем более русских. Статья «Русская философия» в 4 томе, авторизованная В. Евграфовым и В. Малининым, разумеется, ни о каком «русском космизме» и ни об одном близком к этому «кругу» авторе (даже упоминаний К.Э. Циолковского нет, хотя уже в 60-е годы во всю идет пропаганда его «космического наследия», проведены многочисленные конференции, а на Западе уже признали его научные заслуги и авторитет, в том числе и философский!) не упоминает (исключение – Н.А. Умов в контексте «естественнонаучного материализма»)*. Разумеется, если нет упоминания, то нет и не будет соответствующих статей.

И вот, наконец, 5 том... Исследователям советской философии уже известен этот «чудесный феномен» – пятый том «Философской энциклопедии». Во-первых, появляются ранее не анонсированные статьи, посвященные Н.Ф. Федорову (автор ныне покойный Д.Н. Ляликов)¹⁷, К.Э. Циолковскому (автор И.Б. Роднянская)¹⁸ и А.Л. Чижевскому (упомянутый выше Л.В. Голованов)¹⁹. На наш взгляд, эти статьи не утратили актуальности в своих достаточно объективных оценках упомянутых мыслителей – без идеологизирования, но и без апологетики – до сих пор.

Но главный сюрприз читателей ждал в разделе «Дополнения», где появилась статья о В.И. Вернадском. В ней Р.А. Гальцева писала: «Вернадский развивает натурфилософские идеи **т.н. русского космизма** (выделено нами – авт.) (Циолковский, Чижевский, отчасти Федоров и Флоренский), рассматривающего Вселенную и человека как единую систему со своей регуляцией (гомеостазисом) и предполагающего разумное преобразование космоса»²⁰. Итак, действительно, вот кто, где

¹⁴ См.: Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.

¹⁵ См.: Голованов Л.В., Куракина О.Д. Космизм // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – М., 2007.

¹⁶ Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. В 5 томах. – Т. 1-5. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1960-1970.

* Интересно, что в это время вышел и соответствующий том «Истории философии в СССР», где ни о каком «русском космизме» речь не идет; Н.Ф. Федорову посвящены несколько тенденциозных с точки зрения объективности страниц, на которых вскользь упоминается о его знакомстве с К.Э. Циолковским // См.: История философии в СССР. В пяти томах. – М., 1972. – С. 57-64.

¹⁷ Ляликов Д. Федоров Н.Ф. // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970. – С. 308-309.

¹⁸ Роднянская И. Циолковский К.Э. // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970. – С. 466-468.

¹⁹ Голованов Л. Чижевский А.Л. // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970. – С. 488-489.

²⁰ Гальцева Р. Вернадский В.И. // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970. – С. 624.

и когда впервые ввел термин «русский космизм»*. Интересна и осторожная ремарка в адрес Н.Ф. Федорова («отчасти!»), которого теперь все, не сомневаясь, записывают в «основатели русского космизма». И, в-третьих, учитывая, сколько продвигалась энциклопедическая статья в печать, можно с уверенностью сказать, что термин «русский космизм» впервые в **актуальный** отечественный философский дискурс введен Р.А. Гальцевой в конце 60-х годов.

Почему же Р.А. Гальцева не предъявляет свои «авторские права» на термин «русский космизм»? Думаем, во-первых, из скромности. А, во-вторых, такой строгий исследователь, как Р.А. Гальцева, наверняка знала, что в литературе встречаются и другие отсылки к временам рождения термина «космизм» (правда, без спецификации «русский», хотя она напрашивается из контекста высказываний). Многие исследователи ссылаются на имевшее место восклицание В.Я. Брюсова в разговоре с А.Л. Чижевским: «Поистине только русский ум мог поставить такую грандиозную задачу – заселить человечеством Вселенную. Космизм! Каково! Никто до Циолковского не мыслил такими масштабами!»²¹. Разумеется, сам А.Л. Чижевский, писавший свои воспоминания в конце 50-х/начале 60-х годов XX века, отмечал, что в разговорах с К.Э. Циолковским речь и шла о «космизме», как сугубо русским мыслительным феномене²². Правда, может показаться, что А.Л. Чижевский пишет о «космизме» как научном мировоззрении, но и есть и прямое указание на «философию космизма»: «Он был не только инженер, но и великий ученый, гениальный естествоиспытатель и «философ космизма»²³. И все, кто исследовал идеи Н.Ф. Федорова или К.Э. Циолковского в 60-е, а тем более в 70-е гг. прошлого столетия, вряд ли были не знакомы с мемуарами А.Л. Чижевского, которые после длительных мытарств в урезанном виде вышли в патристическом издательстве уже в 1974 году²⁴.

Таким образом, спор о «терминологическом приоритете» имеет лишь тот смысл, что уже и в таком ракурсе позволяет опровергнуть скептическое высказывание М. Хагемайстера о том, что не было «живой традиции» русского космизма. Терминологическая, языковая традиция была. Что может быть живее языка? В последующих статьях мы постараемся показать, что «живая традиция» была не только на уровне слов, но и в «диалоге идей», живом «диалоге людей», были все признаки *человеческого общения* (не только маленький эпизод встреч Н.Ф. Федорова и К.Э. Циолковского), *личностного* пересечения и институализации по крайней мере двух «школ» – «федоровской» (московской) и «калужской».

Но значит ли это, что деятельность Н.К. Гаврюшина и Ф.И. Гиренка, а тем более С.Г. Семеновы и ее круга, других современных исследователей не имели никакого научного значения, а тем более социокультурного «первородства» и жизненного смысла? Разумеется, нет. Так как в самих концептах, как раз и содержатся «сгустки смысла», которые часто несут на себе не только *личностные отпечатки всех своих создателей и конструкторов*, но и культурные, мировоззренческие и идеологические смыслы эпохи.

В этой связи надо попытаться ответить не только на вопрос «Как родился термин «русский космизм»?», так как генезис термина хотя и проясняет в определенной мере ситуацию рождения концепта, но не объясняет все многообразие его контекстов и смыслов. Но следует поставить и другой: «А как же конструируются концепты?»

Как конструируются концепты?

Мы, вслед за С.С. Неретиной и А.П.Огурцовым, а также другими авторами, считаем, что необходимо различать *концепты* и *понятия* как специфические способы

* Почему никто из претендующих на «первородство» термина «русский космизм, кроме православного Н.К. Гаврюшина, не обратил на этот простой факт внимание?

²¹ Голованов А.Л. Общность дум и стремлений // Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском. – М., 2007. – С. 8.

²² См.: Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском. – М., 2007. – С. 199, 235, 332-333 и др.

²³ Там же. – С. 252.

²⁴ Чижевский А.Л. Вся жизнь. – М., 1974.

мыслительной деятельности человека и идеальные структуры бытия культуры²⁵. В то время, как понятие стабильно, статично, не зависит от интерпретации его читателем, концепт находится в состоянии *постоянного становления*, он «дописывается», «вычитывается» читателем. В этом плане концепт всегда является *продуктом социального конструирования*, рождается в культурно-коммуникативных практиках, прежде всего, в речи. Действительно, в *схематизме концептов*, соединяющих чувственность и абстрактность, происходит первичное «зачатие» нашего логического и понятийного, абстрактного мышления, схватывание и овладение реальностью социального и предметного мира, создание его вновь из себя самого, «зачатие» и «порождение» – та феноменология нашего бытия, которую исследует социальный конструктивизм.

В таком ключе *понятие*, как формализованное логическое образование, чаще всего и является *рациональным элементом структуры концепта*. Собственно базовые константы концепта – это не аутентичный смысл, вложенный в него когда-то кем-то и принуждающий адресата принять его как само собой разумеющуюся формулу. Но это система *идеологических, аксиологических, образно-символических, метафорических, экзистенциальных* и (часто в последнюю очередь!) *понятийно-логических смыслов*, которые возникают в сознании адресата, а точнее – это те ценности, образы и понятия, которые адресат не только получает, реконструирует из определённого семиотического континуума²⁶, не только переживает и проживает их, но и сам *конструирует* те или иные смыслы концепта, а иногда и сами концепты.

Что же из себя представляет процедура *конструирования* в идеологии, политике, философии и науке (шире – в культуре), в том числе и *конструирование концептов*? Теория и *методология социального конструктивизма*²⁷, разумеется, имеет свои *эпистемологические ограничения*. Но она зафиксировала неоспоримый и доказанный различными когнитивными науками и культурно-исторической психологией факт: мы понимаем мир так, как определяем его в качестве специфической *смысловой реальности*. В науке и философии конструирование предполагает сознательную эпистемологическую установку на *создание конструкторов*. В.С. Швырев пишет: «Конструкт – понятие современной методологии науки, подчеркивающее активность, конструктивность работы научного сознания при введении в состав *концептуальных структур* научного знания специфически научных понятий и соответствующих терминов в *язык науки*... В связи с этим достаточно остро встал вопрос об отношении конструкторов к реальности...»²⁸. Как видим, это предполагает и определение *концептуальных структур*: «Концептуальные структуры (в научном знании) – понятие, обобщающее различные виды структур научного знания. Развитие научно-познавательной деятельности приводит к появлению все более сложных и внутренне дифференцированных концептуальных структур, наиболее высокоорганизованным видом которых являются теоретические системы...

²⁵ См.: Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия. – Т. 2. – М., 2010. – С. 306-307; Неретина С.С. Концептуализм Абельяра. – М., 1994; Неретина С.С. Тропы и концепты. – М., 1999; Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М., 2011; Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41; Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36; и др.

²⁶ См.: Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001; Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С.90-93; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – С. 109; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 41; и др.

²⁷ См.: Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990; Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994; Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994; Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М., 2003; Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тез. о процветании, равенстве и свободе. – М., 1994; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995; и др.

²⁸ Швырев В.С. Конструкт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 291-292.

Свою внутреннюю структуру имеют уже *первичные концептуальные объяснительные схемы* (выделено нами – авт.), которые в качестве объясняющего фактора определенной ситуации используют некий понятийный конструкт²⁹. А первичные концептуальные объяснительные схемы есть ни что иное, как *первичный концептуальный проект* теории, который еще надо создать, обосновать в научных дискуссиях и публикациях, рационализировать и институализировать в научных коммуникациях, а тем самым закрепить в специализированном и универсальном социокодах-тезаурусах.

С.С. Неретина А.П. Огуцов пишут: «Концепция связана с разработкой и развертыванием *лично знания*, которое в отличие от теории не получает завершенной дедуктивно-системной формы организации и элементами которого являются не идеальные объекты, аксиомы и понятия, а *концепты – устойчивые смысловые сгущения*, возникающие и функционирующие в процессе диалога и речевой коммуникации»³⁰. И далее: «*Концепт составляет ядро концепции, которая, претендуя на общезначимость, все же несет на себе отпечаток личности, его взглядов, установок, способностей постановки и решения проблем. В лучшем случае концепция интересна субъективна. Будучи «растираженной», концепция превращается в идеологию микросообщества и социальной группы*»³¹. Поэтому *конструктивизм и проективность – есть нормальный момент и предпосылка* любого научного поиска и эпистемологических процедур. Нормальный, но в тоже время и опасный...

Ведь даже в рационально-прагматичной работе архитектора над проектом отмечается, прежде всего, «семиотическая и интеллектуальная часть работы», а тем более для *нетрадиционного проектирования*, связанного с распространением принципов инженерно-технического проектирования на другие виды деятельности (градостроительство, дизайн, управление, экономическое планирование и т.п.), «характерны процедуры замышления, *конструктивизации*, реализации, *проектной онтологизации* (выделено нами – авт.)»³². И при этом в «аксиологическом отношении проект несет в себе *потенцию нового и ценности проектировщика* (выделено нами – авт.)»³³. Интересно, что концепт «проект» стал определяющим в текстах и контекстах работ Н.Ф. Федоров (вслед или в пику Ф. Ницше?)*, опиравшегося в рамках своего «проекта воскрешения» прежде всего на инженерно-техническое знание, а вся традиция «русского космизма» имеет, на наш взгляд, в качестве *специфического признака* именно *проектность* (то, что мы не обнаружим, например, в «западном космизме»!).

Ж. Делез и Ф. Гваттари, современные творцы постструктурализма, отвечая на вопрос о том, что такое философия, утверждали, что «философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты»³⁴; при этом они не просто подчеркивали личностно-экзистенциальный характер концептов, но и настаивали на поиске при их интерпретации определенных метафор-персонализаций – «*концептуальных персонажей*».

На наш взгляд, такими концептуальными персонажами в случае «русского космизма» стал не только «Космос» и «Вселенная» (как правило, всегда с большой буквы!), «жизнь» и «смерть», «ноосфера» и т.п., но и мифологизированные, – как

²⁹ Швырев В.С. Концептуальные структуры // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 308.

³⁰ Неретина С.С., Огуцов А.П. Концепты политической культуры. – М., 2011. – С. 199, 200.

³¹ Там же. – С. 200.

³² Розин В.М. Проектирование // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 359-360.

³³ Розин В.М. Проект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 359.

* Д.Н. Ляликов в свое время усматривал в идее и концепте «проекта» Н.Ф. Федорова и «масонский след» с его Великим Архитектором // См.: Ляликов Д. Федоров Н.Ф. // Философская энциклопедия. В 5 томах. – Т. 5. – М., 1970. – С. 308-309. Однако, слово «проект» было весьма популярным в позитивистской атмосфере России середины XIX столетия – слово «проект» можно встретить и в романах И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского. Так что и здесь Н.Ф. Федоров не оригинален, а лишь демонстрирует эрудицию библиотечного работника.

³⁴ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М., 2009. – С. 6, и др.

адептами, так и критиками, – сами «персоналии русских космистов» (о чем речь пойдет также в следующих статьях).

Как родился концепт «русского космизма»?

Е.И. Шейгал отмечает: «Концепт как *ментальная репрезентация культурно-значимого феномена в массовом сознании* (выделено нами – авт.) фиксируется в лексикографических толкованиях имени концепта (содержательный минимум концепта), в его синонимических связях, образных переосмыслениях, ассоциативных реакциях, сочетаемости, паремиологии и неклишированных текстах и высказываниях»³⁵. Собственно, эта цитата выражает, прежде всего, *способы продуцирования дискурсов* и идентификации концептов как их «*смысловых моделей*» в текстах культуры. Обратим внимание, что такой подход акцентирует внимание на способах *языкового и знаково-символического выражения* и закрепления концептов в текстах и знаково-символических системах культуры. Но имеет смысл говорить и об их бытовании в мировоззрении, идеологии, массовом сознании и *дискурсах* (культурных коммуникациях) той или иной эпохи.

Итак, концепт предельно субъектен и субъективен, как отмечали С.С. Неретина и А.П. Огурцов, и он реально выражается в конкретном, *живом языке*, на котором мыслит, пишет и говорит тот или иной автор, вкладывающий в них свои *экзистенциальные контексты*, а затем в дискурсе язык его письма и речи вновь впитывает различные дополнительные антропологические и культурные контексты, экзистенциальный опыт Другого, и только *в диалоге* с другими «я» и «мы» *смыслы концептов* обретают форму *интерсубъективной общезначимости*, теряя определенную субъектность, что, так или иначе, отражается и в дискурсных, культурно-коммуникативных практиках, и в соответствующих текстах, в том, что и предстает перед нами как «культура».

Именно в дискурсных практиках концепт закрепляется в текстах и знаково-символических системах конкретно-исторической культуры и в ее категориальном строе. Только здесь, на наш взгляд, и возможна *дискурсивная* (мы отличаем «дискурсивное» как формально-логическое, как его и понимали в «новое время», от «дискурсного» как коммуникативного)³⁶, *рассудочная* «обработка» концепта до уровня абстрактного, «всеобщего» понятия, устраняющая экзистенциальные смыслы концепта или вносящая иные смыслы и контексты, *догматизирующая* (нормирующая) живой дискурс и живые концепты в *формальной* ткани языка, текста, знаково-символических систем. Но и то это возможно, когда субъект, «читающий» чужие тексты вне живого, непосредственного диалога, полностью отстраняется от их контекстов, делает их «объектом» познания³⁷. Здесь только и может существовать весьма *абстрактная схема субъект-объектного* познания классической гносеологии, переводящая концепты из *экзистенциально-дискурсивной смысловой практики* в русло формально-логической *дискурсивной рациональности* и «*объективности*» и закрепляющая их в *понятиях*.

Неклассическая эпистемология отмечает, что в реальном познании, в том числе и в естественнонаучном, а не только в социально-гуманитарном, обязательно включающем *герменевтические процедуры* в «чтение» своих и чужих текстов, невозможно полностью устранить субъектность и субъективность и достичь «чистой» *понятийности* и «объективности» нашего мышления, что в классической гносеологии объявлялось достоянием «чистого (абсолютного) разума». В реальной жизнедеятельности *человек всегда мыслит и мыслит концептами*, содержащими *схемы*, закрепленные в объективно-мыслительном схематизме культуры, в *категориях культуры*. Никогда человек не мыслит и не мыслит какими-то «чистыми понятиями»: исторически «*понятия*», например, древнего грека, как и его представления о «космосе», весьма существенно отличались от «*понятий*» и представлений о «космосе» средневекового

³⁵ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004. – С. 70.

³⁶ См.: Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 35-36.

³⁷ См.: Будянская Л.А., Римский В.П. Социокультурные и ментальные контексты Возрождения и Реформации: к методологии исследования генезиса новоевропейской философии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2(97). – Вып. 15. – Белгород, 2011. – С. 5-16.

ученого, а тем более ученого «нового времени» или современного «космиста» начала XXI века.

Все сказанное тем более актуально для философских текстов и дискурсов, которые *изначально диалогичны*. Это и позволяет нам говорить о том, что в чистом виде ни понятий, ни категорий как «наиболее общих», абстрактных понятий никогда не существовало: их можно зафиксировать только в предельно формализованных, дискурсивных текстах, вырванных из культурно-коммуникативных практик и культурно-исторических и экзистенциальных контекстов. В реальном бытии культуры и жизнедеятельности человека, в том числе и мыслительной, мы практически всегда имеем дело с концептами, нагруженными коммуникативными, культурными, идеологическими и экзистенциальными контекстами, а тем самым и смыслами.

Это и надо иметь в виду, когда те или иные авторы дают расширительные интерпретации концептов «космос» или «русский космизм». Мы и основываемся на предположении о «многомерности» концепта «русский космизм», состоящего из *идеологической, рационально-понятийной, образно-символической, метафорической, ценностной и экзистенциальной* составляющих, проявляющихся в *специфических дискурсах* начала, а затем и конца XX столетия. Вот эти-то «специфичные» дискурсы и следует различать, дабы пройти между модернизацией и идеологизацией конкретно-исторического феномена русской философии в то пространство, где могут быть найдены именно *рационально-понятийные значения* и выработать рационально-теоретическое понимание русского космизма (уже без кавычек!).

Одним из первых попытался выявить вот эту смысловую многослойность концепта «русский космизм» Н.К. Гаврюшин³⁸, за что и впал в немилость большинства исследователей, хотя он и ввел в оборот многое из наследия русских космистов, прежде всего, К.Э. Циолковского. Но тем более интересна его позиция.

Прежде всего, следует отметить, что Н.К. Гаврюшин прямо указал на *технократизм*, как один из главных смысловых узлов концепта «русский космизм»³⁹. Мы думаем, что технократизм сам по себе у всех «русских космистов» уходит корнями в ту атмосферу *сциентизма*, которая родилась в контексте *позитивизма XIX века*. Можно возразить, что и Циолковский, и Вернадский, и Чижевский, и другие ученые-космисты сами были достаточно известными (и в России-СССР, и, в конце концов, в «дальнем зарубежье») учеными, потому и выразили «космический порыв человечества» в наукообразной и научно-проективной, футурологической (а не только утопической!) форме. Да и что здесь плохого?

Да ничего «плохого» и нет. Стоит только сравнить статистику среднего возраста жизни человека XIX века и XX века, чтобы несколько охладить пыл современных антисциентистов, чаще всего исходящих из религиозно-философской и «метафизической» критики науки. Где бы мы были без науки, которая, собственно, и стала «наукой» в строгом смысле и полном объеме только с середины XIX века, обретя свое реальное основание в технике? Умирали, не дожив и до пятидесяти лет? Россия за последние двадцать лет уже ощутила этот практический антисциентизм вымирания, пройдя в годы «реформ» сквозь мутационную деиндустриализацию и десциентизацию, развал достаточно развитой индустриальной экономики и институализированной науки.

В другой из указанных статей Н.К. Гаврюшин выявляет *идеологическое родство русского космизма с советским тоталитаризмом*: «В этом отношении русский космизм превзошел самые смелые мечты утопистов предшествующих веков, которые в основном были заняты отлаживанием идеальных моделей общественного устройства... Таким образом, общее родство русского космизма с марксизмом есть все основания

³⁸ См.: Гаврюшин Н.К. Космический путь к «вечному блаженству» (К.Э. Циолковский и мифология технократии) // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 125-127; Гаврюшин Н.К. А был ли «русский космизм»? // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993. – № 3. – С. 104-105; Гаврюшин Н.К. Прозрения и иллюзии русского космизма // Философия русского космизма. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – С. 96-107.

³⁹ Гаврюшин Н.К. Космический путь к «вечному блаженству» (К.Э. Циолковский и мифология технократии) // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 125-127.

просматривать по линии утопического социализма, и здесь в первую очередь приходится вспомнить о Шарле Фурье»⁴⁰. Можно найти и упоминания о том, что если некоторые русские космисты прямо шли на сотрудничество с советской властью (В.Н. Муравьев, космисты из среды евразийцев и т.д.), то другие так или иначе от нее получали почести, идейно и личностно были инкорпорированы в коммунистическую идеологию и мифологию. Думаем, что все обстояло гораздо сложнее.

Во-первых, наверное, следует разделить в наследии русских космистов действительный утопизм и рождение *научного, футурологического знания*, которое на Западе стало развиваться гораздо позже. Это работа, думаем, для специального исследования. Во-вторых, если *рационально реконструировать* историю федоровской (московской) философской школы (а она, несомненно, была – как можно не увидеть эту «живую традицию»!?), то судьба А.К. Горского, Н.А. Сетницкого и В.Н. Муравьева⁴¹, близкого к ним не только по идеям, развитым в контексте проективной концепции «общего дела», но и по связям во времени и пространстве, была завидной, а тоталитарный контекст вряд ли так уж прямо отразился в их текстах.

Несомненно, не все так просто обстояло во взаимоотношениях крупных (и обыкновенных) ученых с тоталитарным режимом⁴². И многие из них, как, например, В.И. Вернадский, никогда не скрывавший своих либерально-демократических, а скорее национально-либеральных, взглядов, вполне осознанно шли на прагматичный компромисс со сталинским режимом, получая, разумеется, и социальные блага (по заслугам!). Но вряд ли их за этот «соблазн тоталитаризма» можно «осуждать» (не судите, да не судимы будете...). Для таких людей на первом месте стояли интересы науки и России. Да и сами критики признают: «О злодеяниях сталинизма сказано много. Однако остается фактом, что никогда ранее и, по-видимому, никогда более, отечественные естественные науки (но и литература! – авт.) не достигали такого расцвета, как в этот период. И если в XVIII в. Россия по выплавке металла занимала едва ли не 1-е место в Европе, базируясь на труде крепостных, приписанных к заводам, то для успеха в науке XX века одних шарашек и просто социального принуждения было недостаточно. Тоталитарная власть должна была найти и нашла другой алгоритм взаимоотношений с научной средой, заключить с ней своего рода негласное соглашение, роль медиатора-проводника в котором играла бы научная элита, чей научный, а часто и моральный, авторитет был одинаково необходим и власти, и интеллигенции»⁴³. Другое взаимоотношение интеллектуалов и власти, как и «успехи инновационной модернизации» мы видим сейчас. Нам бы, да их успехи в науке...

Встречаются и интерпретации, в которых не только идеи, но и сами персоналии «русских космистов» объявляются продуктами и «символами тоталитаризма». Последнее утверждается, прежде всего, по отношению к К.Э. Циолковскому, которого ставят в один ряд с такими феноменами «сталинской науки», как «марризм» и «лысенковщина». В этом особенно преуспел Г. Салахутдинов, который утверждает, что

⁴⁰ Гаврюшин Н.К. Прозрения и иллюзии русского космизма // Философия русского космизма. – М., 1996. – С. 96, 97.

⁴¹ См.: Аксенов Г.П. Творчество будущего // Философия русского космизма. – М., 1996. – С. 148-163; Макаров В.Г. Архивные тайны: философия и власть. Александр Горский: судьба, искаленная «по праву власти» // Вопросы философии. – 2002. – №8. – С. 98-133; Макаров В.Г. Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД // <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/2004/7/136-157.pdf>; Макаров В.Г. Муравьев В.Н. Очеловеченное время // Вопросы философии. – 2002. – № 4. – С. 100-28; Макаров В.Г. «Относясь сочувственно к существующему строю...». Следственное дело 1929 г. философа-космиста В.Н. Муравьева // Отечественные архивы. – № 1. – 2003 // <http://ricolor.org/history/rs/dokument/1>.

⁴² См.: Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии // Науковедение. – 1999. – №1 // http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/SCIOLOG/S_1_03.HTM; Сидорчук И.В. Академическое гуманитарное сообщество и политика государства в России (1914-1930 гг.): Автореферат дисс... к. и. н./ 07.00.02. – СПб., 2012.

⁴³ Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX-XX вв. Материалы научной конференции. – СПб.: Нестор, 1997. – С. 248-254 // <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/sork97n.htm>.

«все основные идеи К.Э. Циолковского либо ошибочные, либо научно-фантастические», а представления «о его достижениях были преднамеренно сфальсифицированы по идеологическим причинам в годы советской власти, причем эта фальсификация продолжается и поныне усилиями тех, кому она экономически или профессионально выгодна»⁴⁴. Разумеется, в 30/40-е годы XX века наука, ее история и отдельные персоналии подверглись беспрецедентной мифологизации (особенно в условиях «разгоревшейся «холодной войны»).

Но разве в этом виноват К.Э. Циолковский? И разве он от этого получил хоть какие-то преференции (уж он особых материальных благ так и не дождался до конца жизни от советской власти, как и от царской)? И разве открытия этого ученого, вошедшего в науку через самообразование*, не удостоились в конце концов признания не только в советской науке⁴⁵, но и на Западе? Надо просто тогда уж не уважать и авторитет С.П. Королева, А.Л. Чижевского и многих других, вполне «институализированных» советских ученых, которые вполне объективны в оценке *научного* вклада К.Э. Циолковского. Разумеется, его философские идеи были неоднозначны, но они *воплне оригинальны* (особенно попытки критического переосмысления концепта времени – почти одновременно и параллельно с Хайдеггером!), и здесь также требуются строгие методологические процедуры по их реконструкции и интерпретации, отличные от восторгов и вздохов современных «космистов». Объективно, как и В.И. Вернадский, он оценивал и определенные положительные моменты в «практическом социализме», а «идея социализма» прямо был предан, трактуя ее, правда, не столько строго научно, сколько утопически (этот факт, наверное, многое объясняет в том, что работы русских космистов даже в сталинские времена и позже так или иначе публиковались). А кто тогда социализму не сочувствовал или сам не был социалистом, коммунистом или на худой конец национал-социалистом? А. Франс или Ж.-П. Сартр? М. Хайдеггер? Ну, да последнему также при жизни досталось за его «тоталитарный контекст» и «тоталитарные соблазны»...

Мы в начале 90-х годов прошлого века с порога отбросили идею социальной справедливости, воплощенную в политических и идеологических проектах народничества, марксизма и близких к ним социалистических движений. И что получили? Глобализацию как новую «высшую стадию империализма», когда кучка миллиардеров из списка журнала «Форбс» правит богатствами всей планеты? «Демократический тоталитаризм» на Западе?⁴⁶ Новый российский авторитаризм в «стиле Брежнева-Андропова», приправленный иллюзиями либерализма, демократии и псевдопатриотизма? Наверное, пора более объективно подойти и к истории социалистического проекта, и к истории отечественного тоталитаризма⁴⁷, и к истории русской философии, не бросаясь после многолетней апологии «марксистской философии» и мистификации «философии революционеров-демократов, в такую же мистификацию религиозной философии, в том числе, и «русского космизма». Последнему не требуется ни его апологетика, как чего-то «истинно христианского» (таковым он, разумеется, не был, и здесь прав Н.К. Гаврюшин), ни его демонизация, как чего-то «тоталитарного» и чуть ли не «сатанинского». Интересно, что обе трактовки, как правило, принадлежат, православным неوفитам, которых к вере и вывел тот же «русский космизм» в конце прошлого века.

⁴⁴ Салахутдинов Г. Мифы о творчестве Циолковского. – Москва, 2003.

* Давайте тогда уж и самоучку-писателя М. Горького, не кончавшего «литинститут», а создававшего их, вычеркнем из списка великих писателей только за его социализм и «тоталитарные вывихи». Да это уже и делается...

⁴⁵ См.: Королев С.П. Одно из ярких воспоминаний в моей жизни // Циолковский К.Э. в воспоминаниях современников. – 2-е перераб. и доп. изд. – Тула, 1983. – С. 50-54.

⁴⁶ См.: Джохадзе И. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора // Логос – №5-6. – 2001 (31).

⁴⁷ См.: Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. – Белгород, 1998; Римский В.П. Понятие «тоталитаризм» и «посттоталитаризм»: методологический анализ и культурные реалии // Дух и время: филос.-культуролог. альманах. Вып. 3. – Белгород: Крестьянское дело, 2000; и др.

Это, наверное, объясняет и то, почему даже в 70/80-е годы именно «Философию общего дела» А.В. Гулыге и С.Г. Семеновой удалось «продать» в печать первой из религиозно-философского ряда. Но это все же не значит, что «русский космизм» пользовался тогда покровительством «партийно-комсомольской элиты». Просто им удалось так переинтерпретировать основные идеи Н.Ф. Федорова, что они оказались включенными в *реальный дискурс* той эпохи. А что интересовало всех в те годы?

Если вспомнить, то уже в 60-е годы и на Западе, и в СССР стала актуальной *тематика «покорения космоса»*, которая была вполне «рациональной», что также вполне способствовало рождению концепта «русский космизм», хотя и этот дискурс оказывался встроен в политико-идеологическое соревнование «двух систем». Как видим здесь, у истоков рождения концепта «русский космизм» соседствуют как *политико-идеологические смыслы*, так и вполне *рациональные, научно-теоретические*.

Еще более рационально-понятийный смысловой пласт концепта «русский космизм» был скрыт в *экологической проблематике*, которая стала не просто модной и актуальной в 70-е годы, но и экзистенциальной, как в личностном, так и социальном планах, как для Запада, так и для СССР. Не случайно в качестве конститутивного принципа *космизма как философского мирового феномена* А.П. Огурцов включает экологизм: «*Третий принцип*, характерный для философии космизма, – ее экологичность, ее ориентации на постижение многообразия и на увеличение многообразия природных экосистем»⁴⁸. Экологическая проблематика была обострена не только нарастающим загрязнением окружающей среды и докладами Римского клуба о близком истощении энергетических ресурсов, но и угрозой ядерной войны. Именно поэтому в те годы видные отечественные ученые и писатели (настроения в писательской среде тонко уловила в то время С.Г. Семенова, молодой филолог) обращаются к философии и идеям русских космистов, находя в них вполне научно-рациональные, понятийные смыслы (прежде всего, мы имеем в виду физика и математика Н.Н. Моисеева, создателя математической модели последствий «ядерной зимы»⁴⁹).

Здесь угроза экологическая, возможность изменения природы Земли смыкалась с угрозой жизни самому человеку и человечеству, и срабатывал, по мысли А.П. Огурцова, «*первый принцип философии космизма – принцип единства человека и Космоса, макрокосма и микрокосма... антропокосмизм*»⁵⁰. Таким образом, рационально-научная и рационально-философская значимость формируемого в отечественном дискурсе концепта «русский космизм» (здесь особо оказались востребованными идеи В.И.Вернадского о ноосфере, причем, не только у нас, но и на Западе⁵¹, в которые вошли в уже совершенно актуальные, злободневные контексты), наполнялась и *этическими, аксиологическими смыслами*.

Многие считают, что именно здесь концепт «русского космизма» оказался *сконструирован* в духе «энвайронментализма» (environmentalism от environment – окружающая среда, природа)⁵², а потому и не имеет рационального смысла. Да и его, как

⁴⁸ Огурцов А.П. Русский космизм (Обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) // Vox. Электронный философский журнал. Вып. №4. Май, 2008 // Режим доступа: <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurcov.pdf>.

⁴⁹ См.: Моисеев Н.Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера: Опыт систем. анализа и эксперименты с моделями / Н.Н. Моисеев, В.В. Александров, А.М. Тарко. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

⁵⁰ Огурцов А.П. Русский космизм (Обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) // Vox. Электронный философский журнал. Вып. №4. Май, 2008 // Режим доступа: <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurcov.pdf>.

⁵¹ См.: В.И. Вернадский: Pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898-1998) / Под общей редакцией академика РАН А.Л. Яншина. – СПб., 2000.

⁵² Яницкий О.Н. Инвайронментализм – идеология будущего? // Наука в России. – №2. – Москва, 1994. – С. 82-88; Яницкий О.Н. Экологическая политика как сетевой процесс // Полис (Политические исследования). – Москва, 2002. – №2. – С. 37-46; Катерный И.В. Инвайронментализм в социальной философии. Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. – Москва: МГУ, 2004. – 129 с.; и др.

направления, и вовсе не было⁵³. Мы думаем, если и имел факт конструирования, а он всегда имеет место, когда актуализируется тот или иной концепт или даже просто ведется рациональное научное исследование и создание концепции (смотри выше), то он происходил и на Западе – там концепт «энвайронментализм», скорее всего, сыграл в конце прошлого века ту же роль (идеологическую, рациональную, экзистенциальную и т.д.), как и «русский космизм» в нашей стране.

Важный пласт составляли и *экзистенциальной* смыслу концепта «русский космизм», которые были связаны, прежде всего, с «религиозными исканиями» советской интеллигенции 60/80-х годов. Н.К. Гаврюшин, если и не оспаривает, во-первых, то сомневается в самом наличии такого направления в русской культуре и философии как «русский космизм». Во-вторых, он описывает его появление как феномен общественного сознания 70/80-х годов и связывает с «религиозно-философским диссидентством» тех лет, в котором причудливо были перемешаны «и христиане, и теософы, и технократы без конфессиональных убеждений», «окультисты, христианские еретики, натурфилософы как мистической, так и позитивистской ориентации» и даже «люди, занимавшие ответственные посты в партийно-комсомольской пропагандистской системе»⁵⁴. Разумеется, все это тогда имело место, и, наверное, историк религии когда-нибудь эти «течения» реконструирует более подробно. Но все это – христианство и теософия, технократизм и трансконфессиональная вера, еретизм и внеконфессиональная мистика, религиозные и натуралистические философы – не только тогда, но и до сих пор *перемешаны часто в головах одних и тех же людей*. Вот это то и удручает. Это наиболее *мифологичный, иррациональный пласт* в экзистенциальных смыслах не только концепта «русский космизм», но и во всем отечественном философском и интеллектуальном дискурсе.

Поэтому прав А.П. Огурцов, когда замечает, что в «русской философии космизма весьма много не философом, а мифологом»⁵⁵. Разумеется, рождавшийся концепт «русский космизм» и тогда таил в себе *образно-символические и метафорические смыслы*, также порожденные экзистенциальными исканиями, и сейчас далек от полной рационализации (а нужна ли она вообще, эта полная рационализация?). Наверное, философия и не нуждается в полном избавлении собственных концептов от символичности и метафоричности. Но пугает другое.

Именно экзистенциальные, образно-символические и метафорические смысловые пласты концепта «русский космизм» сыграли свою роль в возникновении из него путем конструирования и проектирования *направления «постсоветского неокосмизма»*, в котором перемешаны такие «духовно-нравственные», «интеллектуальные» и «религиозные» искания, какие и не снились «серебряному веку» с его «новым религиозным сознанием», «модернизмом», «авангардизмом», «футуризмом» и «пролеткультом»... В этом, к сожалению, а не только в рационализации, выразилась институализация концепта «русский космизм» в дискурсе 90-х годов и идет вплоть до наших дней. Но об этом речь пойдет в другой нашей статье.

Список литературы

1. Аксенов Г.П. Творчество будущего // Философия русского космизма. – М., 1996. – С. 148-163.
2. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.
3. Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тез. о процветании, равенстве и свободе. – М., 1994.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.

⁵³ Калинин Э.Ю. Проблема окружающей среды в русской мысли // Стратегия выживания: космизм и экология. – М., 1997. – С. 180-181.

⁵⁴ См.: Гаврюшин Н.К. А был ли «русский космизм»? // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993. – № 3. – С. 104-105.

⁵⁵ Огурцов А.П. Русский космизм (Обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) // <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurcov.pdf>.

5. Будянская Л.А., Римский В.П. Социокультурные и ментальные контексты Возрождения и Реформации: к методологии исследования генезиса новоевропейской философии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2(97). – Вып. 15. – Белгород, 2011. – С. 5-16.
6. В.И. Вернадский: Pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898-1998) /Под общей редакцией академика РАН А.Л. Яншина. – СПб., 2000.
7. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
8. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
9. Вступ. статья, примеч. и сост. С.Г. Семеновой. – М., 1982. – (Филос. наследие); Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. – М., 1983. – (Мыслители прошлого).
10. Гаврюшин Н.К. А был ли «русский космизм»? // Вопросы истории естествознания и техники. – 1993. – № 3. – С. 104-105.
11. Гаврюшин Н.К. Из истории русского космизма // Труды V и VI Чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию творчества К.Э. Циолковского. – М., 1972.
12. Гаврюшин Н.К. Космический путь к «вечному блаженству» (К.Э. Циолковский и мифология технократии) // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 125-127.
13. Гаврюшин Н.К. Прозрения и иллюзии русского космизма // Философия русского космизма. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – С. 96-107.
14. Гальцева Р. Вернадский В.И. // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970.
15. Гиренок Ф.И. Патология русского ума (Картография дословности). – М., 1998.
16. Голованов А.Л. Общность дум и стремлений // Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском. – М., 2007.
17. Голованов Л. Чижевский А.Л. // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970.
18. Голованов Л.В., Куракина О.Д. Космизм // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – М., 2007.
19. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М., 2009.
20. Джохадзе И. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора // Логос» – №5-6. – 2001 (31).
21. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001.
22. История философии в СССР. В пяти томах. – М., 1972.
23. Калинин Э.Ю. Проблема окружающей среды в русской мысли // Стратегия выживания: космизм и экология. – М., 1997. – С. 180-181.
24. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
25. Катерный И.В. Инвайронментализм в социальной философии. Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. – Москва: МГУ, 2004. – 129 с.
26. Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии // Науковедение. – 1999. – №1 // http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/SCIOLOG/S_1_03.HTM.
27. Королев С.П. Одно из ярких воспоминаний в моей жизни // Циолковский К.Э. в воспоминаниях современников. – 2-е перераб. и доп. изд. – Тула, 1983. – С. 50-54.
28. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С.90-93.
29. Ляликов Д. Федоров Н.Ф. // Философская энциклопедия. В 5 томах. – Т. 5. – М., 1970.
30. Макаров В.Г. «Относясь сочувственно к существующему строю...». Следственное дело 1929 г. философа-космиста В.Н. Муравьева // Отечественные архивы. – № 1. – 2003 // <http://ricolor.org/history/rs/dokument/1>.
31. Макаров В.Г. Архивные тайны: философия и власть. Александр Горский: судьба, искалеченная «по праву власти» // Вопросы философии. – 2002. – №8. – С. 98-133.
32. Макаров В.Г. Муравьев В.Н. Очеловеченное время // Вопросы философии. – 2002. – № 4. – С. 100-28.
33. Макаров В.Г. Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД // <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/2004/7/136-157.pdf>.
34. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.
35. Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 35-36.
36. Моисеев Н.Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера: Опыт систем. анализа и эксперименты с моделями / Н.Н. Моисеев, В.В. Александров, А.М. Тарко. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
37. Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия. – Т. 2. – М., 2010.
38. Неретина С.С. Концептуализм Абельяра. – М., 1994.
39. Неретина С.С. Тропы и концепты. – М., 1999.
40. Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М., 2011.
41. Огурцов А.П. Русский космизм (Обзор литературы и навигатор по сайтам Интернета) // <http://vox-journal.org/content/vox4-11ogurcov.pdf>.

42. Потемкин А.В. Проблема специфики философии в диатрибической традиции. – Ростов н/Д, 1980.
43. Римский В.П. Понятие «тоталитаризм» и «посттоталитаризм»: методологический анализ и культурные реалии // Дух и время: филос.-культуролог. альманах. Вып. 3. – Белгород: Крестьянское дело, 2000.
44. Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. – Белгород, 1998.
45. Роднянская И. Циолковский К.Э. // Философская энциклопедия. – Т. 5. – М., 1970.
46. Розин В.М. Проект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 359.
47. Розин В.М. Проектирование // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 359-360.
48. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.
49. Салахутдинов Г. Мифы о творчестве Циолковского. – Москва, 2003.
50. Семенова С. Об одном идейно-философском диалоге (Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров) // Север. – 1980. – №2; Федоров Н.Ф. Сочинения / Общ. ред. А.В. Гулыга.
51. Семенова С.Г. Н.Ф. Федоров и его философское наследие // Федоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982.
52. Сидорчук И.В. Академическое гуманитарное сообщество и политика государства в России (1914-1930 гг.): Автореферат дисс... к. и. н./ 07.00.02. – СПб., 2012.
53. Сковорода Г. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М., 1973.
54. Сковорода Г. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1973.
55. Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX-XX вв. Материалы научной конференции. – СПб.: Нестор, 1997. – С. 248-254 // <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/sork97n.htm>.
56. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
57. Федор Гиренок – русский философ // <http://www.fedorgirenok.narod.ru/#about>.
58. Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. В 5 томах. – Т. 1-5. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1960-1970.
59. Чижевский А.Л. Вся жизнь. – М., 1974.
60. Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Воспоминания о К.Э. Циолковском. – М., 2007.
61. Швырев В.С. Конструкт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 291-292.
62. Швырев В.С. Концептуальные структуры // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 308.
63. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.
64. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М., 2003.
65. Я называю это пространством бытовой свободы: Интервью Румянцеву Б.В. с Ф.И. Гиренком // Хронос // http://www.hrono.info/libris/lib_g/girenok_fi.html.
66. Яницкий О.Н. Инвайронментализм – идеология будущего? // Наука в России. – №2. – Москва, 1994. – С. 82-88.
67. Яницкий О.Н. Экологическая политика как сетевой процесс // Полис (Политические исследования). – Москва, 2002. – №2. – С. 37-46.

RUSSIAN KOSMISM BETWEEN CULTURAL IDEOLOGICAL CONSTRUCTION AND PHILOSOPHICAL THEORETICAL RECONSTRUCTION

V.P. RIMSKIY¹
V.V. TROSHIKHIN²
L.P. FILENKO³

¹*Belgorod State National Research University*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

²*Belgorod University of cooperation, Economics and Law*

³*Belgorod State National Research University*

The article explains the problem: is the “Russian kosmism” a philosophical and theoretical conception or cultural, ideological and sociocultural construct and project? As a philosophical conception, it is put as an autonomous trend in the history of Russian philosophy of 70-90’s of the XIXth century. To this extent, it is regarded as a rational, notional phenomenon which reflects cultural and historical realities of the Russian philosophy. As a cultural and ideological construction, it is understood as a project built on interpretation of texts and ideas of a certain range of thinkers (N.F. Fyodorov, K.E. Tsyolkovskiy, V.I. Vernadsky, etc.) and aimed to solve political, ideological, cultural and existential problems of philosophy, sciency and society in the XX-XXIth centuries.

Keywords: discourse, conception, construction, reconstruction, Russian kosmism.

УДК 130.2

К ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЛИКАЦИИ И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ КОСМИЗМ»

Л.П.ФИЛЕНКО

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В статье ставится проблема рационализации концепта «русский космизм», который сложился в отечественном культурно-мировоззренческом, научном и философском дискурсах конца XX века, и его рационализация не совсем отвечает культурно-историческим реалиям развития русской философии и культуры конца XIX – начале XX веков.

Ключевые слова: русский космизм, русская философия, концепт, дискурс, тезаурус, рационализация.

Надо сразу же отметить, что даже самые лояльные исследователи русского космизма признаются: «Исходя из современного состояния изученности темы, необходимым является ответ на ряд значимых и даже судьбоносных для русской культуры вопросов. В частности, что представляет собой русский космизм – только броское выражение, за которым скрываются лишь заимствования у западных и восточных культурных традиций, выдаваемые за нечто новое, и тоталитарно-идеологические схемы, или же всё-таки самобытное выражение русской культуры, отвечающее её широте и синергичному характеру?... Итак, в «синодик русского космизма» разные исследователи включают несколько относительно постоянно фигурирующих в нём и множество «переменных» имён. Единой точки зрения на явление нет. Это делает актуальной задачу анализа творчества постоянно называемых в числе русских космистов авторов, с целью установления типичных черт феномена русского космизма, на основе которых можно будет определить принадлежность к нему и других мыслителей («переменных»). В разноголосице мнений сделаны первые шаги на пути определения природы явления, но они явно недостаточны¹. М.А. Абрамов, которому принадлежат эти слова, является одним из наиболее апологетически (и некритически) настроенных современных «космистов».

Первое, *предельно широкое* направление рационализации концепта «русский космизм», которое можно выделить, рассматривает изучаемый феномен не только как «новое течение», возникшее в русской философии конца XIX – начале XX века, но и как имеющее интеллектуальные истоки чуть ли не во всей мировой философии, глубокие традиции в отечественной культуре. Пишут о ментально-фольклорных, «языческих» и «христианских» «корнях» и «предпосылках» «русского космизма». В «предпосылки» попадают и античные философы, и гностики, и христианские мистики средневековья, и немецкая классическая философия в лице Шеллинга, и западноевропейские романтики, писатели и мыслители.

Такой подход предполагает, что помимо основного «научного и философского ядра» (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский) идеи «космизма» уже присутствуют в русской фольклорной и религиозной (языческой и христианской) традиции, русской поэзии (М.В. Ломоносов, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, А.А. Фет, В.В. Брюсов, Н.А. Заболоцкий и др.), в прозе (В.Ф. Одоевский, А.В. Сухово-Кобылин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Платонов и др.), в музыке (Чайковский, Скрябин, Рахманинов), в русской философии XIX-XX веков (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.), в живописи (Нестеров, Рерих), в науке (Н.А. Умов, А.Л. Чижевский, Н.Г. Холодный и др.).

¹ Абрамов М.А. Русский космизм: идея единства культуры и многоплановая реальность: Автореф. дисс. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева. – Саранск, 2007. – С. 3, 6.

В этот расширительный «космический поминальник» заносят еще и теософскую традицию (Е.П. Блаватская, Рерихи, Д.Л. Андреев и т.д.), что при таком всеохватном подходе вполне уместно.

Наиболее полно и обоснованно такая расширительная концептуализация «русского космизма» представлена в достаточно «свежей» и интересной монографии С.И. Шлёкина², в которой автор правомерно рассматривает «русский космизм» как форму *нетрадиционного знания* в контексте идеологическим проблем современности, хотя и не доходит до признания того факта, что современный (а не конкретно-исторический!) дискурс «русского космизма» *сконструирован* именно в *актуальном идеологическом пространстве*, и требуется отделение в любом концепте-конструкте понятийно-философских и рационально-научных смыслов от экзистенциально-мировоззренческих, но, главное, от политико-идеологических и мировоззренческих спекуляций вокруг «космизма» и «русского космизма».

Такой подход фактически был спровоцирован, в частности, знаковой и «веховой» антологией «Русский космизм»³, как бы «катехизисом русского космизма», хотя в ней С.Г. Семенова, основной творец и интерпретатор «русского космизма», выступала против того, что в литературе наметилась тенденция зачислять в «космисты» всех, у кого в творчестве или идеях есть «некое космическое веяние и дыхание», и предупреждала: «Избежать неправомерного и безмерного расширения этого философского течения можно, если сразу же обозначить принципиально новое качество мироотношения, которое является определяющей его генетической чертой. Это идея *активной эволюции*, то есть необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство, берёт, так сказать, штурвал эволюции в свои руки. Поэтому возможно точнее будет определить это направление не столько как *космическое*, а как *активно-эволюционное*»⁴. А что такое «активно-эволюционное»? Но, тем не менее, и С.Г. Семенова отнесла к русскому космизму столько имен, что и ее подход можно рассматривать в качестве предельно широкого.

Она писала: «В его ряду стоят такие философы и ученые, как Н.Ф. Федоров, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич, А.К. Манеев. В философском наследии мыслителей русского религиозного возрождения – В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева – также выделяется линия, близкая пафосу идей русского космизма»⁵. Если учесть имена писателей, представленных в антологии, то такой ряд выглядит не намного уже, чем у того же С.И. Шлёкина.

Здесь сразу же хочется сделать несколько замечаний по поводу «активного эволюционизма» как *специфической черты* «русского космизма». Во-первых, реально «активный эволюционизм» выглядит при объективном рассмотрении как *абсолютизация парадигмы эволюционизма*, причем в его «дарвиновской версии» (и Н.Ф. Федоровым, и К.Э. Циолковским, и В.И. Вернадским), которая даже уже к началу XX века была подвергнута многими учеными и философами не просто в качестве архаичной с точки зрения новых достижений биологии (прежде всего, генетики), но и примитивной в свете диалектики развития, которая не сводилась только к гегелевской или марксовой версии. И, во-вторых, «активность» в их работах (прежде всего, Н.Ф. Федорова и К.Э. Циолковского) как *конструирование некоего «проекта»*, аналогичного, с одной стороны, *техническим моделям*, что придавало им видимость строгости и футурологичности, понимая под футурологией рождающуюся именно в их работах, как и несколько ранее в марксистских, *науку прогнозирования социального развития*, а с другой – *утопическое художественно-*

² См.: Шлёкин С.И. Русский космизм: Проблемы иррационального знания, художественного чувства и научно-технического творчества. – М., 2011.

³ Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой; Вступ. ст. С.Г. Семёновой; Предисл. к текстам С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой; Прим. А.Г. Гачевой. – М., 1993.

⁴ Семёнова С.Г. Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. – М., 1993. – С. 4.

⁵ Там же.

фантастическое проектирование в рамках воспроизводства родившейся к середине XIX века *социальной мифологии модерна* с ее духом иррационально-рациональной образности.

Аналогичные идеи развивает в «тезаурусной» статье и Ф.И. Гиренок, который дал и наиболее популярную типологию русского космизма: «В естественнонаучной форме идеи космизма развивались Н.А. Умовым, В.И. Вернадским, К.Э. Циолковским, Н.Г. Холодным, А.Л. Чижевским. Религиозно-философское направление русского космизма представлено Н.Ф. Федоровым, Вл.С. Соловьевым и др.; поэтически-художественное направление – В. Ф. Одоевским, А. В. Сухово-Кобылиным, Н. Заболоцким, А. Платоновым и др. ... Философской особенностью русского космизма является попытка обойти проблему гносеологической разъединенности субъекта и объекта, стремление увидеть сущее со стороны их изначального онтологического тождества. В этом смысле можно говорить о связи русского космизма с философией всеединства Вл. Соловьева, а также с софиологическими концепциями П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова»⁶. Вообще-то понятна такая симпатия и внимание Ф.И. Гиренка к «русскому космизму» – ведь «космистская проективность» вполне в духе и проективности «археоавангарда», в котором «прошлое опережает будущее»⁷, как заявляет он на сайте его поклонников (или персональном?). При этом Ф.И. Гиренок и не скрывает своей «миссии» – там так скромно, вполне в «традиционном русском духе» и написано, что он, русский философ, еще по совместительству и «идеолог» археоавангарда.

Но именно личность и деятельность С.Г. Семеновой занимает особое место в исследовании феномена «русского космизма». Ее подход можно обозначить не столько как расширительный, сколько именно как «концептуально-конструктивистский» или *проективный подход*, что вполне соответствует и проективному духу самого «русского космизма».

Надо отдать должную справедливость – С.Г. Семенова проделала не только громадную *рациональную, научно-исследовательскую работу* по восстановлению фактически всего наследия «главного русского космиста» Н.Ф. Федорова и основного «круга русских космистов», но и *социокультурную* – она вместе с дочерью А.Г. Гачевой и кругом многочисленных единомышленников фактически *спроектировала, сконструировала и институализировала* «русский космизм». Мы имеем в виду, прежде всего, публикацию наследия Н.Ф. Федорова, инициирование многочисленных конференций и чтений, которые проходят постоянно, создание Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова и фактически *религиозно-философского движения* «федоровцев»⁸. Разумеется, есть заслуга С.Г. Семеновой и во введении термина «русский космизм», и в рационализации соответствующего концепта.

Это вполне соответствуем нашему пониманию, которое представлено в данном нашем тексте, как и опубликованных ранее и ниже, что и сам «русский космизм», если и имеет *собственную специфику*, то не столько в круге идей, сколько в своей *проективности*, сближающей его и с «русской революционно-демократической философией», и с «русским марксизмом». Он первоначально зародился в контексте русской философии и культуры конца XIX – начала XX вв., развивался и существует именно как маргинальное (маргинальность не несет в себе чего-то отрицательного и указывает не столько на периферийность, сколько на *пограничность*, которая всегда чревата творческими инновациями⁹) *проективно-идеологическое движение в культуре, философии и науке*. В этом, собственно, и заключается наш как бы исходный тезис (наверное, в определенной мере гипотетический), требующий дальнейшего развертывания и доказательства.

Сейчас мы просто выделим крайнее, *наиболее узкое* и, наверное, слишком рациональное определение круга идей, персоналий и временных рамок «русского космизма».

⁶ Гиренок Ф.И. Космизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С.314-315.

⁷ Федор Гиренок – русский философ // Сайт «Федор Гиренок» // <http://www.fedorgirenok.narod.ru/#about>.

⁸ См.: <http://www.nffedorov.ru>; Кнорре Б.К. В поисках бессмертия: Федоровское религиозно-философское движение: история и современность. – М., 2008.

⁹ См.: Философская инноватика и русский космизм. Материалы «круглого стола» (май 2011 г., Ростов-на-Дону). Сборник научных трудов / Отв. ред. проф. А.М. Старостин. – Ростов н/Д., 2011.

Оно, наверное, методологически наиболее осторожное и одновременно оригинальное, как и все понимание истории и специфики русской философии. Мы имеем в виду, прежде всего, интерпретацию «русского космизма» А.Ф. Замалеевым, который относит этот феномен (со ссылкой на А.А.Любищева, весьма остроумно и не без смысла!) к разновидности «апокрифической философии»¹⁰. Хотя какую «апокрифичность» несли в себе работы К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского, если они почти все, за исключением откровенно мистических, были опубликованы еще в советское время¹¹, в официальных изданиях и достаточно большими тиражами?

А.Ф. Замалеев пишет, осторожно говоря об «истоках» русского космизма: «Истоки «космической философии» в России восходят к творчеству Радищева и Галича, достигая своей метафизической завершенности в философии всеединства Соловьева. Однако заслуга ее окончательной научно-философской концептуализации принадлежит трем мыслителям – Н.Ф. Федорову, К.Э. Циолковскому и В.И. Вернадскому, соответственно представлявшим три направления русской философии космизма: *религиозное, евгеническое и ноосферное*»¹². Разумеется, для апологетов и адептов «русского космизма» уже сама такая «узость взглядов» является кощунственной. Еще более кощунственным выглядело не только то, что А.Ф. Замалеев рассмотрел более-менее подробно и без особых придыханий лишь идеи К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского, но он вообще почти не уделил места «космизму» Н.Ф. Федорова, назвал его «представителем «христианской ереси» и «религиозным утопистом», занимающим «скромное (выделено нами – авт.), но достойное место в философии космизма»¹³. В более раннем издании¹⁴ своего курса по истории русской философии А.Ф. Замалеев вообще исключил концепцию Н.Ф. Федорова из своего рассмотрения (ах, этот питерский снобизм по отношению к «московскому Сократу»!).

Однако, есть и еще более «крамольные» подходы к пониманию истории русской философии. Мы имеем опять же «не московских» авторов, которые *вообще не упоминают о «русском космизме»* (и это в начале нового тысячелетия!) и пишут лишь о двух его представителях – Н.Ф. Федорове, как исключительно мыслителе XIX века, и о В.И. Вернадском в контексте не «русской», а именно «советской философии»¹⁵.

Наверное, учебные, «диатрибические издания» можно было бы и не принимать во внимание в научном исследовании, но именно они, как и энциклопедии и словари, являются своеобразным итогом, *компендиумом предыдущих научных поисков и интерпретаций*, отражающим наличие различных исследовательских программ, парадигм и научных школ

Авторы монографий, статей и диссертаций фактически не выходят за рамки библиографических обзоров и представления «точек зрения», хотя именно философско-научно-исследовательские, историко-научные, историко-философские и методологические *экспликации* всегда необходимы при понимании таких сложных феноменов. «Экспликация, – пишет В.С. Швырев, – (лат. explicatio – объяснение, развертывание) – в широком смысле разъяснение, уточнение позиции, понятия, значения слова. В более узком и точном смысле, сформулированном Р. Карнапом в его концепции логической семантики, – замещение представления обыденного сознания точным научным понятием. Экспликация обычно выступает как разработка исходных научных понятий в

¹⁰ Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.). Изд. 3-е, дополненное и переработанное. – СПб., 2001.

¹¹ См.: Вернадский В.И. Биосфера. – М., 1967; Вернадский В.И. Живое вещество. – М., 1978; Вернадский В.И. Живое вещество. – М., 1978; Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М., 1981; Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М., 1981; Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 1989; Циолковский К.Э. Собр. соч. Т.1-4. – М., 1951-1964; Циолковский К.Э. Избранные труды. – М., 1962; и др.

¹² Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.). – СПб., 2001. – С.320.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. Учебник для гуманитарных вузов. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 1996.

¹⁵ История философии: Учебник для высших учебных заведений. Под ред. В.П.Кохановского, В.П. Яковлева. – Ростов-на-Дону, 2002.

процессе формирования первоначальных *концептуальных структур* – типологий, первичных объяснительных схем и т.д., при использовании смыслового содержания обыденного сознания. Экспликация в этом смысле выступает как исходная для всякого теоретического сознания *процедура рефлексии над смыслом и значением* (выделено нами – авт.) представлений обыденного сознания, предполагающая концептуально-теоретический ответ на вопрос: «Что это такое?»¹⁶. Можно отметить, что в таком, строго философско-научно-ведческом плане «русский космизм» фактически не эксплицирован.

При этом надо помнить, что наличное знание, в том числе и прежде всего научное, не существует в вакууме «чистого разума», как предполагалось классическим философским мышлением, но обитает в мутных пространствах идеологии и политики, попадает в различного рода экзистенциально-мировоззренческие и религиозно-мифологические смысловые фантомы многочисленных контекстов и дискурсов.

Прежде всего, следует рассмотреть рациональные, понятийные и антропологические смыслы самого концепта «русский космизм», как он сложился в отечественном культурно-мировоззренческом, научном и философском дискурсах конца XX века. Именно здесь начинался *сложный диалог* советской интеллигенции со своим прошлым, с российским культурным наследием, с русской философской традицией. Именно в этом диалоге со своей собственной культурной традицией не только шла идеологизация, но и переосмысление и рационализация истории русской философии, формировался концепт «русского космизма».

Список литературы

1. Абрамов М.А. Русский космизм: идея единства культуры и многоплановая реальность: Автореферат диссертации ... доктора культурологии: 24.00.01 / Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева. – Саранск, 2007.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 1989.
3. Вернадский В.И. Биосфера. – М., 1967.
4. Вернадский В.И. Живое вещество. – М., 1978.
5. Вернадский В.И. Живое вещество. – М., 1978.
6. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М., 1981.
7. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М., 1981.
8. Гиренов Ф.И. Космизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С.314-315.
9. Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. Учебник для гуманитарных вузов. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 1996.
10. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.). – СПб., 2001.
11. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.). Изд. 3-е, дополненное и переработанное. – СПб., 2001.
12. История философии: Учебник для высших учебных заведений. Под ред. В.П.Кохановского, В.П. Яковлева. – Ростов-на-Дону, 2002.
13. Кнорре Б.К. В поисках бессмертия: Федоровское религиозно-философское движение: история и современность. – М., 2008.
14. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой; Вступ. ст. С.Г. Семёновой; Предисл. к текстам С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой; Прим. А.Г. Гачевой. – М., 1993.
15. Семёнова С.Г. Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. – М., 1993.
16. Федор Гиренко – русский философ // Сайт «Федор Гиренко» // <http://www.fedorgirenok.narod.ru/#about>.
17. Философская инноватика и русский космизм. Материалы «круглого стола» (май 2011 г., Ростов-на-Дону). Сборник научных трудов / Отв. ред. проф. А.М. Старостин. – Ростов н/Д., 2011.
18. Циолковский К.Э. Избранные труды. – М., 1962.
19. Циолковский К.Э. Собр. соч. Т.1-4. – М., 1951-1964.
20. Швырев В.С. Экспликация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 426-427.
21. Шлёкин С.И. Русский космизм: Проблемы иррационального знания, художественного чувства и научно-технического творчества. – М., 2011.

¹⁶ Швырев В.С. Экспликация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 426-427.

ON EXPLICATION AND RATIONALIZATION OF THE CONCEPT “RUSSIAN KOSMISM”

L.P. FILENKO

*Belgorod National
Research University*

The article considers the rationalization of the concept “Russian kosmism” which is constructed in the Russian cultural, ideological, scientific and philosophical discourses of the end of the XXth century. The author claims that the rationalization of the concept does not correspond to the cultural and historical realities of the Russian philosophy and culture of the XIX – XXth centuries.

Keywords: Russian kosmism, Russian philosophy, concept, discourse, thesaurus, rationalization.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1 (075.8)

ДОНАУЧНЫЕ СОЦИАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЕ ФОРМЫ В ГЕНЕЗИСЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАЗНОРОДНОСТЬ ПОДХОДОВ

Концептуально ограниченный подход, согласно которому научная форма познания схематично «выводится» из непрерывного временного континуума, начиная от «зари» человечества и до XVI-XVII вв. (период экспериментального естествознания), затрудняет поиск детерминаций с точки зрения исследования органических связей между социокультурными особенностями эпохи, с одной стороны, и содержательно-когнитивной стороной научной революции Нового времени как второго качественного скачка в истории науки, с другой (как это, собственно, и должно быть на деле).

Анализировать проблему генезиса науки, выделяя прото (пред) научный аспект в качестве ее «начал», значит, по меньшей мере, пытаться «вывести» с высоты современности необходимую и достаточную совокупность условий и предпосылок возникновения науки в донаучном сознании и тем самым подгонять «искомое» под «известное».

Ключевые слова: научная форма познания, картина мира, донаучные социально-когнитивные формы, «генетический порог», границы науки, восполняющие замещения, метаморфоз, архаизация, модернизация, концептуальная неоднородность.

Г.Н. КАЛИНИНА

*Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры*

e-mail: galakalinina@inbox.ru

Основной задачей данной статьи является обоснование положения о том, что известные сложности попыток понять природу и генезис опытной науки с высоты сегодняшнего дня связаны с тем, что в условиях очевидной концептуальной неоднородности по данной сложной проблематике продолжает сохраняться наличие двух тенденций – архаизации и модернизации данного процесса. Их преодоление возможно в ходе установления коррелятивной, постоянно уточняемой связи, между предельным, наиболее гибким представлением о науке, с одной стороны, и ее возможным историческим первоначалом, с другой.

Выявление исторических и социокультурных предпосылок и границ генезиса новоевропейской науки сопряжено с метаморфозом превращенных, ненаучных форм знания. Это делает необходимым анализ сложного механизма функционирования, взаимоотношения данных социальных и ментально-когнитивных форм как восполняющих замещений на границах, разрывах и культурных диалогах исторических

типов античной рациональности, средневекового разума и веры, а также реформационного философско-теологического и капиталистического практического рационализма в диахронном и синхронном измерениях.

Прежде всего, имеет смысл отметить следующее важное обстоятельство. Известные сложности вокруг проблемы становления современной науки, опасность двух крайностей (ее как архаизации, так и модернизации) мы объясняем рядом факторов. В значительной мере – расплывчатостью того, что именно понимается под наукой. Так, осознания факта совершенной не тождественности современного понятия науки «как социальной деятельности, направленной на производство нового знания в целях приобретения власти над природой и технологического ее приложения» (И.Н.Лосева) является повсеместный перевод античного слова «episteme» как «наука» (science). При ближайшем рассмотрении такой перевод не выходит за рамки современных представлений о науке (когда наука обозначает не только систему понятий, но и деятельность по производству такой системы, т.е. социальный институт, и уже не мыслится вне этих понятий). – Античное понятие «знание», «episteme» как «наука», подобной нагрузки не несет. – Оно обозначает истинное и достоверное знание о вещах через знание их причин.

В значительной мере решение вопроса о возникновении науки зависит как от взгляда на самое науку, что является важнейшей методологической предпосылкой, так и от факторов (условий и причин), сделавших возможным появление данного феномена, и тем самым превративших данную возможность в действительность. Решение задачи точного и плодотворного анализа специфики научного познания и его конструктивных связей с другими, ненаучными формами культуры предполагает исторический подход к науке, анализ ее возникновения как специфического феномена культуры, выявление ее «демаркационных линий» с донаучными и внеаучными формами сознания¹. Такая постановка вопроса выступает в виде исходного теоретико-познавательного эталона, соотносимого и коррелируемого с реализованными в истории познавательными формами²,

В ряду существенных препятствий, затрудняющих выявление предпосылок и границ генезиса науки также следует назвать: и использованием различных критериев; и тем, что ряд важных аспектов, проливающих свет на проблему генезиса науки остаются (в результате попыток авторов ограничить область поиска) на периферии анализа и потому раскрываются явно недостаточно. В значительной мере концептуальную неоднородность и разные модели генезиса науки мы склонны связывать с противоречивостью самих требований в данной области. Так, с одной стороны, понимание науки как определенной целостности, с необходимостью предполагает введение концепции дискретности в развитии знания. А, с другой, необходимо осмысление науки как наследницы знания предыдущих эпох, что предполагает движение мысли в рамках концепции непрерывности. Наконец, по причине отсутствия углубленного внимания (и интереса) к исследованию социально-культурного контекста, в котором проистекала «картина развития идей», она неизбежно теряла свою многомерность. Представляется, что поиски продуктивного преодоления, «снятия» такого рода трудностей, создающих нежелательный «эффект» упрощения реальной истории науки, ее неоправданной схематизации, лежат в плоскости диалектического синтеза концепций непрерывности и дискретности и внимательного «прочтения» качественной специфики каждого этапа научного поступательного движения (научного прогресса).

Вопрос генезиса научного познания тесно связан с ролью такой важной и исторически уникальной сферой деятельности, обладающей рациональностью и всеобщностью, как процесс самосозидания субъекта деятельности и познания периода Возрождения и Нового времени. – Эпохи, в недрах которой развивался «правильный кристалл» научной картины мира, который не мог вырасти из хаотического,

¹ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.27.

² Ильин В.В. Проблема начала науки. – Вопросы истории естествознания и техники, М., 1984, № 2. – С. 34.

аффективного, нерационализованного «раствора» обыденного сознания. Авторы большинства гносеологических моделей, в которых развивается данная тема, подчеркивая, что наглядность научной картины мира «тесно связана со здравым смыслом, сферой обыденным опыта людей»³, не обосновательно пытаются установить вклад «обыденного сознания», «образов повседневного опыта» в создание научной картины мира. В результате ситуация такова, что в подавляющей своей части исследователи в НКМ, формировавшейся в XVII в. предпочитают видеть лишь «продолжение» обыденного (дотеоретического) сознания.

Данная методология в известной мере беспочвенна, поскольку она базируется на поисках выхода в теорию из «чисто» обыденных способов познания, то есть из опыта, который ограничен чувственностью и не дает достаточного материала для выяснения причин, закономерностей явлений, улавливая лишь обманчивую видимость вещей⁴. Отдавая должное роли так называемой донаучным социально-когнитивным формам в обогащении познавательного опыта человечества, без которого (как это настойчиво подчеркивается в современной литературе по истории науки и культуры), было бы невозможно развитие науки в дальнейшем, мы считаем нужным подчеркнуть первостепенную значимость анализа качественного скачка в развитии познания, поскольку он оказался решающим в формировании науки и научной формы (по) знания.

В отечественной⁵ и западной литературе в достаточно явном виде сложились противоположные методологические позиции об отношении обыденного сознания (здравого смысла) и науки (НКМ). Позитивистская – не видит принципиального между ними различия: наука есть очищенный, систематизированный «экстракт» здравого смысла и «совечна» тем самым обыденному сознанию. Вторая представлена главным образом романтиками, неокантианцами (Э.Кассирер и др), историками интерналистского направления (А.Койре, Дж.Макгуайр, и др.), историческим направлением в философии науки (И.Лакатос, П.Фейерабенд, Т.Кун, Н.Хэнсон), к ним примыкает К.Попер, которые, напротив, утверждают качественное отличие науки от обыденного сознания в силу ее специфики и выделяют момент ее рождения из непрерывного временного континуума, относя его к XVI- XVII вв. Данный процесс связывается с разрушением антично-средневековой концепции мироздания, во многих отношениях родственной обыденному сознанию, с разрывом мира обыденного опыта и научной картиной мира. Об эмоциональных препятствиях (отчасти «сопротивлении») для принятия этим сознанием научной картины мира достаточно определенно высказываются М.Борн, М.Планк, А.Ф.Лосев, А.Койре и др).⁶ «..развитие всей теоретической физики совершается под знаком объединения ее системы, которое достигается благодаря освобождению от антропоморфных элементов»⁷.

Иначе говоря, мы наблюдаем позиции, логически исключаящие друг друга. Первая – НКМ, не имея качественной специфики, формируется путем очищения, прояснения, систематизации и пр.от обыденного сознания. Вторая – констатируя факт качественного отличия НКМ от содержания обыденного сознания, формируется путем разрыва с ним. Надо сказать, что, наряду с названными, имеет место и иная гносеологическая модель генезиса НКМ, вычлениющая из обыденного сознания особую сферу «производственно-технического сознания», активностью которого, и созданным

³ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.27.

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1861-1863 годов. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.47, с.554.

⁵ Анализ проблемы генезиса науки, ее отличия от других вненаучных форм сознания, также претендующих на выработку определенного знания о мире, являлся предметом особо интенсивного изучения в советской философской, науковедческой и историко-научной литературе периода 80-х гг. (труды П.П.Гайденко, А.А.Гурштейна, А.Ф.Зотова, В.В.Ильина, В.А.Лекторского, В.С.Швырева, И.К.Лосевой, И.Д.Рожанского, Б.А.Старостина, В.С.Степина и др.).

⁶ Борн М. Физика в жизни моего поколения. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 535 с; Планк М. Физические очерки. – М.: Госиздат, 1925. – 136 с; Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд. Авт., 1930. – 286 с.

⁷ Планк М. Физические очерки. – М.: Госиздат, 1925. –С. 8.

им «заделом» («фондом предметных и производственных идей»)⁸, обязана своему появлению научная картина мира. Мы, в свою очередь, склонны принять парадигму, в рамках которой утверждается факт качественной специфики научной картины мира, не сводимой по факту своего рождения к эволюции обыденного сознания и формирующуюся путем радикального разрыва с ним.

Выяснить, что такое наука не возможно без опоры на твердое предварительное понятие о начале науки, ее «нижних» и «верхних» границах. Это так называемый «генетический порог» науки, в отношении которого в научной и философской литературе нередко допускаются нежелательные перегибы (как снижение, так и завышение) – в зависимости от концептуального подхода того или иного исследователя.

В первом случае в науку включаются буквально все знания, взятые в качестве результата социального опыта человечества, носящие характер адекватного объективного отражения действительности, в том числе и прото-, преднаука, которая резюмирует собой факт единства процесса научной деятельности, уходящей в предисторию человечества. Так, согласно А.А. Гурштейну, определяющим признаком науки, инвариантным по отношению к ее содержанию и организационным формам, полагается ее ориентация на «получение и развитие новых знаний»⁹, накопление объема объективно правильных сведений о мире как основного условия формирования, функционирования, совершенствования материальной и духовной культуры человечества. Схожую точку зрения относительно главных признаков науки излагает И.Д.Рожанский: «Наука есть ... деятельность по получению новых знаний; самоценность и постижение истины, рациональный характер, систематичность»¹⁰. М.В.Вартовский, выводя генезис науки из протознания, полагает ее «выросшей в суждениях здравого смысла, в обыденных способах познания»¹¹, говоря, что самые умозрительные греческие теории являются «попыткой упорядочить и объяснить мир здравого смысла»¹², совершенно неоправданно отодвигая тем самым границы генезиса науки в раннюю стадию культуры, ее недра. Б.Г.Юдин акцентирует внимание на соответствии (удовлетворении) знаний, претендующих на статус «научные» ряду специфических требований; В.В.Ильин, занимая схожую позицию с И.Д.Рожанским, со своей стороны выделяет определяющие признаки науки, подчеркивая наличие определенной целевой установки (производство нового знания), «познание ради познания»; рациональность, исключаящая мифологию, магию, веру в сверхъестественное и пр. И чего следует, что, научное знание может быть выделено лишь на последовательной доказательной основе в результате обоснованного и необходимого вывода из теоретического рассмотрения предмета в «чистом виде»¹³. – «Множество разрозненных знаний, полученных и функционирующих как набор эмпирических алгоритмов по решению опытных задач, не образует науки (выделено нами – Г.К)

В русле поисков оптимального решения демаркации научной и обыденной форм (по) знания В.С.Степин реализует эту задачу, беря за основу схему анализа труда по средствам и по особенностям «субъектной стороны» научной познавательной деятельности (по Марксу). Это, действительно, позволяет не просто проводить разграничение научного и обыденного стихийно-эмпирического познания, но и вывести ряд конкретных определений, характеризующих саму природу научного исследования. Подход В.С.Степина отдает приоритеты проективно-конструктивной функции как определяющей черте научного (по) знания- науки, а фаза формирования «особого мира

⁸ Дышлевый П.С., Яценко Л.В. Научная картина мира в культурно-историческом контексте. – В кн: Научная картина мира: (Логико-гносеологический аспект). Киев, 1983, – С.24.

⁹ См., например: Гурштейн А.А. Генезис науки как социально-исторический феномен. – Вопр. истории естествознания и техники, М., 1984, № 2, – С. 19-30; Гурштейн А.А. Наука и протонаука. – Природа, М., 1985, № 4. – С. 90-99

¹⁰ Рожанский И.Д. Античная наука. – М., 1980, с.3.

¹¹ Wartofsky M.W. Conceptual Foundation of Scientific Thought.N.V., 1968., p.62.

¹² Wartofsky M.W. Conceptual Foundation of Scientific Thought.N.V., 1968.,p.62.

¹³ Ильин В.В. Проблема начала науки. – Вопросы истории естествознания и техники, М., 1984, № 2. – С. 31-42.

• Подробно данный аспект рассмотрен в 1.1.

идеальных сущностей» важна здесь не сама по себе, но, в первую очередь, на том основании, что она (данная фаза) выступает (и рассматривается) как важная предпосылка для реализации именно проективно-конструктивной функции (по) знания. Отождествлением понятие идеального объекта с содержанием абстракции (а не распространяя его, скажем, на любые конструкции сознания, задающие ту или иную модель мира), подчеркивается, что в науке содержательные возможности идеальных объектов выходят за рамки наличной практической деятельности, что, относится к науке развитого типа (а отнюдь не к «мировому дереву» мифологического сознания и модели мира, им (таким сознанием) сформированной. Точка отсчета в генезисе «действительно науки», по мнению автора, предполагает независимо от эмпирии движение в сфере идеальных объектов, которое приводит к получению новых знаний в рамках экспликации заложенного в схеме построения данного идеального объекта содержания. Такой способ работы с идеальными объектами, резюмирует В.С.Степин, содержит в себе возможности дальнейшего развития, в котором реализуются эвристические функции теоретического сознания как опережающего наличный уровень практики отражения»¹⁴.

В свою очередь, Г.И.Ойзерман в качестве исходной, необходимой характеристики научного познания, называет формирование рефлексивного аппарата – «теоретического фильтра». Призванного участвовать в механизме превращения выделенных абстракций, познавательных норм и схем из контекста непосредственной практики в предмет особого рода деятельности, которая руководствуется специфическими критериями, идеалами и нормами. Последние и определяют обоснованность, доказательность выводов, полученных в работе с идеальными объектами. Выделение абстракций из контекста реальной жизни и превращение их в особого типа реалии, являющиеся предметом осознанной в соответствующих рефлексивных представлениях деятельности, и составляет определяющие признаки науки как формы теоретического сознания.

Действительно, историкам науки трудно дается согласование концепций в условиях неопределенности и неоднородности самого понятия «наука». Нередко авторские статьи, основанные, скажем, на схожем фактуальном материале, радикальным образом расходятся в выводах. В большинстве своем в качестве важнейшей мировоззренческой предпосылки смены одного типа познавательного отношения к другому и перехода от протонаучного знания к «собственно науке, рассматривается преодоление основ архаического мифологического сознания, создание демифологизированной «объектно-естественной» картины мира*. Этим во многом объясняется сегодняшнее повышенное внимание исследователей к мифу и донаучным формам знания; говорится о необходимости их реабилитации как равноправных а не маргинальных (как считалось ранее) субъектов познавательного процесса. Некоторые из авторов склонны говорить о том, что истоки многих видов научной тематики и проблематики современности уходят в недра мифологического сознания, выступавшего первичной формой идеального и рационального с функциями регулирующего деятельность знания, являясь весьма устойчивыми к революционным потрясениям в науке; что первое объяснение познавательного процесса в форме пророчества и гадания, понимание окружающего мира в образе архаической онтологии дала магия со свойственной ей когнитивно-исследовательской установкой. В то время как миф, оформив последнюю в целостную систему сакрального сознания, завершил деление мира на профанный и сакральный, став, по сути, первым длинным интересубъективным текстом – всеобъемлющим ресурсом культуры. В значительной мере это сопряжено с необходимостью раскрыть базовые структуры сознания и его связь с бессознательным, с

¹⁴ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.36.

* Здесь важно различать два контекста (параметра) как основания для проведения различия, учет которых в решении вопроса о генезисе науки необходим. Во-первых, мировоззренческий (система отношений и «картина мира», доминирующая в культуре) и, во-вторых, контекст применения, практического (материально-производственного, прежде всего) использования имеющегося корпуса знания.

нетематизируемыми горизонтами жизненного мира, с непрозрачными зонами «забвения»¹⁵.

В.С.Швырев, в русле проблемы определения «начала» науки, справедливо обращает внимание на следующее: «Пытаясь понять специфику архаической культуры, сложную диалектику нерационального и иррационального, мы становимся на реальные пути осознания того, как в крайне сложных условиях формирующееся и развивающееся человеческое существо сумело в общем и целом успешно справиться с труднейшими задачами и создать фундамент последующей цивилизации. Одновременно при таком подходе сохраняется перспектива исследования специфики производства знания в рамках науки»¹⁶. И уж не в коей мере речь не идет о том, что отказ рассматривать накопленный багаж знаний в качестве научных означает, что мы, «оставляем человека целиком в лоне религии»¹⁷, принижаем значимость его достижений в познавательной сфере.

Напротив, многолинейность мыслительной деятельности на донаучной стадии обнаруживает сложную диалектику рационального и иррационального, адекватного и превратного, субъективного и объективного. Это обусловлено не только противоречивостью практики, но в значительной степени амбивалентностью ментальности, следствием чего стало существование двух основных тенденций духовного производства – рациональной (идеальная сторона общественной практики) и мистико-религиозной, порожденной практической беспомощностью антропоморфного деятеля.

Итак, мы видим, что, с одной стороны, распространенное включение в понятие «наука» буквально всего объема достижений человеческого духа напоминает абстракцию «производства вообще», демонстрируя чрезмерное содержательное (а не только терминологическое) занижение «нижней» границы науки в социальном и культурно-историческом измерении. При таком подходе к генезису научной формы знания некий абстрактный объект под названием «наука» отсылается к достаточно ранней стадии культуры. На ранней исторической фазе развития духовной культуры мы не находим еще оснований научного знания как таковых, а, следовательно, и связей, образующих такой важный атрибут науки, как «стиль научного мышления». – Складывающиеся предпосылки начальных механизмов образования научной формы духовного производства (форм научного познания) еще скрыты в глубинах практической деятельности и мышления человека. Анализировать проблему генезиса науки подчеркивая прото (пред) научный аспект в качестве «начал» собственно науки, значит, по меньшей мере пытаться «вывести» с высоты современности необходимую и достаточную совокупность условий и предпосылок возникновения науки в донаучном сознании и тем самым подгонять «искомое» под «известное». Такой подход, безусловно, затрудняет решение вопроса о предпосылках генезиса научной формы (по) знания, решение которого предполагает его анализ под углом зрения исследования сложного метаморфоза донаучных форм мыслительной деятельности, не позволяет в должной мере проследить сложные механизмы их функционирования на границах генезиса собственно науки.

В не меньшей мере уязвима для критики позиция, которая на «почве» категорического отрицания линию «непрерывности», игнорирует (в русле модернизации) фактор преемственности знания – под наукой в таком случае понимается главным образом (или только) экспериментально-математическое естествознание, а ее возникновение связывается с утверждением экспериментального естествознания с

¹⁵ Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога. Эпистемология и философия науки. Т. IV, 2005, № 2.- С.13.

¹⁶ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.29.

¹⁷ Гурштейн А.А. Генезис науки как социально-исторический феномен // Вопр. истории естествознания и техники, М., 1984, № 2, – С. 24.

последующей его математизацией в XVIII в.¹⁸. В данном случае имеет место завышение генетического «порога» науки, что тоже недопустимо.

С точки зрения необходимости комплексного подхода к научному познанию и его истории, решение интенсивно дискутируемой проблемы, лежащей в плоскости социокультурной детерминации и генезиса науки, мы стоим на позиции ухода от любых крайностей, когда, при должном внимании к ранним историческим познавательным формам одновременно учитывается (не ограничиваясь фиксацией «лежащих на поверхности» фактов и зависимостей) специфика (инвариант) научной формы (по) знания и самосознания¹⁹. Установка на рефлексивный анализ генезиса научно-познавательной деятельности требует непреложного учета всего многослойного контекста культурного развития, знания сложного механизма его детерминации и методологической четкости, а также определенного уровня и развития средств анализа мышления. Без них нельзя в полной мере «пролить свет» на вопрос о генезисе науки, осмыслить и представить ее как культурный феномен в его целостности и совокупности, выделить органически связанные аспекты и оптимально верные линии реализации данной проблемы.

Проблема предпосылок и оснований научно-познавательной деятельности (не как некоего замкнутого «в себе» явления, а как происходящего в широком контекстуальном пространстве его внешних связей) охватывает хоть и различные, но органически связанные ее аспекты. Они касаются прежде всего, предметно-содержательного когнитивного характера этой единой проблемы: в определенном «образе науки» предполагается и содержится представление об идеалах и нормах научности, в которых в большей степени проявляется самостоятельность социальных и ценностных факторов, преломляющихся в нормах когнитивности. Вот почему мы разделяем позицию целого ряда авторов²⁰, которые, в русле программы поиска социокультурных детерминаций, акцентируют внимание на исследовании органических связей между социокультурными факторами (особенностями) эпохи и содержательно-когнитивной стороной научной революции Нового времени как второго качественного скачка в истории науки.

В данном случае мы имеем в виду не только значимость выявления идейно-мировоззренческих предпосылок возникновения новоевропейской опытной науки, куда включаются основные черты картины мира, лежащей в ее основе: разрушение иерархической средневековой картины мира и замена ее представлениями о гомогенном Космосе, превращение природы, свободной от «живых сил» и их носителей, в механизм. Не менее важно выявление специфики идеалов и норм научного мышления (как то: отказ от авторитетов любого рода; установка на внутреннюю достоверность знания для

¹⁸ См., например: Гайденок П.П. О понимании преемственности в развитии научного знания. – Вопр. истории естествознания и техники, М., 1981, № 3, – С. 34-36; Гайденок П.П. Эволюция понятия науки: Становление первых науч. прогр. – М.: Наука, 1980. – 568 с. и др.

¹⁹ Юдин Б.Г. К вопросу об эволюции форм самосознания науки. – В кн.: Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983, – С. 15-19; Юдин Б.Г. Методологическая и социокультурная определенность научного знания. Минск, 1981, – С. 120-158; Юдин Б.Г. Методологическая характеристика процессов взаимодействия наук. – в кн.: Методологические проблемы взаимодействия естественных и технических наук. М., 1981, – С. 178-198; Ильин В.В. Проблема начала науки. – Вопр. истории естествознания и техники, М., 1984, № 2. – С. 31-42; Степин В.С. Специфика научного знания и социокультурные предпосылки его генезиса. – В кн.: Наука и культура. М., 1984, – С.138-158; Степин В.С. Картина мира и ее функции в научном исследовании. – В кн.: Научная картина мира: логико-гносеологический аспект. Киев, 1983, – С. 80-107; Степин В.С. Эвристическая функция научной картины мира. – В кн.: Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. Москва; Обнинск, 1983. – С. 23-26; Швырев В.С. Научное познание как деятельность. – М.: Политиздат, 1984. – 232 с; Швырев В.С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки. Вопр. философии, М., 1985, № 6, – С.44-56; Швырев В.С. Теория познания и методологический анализ науки. – В кн.: Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. – С. 123-148; Швырев В.С., Юдин Б.Г. Методологический анализ науки: его сущность, основные типы и формы. – М.: Знание. – 1980. № 2. и др.

²⁰ См.: Аухтин В.А. История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. – М.: Наука, 1976. – 292 с; Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: Две эпохи в развитии буржуазной философии. – В кн.: Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972, – С. 29-94; Петров М.К. Как создавали науку? – Природа, М., 1977. № 9, – С.80-88.

самосознания познающего субъекта; развитие логического инструментария теоретического мышления и навыков дискуссий (заслуга средневековой схоластики, прежде всего); наконец, внедрение и утверждение экспериментально-технологического «стиля мышления»^{*}.

Сложность, однако, состоит в обозначении конкретных механизмов социокультурной детерминации специфики науки Нового времени (новой науки), а точнее – в определении степени значимости различных факторов и условий для этой детерминации. Как отмечает В.С. Швырев, современная историко-научная мысль «безусловно преодолела примитивизм наивно-когнитивистских кумулятивных схем и расширила горизонт своего видения предмета, но испытывает значительные трудности в установлении концептуальных связей внутри этой более широкой и полной его картины»²¹.

Этим лишь лишний раз подтверждается тот очевидный для нас факт, что в большинстве своем проблема генезиса науки решается в известном спенсеровском контексте ассоциации науки «с искусством и ремеслом (techne), произошедшими из опыта и имеющими применение для практических целей»²². – Эмпирические действия в ремесленном опыте, однако, не могут адекватно выразить все свойства объекта, ухватывая только «узкую» область действительности, лишь отдельные чувственно воспринимаемые вещи и процессы. Прав Маркс, когда говорит: «...на прежних ступенях производства ограниченный объем знания и опыта...в целом никогда не выходил за пределы традиционно пополняемого и лишь очень медленно и понемногу расширяемого собрания рецептов. (Эмпирическое овладение тайнами каждого ремесла). Рука и голова не были отделены друг от друга»²³. Когда же наука выводится из «разросшегося обыденного знания», тогда упускается из виду, что на эмпирическом уровне момент всеобщности не ухватывается. – Такое возможно лишь на более высоких ступенях абстракции, присущих (и характерных) для спекулятивного «духа» философии, прототипом которого явился античный способ мышления.

Таким образом, генезис научной картины мира, отличающейся своей качественной спецификой, не сводим к эволюции обыденного сознания, к донаучным социально-когнитивным формам и формируется через радикальный разрыв с таковыми. Включение в науку всех вырабатываемых в культуре и в социальном опыте человечества знаний, в том числе прото (пред) научной его формы, является неоправданным упрощением реальной истории науки и столь же неоправданной ее схематизацией. При таком подходе к генезису научной формы знания некий абстрактный объект под названием «наука» (в русле тенденции архаизации) отсылается к достаточно ранней стадии культуры. А из этого следует, что размывается и становится неявной прежде всего, содержательная граница между «знанием вообще» и «собственно наукой» (систематизированной наукой); возникает опасность «круга» и занижения нижней границы («генетического порога») науки в глубины человеческой истории и культуры; происходит нарушение стилевой специфики различных духовных образований как детерминирующего фактора научно-познавательной деятельности.

Для нас вполне очевидно, что наиболее весомые возражения по поводу неправомерности попыток занижения генетического порога науки (что, как отмечалось, наиболее, распространено) целесообразно вести на почве рефлексии специфики античного общества. Именно там впервые теоретическое сознание смогло сформулировать норму поиска истины, вырабатывающейся самими людьми и являющейся исключительно результатом напряженной работы сознания свободных

*В вопросе социокультурной детерминации естествознания нового времени прослеживается устойчивая связь между «технологическим сознанием», сформировавшемся в сфере материального производства и стилем экспериментально-математической науки (См.: Лекторский В.А., Швырев В.С. Диалектика практики и теории. – Вопросы философии, М., 1981, с.12-24; Шавырев В.С. Научное познание как деятельность. – М.: Политиздат, 1984. – С.156. -232 с.

²¹ Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – С.39.

²² Crombie A.C. (ed.). Scientific Change.L.,1963,p.15

²³ Маркс К. Экономические рукописи 1861-1863 годов. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.47, – С.554.

граждан^{*}. – «...теретическое познание, отмечал Ф.Энгельс в «Диалектике природы», если оно хочет проследить историю возникновения и развития своих теперешних общих положений, вынуждено возвращаться к грекам»²⁴. Представляется, что в этих словах – квинтэссенция одной из сложных и важных в истории науки проблем – проблемы преемственной связи науки различных эпох, античной, средневековой и современной форм знания, в русле развития которых, собственно, и сложились релевантные условия для возникновения науки в ее традиционном сегодняшнем понимании и трактовке.

Список литературы

1. Научное познание как объект междисциплинарного исследования. Научно-аналитический обзор. М., 1986. – 63 с.
2. Ильин В.В. Проблема начала науки. – Вопросы истории естествознания и техники, М., 1984, № 2. – с. 34-42.
3. Маркс К. Экономические рукописи 1861-1863 годов. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.47.
4. Борн М. Физика в жизни моего поколения. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 535 с;
5. Планк М. Физические очерки. – М.: Госиздат, 1925. – 136 с;
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд. Авт., 1930. – 286 с.
6. Дышлевый П.С., Яценко Л.В. Научная картина мира в культурно-историческом контексте. – В кн: Научная картина мира: (Логико-гносеологический аспект). Киев, 1983, с.74-79.
7. Гурштейн А.А. Генезис науки как социально-исторический феномен. – Вопросы истории естествознания и техники, М., 1984, № 2, с. 19-30;
8. Гурштейн А.А. Наука и протонаука. – Природа, М., 1985, № 4. – с. 90-99.
9. Рожанский И.Д. Античная наука. – М., 1980.
10. Wartofsky M.W. Conceptual Foundation of Scientific Thought.N.V., 1968., p.62.
11. Касавин И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога. Эпистемология и философия науки. Т. IV, 2005, № 2.- С.13-20.
12. Гайденко П.П. О понимании преемственности в развитии научного знания. – Вопр. истории естествознания и техники, М., 1981, № 3, с. 34-36;
13. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление первых науч. прогр. – М.: Наука, 1980. – 568 с.
14. Швырев В.С. Теория познания и методологический анализ науки. – В кн.: Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983, с. 123-148;
15. Петров М.К. Как создавали науку? – Природа, М., 1977. № 9, с.80-88.
16. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М., 1952, с.24-25.

PRE-SCIENTIFIC SOCIO-COGNITIVE FORM OF THE GENESIS OF SCIENTIFIC COGNITION: CONCEPTUAL DIVERSITY OF APPROACHES

G. N. KALININA

*The Belgorod state institute
of arts and culture*

e-mail: galakalinina@inbox.ru

The article argues with the limited approach, according to which the scientific knowledge of schematic form "displayed" the natural continuum which is ranged from the dawn of humanity and to the XVI-XVII centuries. This approach makes it difficult to find determinations in terms of organic links between socio-cultural characteristics of the era, on the one hand, and the contextual cognitive side of the scientific revolution, the new age as a second qualitative leap in the history of science, on the other (as it actually should be in fact).

Keywords: scientific form of cognition, worldview, pre-scientific socio-cognitive, genetic threshold, boundaries of science, substitution, metamorphosis, archaization, upgrade, conceptual heterogeneity.

^{*} Однако только осторожное отношение к античности позволит нам избежать невольных парадоксов или модернизаций при характеристике достижений греческого мыслительного гения.

²⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. – М., 1952, – С.24-25.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 132.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Т.И. ЛИПИЧ¹⁾
М.С. АЗАРИНА²⁾

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет*

¹⁾e-mail: lipich@bsu.edu.ru

²⁾e-mail: azarimariya@yandex.ru

В данной статье проанализирован инновационный российский и зарубежный опыт ресоциализации пожилых людей, выявлены социокультурные детерминанты. Описаны особенности ресоциализации и социальной адаптации пожилых людей в условиях трансформации общества.

Ключевые слова: ресоциализация, постсоветская модернизация, социокультурные детерминанты, адаптация, старость.

Современный процесс старения населения не имеет аналогов в истории человечества. Указанный процесс в России начался гораздо позже, чем в большинстве западноевропейских стран. Следует заметить, что с середины 60-х годов XX века он проходил интенсивнее, чем на Западе. В нашей стране старение населения не настолько очевидно, как в других развитых странах, но имеет тенденцию к опережающему росту: на границе тысячелетий 30 миллионов россиян уже принадлежат к старшему поколению¹.

Адаптация к старости не всегда являет собой процесс роста. Эволюция личности может остановиться или повернуть вспять вследствие ослабления физических и психологических возможностей человека. Активность многих пожилых людей падает из-за неудовлетворительного состояния здоровья, финансовых затруднений и эмоциональных переживаний. Данная тенденция вызывает беспокойство во всем мире. В развитых странах, где с глубоким уважением чтут традиции, например в Японии, старики пользуются почетом; в Америке же пожилых людей «отправляют на выгон», когда они уходят на пенсию, – неожиданно они становятся совсем ненужными обществу².

Необходимо отметить, что ресоциализация в пожилом возрасте неэффективна. Люди тяжело примиряются со старостью. На предшествующих этапах человеческого существования, жизнь приносит радости и блага: увеличение дохода, власть, любовные приключения, а в пожилом возрасте человека ожидают главным образом потери. Социализация пожилых отличается от социализации на более ранних этапах жизни еще

¹ Забелина Н. В. Маргинализация пожилых людей в условиях социокультурной трансформации России: дис... канд. социол. наук: 22.00.04 / Н.В. Забелина. – Курск, 2006. – С. 81.

² Смелзер Н. Социология/Н. Смелзер. – М.: Феникс, 2005. – С. 562.

и тем, что роли пожилых людей четко не определены³. Истинная роль пожилых людей в современном обществе неясна. Они не пользуются особым почетом. По мнению Н. Смелзера, ресоциализацией называется усвоение новых ценностей, ролей, навыков вместо прежних, недостаточно усвоенных или устаревших⁴.

Заметим, что существуют культурные детерминанты в «опыте старения» различных народов, например, в отношении ощущения или переживания старения (самоидентичность, мораль, удовлетворенность жизнью) или социального контекста (структуры семьи и общества, норм в отношении поддержки. Также, есть различия по культурным факторам, оказывающим влияние на оказание семейной помощи. Детерминанты проявляются в объеме оказания помощи и представлениях о необходимости ухода за пожилыми родителями, в том как взрослые дети понимают старение. Например, в одних странах, родственники ухаживают за пожилыми на дому, в семье, в других прибегают к профессиональной помощи. Проведенное исследование по изучению семейной солидарности в Европе показало, что культурные модели действительно продолжают действовать и сейчас⁵. Так, в государствах с сильными традициями семейной солидарности пожилые люди обращаются к своим детям за материальной помощью (Испания, Греция). В Испании, пожилые люди неохотно обращаются к профессионалам, если им требуется обслуживание на дому. В тоже время, остается открытым вопрос о том, в какой степени принадлежность к определенному народу влияет на переживания старения? Какова роль этнической идентичности в пожилом возрасте? Эти проблемы требуют изучения и на них нет четких и однозначных ответов. Все исследования, имеющие отношение к этнической группе, чем к этнической идентичности, можно условно разделить на три группы. Первая группа, наиболее многочисленная, связана с исследованием стереотипов и аттитудов отношений к старшим в определенной культуре. Например, в транскультурном исследовании, проведенном в 1979-1982гг. в нашей стране, посвященном изучению специфических национально-культурных особенностей пожилых людей на Кавказе и в средней полосе России, ученые опирались на геронтофильную теорию долголетия. Согласно этой теории, большая частота случаев долгожительства в некоторых районах Кавказа объясняется положительными национально-культурными традициями, предполагающими почтительное отношение, уважение и любовь к пожилым людям. По мнению исследователей, этим в значительной мере обеспечивается благоприятное (внестрессовое) положение стариков в обществе, способствующее их активному долголетию. Однако несмотря на трудности формализации проявлений традиционн-национального этикета по отношению к пожилым в различных этнических группах, был сделан вывод об определенном преувеличении и идеализации кавказского национального этикета как основной причины кавказского долгожительства: «у всех национальностей и во всех районах в основе отношения к пожилым людям лежит чувство уважения, стремление облегчить физические и моральные тяготы позднего возраста»⁶.

Заметим, что за рубежом и в России накоплен очень интересный опыт ресоциализации пожилых людей. Выделим следующие сферы применения инновационных технологий работы с пожилыми людьми: в сфере социального обслуживания; в сфере туризма; в сфере информационного обеспечения; в сфере образования.

Ресоциализация — это повторная социализация, которая происходит на протяжении всей жизни индивида. Ресоциализация осуществляется изменениями установок индивида, целей, норм и ценностей жизни⁷. Процесс ресоциализации пожилых людей во всем мире проходит достаточно тяжело. Причинами этого являются изменение

³ Смелзер Н. Социология/Н. Смелзер. – М.: Феникс, 2005. – С. 567.

⁴ Там же. – С. 545.

⁵ Краснова О.В. Исследование структуры социальной поддержки пожилых людей//Психология зрелости и старения. 2008. №2. – С. 22.

⁶ Болотова А.К., Молчанова О.Н. Психология развития. – М.: Черо, 2005. – С. 324.

⁷ Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: Парадигмы и темы. -- М.: Анкил, 1997. – С. 425.

социального статуса пожилого человека, потеря контактов с окружающими ранее людьми, избыток свободного времени, а также сама травмирующая ситуация, связанная с выходом на пенсию⁸. Поэтому, во многих развитых странах мира пожилые люди живут в геронтологических центрах, схожих по функциям с отечественными стационарными учреждениями социальной защиты. Ведущие геронтологические центры располагаются в США, Японии, Германии и скандинавских странах. Геронтологические центры – новый тип учреждений социального обслуживания для граждан пожилого возраста, где предоставляется гериатрическая помощь. Они открыты в Республике Татарстан, Краснодарском и Ставропольском краях, в Волгоградской, Воронежской, Новосибирской, Омской, Орловской, Смоленской, Ярославской областях, Ханты-Мансийском автономном округе и Москве⁹. Геронтологический центр во взаимодействии с социальными учреждениями может обучить пожилого и старого человека приемам выхода из состояния «социального сиротства» и вернуть его в пространство социальной, трудовой и семейной жизни».

Отметим, что одной из новых технологий в работе геронтологических центров является включение в социально-профилактическую, воспитательную работу с пожилыми клиентами специализированных программ сдерживания темпов биологического старения. Их основное содержание составляет помощь в самопознании, раскрытии творческого потенциала личности, а также обучение оптимальному использованию резервных возможностей организма¹⁰. Отличие геронтологического центра от дома престарелых в том, что здесь помимо медицинской гражданам оказывают и консультативную помощь по вопросам профилактики старения.

Все большую роль в оказании помощи пенсионерам и инвалидам играют центры социального обслуживания. В настоящее время, в России таких центров насчитывается свыше 1,9 тысяч. По сравнению с начальной стадией развития этих учреждений, новых для периода 80-х годов, бурный количественный рост их прекратился. В последние годы ежегодно открывается 40-50 новых центров¹¹. Однако в результате совершенствования системы видов и форм социального обслуживания, включающих комплекс услуг (медицинских, коммунальных, торговых и других), предоставляемых гражданам пожилого возраста, характерной чертой центров стала их многопрофильность. В Великобритании также есть многопрофильные центры дневного ухода за пожилыми людьми. Они были созданы в 60-х годах для расширения объема услуг в рамках общины. За последние десятилетия количество этих центров увеличивалось, снизило изолированность старых и одиноких людей¹².

В России существуют специальные жилые дома для одиноких пожилых граждан и супружеских пар с комплексом служб социально-бытового назначения. При обязательном условии передачи принадлежащего им жилья в муниципальную собственность города такие старые люди получают одно- или двухкомнатную квартиру, а также соответствующую доплату разницы между стоимостью их собственного жилья и полученного в специальном доме¹³.

В настоящее время, кроме центров дневного ухода, в зарубежных странах существуют учреждения, которые предлагают не только временное, но постоянное проживание. В Швеции, это дома для пожилых с широким спектром услуг по уходу и лечению лиц, не желающих проживать дома. Одним из принципов обслуживания пожилых в этой стране является принцип свободы выбора, в частности сохранение за

⁸ Горшков М.К. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // Социс. 2006. № 12. – С. 3.

⁹ Якимова Е.В., Торнстон Л. Геронтология в динамическом обществе // Социальная геронтология: Современные исследования. 2004. №2. – С.58.

¹⁰ Там же. – С. 60.

¹¹ Топчий Л.В. Социальное обслуживание пожилых людей: новые шаги к инновационным технологиям и созданию благоприятной обстановки // Работник социальной службы. 2005. №1. – С.49.

¹² Корнюшина Р.В. Зарубежный опыт социальной работы. – Владивосток: Дальневосточный Университет, 2004. – С. 76.

¹³ Топчий Л.В. Социальное обслуживание пожилых людей: новые шаги к инновационным технологиям и созданию благоприятной обстановки // Работник социальной службы. 2005. №1. – С.49.

пожилыми людьми права на свободу выбора жилья. Если человек хочет жить у себя дома он должен иметь такое право, даже если при этом возрастает потребность в получении помощи. Люди, которые очень нуждаются в уходе и не желают (или не способны) жить в обычных домашних условиях, должны иметь возможность выбрать проживание в «особых условиях». Дома для пожилых – это традиционная форма услуг, и многие пожилые по-прежнему отдают ей предпочтение в Швеции¹⁴.

В конце 60-х гг. в Швеции были построены первые, так называемые «дома сервиса». По замыслу их создателей в такие заведения пенсионеры могли бы переезжать еще в дееспособном возрасте и по мере возникновения необходимости получать в возрастающем объеме помощь и лечение. Однако, развитие событий пошло несколько по-иному. Расширение сферы услуг на дому, а также улучшение жилищных условий в целом привели к тому, что все большее число людей предпочитало оставаться дома как можно дольше. Поэтому просьба о переезде в «дом сервиса» поступает, как правило, уже тогда, когда потребность в уходе значительно возрастает. «Дом сервиса» представляют собой квартиры, в которых группа пожилых вне зависимости от родства проживают совместно. В этих квартирах или в непосредственной близости находится персонал, который круглосуточно может предоставлять помощь. Групповое проживание возникло как элемент развития открытых форм лечения и ухода для лиц с психическими расстройствами физическими заболеваниями, нарушениями двигательных функций, а также людей в состоянии старческого маразма¹⁵.

Подобная форма ухода за пожилыми людьми имеется и в Великобритании. Там она называется «смягченные условия проживания». Предназначены такие условия для активных пожилых лиц. На деле это группа небольших домов, квартир или коттеджей, где жильцы могут жить независимо. В случаях необходимости приходит опекун. Такими опекунами могут быть патронажные работники, которые выступают как помощники, посредники между семьей и престарелым человеком.

Заслуживают внимания приюты семейного типа для пожилых и престарелых лиц, проживающих вне семьи в США. Они получили большое распространение. Они могут быть различной формы, но общие черты в них следующие: помощь оказывается частным лицом, предоставляющим свой дом, но не являющимся родственником; за определенную плату пожилому человеку предоставляется комната, помощь в преодолении трудностей, защита, обеспечение лекарствами; приют должен быть небольшим для создания теплой семейной атмосферы; наблюдение и контроль попечительства осуществляется профессионалами из штата агентства, которое руководит этой программой обслуживания пожилых лиц¹⁶. Дома для престарелых людей семейного типа обслуживают, главным образом, три категории населения: психически больных, умственно отсталых, старых и больных людей. Такие учреждения представляют собой нечто среднее между государственным приютом и семьей. Аналогичный опыт социального обслуживания есть в России получил название – «Приемная семья для пожилого человека». Опыт территорий показал, что проживание в приемной семье может быть законодательно закреплено как особая форма социального обслуживания пожилых людей (Пермский край). Внедрение такого вида социальной поддержки предполагает снижения очередности в дома-интернаты общего типа, она экономически целесообразна и является альтернативой стационарному обслуживанию. Приемная семья позволяет поддерживать традиции семейной заботы о старшем поколении, наладить связь поколений, поднять статус пожилых людей в семье и в обществе в целом. Новая форма социального обслуживания «Семья для пожилого» является одним из вариантов решения проблем жизнеустройства одиноких пожилых людей¹⁷.

¹⁴ Козлов А.А. Социальная работа за рубежом: состояние, тенденции, перспективы. – М.: Флинта, 2008. – С. 135.

¹⁵ Альперович В.Д. Социальная геронтология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – С. 246.

¹⁶ Корнюшина Р.В. Зарубежный опыт социальной работы. – Владивосток: Дальневосточный Университет, 2004. – С. 54.

¹⁷ Шарин В.И. Социальное обслуживание: проблемы, пути развития//Социальное обеспечение. 2003. № 1. – С. 12.

И все-таки, как было отмечено ранее, очень многие пожилые люди хотят жить дома. В рассматриваемых странах развита социальная система помощи пожилым и престарелым на дому. Эта система включает уход и лечение. Например, в Швеции после соответствующей проверки пожилому человеку оказывается помощь в уборке, приготовлении пищи, личном уходе, покупке продуктов. Лечение на дому осуществляется медицинскими сестрами, сиделками, врачами, работающими в определенной больнице или поликлинике, к которой «прикреплены» их пациенты.

Еще одним из способов ресоциализации пожилых людей является туризм. Эта форма широко применяется как в России, так и за рубежом. Доля пожилых туристов постоянно увеличивается и составляет не менее трети. Как отмечают британские исследователи, пожилые туристы расходуют на свои поездки в общей сложности 17 миллиардов фунтов в год. Если взять Соединенное королевство, то 51% заграничных туров и 43% экскурсий внутри страны покупается именно людьми, старше 50. Традиционно самыми популярными странами среди пожилых туристов являются Испания, Франция и Италия. Польша, Болгария и Хорватия привлекают, в основном, тех, кто желает отправиться в сторону от уже известных всему миру маршрутов. Ожидается, что к 2020 г. на долю таких туристов будет приходиться уже 50% путешествий. Кроме того, выяснилось, что пожилые люди предпочитают городские туры курортам, и выбирают те экскурсии, которые могут рассказать о культуре места или соответствуют увлечениям путешественников¹⁸.

Стремление к активным формам проведения свободного времени способствует успешной ресоциализации и социальной адаптации, тогда как ориентация на пассивно- созерцательные виды досуга обуславливает понижение общего жизненного тонуса пожилых, допускает углубление их социальной изоляции. Подобная активность способствует переходу их от потребительства к производительной деятельности, к свободе выбора занятий, отвечающих способностям, задаткам и увлечениям человека.

С каждым годом в России и за рубежом возрастает значимость информационных технологий. Становится все больше пожилых интернет-пользователей. По данным исследовательской компании TNS Gallup Media, в 2008 г. число пользователей рунета впервые выросло в основном благодаря аудитории «55+». Во всех крупных городах открываются специальные курсы компьютерной грамотности для пожилых людей – занятия пользуются большой популярностью. Например, только на одних компьютерных курсах Юго-Восточного округа Москвы за год прошли обучение более 800 пенсионеров¹⁹.

По данным исследовательской компании TNS Gallup Media, число пожилых пользователей в интернете выросло почти вдвое – на 73%. Такая же тенденция прослеживается на Западе. Например, в Великобритании за 2009 год количество молодежи среди общего числа пользователей интернета уменьшилось с 29 до 25%, а вот пользователей в возрасте от 55 лет стало больше. Исследования в Германии показали, что пожилые немцы пользуются интернетом чаще подростков. По оценкам скандинавской компании Telenor, вскоре пожилые и старые люди будут составлять половину интернет-аудитории Швеции, Норвегии и Дании.

Постепенно мировое интернет-пространство адаптируется под требования пожилой аудитории. Недавно начала работать поисковая система «Cranky», рассчитанная на тех, кто старше 50 лет: скромный дизайн, ограниченное число баннеров, результаты поиска выводятся только по четыре ссылки – все, чтобы пожилые пользователи не терялись в избытке информации. В ноябре 2007 г. британская компания «Saga» придумала социальную сеть для пожилых людей. А в конце лета в Лондоне у пенсионеров появился свой отдельный интернет-провайдер; в службе поддержки пользователей работают преимущественно немолодые люди, которым легче найти взаимопонимание с престарелыми клиентами, а процедура подключения к интернету максимально проста.

¹⁸ Справочник путешественника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.turizm.ru/uk/19398.html>

¹⁹ Шевченко Д. Третий возраст [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.runewsweek.ru>

Специализированные сайты успели появиться и в России. Создаются сайты, где выложены подробные и разработанные именно для пожилых людей инструкции по пользованию интернетом. Недавно в интернете заработал сайт «Третий возраст», где есть служба знакомств, онлайн-версии крупных европейских изданий, а также ссылки на интересные этой аудитории сайты. Например, сайт «Старое радио», где можно скачать записи спектаклей, литературных чтений и радиопостановок. Очень активно создаются родительские вебсайты.

Недавно появился еще один представитель группы семейных порталов – Grandparents.com. Портал создан с целью сформировать онлайн-общество, где современные бабушки и дедушки могут общаться со своими внуками, живущими в других странах и не имеющие возможности часто их навещать. Grandparents.com предоставляет инновационный путь развития отношений «Прародитель – внук»²⁰.

Интересным, на наш взгляд, способом ресоциализации пожилых людей является образование в пожилом возрасте. Университет третьего возраста как отдельное направление в образовании приобрел разнообразные формы в разных странах мира. Так в США существуют два вида образовательных учреждений: институты образования для людей пенсионного возраста и пансионаты для пенсионеров. Концепция обучения пожилых людей получила название «elderhostel» – пансионаты для пенсионеров. Ее разработал Мартин Ноултон, вдохновленный атмосферой сообщества, которую он встретил на европейских туристических базах. Его идея основывалась на перенесении этой атмосферы в США и создании новых возможностей разумной и продуктивной жизни для пожилых людей в сообществе. Хорошо составленная программа, соединившая обучение и путешествия, по мнению М. Ноултона, могла бы вовлечь пожилых людей в обучение и самообучение и поддержать процесс саморазвития. Такая форма представляла собой своеобразный учебный отпуск, во время которого можно познакомиться с новыми людьми и получить новые знания²¹.

Курсы обычно проводят сотрудники вузов. В европейской системе обучения существует две основные модели учреждений: интегрированная, при которой молодые и пожилые студенты обучаются вместе, и сегрегационная, когда обучение пожилых людей происходит отдельно и предполагает самостоятельное функционирование университета третьего возраста. Вторая модель более распространена в Великобритании, Новой Зеландии и Австралии. При этом обучение происходит по специально разработанным учебным программам. Методы и формы обучения имеют свои особенности. Как правило, наиболее употребительными формами являются дискуссии, диалоги, экскурсии и практические занятия. Равноправные взаимоотношения преподавателя и студента являются основополагающими и способствуют положительному результату в обучении.

В Японии специальные занятия для пожилых людей начали создаваться в 60-х годах прошлого века. Организации, действующие в рамках японской системы просвещения, предлагали разнообразные программы обучения женщин, матерей в период ухода за ребенком и пожилых людей. В 1965 году правительство поручило местным властям разработать систему дальнейшего образования для этой категории людей. С 1980 года эта система стала регулярной и получает в настоящее время все большее развитие²².

В Финляндии более шестидесяти лет действуют народные университеты, которые принимают всех желающих. Как университеты, так и специальные коллегии, занимающиеся стандартным образованием и обучением взрослых, предлагают образование всем возрастным группам, в том числе специальное образование пожилым людям. В рамках народных университетов организуются академии для пожилых людей²³.

²⁰ Шевченко Д. Третий возраст [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gunewsweek.ru>

²¹ Литвинова Н.П., Мусин К.С., Сафин З.Н. Образование взрослых в современном мире. – СПб.: Кронос, 2008. – С. 45.

²² Гнанте Т.Н. Университет третьего возраста в зарубежной системе дополнительного образования взрослых. – Волгоград, ВолгГТУ.2007. №8. – С. 9.

²³ Там же. – С. 10.

Многие организации, занимающиеся обучением взрослых в Голландии, сотрудничают с промышленными предприятиями и сферой услуг в рамках проекта под названием «Пенсия в перспективе». Целью этого сотрудничества является предоставление возможности дополнительного образования работникам, собирающимся на пенсию²⁴.

Во Франции независимо друг от друга развиваются три области обучения взрослых. Первая родилась из традиционного сельского обучения, и сейчас ее определяют как культурно-общественную; вторая – это сфера образовательной деятельности профсоюзов; третья касается профессионального обучения. Особое внимание уделяется развитию непрерывного образования для инвалидов и пенсионеров.

В отличие от французского университета в Великобритании появился новый тип учебного заведения для пожилых людей. Оказалось, что пожилые люди способны организовывать собственные занятия, если они связаны с использованием их знаний и жизненного опыта. Обучение в данном образовательном направлении понимается в самом широком смысле. Оно включает физические упражнения, а также общественную деятельность, целью которой является улучшение качества жизни пожилых людей. Основное внимание уделяется групповому обучению и эксперименту. Британский университет третьего возраста функционирует без постоянной финансовой помощи, поэтому учащиеся должны быть готовы самостоятельно решать возникающие проблемы²⁵.

Итак, в западных странах университеты третьего возраста получают все большее развитие. Отмечается усиление внимания к ним со стороны ученых. Некоторые из них рассматривают данный вид образования как разновидность досуга, способствующего повышению социальной активности и значимости обучаемых, утверждающего их жизненные перспективы²⁶.

Научная общественность под влиянием складывающегося опыта обучения взрослых за рубежом и в России предлагает различные концепции развития данной сферы образования. В них особо подчеркивается задача доступности образования, в том числе и для лиц третьего возраста. Для унифицирования законодательства стран входящих в СНГ, разработан Модельный закон «Об образовании взрослых».

Идет процесс обновления законодательства в субъектах Российской Федерации. Так в г. Санкт-Петербурге, Красноярском крае подготовлены проекты законов «Об образовании взрослых» и «О поддержке образования взрослых». Однако и в вышеупомянутых документах геронтообразованию уделяется неоправданно малое внимание²⁷. Нормативные документы, регламентирующие деятельность государственных образовательных учреждений, формирующие региональную политику, ничем не отличаются от федеральных программ.

Подводя итог, отметим, что не смотря на социокультурные детерминанты, особенности пожилого возраста выделяют пожилых людей в особую специфическую группу (субкультуру пожилых людей) многие из которых не идентифицируют себя с этой возрастной группой. Во всем мире идет активная работа по поиску новых эффективных форм ресоциализации пожилых людей, в результате значительно возрастает объем и разнообразие помощи, оказываемой учреждениями пожилым людям. Для более эффективного поиска новых форм работы с пожилыми людьми необходимо активно развивать деятельность общественных организаций в России, так как она еще малоразвита по сравнению с зарубежными странами. А также наладить непрерывное взаимодействие общественных и государственных структур в разработке и реализации социальной политики в отношении пожилых людей.

²⁴ Гнанте Т.Н. Университет третьего возраста в зарубежной системе дополнительного образования взрослых. – Волгоград, ВолгГТУ.2007. №8. – С. 11.

²⁵ Литвинова Н.П., Мусин К.С., Сафин З.Н. Образование взрослых в современном мире. – СПб.: Кронос, 2008. – С. 45.

²⁶ Халицки Е. Обучающая геронтология//Новые знания. 2005. №3. – С. 46–48.

²⁷ Краснова О.В. Исследование структуры социальной поддержки пожилых людей//Психология зрелости и старения. 2008. №2. – С. 22-34.

В заключении можно сказать, что вопрос об оказании услуг пожилым и старикам в настоящее время и в перспективе в развитых зарубежных странах будет заключаться в том, как сочетать формальный и неформальный уход в домашних условиях, в общине и стационарах.

Список литературы

- 1 Болотова А.К., Молчанова О.Н. Психология развития. – М.: Черо, 2005. – 524 с.
- 2 Гнанте Т.Н. Университет третьего возраста в зарубежной системе дополнительного образования взрослых. – Волгоград, ВолгГТУ. 2007. №8. С. 9–11.
- 3 Горшков М.К. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения//Социологические исследования. 2006. № 12. С. 3–8.
- 4 Забелина Н. В. Маргинализация пожилых людей в условиях социокультурной трансформации России: дис... канд. социол. наук: 22.00.04 / Н.В. Забелина. – Курск, 2006. – 141 с.
- 5 Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: Парадигмы и темы. -- М.: Анкил, 1997. – 624 с.
- 6 Краснова О.В. Исследование структуры социальной поддержки пожилых людей//Психология зрелости и старения. 2008. №2. С. 22-34.
- 7 Корнюшина Р.В. Зарубежный опыт социальной работы. – Владивосток: Дальневосточный Университет, 2004. – 85 с.
- 8 Литвинова Н.П., Мусин К.С., Сафин З.Н. Образование взрослых в современном мире. – Спб.: Кронос, 2008. – 70 с.
- 9 Смелзер Н. Социология/Н. Смелзер. – М.: Феникс, 2005. – 688 с.
- 10 Справочник путешественника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.turizm.ru/uk/19398.html>
- 11 Топчий Л.В. Социальное обслуживание пожилых людей: новые шаги к инновационным технологиям и созданию благоприятной обстановки//Работник социальной службы. 2005. №1. С.49–56.
- 12 Халицки Е. Обучающая геронтология//Новые знания. 2005. №3. С. 46–48.
- 13 Шарин В.И. Социальное обслуживание: проблемы, пути развития//Социальное обеспечение. 2003. № 1. С. 12-15.
- 14 Шевченко Д. Третий возраст [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.runewsweek.ru>
- 15 Якимова Е.В., Торнстон Л. Геронтология в динамическом обществе//Социальная геронтология: Современные исследования. 2004. №2. С.58–68.

SOCIAL AND CULTURAL DETERMINANTS OF RE-SOCIALIZATION OF OLDERLY PEOPLE IN POST-SOVIET MODERNIZATION

T.I.LIPICH¹⁾
M.S.AZARINA²⁾

Belgorod National Research University

¹⁾*e-mail: lipich@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: azarimariya@yandex.ru*

This article analyzes the innovative Russian and foreign experience of resocialization of elderly people in terms of socio-cultural determinants. It considers the re-socialization and social integration of elderly people in terms of transformation of society.

Keywords: resocialization, post-Soviet modernization, gerontologicheskyy center, education, University of the «third age».

УДК 165.741

О СЕМИОТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ИДЕЙ*

Н.А. ЛУКЬЯНОВА*Национальный
исследовательский Томский
политехнический университет**e-mail: Lukianova@tpu.ru*

Предлагается гипотеза о семиотической природе происхождения идей согласно концепции Д.Юма и их динамике в познавательном процессе согласно теории интерпретант Ч.С. Пирса.

Ключевые слова: восприятие, впечатление, идея, семиотика, знак, интерпретанта.

Семиотические процессы являются важнейшей частью составляющей жизни человека, поскольку, неоспоримым эмпирическим фактом следует признать утверждение, что итоги наших размышлений отражаются исключительно в знаках. Знаки – это первое, что мы создаем, и из них формируются знаковые системы. На протяжении всей истории человечества оформляется особая семиотическая реальность. Последняя понимается нами как реальность, существующая в виде знаков и знаковых систем, при этом семиотическая реальность от начала и до конца является плодом ума и рук человека. Естественные предметы мы наделяем свойством знаков, в противном случае они остаются просто вещью – предметом, с помощью которого люди оказывают прямое воздействие на тот мир, в котором живут, физически изменяя его в своих интересах (штанга в руках спортсмена, скальпель в руках хирурга и т.к. принадлежат миру вещей). Человек может воспринимать знаки как знаки, но факт их объективного существования от этого не меняется. Семиотическая реальность объективируется в виде закрепленных общественной традицией знаков и знаковых систем. Она существует вне нашего сознания и развивается по своим собственным законам. Это и есть жизнь знаков, описанная в версии семиотики Ч.С. Пирса. Именно эти законы смоделированы автором представленной статьи при анализе семиотической природы происхождения идей и их динамике.

Понятие идея рассматривалось в контексте философских воззрений, нашедших отражение в таких работах как «Трактат о человеческой природе», «Исследование о человеческом разуме» и пр.

Обращение к идеям Д. Юма с позиции семиотической концепции Ч.С. Пирса обусловлено тем, что уникальную роль знаковых систем последний видел в динамике знака, который есть необходимое условие существования логики и мышления в процессе познания. В своих рассуждениях он обратился к познавательной практике субъекта. Одним из первых Пирс описал функцию знака как посредника в познавательном процессе. Именно с этой позиции будут проанализированы положения Юма о механизме развертывания чувственного опыта на основе впечатлений как «восприятий, которые входят в сознание с наибольшей силой и неудержимостью ... как они впервые появляются в душе» и формирования на основе впечатлений идей как «слабых образов этих впечатлений в мышлении и рассуждении»¹. Идея, тем самым, по Юму, более слабая копия впечатлений, которая может оставаться как некоторый образ, знаковая структура, когда впечатление исчезает. В человеческом опыте идеи и впечатления образуют непрерывную цепочку.

* Исследование проводится в рамках выполнения проекта по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009-2012 гг.

¹ Давид Юм. An Enquiry Concerning Human Understanding /Исследования, касающиеся человеческого познания. SECTION II: OF THE ORIGIN OF IDEAS/о происхождении идей URL: <http://sokolwlad.narod.ru/english/texts/philosophy/humeo2.html>

Важным признаком идей, согласно Юму, является ее «живость» и «сила»². Идея одного и того же предмета может представляться или чувствоваться по-разному, с большей или меньшей силой. Именно этот признак идеи станет основой дальнейшего рассуждения.

По утверждению Пирса знак или слово, употребляемые человеком, есть лишь орудие мысли, определяющее самоидентичность человека. Наша мысль, обладающая безграничной свободой, «в действительности ограничена очень тесными пределами»³ (Д. Юм). Это ограничение, в том числе, связано с тем, что мы обращаемся к способности человека мыслить и опосредовать свою мысль знаком. На этом этапе рассуждений важно дать релевантное определение знака. Такое определение мы находим у Пирса. Знак у Пирса, прежде всего, мыслительная сущность, имеющая функционально связанное единство (объект – репрезентант – интерпретант). Эта мысль стала главной для обоснования теории о семиотическом единстве согласованности интерпретаций Пирса. Когда мы говорим о теории знаков Пирса, мы, прежде всего, обращаемся к способности человека мыслить и опосредовать свою мысль знаком. Знак, в трактовке Пирса, является сложной и многогранной категорией. В своих рассуждениях Пирс придерживался «пансемиотического» взгляда на мир («всякая мысль есть знак»⁴). Подобный пансемиотический взгляд является основой знаменитого утверждения Пирса о том, что всё имеет семиотическую природу: мышление, познание и даже сам человек.

Без сомнения, Пирс был наиболее ярким исследователем конца XIX-начала XX вв. Он активно интересовался проблемами естественных наук, что, безусловно, стало основой его нетривиальных исследований. Его работы по логике и математике имели огромное значение для формирования основ математической логики. Например, именно Пирс доказал, что любое множество отношений может рассматриваться через комплекс триадических отношений. Таким образом, когда мы говорим о теории знаков Пирса, мы, прежде всего, обращаемся к способности человека выражать свою мысль посредством знаков. По утверждению Пирса знак или слово, употребляемые человеком, есть лишь орудие мысли, определяющее самоидентичность человека. Эта идея стала главной для обоснования теории о семиотическом единстве согласованности интерпретаций.

Описание на основе концепции интерпретант Пирса степени «живости» идей представляется возможным в силу того, что интерпретант (interpretant) представляет собой результат действия знака, это соотносительность знака с его «эффектом», имеющим не только знаковую природу. В основе классификаций интерпретант лежит концепция Пирса о трех фанеронах, категориях бытия и познания: «Первичность» (Firstness), «Вторичность» (Secondness) и «Третичность» (Thirdness). Пирс рассматривал фанерон как необходимую, но недостаточную предпосылку опыта, порождающую самые разнообразные идеи, воплощенные в чистые формы знака.

Подчеркнем, что выделение структурных категорий бытия и познания дает основание говорить о Пирсе не только как о позитивисте. Определенные им «три универсальных категории, или фанероны, – это общая совокупность всего, что <...> является наличным (is present to) сознанию, совершенно независимо от того, соответствует ли наличное какой-либо реальной вещи»⁵. Для того чтобы внести ясность, Пирс замечает: «Понятие фанерона довольно близко тому, что английские философы обычно имеют в виду под словом идея. Однако значение последнего слишком ограничено ими, чтобы полностью покрыть собой всё то, что я вкладываю в понятие (если только это может быть понятием) за исключением, разве что некоторых психологических коннотаций, которых я всеми силами стремлюсь избегать». И далее: «Такое наблюдение выявляет наиболее общие и присущие всякому фанерону характеры,

² Давид Юм. An Enquiry Concerning Human Understanding /Исследования, касающиеся человеческого познания. SECTION II: OF THE ORIGIN OF IDEAS/о происхождении идей URL: <http://sokolwlad.narod.ru/english/texts/philosophy/hume02.html>

³ Там же.

⁴ Пирс Ч. С. Принципы философии: в 2 т. СПб., 2001. Т. 2. – С. 182.

⁵ Там же. – С. 7.

обобщаемые под титулом Категорий, полное описание которых и является конечной целью фанероскопии»⁶.

Итак, в философии Пирса выделяются три фанерона (универсальные категории): Первичность, Вторичность и Третичность. Хотя Пирс относит собственно знаки и знаковые системы к категории Третичности, он утверждает, что первые две категории также содержат в себе семиотические «ростки» и являются примерами вырожденного (несобственного) семиозиса⁷.

Первичность Ч. Пирс трактовал как «способ бытия того, что есть, как оно есть», то есть это категория Непосредственного, чистой возможности, «еще не дифференцированного качества и независимости»⁸. Таким образом, Первичность можно рассматривать как «качество в возможности». На этом уровне объекты не определяются, но их можно идентифицировать. Ч.С. Пирс рассматривал данный фанерон как необходимую, но недостаточную предпосылку опыта, порождающую самые разнообразные идеи, воплощенные в чистые формы знака.

Вторичность – это «бытие в отношении ко второму. Это категория Другого»⁹. Если фанероны (или феномены) Первичности содержат чистые возможности, то феномены Вторичности относятся к миру фактов. Следовательно, Вторичность – это уровень существования вещей, когда можно увидеть вещи и отношения в их множественности и индивидуальности. Это идея, воспринимаемая исключительно посредством «отношения к...», через существующую оппозицию, факт соотношения с иной реальностью. Свободной игре духа противостоит «сопротивление действительности», что обеспечивает устойчивость и постоянство наших восприятий.

Третичность устанавливает отношения между первым и вторым. «Эта категория всеобщего, закономерного, непрерывного, обычного, коммуникации и, наконец, знака»¹⁰. Пирс определял Третичность как уровень определения закономерностей, в котором устанавливаются общие связи внутри знаков для вхождения закона в реальность.

На основе данных категорий, Пирс предложил классификацию интерпретанта как результата действия знака, «нечто, что производится в сознании интерпретатора».

Под «интерпретацией», популяризатор работ Пирса, У. Эко подразумевает понятие, предложенное Пирсом, согласно которому интерпретанта каждого репрезентамена – это некая другая репрезентация, отнесенная к тому же самому «объекту»¹¹. Таким образом, в интерпретации мы отталкиваемся от знака, чтобы последовательно, шаг за шагом, пройти круг семиозиса. Понятие, которое мы интерпретируем, заставляет нас следовать за первоначальным знаком. Интерпретация знака для У. Эко представляет собой соединение всех звеньев в последовательную цепь, что и устанавливает отношения между различными способами употребления исходного знака.

Для того чтобы установить значение того или иного знака, мы должны обратиться к другим знакам или совокупности знаков, которые поддаются истолкованию, что подразумевает работу не с отдельным знаком, а со всей целостностью знаковой системы. Как указывает У.Эко, интерпретанта становится «сложным дискурсом, который не только переводит, но и развивает в качестве выводов все логические возможности, заложенные в знаке»¹². Это утверждение будет существенным в логике нашего дальнейшего исследования, поскольку оно актуализирует следующее: мы не просто узнаем новое о значении (Фреге), но и максимально расширяем свои знания, чтобы характеризовать объект.

В этом состоит основное отличие интерпретации в семиотике от герменевтической интерпретации: семиотика раскрывает широкий спектр связей внутри объекта и вне, тогда как герменевтическая интерпретация служит раскрытию иного (вторичного)

⁶ Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Новосибирск, 2001. Вып. 3-4. – С. 18–19.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация : Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра): в 2 ч. М., 2000. Ч. 2. – С. 262–263.

¹⁰ Там же. – С. 263.

¹¹ Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006. – С. 99.

¹² Там же. – С. 100.

смысла. Для Гадамера, как отмечает У. Эко, всякое понимание есть истолкование, которое осуществляется в смысловой сфере, опосредованной языком. «С точки зрения герменевтической всякий процесс интерпретации представляет собой попытку *понять* слово Другого, и потому упор делается на существенном единстве всех попыток понять то, что сказано Другим»¹³. Например, расшифровка надписи на Розеттском камне при сравнении иероглифической, демотической и герменевтической надписей для Пирса уже является интерпретацией, а для Гадамера сравнение – это еще не есть понимание, поскольку «интерпретатор не имеет никакой иной функции, кроме достижения понимания относительно того, в каком направлении универсум смысла открыт самим произведением»¹⁴. Следовательно, как утверждает У. Эко, интерпретация Пирса шире герменевтической интерпретации¹⁵.

Итак, предлагается гипотеза о семиотической природе происхождения идей и их динамике в познавательном процессе согласно теории интерпретанта Пирса. Гипотезой наших рассуждений является следующая мысль: семиотическая природа идей как «слабых образов впечатлений в мышлении и рассуждении» раскрывается посредством анализа триадичной природы интерпретанта в корреляции с тремя категориями бытия и познания.

По мнению Пирса, разум манифестирует себя в знаках, последовательно проходя этапы своего становления. Результатом данного процесса в Первичности будет интерпретанта как некоторый смысл (Sense) (*данное соотношение установлено Пирсом в переписке с леди (Виолой) Уэлби, начало которой положила обзорная статья, опубликованная им в журнале Nation от 15 октября 1903 г., посвященная её книге «What is Meaning?»*). Она выступает как чистая возможность вхождения или не вхождения в мир идей, без установленного отношения к фактическому и закономерному. Из хаоса знаков рождается некоторый смысл (Sense). Это не есть конкретное знание, это интуитивное понимание знака, свойственная знаку интерпретируемость до того, как знак достиг интерпретатора, рождающее сомнение. Входящий в мир впечатлений знак приобретает смысл в сомнении, что обуславливает возможность его существования. Результатом сомнения становится непосредственная интерпретанта.

Динамическая интерпретанта соотносится Пирсом с понятием «значение» – Meaning – прямое действие, которое знак оказывает на интерпретатора, и обратный процесс, в котором интерпретатор формирует знак. Динамическая интерпретанта является результатом обретения верования, в котором, опираясь на отдельные явления, отражается накопление в рамках времени знаний о мире. В этих процессах, определяющих второй шаг в становлении знака, знак становится действительно существующим в своей индивидуальности и взаимосвязи с другими знаками. Данный процесс – подтверждение фактического соприкосновения знака с реальностью и он относится к категории Вторичности. На этом этапе динамическая интерпретанта входит в индивидуальное сознание. Это уже не «облако» смыслов, а некоторое значение, которое человек готов использовать в соответствии с какой-либо целью. Человек тем самым, соотносит вновь поступивший знак со своим знанием. Иначе говоря, знак субъективируется в процессе интерпретации, что делает его отличным от других знаков.

Формирование конечной интерпретанта – результат рассуждений, создающий правило действия (привычку), то есть предполагается существование закона, устанавливающего, что будет происходить, если будут исполняться некоторые условия. Финальная интерпретанта есть значимость (Significance), понимаемая как результат воздействия, на которое знак вообще способен. И если значение подразумевает только отсылку к цели, то значимость формирует то правило действия, которое управляет динамическим объектом (*объект, который существует сам по себе и каким-то образом принимает знак как свою репрезентацию*), предписывает способ обретения чувственного восприятия. Это и есть конструирование предметной закономерности,

¹³ Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006. – С. 275.

¹⁴ Исследование по феноменологии и философской герменевтике. Минск: ЕГУ, 2001. – С. 58.

¹⁵ Эко У. Сказать почти то же самое. – С. 275.

которая устанавливает упорядоченный и законообразный способ бытия, создавая, новую реальность, то есть выявляются мыслимые практические последствия существования интерпретант. Тем самым, можно описать идею – менее живое восприятие ума, отличное от впечатления, как интерпретанту, которая есть не просто идея, а новый знак, возникающий в сознании человека на основе предыдущего.

В качестве примера «путешествия» идей, демонстрирующих последовательность их формирования можно привести пример узнавания обществом человека-невидимки, описанный Г. Уэллсом¹⁶.

Лишившись тела, «невидимка» перестал существовать для социума; чтобы приобрести некоторый статус в нем, он должен был себя означить, то есть создать себя как некоторое множество интерпретант. Г. Уэллс последовательно описывает «невидимость», точнее, как ее осознают окружающие: «взбесившая мебель», «дрогнувшее пламя свечи», «чернота вместо розового тела» – это те паттерны интерпретант, формируются в Первичности – это качество в возможности. В данном случае это возможность существования «невидимости» описывается в понятных категориях, что не противоречит утверждению Юма о том, что «идеи, как бы сложны или возвышенны они ни были, мы всегда находим, что они сводятся к простым идеям, скопированным с какого-нибудь прошлого ощущения или чувствования». На втором шаге (в категории Вторичности – уровень существования вещей в их множественности и индивидуальности), формируется интерпретант, подчеркивающая индивидуальные признаки «видимости» невидимки: «чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо», «огромные очки вместо глаз», «что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти». И, наконец, интерпретанты, создаваемые на третьем этапе (в категории Третичности, которая является уровнем закона, устанавливающего связи внутри системы), есть то окончательно мнение, которое определяется в конце как истинная интерпретация: «Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда», «Невидимка!».

Таким образом, реальность «невидимости» представлена как результат конструирования, а средством этого конструирования выступают паттерны интерпретант, обладающие способностью активизироваться целиком при активизации любой своей части. В этом выражается способность идеи обретать свою знаковую оболочку. Интерпретант в этом случае становится результатом мыслительных процессов по поводу объектов доступных человеческому разуму или исследованию.

Подводя итог представленному выше примеру можно утверждать следующее: зависимости простых идей (т. е. чувственных образов памяти) от внешних впечатлений имеют семиотическую природу и в процессе трансляции от уровня Первичности к уровню Третичности приобретают знаковую оболочку, это и есть процесс означивания. Процесс, позволяющий нам использовать знаки для того, чтобы говорить о предметах и состояниях мира. В данном процессе конструируются закономерности, которые устанавливают упорядоченный и законообразный способ бытия, создавая, новую реальность, то есть выявляются мыслимые практические последствия существования интерпретант в нашей действительности.

Список литературы

1. Юм Д. An Enquiry Concerning Human Understanding /Исследования, касающиеся человеческого познания. SECTION II: OF THE ORIGIN OF IDEAS/о происхождении идей URL: <http://sokolwlad.narod.ru/english/texts/philosophy/humeo2.html>
2. Пирс Ч. С. Принципы философии : в 2 т. / Чарльз Сандерс Пирс; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб. : С.-Петербург. филос. о-во, 2001. – Т. 2. – 313 с. – (Серия «Горизонты феноменологии»).
3. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика / ред. И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3-4. – С. 5-32.

¹⁶ Данный пример более подробно описан в монографии: Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства.

4. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра) : в 2 ч. / А. Н. Барулин ; науч. ред. С. Н. Кузнецова. – М. : Спорт и Культура, 2000. – Ч. 2. – 402 с.

5. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Умберто Эко ; пер. с итал. А. Н. Ковалю. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 574 с.

6. Исследование по феноменологии и философской герменевтике / Минск : ЕГУ, 2001. – 156 с.

7. Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства / Н.А. Лукьянова. – Томск.: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 245 с.

ON THE SEMIOTIC NATURE OF IDEAS

N.A. LUKIYANOVA

*National Research Tomsk
Polytechnic University*

e-mail: Lukianova@tpu.ru

According to the conception of D.Hume we offered the hypothesis of the semeiotic nature of the ideas and their development in the cognitive process in accordance with Charles S. Peirce's theory interpretants

Keywords: perception, impression, ideas, semiotic, sign, interpretant.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 327.57; 327.7

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ¹

Д.Г. ВАСИЛЬЧЕНКО

*Воронежский институт
экономики и социального
управления*

e-mail: dimkin_1984@mail.ru

В статье анализируется ресурсное обеспечение и перспективы сотрудничества приграничных регионов в реализации инвестиционных проектов.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, приграничный регион, ресурсное обеспечение инвестиционных проектов.

Введение

Развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве имело в своей основе объективную необходимость адаптации вновь образованных суверенных государств к глобальным геополитическим переменам 90-х гг. XX в., решения сложнейших проблем, связанных с распадом СССР, сохранения и дальнейшего развития исторически сложившихся связей на территории бывшего Советского Союза, установления социально-экономических, политических и культурных связей новых внешнеполитических субъектов с государствами Дальнего Зарубежья.

Произошедшие изменения во многом изменили положение регионов России, следствием чего стало значительное увеличение числа приграничных региональных образований. В настоящее время 39 из 83 субъектов РФ являются приграничными; в них проживают около трети населения страны. Большинство как старых, так и новых приграничных территорий стремятся к налаживанию прямых экономических, торговых, культурных связей с соседними государствами и их административно-территориальными образованиями. Одним из приоритетных направлений приграничного сотрудничества в рамках решения задачи развития и укрепления хозяйственных, культурных и гуманитарных связей между приграничными территориями Российской Федерации и сопредельных государствами в настоящее время выступает разработка и реализация инвестиционных проектов.

¹ Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы». Проект «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства», № 4.А18.21.0090 (рук. В.П. Бабинцев).

Под инвестициями понимаются долгосрочные вложения государственного или частного капитала в собственной стране или за рубежом с целью получения дохода в предприятия разных отраслей, предпринимательские проекты, социально-экономические программы, инновационные проекты. Переход к проектному управлению в различных сферах социально-экономического развития как в России, так и в соседних государствах создал предпосылки для более широкого развития в приграничных регионах такой формы экономического сотрудничества, как инвестиционные проекты.

Инвестиционные возможности приграничных регионов во многом зависят от их наличных ресурсов. Рассмотрим ресурсное обеспечение приграничного сотрудничества в сфере инвестиционной деятельности на примере приграничных территорий в рамках Содружества Независимых Государств. Прежде всего, определимся с понятием «ресурсы приграничного региона (территории)», а также рассмотрим их классификацию. Под ресурсами приграничного региона, детерминирующими его инвестиционные возможности и инвестиционную привлекательность для соседних регионов или административно-территориальных образований, понимается совокупность факторов данной территории, которые могут быть использованы для проведения целенаправленных действий по повышению его инвестиционной привлекательности для соседних регионов или административно-территориальных образований, улучшению инвестиционного климата, достижению желаемых результатов в рамках приграничного экономического сотрудничества. Все ресурсы можно подразделить на материальные и нематериальные. К материальным относятся: географические, демографические, экономические, военные.

Географические ресурсы. СНГ является самым крупным межгосударственным объединением в мире, занимая территорию чуть больше 21 млн. кв.км. В СНГ сохранены все транспортные (в том числе и межгосударственные) коммуникации, а это 1341,9 тыс. кв. км – автомобильные дороги и 3712,19 тыс. кв. км – железнодорожные пути сообщения². От позиции стран СНГ по-прежнему в значительной степени зависят транзитные коридоры в Евразии.

Демографические ресурсы. Население СССР к моменту его распада составляло 289 млн. человек, из них 150 млн. приходилось на РСФСР. Сейчас на территории СНГ проживает около 270 млн. человек. В 90-е годы многие страны СНГ пережили ситуацию, которую демографы называют «черный крест»: увеличение смертности при сокращении рождаемости. В настоящее время в странах СНГ проживают около 25 млн. русских. Примерно 8 млн. покинули страну, уехав на постоянное проживание за рубеж. На территории России живет около 3–4 млн. нелегальных мигрантов (в своем большинстве из Казахстана, Узбекистана, Киргизии)³.

Экономические ресурсы. В качестве краткого исторического экскурса в экономические аспекты взаимоотношений государств – участников СНГ отметим, что взаимосвязь экономических систем государств СНГ, особенно в первые десятилетия возникновения объединения, была довольно тесной в силу комплекса географических и исторических причин. Российская Федерация оставалась для них безальтернативным партнером в сфере импорта энергоносителей, сырья и материалов, а также единственным доступным емким внешним рынком для экспорта товаров народного потребления и сельскохозяйственной продукции.

Большинство государств СНГ в экономическом плане не могут существовать изолированно: специализация, участие в международном разделении труда и, следовательно, торговля с другими государствами – единственный путь для них к экономическому благополучию. К тому же СНГ обладает самыми большими в мире запасами минеральных и энергетических ресурсов. По мнению В.А. Иваненко, инвестиционные возможности приграничных регионов во многом зависят от уровня развития стран, с которыми они имеют общие границы. Если соседом является более

² Что нужно знать о народах России. Справочник государственных служащих / Отв. ред. В.А. Михайлов. М.: Центр «Скрипторий», 2004. – С. 64–68.

³ Троицкий В.А. Формы экономической интеграции государств – участников СНГ. СПб.: Изд-во Петер. ун-та, 2008. – С. 136.

развитая в социально-экономическом отношении страна, то движущей силой приграничного сотрудничества являются различия в уровне и соотношении цен на товары потребительского и производственного назначения в соседних странах. Особенностью традиционной модели является то, что доходы от приграничной торговли расплывлены между множеством индивидуальных торговцев-челноков, мелких и средних частных и государственных фирм, что не позволяет реализовывать крупные инвестиционные проекты без поддержки из бюджетов стран и административных районов⁴.

Результаты экспертного опроса представителей научной общественности, государственных и муниципальных служащих, предпринимателей (N=26) «Управление приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства», проведенного на территории Белгородской области, показали, что отличительными чертами развития приграничных регионов по отношению к другим территориям государств являются следующие: развитие трансграничного сотрудничества (100% опрошенных), большая внешняя открытость (57,69%), интенсивные миграционные процессы (26,92%). Наиболее перспективными направлениями интеграции выступают, по мнению экспертов, экономическое сотрудничество и сохранение культурно-исторического (по 100% респондентов), а также научное сотрудничество и сотрудничество в сфере образования (53,84%).

Экономическое сотрудничество как наиболее перспективное направление интеграции на постсоветском пространстве способствует повышению инвестиционной привлекательности приграничных регионов, что выражается, согласно данным опроса экспертов, в разработке и реализации совместных инвестиционных проектов (100%), минимизации таможенных барьеров (76,92%), минимизации инвестиционных рисков (15,38%). При этом перспективы успеха инвестиционных проектов в приграничных регионах определяют, прежде всего такие факторы, как политическая стабильность (92,30%), политическая воля руководства (76,92%), а также профессиональный менеджмент (38,46%). Негативное влияние оказывают несовершенная нормативно-правовая база (100%), коррупция (100%), политическая нестабильность (76,92%), отсутствие традиций (38,46%).

СНГ имеет довольно мобильный, хотя во многом и остаточный военный потенциал. Оборонные расходы, постоянно снижаясь, в 2000 году составили около 55 млрд. долларов. Это почти в 3,5 раза меньше, чем в США⁵. Но в структуре СНГ Россия – ядерная сверхдержава, одна из двух стран в мире, способных уничтожить все живое на планете, а по количеству ядерных запасов (с учетом тактических) продолжает занимать первое место в мире.

Понятно, что основой военного потенциала СНГ является Российская Федерация. Численность военнослужащих сократилась в странах СНГ в 4–5 раз и составляет сейчас около 2 млн. человек⁶. В принципе, страны СНГ обладают относительно крупными обычными вооруженными силами, однако они не модернизировались в течение полутора десятка лет и уже не имеют решающего превосходства над вооруженными силами ведущих стран и их союзов.

К числу факторов, детерминирующих сотрудничество приграничных регионов на территории СНГ в сфере инвестиционной деятельности, относятся нематериальные ресурсы.

Нематериальные ресурсы включают в себя: политические, социальные, репутационные, информационные, административные, культурные, научные, научно-технические и образовательные. Интеграция на постсоветском пространстве

⁴ Иваненко В.А. Некоторые особенности регулирования иностранных инвестиций в приграничных регионах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18. № 44. – С. 124.

⁵ Проблемы финансового состояния промышленных предприятий в Российской Федерации // URL: <http://www.risk-manage.ru/research/prom/part1/> (дата обращения: 20.08.2012).

⁶ Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу. Аналитический доклад // URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3147> (дата обращения: 21.08.2012).

принципиально отличается от интеграции в Европе в очень важном аспекте. Если европейская интеграция не имела до образования Европейского союза никакой модели в прошлом (подобного объединения в истории не существовало), то постсоветская – имеет такую модель, в которой степень интеграции была чрезвычайно высокой, что сказывается на нематериальных ресурсах.

Социальные ресурсы – это огромный человеческий капитал, основное достояние приграничных регионов всех стран СНГ. Более того, в большинстве своем он объединен опытом проживания в едином государственном межнациональном объединении, характеризуется единым языком (русским), психологической общностью людей, глубокими личными и семейно-родственными отношениями между гражданами разных государств СНГ и, наконец, имеет глубокие исторические корни, связанные с многовековым совместным проживанием народов на основе принципов добрососедства и взаимоуважения. Очень хотелось бы, чтобы именно социальный ресурс оказался главной движущей силой в развитии интеграции стран СНГ. Объединение Евразии никогда не достигалось на национальной основе, единое государство всегда было сословным или классовым, поэтому есть вероятность возродить его на гуманистических, гражданско-демократических принципах.

Репутационные ресурсы. Имидж СНГ еще не сформировался окончательно, и в последнее время страдает как от остаточных фобий времен «холодной войны» (агрессивные диктаторские государства), так и от новых образов, представляющих Содружество для граждан, проживающих на его территории, и мировой общественности как объединение на грани распада, деградации и нищеты, управляемое продажными, некомпетентными чиновниками, обуреваемое планами «возрождения империи». Активный интеграционный процесс в данном случае станет важнейшим стимулом развития репутационного ресурса. Вместе с тем можно отметить, что в любом случае отношение к СНГ за рубежом меняется в лучшую сторону. Это объясняется готовностью большинства стран – участников объединения окончательно оставить в прошлом наследие «холодной войны», осознанием общности интересов в противодействии глобальным угрозам и многих базовых ценностей, среди которых права человека, терпимость, верховенство закона.

Административные ресурсы. На стабильность инвестиционного климата приграничных территорий влияет способность органов государственной власти мирным путем решать приграничные споры. Использование административного ресурса для привлечения инвестиций предполагает не только регулирование экономических отношений, связанных с движением капитала, но и в ряде случаев использование политических методов решения проблем, связанных с реализацией инвестиционных проектов. Весьма актуальным для приграничных регионов является вопрос согласования позиции региона и федерального центра по поводу таможенного регулирования.

Административный аспект привлечения инвестиций тесно связан с *информационным обеспечением* деятельности инвесторов как в сфере создания и поддержания благоприятного инвестиционного климата в целом, так и в контексте информационного сопровождения конкретных проектов. Первое направление подразумевает формирование информационной открытости территории, выражающейся, в первую очередь, в прозрачности бюджетного процесса, ясности в источниках получения доходов и направлений расходования средств.

Второе направление связано с обеспечением инвесторов информацией, необходимой для реализации отдельных проектов. Так, осуществление капиталовложений на территории приграничных регионов в рамках постсоветского пространства может потребовать следующих сведений:

- федеральные, территориальные и отраслевые сметные нормы стоимости и строительных расходов;
- сведения от территориях, пригодных для размещения предприятий;
- информация об источниках ресурсов и др.⁷

⁷ Иваненко В.А. Некоторые особенности регулирования иностранных инвестиций в приграничных регионах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18. № 44. – С. 126.

Сотрудничество приграничных регионов в сфере *культуры и образования* также создает благоприятные условия для реализации инвестиционных проектов в данной области. В течение последнего столетия русская наука и культура служила для всех наций и национальностей СССР реальным проводником мирового социального опыта и научно-технических достижений. Практика наглядно свидетельствовала: синтез культурных начал способен многократно усилить культуру каждого народа. В апреле 2006 г. первый форум творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ выработал рекомендации по сохранению и расширению гуманитарного сотрудничества. Регулярными становятся конференции министров образования стран СНГ. Активно обсуждается проблема создания единого интеллектуально-информационного пространства. Речь идет о необходимости создания (или частичного восстановления) механизмов синхронизации интеллектуальных разработок и перехода на единый стандарт цифрового вещания. Государственные структуры сегодня более активно инициируют процесс свободного приобщения граждан к ценностям национальных культур.

Таким образом, выявлены реальные ресурсы, объективно способствующие сотрудничеству приграничных регионов в рамках СНГ в сфере инвестиционной деятельности. Естественно, существует масса обстоятельств, не позволяющих использовать имеющиеся ресурсы в полной мере. К ним относятся следующие:

- рост национальных движений и усиление националистических тенденций в бывших советских республиках, особенно в первые годы их существования; активизация и пропаганда на этой волне русофобских настроений, что мешало сближению молодых независимых государств с Россией;

- слом кооперационных отношений и системы разделения труда между республиками, что ускорило развал национальных экономик и ослабило экономическую базу сближения;

- преобладание в экономиках большинства государств СНГ сырьевой составляющей, что сужает базу для экономической интеграции и снижает инвестиционную привлекательность ряда территорий;

- субъективный фактор, выражающийся в позиции по вопросам интеграции руководителей государств, которые часто межгосударственную интеграцию рассматривали как попытку ущемления национального суверенитета и их личных полномочий как независимых руководителей независимых государств;

- наличие в общественном сознании, включая национальные элиты, ложных мифов и предрассудков, таких, как например, утверждение о якобы имперском характере интеграции со стороны России или мнение о том, что без Украины интеграция невозможна и неэффективна;

- изменение геополитической картины в Евроазиатском регионе (и в мире в целом), что привело к ориентации некоторых бывших советских республик на иные, чем Россия, геополитические центры, например, на Турцию, ЕС, США и т.п.;

- внешнеполитические факторы, связанные с деятельностью государств, не входящих в СНГ.

Однако, несмотря на действие всех подобных факторов, потенциал экономического сотрудничества приграничных регионов в рамках СНГ весьма значителен. Основным дифференцирующим признаком стран Содружества является государственно-политическая организация пространства и общества. Следовательно, обеспечить единство постсоветского пространства можно преимущественно политическими средствами: то есть процессы политической интеграции должны быть первичными по отношению к стихийно-рыночной организации. Вместе с тем, вывод о первичности политической интеграции не означает немедленного создания единого государства и тому подобных действий административно-командного характера. Первичность политического выражается в разработке идеи и цели интеграции, способности принимать решения и добиваться их осуществления. Политический процесс должен быть направлен на организацию экономического взаимодействия и осуществление этапов экономической интеграции, и лишь тогда речь может идти о той или иной форме государственно-политического объединения.

Выводы

Таким образом, после распада СССР СНГ не стало его правопреемником, но остается Сообществом, весьма значительным по таким параметрам, как величина территории, природные ресурсы, военно-стратегические возможности. Приграничные территории в рамках данного объединения столкнулись с рядом новых проблем, но в то же время получили новые возможности, в частности в отношении более благоприятного инвестиционного климата. Реализация совместных инвестиционных проектов в рамках приграничного сотрудничества может стать реальным механизмом экономической и политической интеграции, повышения качества жизни населения приграничных регионов. Перечисленные ресурсы еще активнее заработают при правильной стратегии и единой политической воле, с определением верных приоритетов и способностью их реализовать не словом, а делом.

Список литературы

1. Что нужно знать о народах России. Справочник государственных служащих / Отв. ред. В.А. Михайлов. М.: Центр «Скрипторий», 2004.
2. Троицкий В.А. Формы экономической интеграции государств – участников СНГ. СПб.: Изд-во Петер. ун-та, 2008.
3. Иваненко В.А. Некоторые особенности регулирования иностранных инвестиций в приграничных регионах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 18. № 44. С. 123-128.
4. Проблемы финансового состояния промышленных предприятий в Российской Федерации // Режим доступа: <http://www.risk-manage.ru/research/prom/part1/>.
5. Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу. Аналитический доклад // Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3147>.

COOPERATION BETWEEN BORDER REGIONS IN THE REALIZATION OF INVESTMENT PROJECTS

D.G. VASILCHENKO

*Voronezh Institute of Economics
and Social Administration*

e-mail: dimkin_1984@mail.ru

The article analyzes resource provision and the prospects of cooperation between border regions in the realization of investment projects.

Keywords: border cooperation, border region, resources for the investment projects.

ОСОБЕННОСТИ ПУТИ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

С. А. ЕРМАКОВ¹
Л. Г. МЕЗИНА²

*Нижегородский
коммерческий
институт*

^{1) e-mail:}
ermacow@nnci.ru

^{2) e-mail:} *mila_nki@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности пути жизни современного человека сквозь призму гендерного подхода. Авторы отмечают, что в действительности имеет место соприкосновение традиционного и нового в понимании жизненного пути мужчины и женщины. К тому же, повышение профессиональной и социальной активности современных женщин полагается как фактор, ведущий к изменению сложившегося образа жизни человека.

Ключевые слова: путь жизни женщины, путь жизни мужчины, гендер, образ жизни, жизненные ценности, модель пути жизни человека.

В жизни современного человека все более четко прослеживаются новые тенденции. Они связаны не только с обилием социальных контактов, в которые вынуждены вступать люди, лавинообразным увеличением информации, заставляющей их моментально реагировать на развитие ситуации, но и с изменением самого образа жизни женщин и мужчин. Так называемый «гендерный аспект» выдвигается на одно из первых мест в анализе современной жизненной ситуации. Рассмотрим некоторые особенности современной жизни человека.

Проведенные в XXI веке социологические исследования констатируют, что общество оказывается более социально ориентированным и стабильным там, где во властных структурах женщины «составляют 30-40%»¹. Так, в частности, наибольшее гендерное равноправие отмечается на парламентском уровне в Швеции (42%), Дании (37%), Нидерландах (30%)². Думается, в дальнейшем эта тенденция сохранится. Причем женщины придут в «традиционно» мужские профессии. Так, «женщины получили равные с мужчинами права при поступлении на военную службу; новый социально-правовой статус обусловил значительный их приток в войска. В 1999 г. в российских Вооруженных Силах проходили службу по контракту 114,6 тыс. женщин, или около 10% от общей численности личного состава»³.

Еще более заметна роль женщин в деловой жизни. «Женский менеджмент активно набирает силу не только в торговле, сфере услуг и финансов, которые в России традиционно считались женскими отраслями, но и в таких типично мужских секторах, как машиностроение, строительство, связь и др.»⁴. По оценкам специалистов Института социологии РАН, «женщины-менеджеры возглавляют или входят в состав руководства примерно 20% бизнес-организаций»⁵. Как следствие, благосостояние женщин-руководителей растет. Социологи фиксируют это в своих опросах. В частности, если в 2002 году 55,9% менеджеров имело автомобиль, то в 2006 году их уже было 78,5%⁶. Можно констатировать, что год от года количество женщин-автолюбителей также растет. В социальном плане это – важный момент. Он фиксирует внимание на расширении

¹ Канапьянова Р.М. Женщины в системе государственной власти // Социологические исследования. 2007. № 2. – С. 69.

² Там же. – С. 73.

³ Смирнов А.И. Женщины-военнослужащие: права и проблемы // Человек. 2000. № 3. – С. 124.

⁴ Гвоздева Е.С., Герчиков В.И. Штрихи к портрету женщин-менеджеров // Социологические исследования. 2000. № 11. – С. 36.

⁵ Там же.

⁶ Инясевский С.А. Российские менеджеры: социально-экономические характеристики и позиции на рынке труда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3. – С. 85.

сферы влияния женщины. Освоив автомобиль, женщина расширила свои возможности в социальном и профессиональном планах, стала более мобильной по жизни и, следовательно, более свободной. Раньше ей нужно было просить мужчину, договариваться с ним, а порой и упрашивать его. Сегодня все изменилось. Женщина сама решает, когда, куда и с кем она поедет. Для понимания особенностей жизненного пути современной женщины – это существенный момент. Рассмотрим его более подробно.

Вместе с тем в жизненном сценарии женщины по-прежнему отводится значительное место семье. В семье женщина хочет реализовать себя и в качестве жены, и в качестве матери. Материнство – одна из величайших ценностей человечества, вожделенная мечта каждой женщины. Для современных молодых женщин – это также важное событие в жизни⁷. Материнство позволяет женщине реализовать свой потенциал, наполнить свою жизнь подлинно гуманистическим смыслом, связанным с рождением ребенка, его воспитанием.

Таким образом, для современной женщины традиционные формы самореализации, связанные с осуществлением функции матери, дополняются новыми профессиональными (женщина-руководитель, женщина-глава фирмы и проч.), социально значимыми (женщина-автолюбитель) моментами. Для молодых и социально активных женщин это становится нормой жизни, жизненным приоритетом. На это они тратят свое время, силы и средства, взамен получая независимость, являющуюся отличительной особенностью пути жизни современных молодых женщин. При сохранении традиционных функций, они стали выполнять новые социальные роли, которые свидетельствуют о том, что женщины сделали серьезные шаги в плане самореализации. Готовы ли к таким изменениям современные мужчины – вопрос, требующий своего осмысления.

Исследователи данного вопроса предпочитают говорить о «гендерной модели поведения», «гендерных стереотипах», которые реализует мужчина в современной повседневной жизни. Главные из них – установки на «доминирование» и «власть»⁸. Традиционно мужчина реализовал данные ценности в работе и семье. Коснемся этой стороны вопроса.

Общеизвестно, что в жизни мужчины работа играет большую роль. Социологи отмечают, что «почти половина (47%) населения работает сверхурочно. Значительные переработки (50 и более часов в неделю) в России зачастую являются признаком того, что человек работает, что называется, “на себя” (сверхурочная работа характерна, прежде всего, для предпринимателей и самозанятых)»⁹. Руководитель также вынужден перерабатывать. Различные проверки, комиссии, подготовка отчетов – все требует дополнительного времени.

В работе мужчина самореализуется. Понятно, что работа позволяет воплотить в жизнь приобретенные знания, умения и навыки. Она же позволяет реализовать в жизнь свои планы и замыслы. К тому же работа является формой самоутверждения. Поднимаясь по карьерной лестнице, зарабатывая авторитет, мужчина растет в глазах своих сослуживцев, возвышается в собственных глазах. Таким образом, современность мало что привносит в жизнь мужчины. Как и прежде, он стремится реализовать себя на работе не только в качестве профессионала, но и личности. Одним словом, традиционная линия поведения для него сохраняется основополагающей.

В числе важных жизненных ценностей мужчины семья также занимает важное место. Согласно социологическим исследованиям, семья и ее материальное благополучие опережают такие ценности, как здоровье, отдых и развлечения¹⁰. С годами мужчина начинает понимать, что нужно обзаводиться своей семьей. Семейный мир – это то, ради

⁷ См.: Раскрытие женщины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.divcha.info/sub/lubava008.html>

⁸ Басистая Е.В. Гендерные стереотипы традиционной культуры // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. – С. 3.

⁹ Аникин В.А. Работа в жизни россиян // Социологические исследования. 2009. № 1. – С. 48.

¹⁰ См.: Бессокирная Г.П. Динамика ценности и мотивов труда рабочих (2003-2007 гг.) // Социологические исследования. 2010. № 1. – С. 57.

чего стоит жить и работать. Более того, в общественном сознании (к которому, в данном случае, следует отнести, прежде всего, сознание мужчин) сохраняется стереотип восприятия женщины в основном нацеленной на выполнение функций жены, матери, хозяйки. Так, в частности, американские исследователи отмечают, что в современном обществе сохранились «ожидания более традиционного поведения от женщин»¹¹. Наблюдения за современной российской жизнью также показывают, что ожидания современных мужчин связаны с обретением женщины, которая готова реализовать себя, прежде всего, в качестве жены и матери. Так, исследования, проведенные в разное время в различных районах России, свидетельствуют о позитивном отношении к семье как важной жизненной цели, требующей своего достижения. Семья полагается как ценность человеческого жизни, как действенный способ достижения психологического комфорта, как «механизм» поддержания авторитета старших поколений, как «инструмент» сохранения здорового образа жизни. Семья для мужчины – это новый социальный статус, который помогает ему лучше реализовать свой потенциал в карьере.

Из сказанного следует, что в реальности имеет место соприкосновение традиционного и нового в понимание жизненного пути мужчины и женщины. Можно сказать, что палитра гендерных вариантов бытия становится богаче. Традиционные модели пути жизни дополняются новыми, в которых женщина заявляет о своих правах на руководящие позиции в профессиональной и, как следствие, личной жизни. Если раньше считалось, что семья – это важное дело женщины, во имя которого она может пожертвовать карьерой, то сегодня женщины готовы создавать семью, не в ущерб своей социальной активности. Более того, последняя рассматривается как необходимая составляющая самой семейной жизни. Стало уже обычным делом – женщина на машине развозит своих детей по детским садам, школам, кружкам; вместе с детьми она разъезжает по магазинам, выставкам и т.п. Это, бесспорно, меняет жизнь женщины, открывает перед ней новые возможности, прежде всего, в жизненном плане.

Приходится констатировать, что мужчины в достаточной мере еще не осмыслили тех изменений, которые произошли в жизни женщины, а значит, и их жизни. Исповедуя традиционную модель жизни, в которой ведущая роль отводилась мужчинам, они, в массе своей, еще не готовы принять активную роль женщины в профессиональной и личной жизни. Своеобразным индикатором этого выступают те шутки, которые отпускают мужчины по поводу женщин-автолюбителей. Мужчинам кажется, что это несерьезно. На самом деле все очень серьезно. Так, например, сегодня до 80% обучающихся в автошколах Нижнего Новгорода – молодые женщины. Женщины штурмуют новую высоту – автомобильное дело. Этим они не на словах, а на деле демонстрируют свою заинтересованность во все большем участии в профессиональной (и шире: социальной) жизни. Вследствие этого можно говорить о том, что традиционно доминирующая роль мужчины сменяется доминированием социально значимого человека. Им может быть не только мужчина, но и женщина. Женщина может взять на себя ответственность за свою жизнь, жизнь своих детей, свое дело. Это оказывает сильное влияние на путь жизни женщины и мужчины. Скажем, неприятие активной, независимой женщины может изменить путь жизни мужчины. Вместо того чтобы связать свою жизнь с неординарной женщиной, он может обречь себя на одиночество. И наоборот, женщина, которая почувствовала, что рядом с ней нет достойного мужчины, с которым она могла бы соединить судьбу, может с успехом реализовать себя в профессиональной, да и личной жизни, будучи вполне самодостаточной. Эта возможность, конечно же, должна придать уверенности женщинам. Но всегда ли нужно спешить в реализации этой возможности. Ведь есть дети, совместно прожитые годы, есть, наконец, желание жить вместе с женщиной, есть понимание того, что нужно побороться за своего мужчину. Это, так сказать, – одна сторона вопроса. Другая – в том, что мужчины должны принять новые реалии бытия как само собой разумеющееся положение вещей и поддержать женщин в их стремлении покорить очередную высоту. В

¹¹ Солодников В.В., Солодникова И.В. Зрелый возраст в контексте жизненного пути // Человек. 2009. № 2. – С. 98.

этом видится один из путей решения серьезной гендерной проблемы, связанной с изменением образа жизни современного человека.

Список литературы

1. Канапьянова Р.М. Женщины в системе государственной власти // Социологические исследования. 2007. № 2. – С. 68-75.
2. Смирнов А.И. Женщины-военнослужащие: права и проблемы // Человек. 2000. № 3. С. 124-130.
3. Гвоздева Е.С., Герчиков В.И. Штрихи к портрету женщин-менеджеров // Социологические исследования. 2000. № 11. – С. 36-44.
4. Инясевский С.А. Российские менеджеры: социально-экономические характеристики и позиции на рынке труда // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3. – С. 77-99.
5. Раскрытие женщины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.divcha.info/sub/lubava008.html>
6. Басистая Е.В. Гендерные стереотипы традиционной культуры // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. – С. 2-9.
7. Аникин В.А. Работа в жизни россиян // Социологические исследования. 2009. № 1. – С. 48-55.
8. Бессокирная Г.П. Динамика ценности и мотивов труда рабочих (2003-2007 гг.) // Социологические исследования. 2010. № 1. – С. 56-63.
9. Солодников В.В., Солодникова И.В. Зрелый возраст в контексте жизненного пути // Человек. 2009. № 2. – С. 95-106.

LIFE PATH OF THE CONTEMPORARY MAN: GENDER APPROACH

S.A. ERMAKOV¹⁾
L.G. MEZINA²⁾

*Nizhny
Novgorod Institute
of Commerce*

¹⁾ e-mail: ermacow@nnci.ru

²⁾ e-mail: mila_nki@mail.ru

The patterns (characteristics) of life of the contemporary man through the prism of gender approach are considered in the article. The authors state that traditional and modern come in contact in comprehending the path of life of a woman or a man.

The increase of professional and social activity of present-day women is taken as a factor leading to a change in a person's established lifestyle.

Keywords: woman's way (path) of life, man's way (path) of life, gender, pattern of life, life values, human's life way.

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ¹

Т.Н. КАМЕНЕВА¹
В.В. ЗОТОВ²

¹⁾ Юго-Западный государственный университет

e-mail: Kalibr10304@yandex.ru

²⁾ Курская академия государственной и муниципальной службы

e-mail: om_zotova@mail.ru

В статье дается обоснование методологии управления развитием приграничных регионов в условиях глокализации социальной среды. Раскрыты основные механизмы управления развитием приграничных территорий в зависимости от этапа принятия управленческого решения.

Ключевые слова: приграничные регионы, глокализация, социальная среда.

Введение.

Наличие совместных границ с другими странами у 57% субъектов РФ в сочетании с недостаточной готовностью приграничных регионов к социально-экономическому и политическому сотрудничеству с сопредельными странами, отсутствие методологии управления развитием приграничных регионов определяют одну из приоритетных целей научных исследований в области государственного управления. Для многих приграничных регионов развитие связей и отношений с сопредельными странами может стать существенным фактором качественных изменений, которые, так или иначе, впоследствии могут транслироваться на остальную территорию страны. Но в реальности наблюдается определенное отставание приграничных регионов в их развитии в связи с невысоким качеством социальной среды. Поэтому определение наиболее эффективных механизмов управления развитием приграничных территорий для превращения фактора приграничья в реальные преимущества позволит данным регионам получить импульс для дальнейшего развития.

Под механизмом управления развитием приграничных территорий понимается совокупность правил, процедур и методик принятия управленческих решений, учитывающих комплекс факторов, исходящих из приграничного положения региона, из высокой степени проницаемости границ его социально-экономического, демографического и социокультурного пространства.

Одной из основных причин неудачной реализации многих прогрессивных предложений и начинаний является именно отсутствие соответствующих механизмов управления. Так, очень часто различные Программы, Концепции и пр. формулируют цели и задачи, т.е. говорят о том, «что следует делать», но о механизмах достижения целей дают крайне расплывчатое представление.

Существующие механизмы управления социально-экономическим развитием региона имеют следующие особенности и ограничения.

1. Большая часть функций по управлению социально-экономическими процессами рассредоточена по многочисленным органам власти, предприятиям, корпорациям, учреждениям.

2. Управление регионом со стороны административных структур имеет ограниченную сферу влияния, т.к. имеется возможность воздействовать лишь на те

¹ Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы». Проект «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства». № 14.А18.21.0090 (рук. В.П. Бабинцев).

предприятия и организации, которые имеют незначительный удельный вес в экономическом и социальном потенциале региона.

3. Существующие административно-управленческие практики не коррелируют с экономическими механизмами управления предприятиями.

4. Существующий механизм управления регионом в настоящее время не обладает достаточной гибкостью для участия в решении межотраслевых вопросов в регионе, а также ограничивает возможности объединения усилий и экономических возможностей нескольких регионов для решения общей для них проблемы.

В данных условиях одним из важнейших приоритетов региональной политики становится реализация возможностей обеспечения формирования социальной среды для развития человеческого потенциала, понимаемого как «система физических и духовных сил человека, отдельных социальных групп и общества в целом, реализация которых обеспечивает расширенное воспроизводство общественных структур и повышения качества жизни индивида»². Под «социальной средой» мы подразумеваем социум, отличающийся от обычной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности. Социальную среду в инновационном контексте можно определить как благоприятную среду, подкрепляющую поведение, ориентированное на инновационную деятельность и саморазвитие.

Структурно социальная среда объективируется и проявляется, во-первых, в социальной инфраструктуре, представляющей собой комплекс соответствующих отраслей, социальных учреждений, во-вторых, в системе социальных связей, социальном пространстве, в котором реально осуществляется деятельность индивидов, их общение, взаимодействие, многочисленные социальные связи. Иными словами, первый аспект проявления социальной среды охватывает, условно говоря «рукотворную природу», социальную инфраструктуру: жилищные, поселенческие и градообразующие комплексы с соответствующим набором социальных учреждений, второй – собственно систему общественных отношений, социальных связей. Социальная среда включает: а) инфраструктурный блок – комплекс соответствующих отраслей, социальных учреждений (социальная сфера); б) институциональный блок – комплекс социальных связей, отношений, институтов, регулирующих деятельность индивидов, их общение, взаимодействие, социальные связи (социальное пространство)³. Ключевыми для поддержания благоприятной социальной среды являются здравоохранение, образование, спорт и отдых, ЖКХ, а также состояние окружающей среды – как природной, так и антропогенной.

Социальная среда является специфическим фактором, который прежде не принимался во внимание как фактор конкурентоспособности определенной территории, в то время как сложившиеся устойчивые ее характеристики могут служить вполне объективным конкурентным преимуществом при выборе тех или иных вариантов социально-экономического развития регионов в условиях процессов глокализации. Но в настоящее время появляется ряд исследований, в которых фиксируется положительное влияние социальной среды на качество жизни населения через рост числа предприятий, через промышленные технологий и рост потребления, и в конечном итоге увеличение местных налоговых поступлений⁴.

Между тем, в настоящее время приграничное положение региона зачастую воспринимается населением, скорее, как проблема, нежели преимущество. Так, по данным социологического исследования, проведенного автором в Курской области, граничащей с Сумской областью Украины, в рамках проекта «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства» в 2012 г. (N=400), большинство опрошенных респондентов указали на негативные стороны приграничного положения – «наличие трудностей общения со знакомыми и родственниками, оказавшимися в другом государстве» (41%), «наличие ограничений, связанных с

² Куркина М. П., Зотов В. В. Человеческий потенциал как категория социального управления регионом // Бизнес Информ: научный журнал. 2012. №7. – С. 53 – 56.

³ Иванов С.А., Ложко В.В. Роль социального пространства в развитии инновационных свойств человеческого потенциала региона // Проблемы современной экономики. 2012. № 1 (41). – С. 243 – 248.

⁴ Ohta K. Effect of social environment on regional population and number of establishments in Japan // Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies. 2005. Vol. 6, pp. 3728 – 3743.

перемещением по территории региона» (9%), в то время как позитивное следствие – «возможность сравнительно легко попасть за границу» – лишь 23%.

Достаточно тревожным выглядит и стремление и пятой части опрошенных (21%) переехать из приграничного региона в «обычный» на постоянное место жительства. И ключевым в этом желании является стремление к безопасности (45% от желающих переехать).

Регион является относительно целостным образованием (по географическому, экономическому, геополитическому, социальному или административно-политическому признаку). Являясь относительно обособленной социально-экономической подсистемой общества и национальной экономики, регион функционирует и развивается в пределах исторически данной правовой, экономической и социально-политической среды, качественная определенность которой в существенной мере зависит от действий государства. Отличительным свойством выделяемого таким образом региона является доминирование внутренних более интенсивных социальных связей, которые и образуют социальную среду региона. Это проявляется в движении товаров и услуг; финансовых потоков; социальной мобильности и частоте социальных коммуникаций.

В данных условиях региональные органы власти выполняют две основные функции: управление функционированием региона и управление развитием региона. Не умаляя значения первой функции, можно сказать, что функция обеспечения регионального развития становится все более значимой.

Управление региональным развитием предполагает использование форм и методов согласования интересов центра и регионов, совершенствования механизмов государственной поддержки социально-экономического развития субъектов РФ.

В основе управления на региональном уровне лежат:

- представления о возможностях каждой региональной системы;
- формирование на этой основе пространственной стратегии и региональной политики;
- оперативный режим планирования комплексного развития региональной системы.

Социальная среда региона характеризуется системой показателей, описывающих условия существования людей на этой территории. При этом особо выделяются те из них, от которых зависит потенциал роста и развития. По мнению О.В. Байдаловой, социально-экономические процессы в регионе могут быть рассмотрены опосредованно – через выявление социальных настроений, интересов, ориентиров субъектов социального развития (различных социально-демографических групп населения)⁵. Поэтому, по её мнению, индикатором жизнедеятельности социальных субъектов может быть социальное самочувствие как сложная многофакторная категория, определяющая отношение населения к своему месту в системе социальных связей, степень его адаптированности к изменившимся социальным реалиям.

Другие ученые считают, что забота о качестве жизни населения – это главная задача региональных органов власти, решение которой требует использования всего имеющегося финансово-экономического потенциала региона в рамках единых общегосударственных интересов⁶, поэтому разработку и внедрение концепции качества жизни можно рассматривать как эффективное средство повышения благосостояния россиян. При этом качество жизни представляет собой сложный интегральный показатель, аккумулирующий все значимые для личности условия существования, уровень развития и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей. Современные исследователи качества жизни считают необходимым рассматривать эту категорию как системную целостность, выражающуюся через сложную структуру взаимосвязей ее составляющих: качество природной среды, здоровья людей, образования, культуры⁷. Анализ динамики показателей качества жизни является

⁵ Байдалова, О.В. Развитие региона как социальной системы : Социальные показатели и индикаторы : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08.- Волгоград, 2002.- 304 с.

⁶ Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В., Шаповал Ж.А. Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения // Регионология. 2010. № 4. – С. 63 – 72.

⁷ Бетин О.И., Герасимов Б.И., Дробышева В.В. Экономический анализ системы управления качеством жизни. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – С. 10.

основанием для оценки эффективности деятельности органов государственного управления, служит инструментом для выявления социальных проблем региона, а также определения основных параметров будущей социальной политики. Для оценки качества жизни применяются разнообразные методики, использующие объективные (статистические) показатели и субъективные индикаторы, фиксируемые в социологических исследованиях. Наибольшее распространение получили методики, базирующиеся на критериях качества жизни, предложенная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), и на определении индекса развития человеческого потенциала – на основе объективных (статистических) и субъективных (опросных) показателей, используемая ООН.

Сегодня одной из базовых ценностей российского общества является социальное государство, идея которого официально сформулирована в Конституции РФ. Поэтому теоретико-методологической основой реализации оценки эффективности государственного управления служат концепция социально-ориентированного государства и концепция человеческого потенциала.

Это означает, что основной целевой установкой стратегического развития государства должно быть изменение образа жизни как способа, формы и условия индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, типичной для конкретно-исторических социально-экономических отношений. Подобное понимание основной цели означает, что социальные и личностные ориентиры становятся определяющими при выборе различных вариантов стратегического развития.

Согласно концепции социального государства программной целью государства является обеспечение определенного качества жизни населения путем проведения соответствующей социальной политики. Но в тоже время необходимо учитывать тот факт, что негативным эффектом реализации концепции социального государства является упадок в обществе «духа предпринимательства» и инициативы.

Поэтому концепция социального государства должна быть дополнена концепцией развития человеческого потенциала, которая рассматривает развитие человека как собственно цель и критерий общественного прогресса. Такой подход предполагает, что при принятии решений внимание будет сосредоточено на человеке и его потенциале как цели усилий в области управления региональным развитием. Выработка, обоснование и реализация различных социально-экономических программ и конкретных направлений региональной политики осуществляется с точки зрения человеческого развития. Таким образом, уже не экономическая ценность человека через его способность к производительному труду приводит к всеобщему благосостоянию, а саморазвитие человека через расширение возможностей индивидуального выбора.

Это означает, что основным целевым показателем развития социальной среды региона должен стать показатель глокальности, который показывает уровень развития потенциала местных акторов в глобальном контексте. Наступает такой период общественного развития, когда эффективность управления определяется не столько уровнем потребления и масштабами материального производства, сколько способностью оптимально использовать находящиеся в ограниченном количестве ресурсы, применяя возможности инновационных технологий. Значимыми характеристиками социальной среды региона становятся, с одной стороны, имидж, харизматичность, креативность, а с другой – динамичность, пластичность, мобильность. Поэтому максимальное значение этот показатель будет иметь, если регион становится самодостаточной территорией, на которой создана имеющая глобальное значение инновационная инфраструктура, обеспечивающая полный инновационный цикл.

Проектный тип управления развитием регионов является практически ориентированной деятельностью, направленной на выдвижение проектных решений. Управление социально-экономическим развитием региона осуществляется с помощью широкого спектра различных стратегий, программ, конкретных действий и одноразовых мероприятий, посредством которых власть стремится стимулировать развитие региона за счет формирования благоприятной социальной среды. Базовая единица развития – это социальный проект как мысленная конструкция какого-либо заранее спланированного изменения, ориентированного на человека, социокультурную ситуацию, проблему или систему, целью которой является создание или поддержание определенных оптимальных режимов функционирования и/или развития при определенных ресурсных

ограничениях. В проекте отражено будущее желаемое состояние системы, которое возникает при определенных действиях принимающих решение лиц, наличии определенных финансовых, трудовых, материальных и других ресурсов, в том числе интеллектуальных. Поскольку в процессе инициации проекта преобладает волевое начало, это порой ведет к тому, что соответствующие планы и программы в рамках проектов оказываются волонтаристскими, субъективистскими, произвольными (с повышенным риском неоптимальности, несостоятельности). Снижение элемента волонтаризма возможно за счет введения в проектное управление объективного, исследовательского начала, с тем, чтобы оно в большей степени основывалось на принципах научности, с повышенным уровнем ожидаемой эффективности принимаемых решений. На этом этапе большое значение имеет технологии экспертизы и конкурсного отбора.

Технология экспертизы призвана определить уже на этапе планирования проекта, будет ли обеспечено исполнение нормативных, экологических и иных требований в процессе его реализации. Ее использование основано на понимании того, что предупреждение негативных последствий всегда связано с меньшими издержками, чем их устранение. Проведение экспертизы проектов как механизм предупредительного контроля за деятельностью региональных властей получает в настоящее время широкое распространение. Грамотно проведенная общественная экспертиза является источником объективной информации о потребностях и ожиданиях различных социальных групп, их оценке принимаемых органами власти решений, а также – при соответствующем инструментарии – и источником инновационных решений (механизм краудсорсинга).

Как указывалось выше, особенностью социальной среды приграничного региона является высокая степень ее открытости воздействиям со стороны сопредельных территорий. Эта открытость является источником множества угроз геополитического, криминального, социокультурного и т.п. характера. Очень часто именно такого рода угрозы ставят во главу угла, рассматривая приграничное положение региона. Позитивные эффекты приграничного положения учитываются не столь часто – прежде всего, потому, что их достижение чаще всего сопряжено с серьезными управленческими усилиями. Негативные же эффекты проявляются сами по себе – без всяких усилий.

Тем не менее, позитивное влияние приграничного положения региона на его социальную среду может проявляться комплексно – в сочетании экономических, политико-правовых, социокультурных и др. факторов. Например, применение различных форм и методов проектного управления в целях развития приграничного региона может задействовать научный и управленческий потенциал сопредельных территорий за счет привлечения экспертных групп из сопредельного региона, а также заимствования опыта административно-политического и корпоративного управления непосредственно у его носителей.

Повышение эффективности социальных проектов развития приграничных регионов возможно за счет введения в данный процесс инновационного элемента. В данном случае в качестве инновационного может рассматриваться построение единой информационной среды приграничного сотрудничества.

Интеграция административно-управленческих структур, предприятий и корпораций в единое приграничное пространство возможно при условии существенного роста их информационного потенциала. Информационный механизм должен стать важнейшей составляющей комплексного механизма управления деятельностью и развитием региона. Для современного этапа развития целесообразно формирование информационного механизма в составе:

- механизма организации оперативной и фундаментальной научно-технической информации о новейших достижениях отечественной и зарубежной науки и техники;
- механизма распространения (диффузии) нововведений на основе разнообразных контактов разработчиков и потребителей технических, организационных и социокультурных новшеств;
- механизма маркетинговой информации о состоянии рынка потребительских товаров, рынка технологий и рынка промышленной (интеллектуальной) собственности;
- механизма рефлексивного взаимодействия предприятий, конкурирующих на рынке, и соперничающих организаций – разработчиков новых видов продукции и

технологий⁸.

В условиях формирования единого информационного пространства социальная среда приграничных регионов становится более восприимчивой к позитивным сигналам извне. Информационная открытость позволит также блокировать негативные эффекты регионального развития. Такого рода интеграция в рамках единого информационного пространства создает возможность как для кооперации приграничных регионов в рамках социальных, экономических и социокультурных проектов, так и для их конкуренции в пределах показателей качества жизни населения или развития человеческого потенциала.

Выводы.

Итак, приграничное положение региона Российской Федерации характеризуется комплексом позитивных и негативных коннотаций, каждая из которых может быть актуализирована в силу либо естественного развития ситуации, либо в результате целенаправленного управленческого воздействия. Превращение приграничного положения региона из угрозы его социальной среде в источник ее развития и позитивной трансформации востребует использование проектного подхода, в основе которого – формирование единой информационной среды и интеграция ресурсов сопредельных регионов. Особенностью информационного ресурса является то, что его предоставление кому-либо обогащает обе стороны. Методологическим основанием управления развитием приграничных регионов в условиях глокализации социальной среды должны стать концепция социального государства и концепция развития человеческого потенциал.

Список литературы

1. Куркина, М.П. Человеческий потенциал как категория социального управления регионом / М.П. Куркина, В.В. Зотов // Бизнес Информ: научный журнал. 2012. №7. С. 53 – 56.
2. Иванов, С.А. Роль социального пространства в развитии инновационных свойств человеческого потенциала региона / С.А. Иванов, В.В. Ложко // Проблемы современной экономики. 2012. № 1 (41). С. 243 – 248.
3. Ohta K. Effect of social environment on regional population and number of establishments in Japan // Journal of the Eastern Asia Society for Transportation Studies. 2005. Vol. 6, pp. 3728 – 3743.
4. Байдалова, О.В. Развитие региона как социальной системы : Социальные показатели и индикаторы : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08.- Волгоград, 2002.- 304 с.
5. Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В., Шаповал Ж.А.. Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения // Регионоведение. 2010. № 4. С. 63 – 72.
6. Бетин О.И., Герасимов Б.И., Дробышева В.В. Экономический анализ системы управления качеством жизни. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007.
7. Круглова Н.Ю. Хозяйственное право. 2-е изд. – М.: Издательство РДЛ, 2001.

MECHANISMS OF DEVELOPMENT OF BORDER AREAS IN THE TRANSFORMATION OF SOCIAL ENVIRONMENT

T. N. KAMENEVA¹

V.V. ZOTOV²

¹⁾ *Southwestern State University*

e-mail: Kalibri0304@yandex.ru

²⁾ *Kursk Academy of State and Municipal Services*

e-mail: om_zotova@mail.ru

The article explains the rationale for the methodology for managing the development of border regions in glocalization social environment. The basic mechanisms for managing the development of border areas, depending on the stage of decision-making, are revealed in the paper.

Keywords: cross-border regions, glocalization, social environment.

⁸ Круглова Н.Ю. Хозяйственное право. 2-е изд. – М.: Издательство РДЛ, 2001.

УДК 001.895

«ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ» КАК ИДЕОЛОГЕМА ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ¹

Е.Г. КАМЕНСКИЙ¹
В.Б. ТАРАБАЕВА²

¹ Юго-Западный
государственный
университет

² Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
tarabaeva@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются проблемы формирования национальной идентичности в контексте интеграционных процессов глобализации, происходящих в современном обществе. Актуализируется проблема поиска наднациональной идеи сотрудничества, изучения состояния его духовных оснований, выработки механизмов реализации поставленных задач в идеологическом аспекте. Проводится анализ содержания сложившегося станового бренда России и базовых характеристик массового сознания россиян в отношении сформулированности национальной идеи. Предлагаются механизмы формирования консолидирующих идеологем интеграции приграничных регионов бывшего СССР в единый субъект социокультурного и политико-экономического взаимодействия с западной цивилизацией.

Ключевые слова: интеграция, глобализация, национальная идея, национальная идентичность, национальный Российский бренд, сотрудничество.

Введение

Начало второго десятилетия XXI века продолжает сегодня четко обозначившуюся тенденцию глобализационных процессов, происходящих на фоне внешне стохастических процессов поддержания гомеостатических состояний национальных культурно-политических систем.

Справедливо акцентируется то обстоятельство, что «...каждый великий народ, создавший своё национальное государство, формирует собственную национальную идею, главное предназначение которой состоит в определении национально-государственной идентичности в ряду других народов. Различаются также наднациональные идеи, сформулированные на основе цивилизационных, культурно-исторических или вероисповедных принципов, критериев, ценностных систем и т.д.»².

По сути, речь идет о сохранении более или менее четко осознаваемой и позиционируемой национальной идентичности. Последняя в исторической ретроспективе обуславливалась объективными особенностями культурного строительства, детерминированными, в свою очередь, определенным факторным комплексом в основном естественного (природного) происхождения. Однако сама культура, выступив результатом опредмечивания человеком своей духовности и распредмечивания мира и репрезентируясь как референтное пространство жизни индивидуумов и их сообществ (социума вообще) в своем материальном аспекте, позволила замещать указанный факторный комплекс иным, антропосоциокультурным факторным комплексом. В этом, по нашему мнению, и состоит ключевая особенность указанной в заголовке статьи проблемы, так как именно она позволяет снимать по сути непреодолимые ранее культурно-политические различия национальных социумов,

¹ Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы». Проект «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства». № 14.А18.21.0090 (рук. В.П. Бабинцев).

² Гаджиев, К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Вопросы философии». Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400

интегрируя их в унифицируемое пространство новых стандартов, в том числе политической жизни.

Теоретический анализ

Действительно, «идентичность формируется на основе соответствующей национальной парадигмы, на пересечении национально-исторической, социально-психологической, социокультурной, политико-культурной и др. сфер. В её содержание входят установившиеся особенности национальной культуры, этнические характеристики, обычаи, верования, мифы, нравственные императивы и т.д. Она теснейшим образом связана с понятием «национальный характер». Здесь речь идёт о представлениях людей о себе, о своем месте в мире. Национальная идентичность интегрирует в себя внутренние и внешние составляющие»³.

И в искусстве, и в философии, и в науке уже неисчислимо часто употребляют устоявшийся тезис о том, что границы российской цивилизации невозможно определить четко. Однако все упоминают некую «русскую душу». «Древнерусская тоска», «загадочность», «хлебосольность» и прочие эпитеты не более, однако, чем метафоры. На данных основаниях строить представление о типе цивилизации и направлениях ее развития в контексте интеграционных процессов глобализации невозможно. Вероятно некая консолидирующая ценность, национальная идея, может способствовать формированию неких поддающихся идентификации характеристик общества. Это будет тем более верным, если вспомнить о культурной и конфессиональной разнородности России, не говоря уже об усилившейся материальной поляризации населения, не позволяющих «подогнать» всех под общий знаменатель на основе каких-либо «чисто-культурных» или политических ценностей. Для иллюстрации данной проблемы в странах постсоветского пространства, на наш взгляд, корректнее всего использовать теорию темпоральной многослойности современности, одним из ярких представителей которой является П.К. Гречко⁴.

Отметим, что указанные проблемы в равной мере затрагивает почти все государства постсоветского пространства, проводящие в своей национальной идеологической политике попытки сохранения национального духа народа, осознавая при этом неизбежность мировых интеграционных процессов в экономике и культуре. Следовательно, в настоящее время контекстуальное постсоветское пространство само не имеет интегрирующего начала, некой центробежной точки, позволяющей концентрично консолидировать национальные конструкторы в наднациональную систему общих смыслодержущих отношений.

Указанная ситуация порождает сложные комплексы кризисных явлений, таких, в частности, как национализм, значительно затрудняющих процессы как национального государственного строительства, так и объективно необходимые попытки постсоветской интеграции.

Приведенные выше положения актуализируют проблему поиска самой наднациональной идеи сотрудничества, изучения состояния его духовных оснований, выработки механизмов реализации поставленных задач в идеологическом аспекте. Особый статус поднятых вопросов подтверждает значительное количество источников в рамках общей проблематики международного сотрудничества, культурной политики, национальной идентичности и иных предметных областей анализа.

В частности, М.Ю.Бунаков и В.Н.Лукин отмечают, что в первой половине 90-х годов XX века при некоторых различиях в определении национальной идентичности, в

³ Гаджиев, К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Вопросы философии». Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400

⁴ Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме [Текст] / П.К. Гречко // Общественные науки и современность. 2000. №2.; Гречко П.К. О социально-историческом статусе современности [Текст] / П.К. Гречко // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2000. №1.; Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы [Текст] / Курмелева Е.М., Гречко П.К. – М.: [РОССПЭН](http://www.rosspenn.ru), 2009.

структуру разрабатываемых систематизированных концепций входил целый ряд общих элементов. Общим для большинства представленных концептуализаций оставалась позиция, устанавливающая существование гражданской национальной идентичности преимущественно в странах Запада, этнической – на Востоке ⁵.

Важность формирования положительного образа России, как на внутригосударственном, так и на мировом уровне, подтверждается факторами проектирования национального курса нашей страны в создании официальных документов: «Стратегия-2020», «Концепции продвижения национального бренда и региональных брендов», а также всероссийские конкурсы по формированию национальной идеи и логотипа бренда нашей страны.

Однако Филипп Котлер, говорит, что страна всегда вынуждена учитывать свою собственную историю, и историю своего взаимодействия с другими странами, и никогда не сможет изменить свой образ полностью. Также, страна не может изменить свой фактический состав – цвет кожи населения, свой ландшафт, свою культуру – только затем чтобы стать удачным и красивым брендом ⁶.

Данному обстоятельству, на наш взгляд, уделено недостаточно внимания в государственной стратегии формирования национальной и транснациональной идеи развития нашей страны. Поэтому представляется необходимым провести анализ сложившегося содержания бренда России в реальности с тем идеологическим эталоном, к которому стремятся государственные структуры.

Для более детального анализа проблемы сравним структуру национальной идеи страны, какой ее видят граждане России со структурой данного понятия, обозначенной в современных научных источниках.

Таблица

Составляющие национальной идеи страны, по мнению опрошенных

Что, по Вашему мнению, включает в себя понятие «национальная идея страны»?	Ответы		Процент наблюдений
	N	Процент	
Политика	59	5,5%	13,3%
Государственные символы	55	5,2%	12,4%
Уровень жизни в стране	177	16,6%	39,9%
Позиция на мировом уровне	165	15,5%	37,2%
Культура, историческое наследие	106	10,0%	23,9%
Государственные праздники	117	11,0%	26,4%
Народ	130	12,2%	29,3%
Экономика	74	6,9%	16,7%
Название страны	65	6,1%	14,6%
Национальная идея	73	6,9%	16,4%
Спорт	44	4,1%	9,9%
Всего	1065	100,0%	239,9%

Из таблицы видно, что в качестве составляющих национальной идеи как странового бренда в большей степени выделяют уровень жизни в стране (40%), позицию

⁵ Бунаков М.Ю., Лукин В.Н. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации // CREDO NEW теоретический журнал // <http://credonew.ru/content/view/553/31>

⁶ Брендинг страны [Электронный ресурс] // Блог: пиар и смежные области. Режим доступа: <http://www.polylog.ru/ru/marketing-communications-community/blog-pr-btl/country-branding.htm>

государства на мировом уровне (37%), народ (29%), государственные праздники (26,4%), культуру и историческое наследие (24%). Такие составляющие бренда страны как экономика (17%), собственно какая-либо национальная идея (16%), название страны (15%), политику (13%), государственные символы (12%), а также спорт (10%) отмечены в меньшей степени.

Следует сказать, что в первую очередь, по мнению опрошенных, нашу страну на мировом уровне представляет историческое наследие (56,6%) и Президент (23,8%), в меньшей степени культурное наследие (11,2%) и государственные символы (6,3%).

Положительным моментом является то, что подавляющее большинство респондентов считают Россию уже неким брендом (рисунок): 47% уверены, что наша страна является брендом и 32% – склоняются к этому мнению.

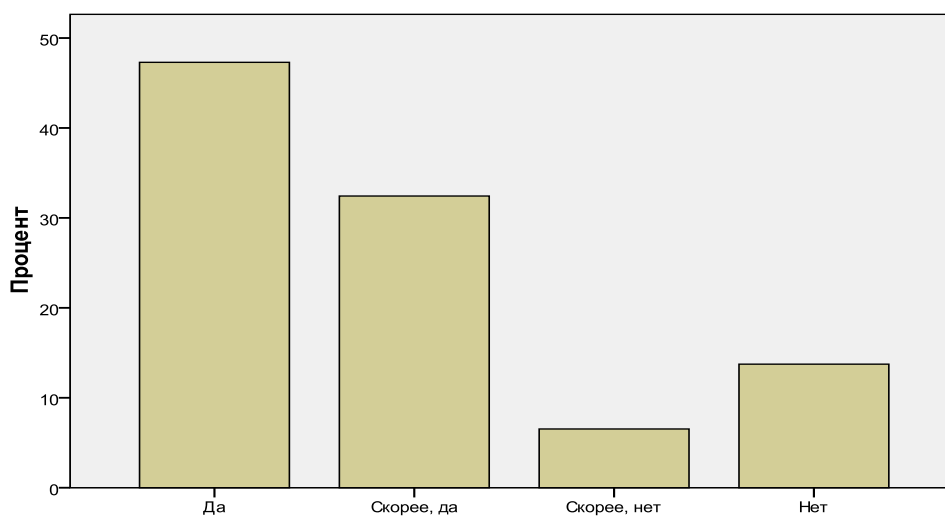

Рис. Мнение опрошенных о том, является ли «Россия» брендом, %

Поэтому уверенность граждан в том, что «Россия» уже является брендом сама по себе, говорит, на наш взгляд, о положительном восприятии респондентами нашего государства как некой ожидаемой позиции, которая заключается в его престиже, значимости для мировой общественности, уникальных особенностей, отличающих Россию от других стран.

Важным моментом в оценке смыслового содержания национальной идеи государства является национально-государственная идентичность граждан, которую мы пытались выяснить вопросом «Что для Вас означает фраза: «Я россиянин»?

В силу того, что процесс становления национально-государственной идентичности включает в себя совокупность социальных ролей и норм поведения, характер которых обусловлен представлениями о взаимоотношениях с государством, размытость данных показателей, по мнению М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, может привести к конфликтности социального поведения, а также напряжениям во взаимодействии с социальными институтами ⁷.

В данном случае в массовом сознании населения уже существуют значительные смещения от национальной идентификации к транснациональной. Мы видим явную тенденцию в переходе национально-государственной самоидентичности в констатацию места своего проживания или рождения. То есть отсутствует какая-либо характеристика непосредственно россиянина, кроме как российское гражданство, территориальная принадлежность и происхождение. Лишь 2% опрошенных отметили, что «Россиянин – это представитель великой нации», 6%, что «Я россиянин – звучит гордо». Таким образом, граждане, особенно молодого возраста, уже не имеют четких представления о

⁷ Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет [Текст]/ М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С.67.

ценностях, национальных чертах российского человека. Следовательно, в сознании населения отсутствует устойчивый образ социального поведения россиянина, стираются особенности гражданина России как представителя уникальной страны и нации. То есть констатируется именно кризис национальной идентичности. Нередко высказывается опасение, что следование данной тенденции может привести к потере народного единства страны в целом, поскольку молодое поколение не осознает своих национально-государственных особенностей, тем самым стараясь определить не свойственный для себя паттерн поведения, образцом которого выступает, например, европеизация либо американизация духовной сферы так называемого «постсоветского общества».

Проведенный анализ базовых характеристик массового сознания россиян в отношении сформулированности национальной идеи показал, что в целом оно хаотично и не соответствует государственной стратегии формирования национального бренда, поскольку официальные документы и структуры, работающие в этой области, выделяют необходимость формирования положительного восприятия нашей страны в целом, которое напрямую зависит от идентичности ее бренда. Так, по замыслу Министерства экономического развития РФ, национальный российский бренд должен представлять нашу страну как государство, обладающее уникальными возможностями в области производства товаров и услуг, с богатым научным и образовательным потенциалом, культурными традициями, природно-рекреационными ресурсами и опираться на такие бренды товаров и услуг, как, например, «сделано в России», «Российское качество» и т.д. Однако в понимании населения бренд «Россия», хотя и обладает высокой ценностью на внутригосударственном уровне (3 балла), но эта оценка в большей степени основывается на понимании того, что страна является для граждан Родиной, также оказывает влияние культурно-историческое наследие, отсюда ее положительные оценки. Размыто понимание мировой значимости российской национальной идеи, и в целом респонденты низко характеризуют международную позицию, обозначая, что бренд «Россия» имеет небольшую ценность на мировой арене (по шкале Осгуда). В рамках исследования было предложено отметить суждения, отражающие уникальные особенности России, с которыми они согласны (шкала Гутмана). Проанализировав результаты, выяснилось, что в уникальность нашей страны заключается в масштабности ее территории, природных ресурсах (в частности газа), национальных героях, деятелях культуры и искусства, научных, литературных достижениях (80-100%), военно-оборонные разработки прошлых лет (автомат Калашникова, минное оружие) (83,9%) национальных промыслов (70%), а также в многонациональности страны (96,2%). Однако приведенные данные по сути не характеризуют российскую идентичность как сколько-нибудь уникальную. В современном мире данными характеристиками обладают почти все развитые государства.

Заключение

Таким образом, можно сформулировать смысловое содержание реальной национальной идеи России, присутствующей в массовом сознании граждан. Оно заключается, в устоявшемся для них образе страны: Россия – это невезучая страна, с большим культурным наследием, это место жительства, а также Родина. Опрашиваемые определили Россию как бедную страну олигархии, коррупции и иммигрантов, но при этом мировую державу, страну возможностей с богатейшим культурно-историческим наследием. В целом же понимание смыслового содержания бренда «Россия» характеризуется хаотичностью с одной стороны и, как следствие, сложившимся стереотипным, в большей степени негативным имиджем страны в целом. С другой, определяется отсутствием национально-государственной идентичности, что ведет к снижению уровня патриотизма, политической активности, развивает потребительское отношение к государству и друг к другу, тем самым ослабевает единство народа.

Для корректировки сложившейся ситуации, по нашему мнению, необходимо уделить внимание конкретным вопросам интеграции государств постсоветского пространства, где Россия занимает лидирующие позиции, в мировое цивилизационное пространство, а не предпринимать попытки создания новых конгломератов типа СНГ. Данные образования лишь усугубляют процессы размывания национальных

идентичностей, так как ряд прозападно настроенных стран-партнеров не несет для России идеологических преимуществ и имитирует процессы сотрудничества с целью реализации сугубо экономических интересов. Ситуация такого рода приводит к дихотомии массового мировоззрения, его мозаичности и ситуативности в условиях глобальной трансформации самих оснований прошлого миропорядка. Именно это обстоятельство, подтвержденное эмпирическими показателями, актуализирует ускорение процессов формирования четкой транснациональной идеи развития как способа снятия деприваций кризиса национальных идентичностей. Очевидно, что силами лишь национальных систем этот вопрос уже решить невозможно, так как нарушая принцип диссипативности, сами эти системы деструктурируются и распадаются. Для глобального общества это означает деструкции всей мировой системы во всех сферах общественной жизни. Именно в данном случае формирование транснациональных приоритетов развития мировых регионов, таких как постсоветский регион, является определяющим условием победы в борьбе за приоритеты в определении общемировых магистралей развития общества. Соответственно, сегодня ключевой выступает проблемы создания механизмов формирования консолидирующих идеологем интеграции приграничных регионов бывшего СССР в единый субъект социокультурного и политико-экономического взаимодействия с западной цивилизацией.

Список литературы

1. Брендинг страны [Электронный ресурс] // Блог: пиар и смежные области. Режим доступа: <http://www.polylog.ru/ru/marketing-communications-community/blog-pr-btl/country-branding.htm>
2. Бунаков М.Ю., Лукин В.Н. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации // CREDO NEW теоретический журнал // <http://credonew.ru/content/view/553/31>
3. Гаджиев, К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Вопросы философии». Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400
4. Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет [Текст] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – С.67.
5. Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме [Текст] / П.К. Гречко // Общественные науки и современность. 2000. №2.; Гречко П.К. О социально-историческом статусе современности [Текст] / П.К. Гречко // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2000. №1.; Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы [Текст] / Курмелева Е.М., Гречко П.К. – М.: РОССПЭН, 2009.

“TRANSNATIONAL IDEA” AS AN IDEOLOGEMA OF POST-SOVIET INTEGRATION I IN THE CONTEXT OF NATIONAL IDENTITY CRISIS

E.G.KAMENSKY¹
V.B. TARABAEVA²

¹⁾ *Southwest state university*

²⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: tarabaeva@bsu.edu.ru

In this article problems of formation of national identity in a context of integration processes of the globalization occurring in modern society are considered. The problem of search of supranational idea of cooperation, studying of a condition of its spiritual bases, developments of mechanisms of realization of objectives in ideological aspect is staticized. The analysis of the maintenance of the developed brand of Russia as a country and the analysis of base characteristics of mass consciousness of Russians concerning a formulation of national idea are carried out. Mechanisms of formation of frontier regions of the former USSR consolidating ideology integration in the uniform subject of sociocultural and political-economical interaction with the western civilization are offered.

Keywords: integration, globalization, national idea, national identity, national Russian brand, cooperation.

УДК: 37:316.422 (474)

ВЛИЯНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ¹

М.В. КОЖЕМЯКИН¹
И.С. ШАПОВАЛОВА²

¹ *Балтийский федеральный
университет им. И. Канта*

² *Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет*

e-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

В статье анализируются актуальные проблемы модернизации систем образования в Латвии, Эстонии и Литве. Представлен алгоритм исследования с точки зрения функциональных, организационных и содержательных аспектов модернизации, а также результаты исследования актуального состояния систем образования стран Балтийского региона. Также в статье представлен анализ последствий финансового кризиса для развития начального и высшего образования.

Модернизация, система образования, национальная политика, Балтийский регион, инновации.

Модернизация систем образования в постсоветских странах, а именно в странах Балтийского региона вызывает пристальный интерес со стороны представителей различных отраслей науки — политологов, социологов, педагогов, психологов, экономистов и т. д. С другой стороны, происходящие изменения в системах образования данных стран волнуют жителей этих государств. Именно образование во многом определяет будущее развитие регионов, определяет — будет ли востребован и конкурентоспособен выпускник того или иного учебного заведения на рынке труда, который уже не может быть определён локально — местом проживания человека, но который можно назвать международным. Страны Балтии, такие как Латвия, Литва и Эстония, претендуют на то, чтобы занять определённую нишу в международной экономике и политике — нишу не менее значимую, чем занимают такие страны, как, например, Германия, Великобритания, Франция и т. д. Всё это обуславливает необходимость трансформации систем образования, т. к. стало очевидным, что советское наследие в данном аспекте не может быть пригодным на современном этапе.

С другой стороны, интерес вызывает положение национальных меньшинств в данных регионах, которые также, как и коренное население, имеют право на получение образования — от начального до высшего. Ни для кого не секрет, что это довольно сложная проблема в странах Балтийского региона — на фоне роста национального самосознания, рефлексии собственной этнической и культурной самобытности в образовании происходят процессы, которые можно назвать его национализацией — доминирование учебных программ на государственном языке, соответственно, сокращение программ на языке национальных меньшинств. Это делает особенно актуальным изучение процесса модернизации систем образования, т. к. в этом аспекте затрагиваются вопросы несколько более глобальные, чем переход на двухуровневую систему, реформы в соответствии с Болонским соглашением и т. д. Здесь встаёт вопрос о правах человека, а также сохранения этнической самобытности не-литовцев, не-латышей и не-эстонцев.

Но существует и иной интерес к данной проблеме: восприятие процессов трансформации образовательных систем как индикатора развития и преобразования приграничных регионов постсоветского пространства. Изменения в образовательных

¹ Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы». Проект «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства». № 14.А18.21.0090 (рук. В.П. Бабинцев).

системах в странах Балтийского региона наглядно демонстрирует нам возможность интеграции в единое образовательное пространство евросоюза с одной стороны, и специфику такой интеграции приграничных к России территорий. Сложность процессов интеграции и развития стран Балтии, как приграничных регионов постсоветского пространства, наличие характерных особенностей, требующих отдельного изучения неоспоримо признали 100% экспертов, участвующих в нашем исследовании. Экспертами в нашем исследовании стали 26 представителей общественности Калининградской области. Исследование было проведено в августе 2012. Экспертная группа, в состав которой вошли представители системы образования (34,61%), СМИ (19,23%), государственные служащие (19,23%), ученые (19,23%), предприниматели (7,6%), выделила следующие особенности развития приграничных территорий стран Балтии: развитие трансграничного сотрудничества (100%), большая внешняя открытость (57,69%), интенсивные миграционные процессы (26,92%).

Специфика и проблемы развития приграничных регионов, влияние миграционных процессов на их стабильность настолько велико, что большинство экспертов затруднились однозначно ответить на вопрос, есть ли необходимость активизировать интеграционные процессы постсоветских государств Балтийского региона (53,84%), хотя довольно большая группа экспертов отмечает желательность и возможность такой активизации (46,15%).

В качестве перспективных интеграционных процессов для стран Балтийского региона все эксперты отмечают экономическое сотрудничество и сохранение культурно-исторического наследия (100%), а 53,84% указывают на актуальность темы нашего исследования – научное сотрудничество и образование.

Рассматривая перспективы дальнейшего развития интеграционных процессов, как в области образования, так и в других областях соприкосновения территорий постсоветского пространства, эксперты следующим образом оценили значимость, успешность и востребованность интеграционных проектов (рис.1).

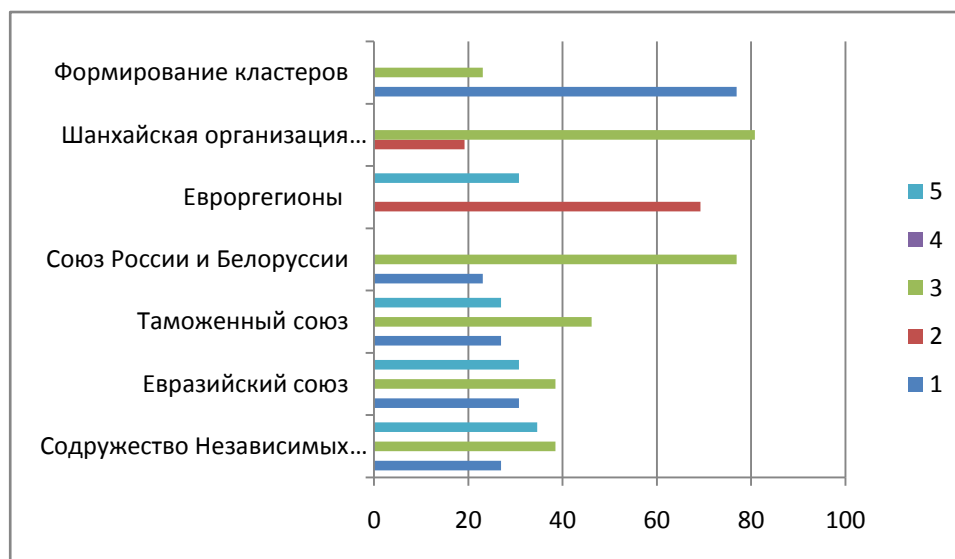

Рис. 1. Экспертная оценка интеграционных проектов

Экспертное сообщество Калининградской области в большинстве своем удовлетворительно оценило ряд интеграционных проектов (превалирующая оценка – 3 балла), но есть и проекты, которые большинство экспертов оценило неудовлетворительно (1-2 балла), это такие проекты как: проект «Еврорегионы» (69,23%) и формирование кластеров (76,92%).

В развитии приграничных регионов стран Балтии 100% экспертов видят усиление инвестиционной привлекательности, которая может быть выражена посредством

разработки и реализации совместных инвестиционных проектов (100%), минимизации таможенных барьеров (76,92%) и инвестиционных рисков (15,38%).

Эксперты также отмечают и барьеры инвестиционной активности приграничных регионов, выделяя коррупцию и несовершенство нормативно-правовой базы (100%), политическую нестабильность (76,92%) и отсутствие традиций (38,46%).

В Калининградской области нами было отмечено четкое представление экспертного сообщества о факторах, влияющих на повышение инвестиционной привлекательности приграничных регионов (рис.2).

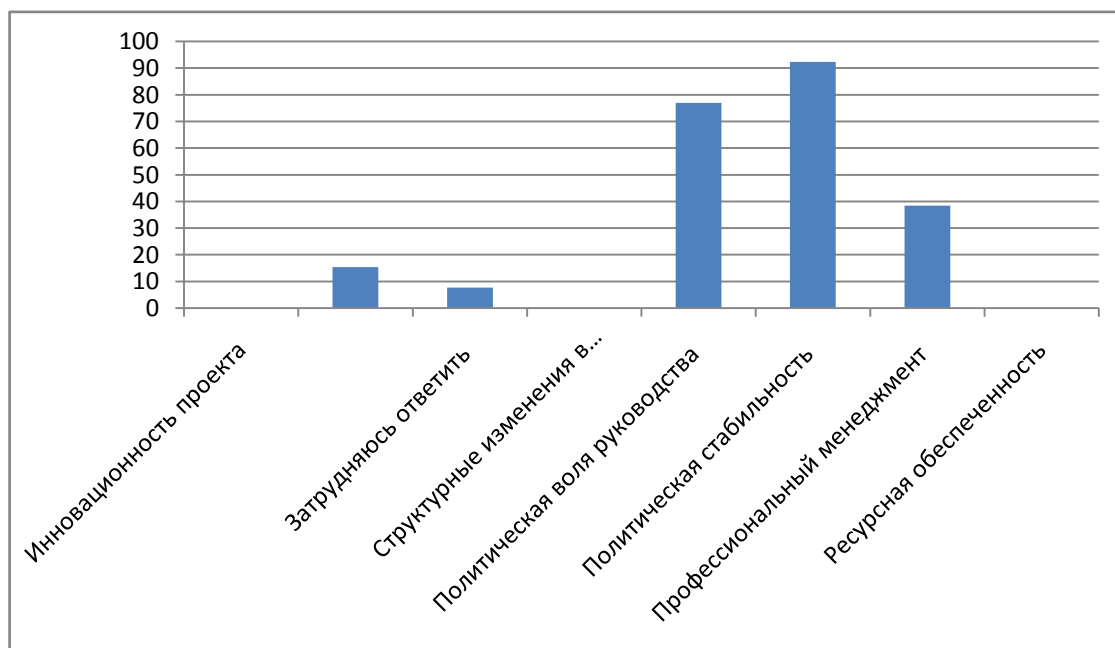

Рис. 2. Факторы, повышающие инвестиционную привлекательность приграничных регионов

Наибольшее значение в этом вопросе эксперты придают политической стабильности (92,30%), политической воле руководства (76,92%) и профессиональному менеджменту (38,46%). Отсутствие этих трех важнейших компонент однозначно признается экспертами в ответе на вопрос об известных экспертному сообществу успешных инвестиционных проектах – 92,30% экспертов указывают отсутствие таковых.

Переходя к исследованию роли образовательной сфере в интеграционных процессах, мы выяснили, что положительное влияние модернизации образовательных систем на развитие и перспективы интеграции приграничных территорий отмечают 61,53% респондентов. Проявление позитивного характера влияния исследуемой сферы отмечается экспертами в развитии академической мобильности и международного сотрудничества (61,53%), в повышении конкурентоспособности образовательных учреждений и интеграции системы образования и экономики (30,76%).

Для оценки модернизации национальных систем образования мы воспользовались алгоритмом, предложенным доктором психологических наук, доцентом кафедры общей психологии Балтийского федерального университета, Симаевой Ириной Николаевной.

Как отмечает И.Н. Симаева², оценка трансформаций систем образования осложнена рядом трудностей, которые сводятся к следующему. Во-первых, это сложность определения критериев оценки, т.к. образование многозначно связано с другими подсистемами общества. Во-вторых, декларативность многих документов, служащих материалом анализа, но зачастую отражающие интересы правительств соответствующих

² Симаева И.Н. Глобализация и развитие региональной системы образования [Текст] / И.Н. Симаева, Л.М. Фуксон. – В кн.: Регион сотрудничества. – Калининград, 2004. – Вып.13(38). – С. 45-58.

государств, а не истинное положение дел. В-третьих, несистемное публичное представлений концепций модернизации, что затрудняет понимание логики преобразований со стороны общественности и профессиональных сообществ. В-четвёртых, акцент на организационно-экономических аспектах модернизации без учёта социальных, психологических последствий данных преобразований³.

Что представляет собой модернизация системы образования? В программных документах и теоретико-методологических работах под этим процессом подразумевается изменение состава входящих в нее подсистем и элементов, взаимосвязей и взаимодействия между ними, приводящее к улучшению функционирования всей системы. Как и другие социальные изменения, она характеризуется параметрами (уровень, продолжительность, направленность, масштаб и т. д.)⁴.

Стоит отметить, что оценка успешности процесса модернизации национальных систем образования осложняется временной отсрочкой контролируемых результатов. Последствия тех или иных действий в аспекте изменений в данной системе можно проследить и, соответственно, внести определённые коррективы, возможно лишь через несколько лет (4-6) после начала трансформаций.

Что же касается анализа актуального состояния модернизации национальных систем образования стран Балтии, то здесь мы обращаем внимание на следующие аспекты:

1. Инициаторы и источники ресурсов модернизации. Здесь речь идёт об акторах, которые обладают разного рода активами — ресурсами, собственностью, квалификацией и т. п., т. е. всем тем, что может быть вложено в развитие объекта. Иными словами, говоря об инициаторах модернизации, мы отвечаем на вопрос: кто — государство или общество — является таковым? Стоит отметить, что мировой финансовый кризис внёс определённые коррективы в действия акторов, т. к. любое вложение характеризуется определённой степенью риска, что особенно актуально в современных условиях.

2. Цели и задачи модернизации, т. е. формулировка желаемого результата изменений и шаги по его достижению.

3. Механизмы модернизации. Здесь имеются в виду следующие механизмы, служащие выполнению задач и достижению цели модернизации: структурно-функциональные изменения, изменение общих условий функционирования образовательных учреждений, изменения в управлении образовательными учреждениями и системой образования в целом.

4. Социально-политические и экономические условия, в которых протекает процесс модернизации систем образования.

Основными источниками информации, подлежащей дальнейшему анализу, выступают документы Болонского соглашения, программы перспективного развития Латвии, Эстонии и Литвы, а также экспертные оценки по вопросам модернизации национальных систем образования соответствующих стран.

Направления модернизации системы образования Латвии можно рассмотреть относительно трех компонентов.

Инициаторы и источники ресурсов модернизации.

Основную стратегию модернизации образования и науки в Латвии определяет правительство страны — *Latvijas Republikas Ministru kabinets*. Оно, в свою очередь, ориентируется на международные институты — ЮНЕСКО, Совет Европы, Болонский процесс⁵.

Цели модернизации системы образования в Латвии.

Задачи, стоящие перед системой образования, можно объединить в несколько групп.

Модернизация учебного процесса — качественное освоение общих знаний, обязательное получение основного образования, совершенствование учебного

³ Симаева И.Н. Глобализация и развитие региональной системы образования [Текст] / И.Н. Симаева, Л.М. Фуксон. — В кн.: Регион сотрудничества. — Калининград, 2004. — Вып.13(38). — С. 45-58.

⁴ Балыхин Г.А., Клячко Т.Д., Кузьминов Я.И., Якобсон Л.И. Организационно-экономические инновации в сфере образования // Экономика образования, 1999, № 1, — С. 4-9.

⁵ *Noteikumi par Latvijas Nacionālo attīstības plānu 2007.-2013.gadam*. URL: www.likumi.lv/doc.php?id=139505 (дата обращения 07.08.12).

содержания и методик оценивания учебных достижений, расширение использования информационных технологий, повышение привлекательности образовательных программ инженерно-технических и естественных наук.

Педагогические работники – повышение научной и профессиональной квалификации педагогов, улучшение качества и привлекательности профессионального образования.

Образование как институт – улучшение качества и привлекательности профессионального образования, повышение качества и доступности высшего образования, интегрирование его в единое Европейское (мировое) образовательное пространство, доступность образования людям со специальными потребностями.

Управление образованием – усиление дееспособности руководства учебных заведений, поддержка в освоении докторских и магистровских программ, особенно в инженерно-технических и естественных науках.

Образование на протяжении всей жизни человека.

Механизмы модернизации системы образования Латвии.

Структурные и функциональные изменения.

Латвийская система образования состоит из дошкольного образования, основного образования, среднего и высшего образования.

Дошкольное образование получают дети в возрасте 5–6 лет. Основное образование в Латвии является обязательным и длительность его составляет 9 лет: начальная школа, основная школа, средняя школа, специализированные учебные заведения. Полное среднее профессиональное образование в Латвии составляет 4 года, реализуется в средних профессиональных школах. 5 уровень ISCED – это высшее образование, основанное на изучении фундаментальных и/или прикладных наук с написанием выпускных работ, ведущих к присвоению степеней Бакалавра (Bakalaura) и Магистра (Magistrs). Степень бакалавра присуждается после завершения первой ступени, длительность обучения 3–4 года. Магистерская степень присваивается после завершения второй ступени академического образования (ещё два года).

Изменение общих условий функционирования образовательных учреждений.

При достаточной масштабности модернизации системы образования следует обратить внимание на финансирование данного проекта. «Национальный план развития Латвии» (Latvijas nacionālais attīstības plāns 2007–2013) был составлен в 2007 году, то есть в нём не могли быть учтены поправки, внесённые экономическим кризисом 2008 года. Латвия наиболее пострадала от последствий кризиса – финансирование образования было сокращено на 48% в начале 2009 года и затем ещё на 18% в 2010 году. Решением финансовых трудностей видится объединение вузов, но эта идея не нашла поддержки в академических кругах. Правительством Латвии говорится о том, что конечный результат модернизации должен быть достигнут при самых низких расходах. Как отмечает президент Латвийской академии наук Юрис Экманис: «...за малые деньги нельзя добиться большого эффекта. Те суммы, которые в Латвии выделяют на инновации и науку, по сравнению с финансированием западноевропейских стран на эти цели просто смехотворны»⁶.

Особого внимания заслуживает вопрос о нацменьшинствах в Латвии. По результатам исследования Балтийского института социальных исследований в 2011/2012 учебном году планируется реализовать немало программ с латышским и иностранным языком обучения. Всего в Латвии будут действовать 103 русские средние школы, 5 польских школ, одна эстонская, одна литовская, две еврейские, одна украинская, одна белорусская основная школа, и одна школа для цыган⁷.

Изменения в управлении образовательными учреждениями и системой образования в целом.

Несмотря на определенные достижения Латвии в области гармонизации национального законодательства и приведения его в соответствии с рекомендациями Болонского процесса, по-прежнему многие механизмы регуляции не внедрены. В первую

⁶ Инновации в Латвии – это иллюзия. URL: www.telegraf.lv/news/akademik-innovacii-v-latvii-eto-illyuziya (дата обращения 07.08.12).

⁷ Министерство образования Латвии довольно результатами реформы русских школ (ИА REGNUM). URL: www.regnum.ru/news/1375396.html (дата обращения 11.08.12).

очередь это касается вопросов автономии вузов и автоматических признаний дипломов и аккредитаций. Определённый успех достигнут в вопросах автономии научно-исследовательских организаций, однако возникли проблемы в координации и технологическом обеспечении их деятельности, поэтому значительное число научно-исследовательских институтов были объединены под эгидой университетов.

Социально-политические и экономические условия, в которых протекает процесс модернизации систем образования.

Модернизация системы образования Латвия началась не с момента подписания Болонского соглашения, начало её трансформаций относится к периоду выхода из состава СССР и обретения независимости. Наиболее значимыми тенденциями в этом направлении являются следующие:

1. Рост количества вузов. К 2010 году в Латвии функционировало 60 высших учебных заведений — 34 вуза (19 государственных и 15 частных) и 26 колледжей (18 государственных и 8 частных) при том, что в 1990 году таких учебных заведений было всего 12, в 2000 году — 33.

2. Увеличение общей численности студентов. После значительно спада количества студентов с 80-х годов до начала 90-х годов произошло увеличение их численности — 46000 в 1990 году и 125300 в 2010 году.

3. Значительное увеличение спектра образовательных программ, в том числе за счёт появления частных вузов.

4. Преимущественный выбор среди учащихся программ социально-гуманитарного цикла⁸.

На фоне таких, достаточно, оптимистичных изменений модернизация системы образования Латвии имеет и ряд весьма ощутимых трудностей. Как отмечает Жанна Цауркубуле, по данным Всемирного банка Латвия относится к развивающимся странам с уровнем развития, превышающим средний. Однако, в то же самое время она относится к тем странам, которые в наибольшей степени пострадали от последствий мирового финансового кризиса. Это отражается в падении ВВП Латвии по итогам 2009 года на 18% — данный показатель является самым худшим динамики ВВП в мире. В рейтинге конкурентоспособности национальных экономик в том же году Латвия находилась на 68-ом месте (в 2008 году — на 54-ом, а в 2005 году — на 44).

Интересны для общей оценки хода модернизации системы образования Латвии результаты исследования, проведённого А.В. Воробьевым, В.В. Вороновым, И.В. Островска. Результаты исследования показывают, что 95,5% респондентов значимо проявляется эффект «нереализованного уровня образования». Респонденты, имеющие образование от основного до бакалаврской степени, в разной мере (от 2,5% до 27,7%) не удовлетворены своим уровнем образования. 72,2% респондентов с магистерской степенью удовлетворены уровнем своего образования, и лишь 27,8% из них потенциально желали бы повысить свой уровень, получив докторскую степень. 57% респондентов не удовлетворены своей специализацией и желают ее изменить. В наибольшей степени не удовлетворены респонденты с сельскохозяйственным (92,7%), искусствоведческим (85,2%) образованием и с массовыми рабочими профессиями низкой и средней квалификации (80,6%). Более половины респондентов желают продолжить свое образование за пределами Латвии (почти 15% — в России)⁹.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы, исходя из анализа процессов модернизации системы образования в Латвии. С одной стороны, трансформации в образовании идут в соответствии с Болонским соглашением, что в перспективе (в идеальном варианте) приведёт к росту конкурентоспособности латвийского образования, а также к росту возможностей выпускников вузов в плане трудоустройства, повышения качества жизни и т.д. Но с другой стороны, можно выделить несколько ключевых проблем, с которыми сталкивается система образования Латвии. Во-первых, демографическая проблема — старение профессорско-преподавательского состава вузов, снижение числа выпускников средних школ; во-

⁸ Цауркубуле Ж. Анализ тенденций развития высшего образования в Латвии в контексте европейской интеграции // Profesines Studijos: teorija ir praktika. 2010, №6, — С. 78 — 86.

⁹ Воробьев А.В., Воронов В.В., Островска И.В. Нереализованные жизненные сценарии в оценках образования жителями Латвии // Журнал институциональных исследований. Том 2. №4. 2010. — С. 6-15.

вторых, это экономическая проблема — снижение объёмов финансирования образования со стороны правительства, массовое обнищание населения; в-третьих, социальная — рост безработицы, снижение качества образования, а, соответственно, престижа высшего образования; и, наконец, в-четвёртых, политическая — отсутствие реальных программ по выводу страны из затяжного экономического, демографического, политического кризиса.

Следующим аспектом нашего исследования стал анализ направлений модернизации системы образования Эстонии.

Инициаторы и источники ресурсов модернизации.

В Эстонии за формирование государственной политики в сфере образования и науки отвечает Министерство Образования и Науки Эстонии (The Ministry of Education and Research, MoER)¹⁰. Основное направление изменений в системе образования и науки Эстонии связано с присоединением к Болонскому процессу и вхождением в Европейский союз, а также отказом от советской системы и русского языка в процессе обучения.

Цели модернизации системы образования в Эстонии.

Роль образования в становлении инновационного общества Эстонии отражено в программной документе «Устойчивая Эстония 21», созданного под руководством Таллиннского университета. В данной стратегической программе образованию отводится одна из ведущих ролей в следующих аспектах.

1. Обеспечение жизнеспособности эстонского культурного пространства за счёт образования на эстонском языке, повышения значимости этических ценностей национального происхождения, сбалансированности и согласованности деятельности человека в отношении с природой, саморегуляции и самоконтроля.

2. Экологическое равновесие. Являясь частью экосистемы, общество должно взять на себя ответственность за гармоничное развитие экосистем, основной предпосылкой чего является, построенное на этике и научно обоснованное, администрирование природными ресурсами.

Механизмы модернизации системы образования Эстонии.

Структурные и функциональные изменения.

Эстонская система образования не имеет деления на начальное и среднее образование Среднее полное общее образование в Эстонии включает в себя следующие основные ступени: основная школа (9 лет) и гимназия (3 года).

С 2002 г. в высшем образовании осуществлен переход на новые программы (3+2+3), что является требованием Болонского процесса — «бакалавр — магистр — доктор». Высшее образование можно получить в университетах, прикладных высших учебных заведениях и некоторых учреждениях профессионального образования.

Изменение общих условий функционирования образовательных учреждений.

С 2009 года финансирование высших учебных заведений осуществляется на контрактной основе с учетом достигнутых результатов и сроком на 3 года. Контракты принимают во внимание качество обучения, количество выпускников и потребность в специалистах на рынке труда.

Уровень финансирования в последние годы значительно снизился — по данным на 2007 год расходы на высшее образование в государственном секторе составили 0,86% от ВВП, что значительно меньше, чем в развитых странах. В контексте глобального экономического кризиса, расходы на образование в 2009 и 2010 снизились, в связи с чем в 2010 — 2011 годах не будут осуществляться мероприятия, имеющие социальное значение, направленные на модернизацию системы поддержки студенческих исследований и образовательных кредитов. При этом следует отметить, что уровень заработной платы преподавателей остался на уровне 2008 года.

Изменения в управлении образовательными учреждениями и системой образования в целом.

В 2008 году были сделаны поправки в законодательство, цель которых стало формирование качественной системы управления путем эффективного диалога между вузами и Министерством, на разделение ответственности и сотрудничество между университетами.

¹⁰ Haridus – ja Teadusministeeriumi tutvustus. URL: www.hm.ee/index.php?03188 (дата обращения 11.08.12).

В целом модернизация образования Эстонии имеет как положительные результаты – введение европейской системы трёхуровневого образования, европейское приложение к дипломам и т.п., так и сталкивается с определёнными трудностями – нерешённость вопроса о нацменьшинствах, нехватка финансовых средств на реализацию реформ, отсутствие единой политической стратегии и подходов к её реализации.

Направления модернизации системы образования Литвы по аналогии были проанализированы по следующим компонентам.

Инициаторы и источники ресурсов модернизации.

В Литве за формирование государственной политики в сфере образования и науки, а так же за молодежную и языковую политику отвечает Министерство Образования (LR Švietimo ir mokslo ministerija). Основное направление изменений в системе образования и науки Литвы связано с присоединением к Болонскому процессу и вхождением в Европейский союз, а также отказом от советской системы и русского языка в процессе обучения¹¹.

Цели модернизации системы образования в Литве.

Основная цель модернизации – это обновление содержания образовательных программ, внедрение двустороннего характера структуры образования (формального и неформального).

Механизмы модернизации системы образования Литвы.

Структурные и функциональные изменения.

Среднее полное общее образование в Литве включает в себя: начальное образование длительностью 4 года; базовое среднее образование длительностью 5 лет; завершающий цикл среднего образования длительностью 2 года (11-12 год обучения). Доступ в высшие учебные заведения открыт для всех обладателей свидетельств о получении среднего полного образования (Brandos Atestatus). В Литве существует два типа высших учебных заведений: университеты и коллегии. Коллегия – это вуз, в котором преобладают неуниверситетские программы, проводятся прикладные научные исследования (или) прикладная научная деятельность или профессиональное искусство.

Трёхуровневая система высшего образования Литвы выглядит следующим образом: базовый уровень (первая ступень) – квалификационная степень бакалавра (Bakalauro Diplomas); магистратура, (резидентура для медиков) – квалификационная степень магистра (Magistro Diplomas); докторантура и художественная аспирантура – защитой диссертации и присвоением ученой степени доктора (Daktaro Diplomas).

Изменение общих условий функционирования образовательных учреждений.

В ходе реформы были предусмотрены государственный, муниципальный и негосударственный секторы образовательной системы – в 2008 году в Литве было лицензировано 15 вузов, а в 2010 году уже 22, из которых 14 являются государственными. Но при этом в последние годы происходит неуклонное сокращение количества учебных заведений в стране – с 2578 в 1998 до 1488 в 2010.

На основании статистических данных, можно судить о положительной динамике государственных расходов на образование. В 1995 году расходы государства на научные и экспериментальные исследования составляли 0,46 % ВВП. В 2007 г. из литовского бюджета выделяется уже 0,81% ВВП на развитие науки, в 2008 г. – 0,80%, в 2009 г. 0,84% ВВП. В последние три отчетных периода отмечены следующие показатели расходов на научные исследования и развитие технологий: в 2007 г. – 803,1 млн. литов, в 2008 г. наблюдается рост до 890,1млн. литов и сокращение в 2009 г. до 765,0 млн. литов¹².

Изменения в управлении образовательными учреждениями и системой образования в целом.

Законодательство в области образования представлено: Законом об образовании (LAW ON THE AMENDMENT OF THE LAW ON EDUCATION 25 June 1991 No. I-1489), Законом о высшем образовании и научных исследованиях (LAW ON HIGHER EDUCATION AND RESEARCH 30 April 2009 No XI-242), Общей концепцией образования (General concept of education in Lithuania` 1994), Государственной стратегией развития

¹¹ Reviews of national policies for education – Lithuania examiners' report. URL: www.smm.lt/en/stofedu/pab.htm (дата обращения 14.08.12).

¹² СООЛ: Литва ограничивает доступность образования (Латвия). URL: belarus.regnum.ru/news/1389741.html (дата обращения 14.08.12).

образования 2003-2012 (THE NATIONAL EDUCATION STRATEGY 2003–2012 Resolution No. IX-1700 of 4 July 2003)¹³.

В целом, подводя итог оценки модернизации системы образования в указанных странах, можно отметить, что, не смотря на определённые успехи в этом процессе – переход на общеевропейские стандарты обучения, введение европейских приложений к дипломам, рост международного сотрудничества и академической мобильности – существует ряд мешающих данному процессу факторов. Среди основных можно назвать недостаточное финансирование реформ, что во многом вызвано последствиями финансового кризиса 2008 года; нерешённость вопроса о национальных меньшинствах, что также во многом «тормозит» модернизацию; политическая нестабильность, выражающаяся в неспособности государственного управления прийти к единой стратегии развития системы образования.

Стоит отметить и сложность проведения процедуры оценки модернизации образования, т.к. информация, на которой она осуществляется, предоставлена часто министерствами, правительственными организациями и т.п., что может несколько исказить реальную картину хода трансформаций системы образования.

Список литературы

1. Симаева И.Н. Глобализация и развитие региональной системы образования [Текст] / И.Н. Симаева, Л.М. Фуксон. – В кн.: Регион сотрудничества. – Калининград, 2004. – Вып.13(38). – С. 45-58.
2. Балыхин Г.А., Клячко Т.Д., Кузьминов Я.И., Якобсон Л.И. Организационно-экономические инновации в сфере образования / Экономика образования, 1999, № 1, с. 4-9.
3. Noteikumi par Latvijas Nacionālo attīstības plānu 2007.-2013.gadam. URL: www.likumi.lv/doc.php?id=139505 (дата обращения 07.08.12).
4. Инновации в Латвии – это иллюзия. URL: www.telegraf.lv/news/akademik-innovacii-v-latvii-eto-illyuziya (дата обращения 07.08.12).
5. www.regnum.ru/news/1375396.html
6. Цауркубуле Ж. Анализ тенденций развития высшего образования в Латвии в контексте европейской интеграции / Profesines Studijos: teorija ir praktika. 2010, №6, С. 78 – 86.
7. Воробьев А.В., Воронов В.В., Островска И.В. Нереализованные жизненные сценарии в оценках образования жителями Латвии / Журнал институциональных исследований. Том 2. №4. 2010. – с. 6-15.
8. Haridus – ja Teadusministeeriumi tutvustus. URL: www.hm.ee/index.php?03188 (дата обращения 11.08.12).
9. Reviews of national policies for education – Lithuania examiners' report. URL: www.smm.lt/en/stofedu/pab.htm (дата обращения 14.08.12).
10. СООЛ: Литва ограничивает доступность образования (Латвия). URL: belarus.regnum.ru/news/1389741.html (дата обращения 14.08.12).

IMPACT OF POST-SOVIET NATIONAL EDUCATION SYSTEM MODERNIZATION ON BORDER REGIONS DEVELOPMENT

M.V. KOZHEMYAKIN¹⁾

I.S. SHAPOVALOVA²⁾

¹⁾ *Immanuel Kant Baltic federal university*

²⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

The paper analyzes the current problems of modernization of education in Latvia, Estonia and Lithuania. There is an algorithm of the study in terms of functional, organizational and substantial aspects of modernization, and there are results of the study of the current state of education systems of the Baltic region. The article also presents an analysis of the effects of the financial crisis on the development of primary and higher education.

Keywords: Modernization, system of education, national politics, Baltic region, innovations.

¹³ Haridus – ja Teadusministeeriumi tutvustus. URL: www.hm.ee/index.php?03188 (дата обращения 11.08.12).

УДК: 329.78(470)

СОТРУДНИЧЕСТВО СУБЪЕКТОВ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ТЕХНОЛОГИИ¹

А.А. МАКСИМЕНКО ¹⁾
Л.Н. ШМИГИРИЛОВА ²⁾

*¹⁾ Костромской государственной
университет имени Н.А. Некрасова*

e-mail: Maximenko.AI@gmail.com

*²⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: shmigirilova@bsu.edu.ru

В статье рассматривается сотрудничество в сфере молодежной политики постсоветских республик, ставших членами Содружества Независимых Государств. Раскрываются и анализируются основные организационные формы и технологии, применяемые для укрепления молодежных связей на пространстве СНГ, формирование у молодежи активной жизненной позиции, вовлечение молодежи в общественную, политическую, социальную и экономическую жизнь своих стран и межгосударственное сотрудничество.

Ключевые слова: молодежная политика, приграничное сотрудничество, постсоветское пространство, организационные формы и технологии.

Практика последних десятилетий убедительно доказывает, что в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех обществ, которые смогут эффективно накапливать и продуктивно использовать человеческий капитал, а также инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь.

Возможности для развития потенциала молодежи, степень заинтересованности государства в решении проблем молодежной сферы становятся центральными в современных условиях социально-экономического развития. Эффективная молодежная политика, направленная на преодоление существующих препятствий развития, обеспечение необходимыми ресурсами и инфраструктурой для творческой самореализации и активного социального участия молодежи являются важными составляющими конкурентоспособности страны в долгосрочной перспективе.

Международный опыт свидетельствует о том, что молодежное сотрудничество вносит свой вклад во взаимопонимание и мирный диалог между народами, воспитывая молодежь в духе толерантности и интереса к другим культурам, развивая патриотическое сознание и возвышенное чувство верности своему Отечеству, способствует формированию позитивного имиджа государств-участников молодежного сотрудничества. Взаимодействие в молодежной сфере способствует становлению конструктивных и дружественных взаимоотношений между представителями будущих элит своих стран – молодыми политиками, учеными, предпринимателями, журналистами. Значимость такого сотрудничества обуславливается тем, что именно от их позиции спустя некоторое время будут зависеть векторы внешней политики государств.

Поэтому одним из важных направлений в молодежной политике становится вовлечение молодежи в международные культурные, экономические, научные и образовательные процессы посредством дальнейшего развития программ международного молодежного сотрудничества, обменов в сфере работы с молодежью; создание благоприятных условий для развития молодежного сотрудничества как фактора сохранения и углубления дружественных отношений; расширение и совершенствование международного молодежного сотрудничества на принципах равноправия и налаживание в этих целях широкого взаимодействия между

¹ Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы». Проект «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства». № 14.А18.21.0090 (рук. В.П. Бабинцев).

государственными органами, молодежными общественными объединениями и иными организациями (объединениями), участвующими в реализации государственной молодежной политики.

В настоящей статье в фокусе интересов находятся процессы, происходящие в сфере молодежной политики двенадцати из пятнадцати постсоветских республик, ставших членами Содружества Независимых Государств. В проблемное поле данного исследования не входят страны Прибалтики, которые по исторической логике также следовало бы отнести к постсоветскому пространству. Важно отметить, что до сих пор у прибалтийских стран и стран-участниц СНГ фактически не существует совместных законодательных актов и нормативно-правовых документов (в первую очередь, в силу политических причин), позволяющих развивать приграничное сотрудничество по реализации различных проектов и программ в молодежной сфере.

Работа с молодежью для государств-участников Содружества Независимых Государств имеет приоритетный характер. Она направлена на развитие и реализацию интеллектуального потенциала современной молодежи, поощрение ее активности в общественной жизни, готовности к взаимно полезному деловому общению и плодотворному сотрудничеству, обменов в сфере работы с молодежью.

Сотрудничество субъектов молодежной политики – государственных органов власти, молодежи как активной составляющей ГМП, органов местного самоуправления, СМИ, социальных служб для молодежи, молодежных и детских общественных объединений приграничных территорий представляет собой их согласованное взаимодействие, включающее в себя не только укрепление и поощрение добрососедских отношений между приграничными территориями, но и взаимную поддержку, взаимопомощь, взаимную ответственность в молодежной сфере, сопровождающиеся взаимными услугами и положительными эмоциями.

Однако, как показывает практика, острейшими проблемами сотрудничества субъектов молодежной политики на постсоветском пространстве являются недостаточный объем нормативно-правового и финансового обеспечения на всех направлениях и уровнях реализации взаимодействия; дефицит кадров, обладающих необходимым уровнем профессиональной квалификации для работы с молодежью и оптимальными для этого возрастными характеристиками; ограниченный объем и глубина теоретического и эмпирического научного знания о молодежной среде и процессах реализации государственной молодежной политики (ГМП) государств-участников СНГ, недостаточность прикладных научных исследований, проводимых в данной сфере; неразработанность научных основ и ограниченность применения в сфере ГМП организационных форм и технологий сотрудничества и социального партнерства в молодежной сфере; неразработанность механизмов координации и интеграции действий субъектов молодежной политики на постсоветском пространстве. Более того, анализ интеграционного процесса в рамках СНГ в течение практически двух десятилетий свидетельствует о том, что в дальнейшем развитии интеграции в рамках Содружества, в том числе и в молодежной сфере, а также в поддержании и укреплении партнерских связей заинтересованы не все государства СНГ.

Между тем, в настоящее время крайне важно понять, каким образом и насколько эффективно развивается и расширяется взаимодействие субъектов молодежной политики стран на постсоветском пространстве. В этой связи поиск новых путей региональной интеграции постсоветских государств по вопросам молодежной политики приобретает особую значимость.

Изучение вопросов сотрудничества в сфере молодежной политики между странами постсоветского пространства в отечественной и зарубежной научной литературе включает несколько важных направлений: международные и межрегиональные аспекты молодежного сотрудничества; организация академической мобильности молодежи приграничных территорий; деятельность молодежных движений и организаций государств-участников СНГ и европейских стран.

Так, изучение молодежного сотрудничества на международном и межрегиональном уровнях представлено в трудах О.В. Перфильевой, В.В. Харченко², которые анализируют каналы двухстороннего и многостороннего молодежного сотрудничества не только в Европе, регионах Балтийского моря, Баренцева моря, но также в странах СНГ.

В частности, В.В. Харченко исследует современное состояние международного сотрудничества России в молодежной сфере, существующие проблемы и пути их преодоления на основе системного подхода. Актуальность затрагиваемых вопросов объясняется тем, что международное молодежное сотрудничество является колоссальным ресурсом деятельности как государственных органов, так и общественных объединений в развитии долгосрочного сотрудничества и взаимопонимания между странами. Автор выявляет проблемы, с которыми сталкиваются сегодня государственные органы и молодежные организации при реализации международного молодежного сотрудничества, дает системное описание и анализ современного состояния и перспектив развития международного молодежного сотрудничества на государственном уровне и региональном уровне. Важно отметить, что в работах В.В. Харченко впервые представлена попытка целостного описания международного молодежного сотрудничества России, комплексного определения проблем в этой сфере деятельности на основе анализа доступных отечественных и зарубежных источников, официальных публикаций, документов и отчетов межправительственных и международных организаций.

Анализ международного сотрудничества в сфере молодежной политики, накопленный опыт реализованных программ и необходимость совершенствования политики ЕС в сфере обучения в течение всей жизни и неформального образования молодежи раскрыты в работах О.В. Перфильевой. Сотрудничество в сфере молодежной политики как на национальном, так и на международном уровне автор предлагает рассматривать как многоуровневую систему, учитывающую потребности городов, регионов, страны в целом и создающую необходимые условия для взаимодействия городов, городов и регионов, регионов между собой, регионов со странами-партнерами (например, стран СНГ и странами Восточной и Юго-Восточной Европы), а также со странами-членами Европейского союза.

Теория и практика организации академической мобильности и молодежных обменов, как одной из форм сотрудничества неоднократно становились объектом исследования отечественных и зарубежных ученых. Непосредственно изучению академической мобильности студенческой молодежи как инструмента интеграции российских вузов в международное образовательное пространство в контексте интернационализации и глобализации посвящены работы таких авторов, как В.А. Галичин, Е.А. Карпухина, В.В. Матвеев, С.А. Писарева, Л.Г. Сокурская, А.П. Сугакова, А.П. Тряпицына, А.И. Чумаченко и др.³

Организация академической мобильности студентов анализируется в работах Е.И. Артамоновой, А.Л. Демчук, Е.В. Караваева, М.А. Ставрук⁴.

Имеется достаточно большое число работ, посвященных анализу нормативно-методического обеспечения академической мобильности.

² Харченко В.В. Состояние и перспективы международного сотрудничества в молодежной сфере в России // Вестник международных организаций. 2009. № 1 (23); Перфильева О.В. Программа европейского сообщества «Молодежь» как инструмент реализации политики социальной сплоченности регионов // Вестник международных организаций. 2007. № 15 (13).

³ Академическая мобильность в условиях интернационализации образования / В.А. Галичин, Е.А. Карпухина, В.В. Матвеев, А.П. Сугакова. М., 2009; Чумаченко А.И. Академическая мобильность – важнейшая составляющая интернационализации и модернизации высшего образования. URL: <http://e-magazine.meli.ru/vipusk17.htm> (дата обращения: 05.08.2012).

⁴ Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л., Караваева Е.В. Совместные образовательные программы вузов: состояние, проблемы, перспективы. М., 2011; Ставрук М.А., Артамонова Е.И. Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1; Ставрук М.А. Содержание и организация академической мобильности студентов Финляндии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.

Особое внимание исследователи уделяют технологиям управления академической мобильностью (Т.В. Буробина, Н.В. Жукова, О.О. Мартыненко)⁵. Но, тем не менее, анализ научных трудов, посвященных вопросам организации академической мобильности, свидетельствует о том, что в последние годы активизировались исследования и не прекращаются дискуссии ученых о развитии данного феномена как приоритетного направления формирования международного образовательного пространства. Однако даже в совокупности все имеющиеся научные работы не дают целостного представления об академической мобильности студентов; кроме того, нет специальных исследований по развитию академической мобильности студенческой молодежи.

Если обратиться к проблематике международного молодежного движения, то она является также объектом пристального внимания со стороны многих исследователей. Начальный этап изучения данного направления в отечественной науке связан с работами В. Мирошевского, Л. Леонтьева, Ю.С. Овсеенко⁶. Среди зарубежных исследователей следует выделить В. Мюнценберга⁷, в трудах которого освещаются вопросы революционного движения молодежи. Хронологически эти исследования охватывают период первого десятилетия существования Коммунистического интернационала молодежи (1920-30-е гг.). Большая часть работ имеет пропагандистский характер и ограничивается сжатым изложением основных фактов истории Коммунистического интернационала молодежи. Международное молодежное движение трактуется как серьезная политическая сила, неотъемлемая часть мирового революционного процесса.

Серьезным событием для советской школы исследования международного молодежного движения стали научные результаты, подготовленные специальным отделом Научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ и рядом других специалистов, которые стали, по сути, первыми обобщающими данными по этой тематике⁸.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. происходит трансформация всемирного молодежного движения, характеризующаяся ослаблением роли крупнейших молодежных организаций на международной арене. Попытку объяснить причину таких изменений предпринимают в своем исследовании американские социологи Р. и М. Браунгарт⁹. В работе «Молодежное движение в 1980-х гг. Глобальные перспективы» проводится сравнительный анализ международного молодежного движения 1980-х и 1960-х гг., рассматриваются региональные особенности его развития. Исследователи подчеркивают, что изменения в международном молодежном движении во второй половине 1980-х гг. обусловлены глобальным процессом, характеризующимся снижением уровня противостояния двух «сверхдержав», увеличением количества международных неправительственных организаций и усилением их роли на международной арене, а также ростом культурного плюрализма и политической активности молодежи в каждом регионе планеты.

В 90-х гг. в отечественной науке значительно снижается заинтересованность в исследовании международного молодежного движения. Исчезновение комсомола актуализирует задачу теоретического осмысления новых форм молодежной активности и направлений развития, прежде всего, национального молодежного движения.

⁵ Буробина Т.В. Проблемы обеспечения академической мобильности студентов // Вектор науки ТГУ. 2010. № 4; Мартыненко О.О., Жукова Н.В. Управление академической мобильностью в вузах // Университетское управление: практика и анализ. 2008. № 4.

⁶ Мирошевского В., Леонтьева Л., Овсеенко Ю.С. К вопросу о молодежных организациях в Центральной Азии. URL: <http://www.ia-centr.ru> (дата обращения: 05.08.2012).

⁷ Мюнценберг В. Социалистические организации молодежи до и во время Первой мировой войны М., 2012.

⁸ Актуальные проблемы деятельности международных организаций: теория и практика / под ред. Г.И. Морозова. М., 1982.

⁹ Braungart R., Braungart M. Youth movement in 1980 years. Global perspectives. // International Sociology. 1990. Vol. 5, No. 2.

Разработкой данной проблемы продолжили заниматься исследователи комсомола В. Криворученко, В. Родионов, О. Татаринев, В. Луков и др.¹⁰

В настоящее время в России активной разработкой проблемы международного молодежного движения занимается В.В. Харченко, которая исследует международную деятельность Национального совета молодежных и детских объединений России, Европейского молодежного форума, анализирует каналы двухстороннего и многостороннего молодежного сотрудничества не только в Европе, регионе Балтийского моря, Баренцева моря, но также в СНГ¹¹.

Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет сделать вывод, что в настоящее время, несмотря на определенное внимание к данной проблематике со стороны исследователей, остается целый ряд вопросов, требующих дальнейшей научной разработки. На данный момент можно говорить о недостаточной степени разработки набора ключевых понятий, отражающих феномен приграничного сотрудничества в сфере молодежной политики. В частности, не в полной мере отражены и проанализированы организационные формы и технологии взаимодействия в данной сфере, а также то, насколько эффективно они «работают» в укреплении и развитии отношений между государствами на постсоветском пространстве.

Основополагающим документом, определяющим формат сотрудничества в молодежной политике, является Соглашение государств-участников СНГ о сотрудничестве в сфере работы с молодежью на период до 2020 года, принятое в декабре 2010 года решением Совета глав государств СНГ и учитывающее совокупность согласованных подходов государств-участников СНГ к основным целям, задачам, принципам и направлениям развития молодежных связей на постсоветском пространстве.

Стратегия базируется на основных международных документах и документах СНГ о молодежной тематике. В их числе: Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период (1995 г.), Лиссабонская декларация по молодежной политике и программам (1998 г.), Соглашение государств-участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в сфере работы с молодежью (2005 г.), Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств (2005 г.), Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств (2007 г.).

В основе Стратегии заложено понимание того, что молодежное сотрудничество является важнейшим фактором обеспечения устойчивого, эффективного социально-экономического развития и научно-технического прогресса государств-участников СНГ и Содружества в целом, сохранения и углубления дружественных отношений между государствами-участниками СНГ, повышения их конкурентоспособности в условиях глобализации, одной из наиболее перспективных форм интеграционного партнерства.

Эффективной реализации целей и задач настоящей Стратегии будет способствовать использование следующих *организационных форм и технологий* международного молодежного сотрудничества:

- реализация проектов и мероприятий, ориентированных на молодежь государств-участников СНГ, в том числе публичных кампаний, проектов, межгосударственных молодежных акций, организация дискуссионных клубов, круглых столов, молодежных форумов и конференций по актуальным вопросам на пространстве СНГ, проведение иных массовых молодежных мероприятий;

- создание общей базы данных молодежных проектов государств-участников СНГ;

- развитие инфраструктуры, способствующей объединению молодежи и реализации молодежных инициатив;

- организация с освещением в средствах массовой информации конкурсов на лучшие научно-технические разработки, решения, проекты, статьи молодых

¹⁰ Криворученко В.К., Родионов В.А., Татаринев О.В. Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории / Под ред. А.А. Данилова. М., 1997.

¹¹ Харченко В.В. Международное молодежное движение сегодня // Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005.

интеллектуалов; проведение совместных исследовательских проектов, летних школ, симпозиумов и конференций по актуальным научным проблемам; создание базы данных о молодежных научных исследованиях, социальных технологиях и самообразовании молодежи;

- разработка и содействие реализации межгосударственных комплексных мер социальной защиты и адаптации молодежи к современным условиям жизни, интеграции в общество;

- мониторинг и анализ процессов, происходящих в молодежной среде, путем проведения и поощрения совместных научных исследований по проблемам молодежи;

- использование возможностей новых информационных технологий для активизации молодежных связей и ознакомления молодежи с культурой, традициями и историей народов государств-участников СНГ;

- проведение молодежных акций по противодействию проявлениям ксенофобии и нетерпимости в молодежной среде;

- пропаганда здорового образа жизни и интеграции принципов межкультурного диалога в образовательный процесс;

- активизация молодежного творчества путем поддержки создания совместной кино- и телепродукции, театральных постановок, музыкальных и художественных мероприятий;

- организация проведения ежегодных конкурсов молодых исполнителей, художников, музыкантов и т. д.;

- поддержка проведения конкурсов для талантливой и творческой молодежи по линии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ;

- совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров национальных органов по делам молодежи, детских и молодежных общественных объединений;

- создание совместных студенческих отрядов, способствующих реализации социальных и трудовых инициатив;

- установление и развитие контактов между молодежными организациями и объединениями государств-участников СНГ, создание общей базы этих организаций;

- широкое и системное освещение положительного опыта реализации государственной молодежной политики государств-участников СНГ в средствах массовой информации;

- развитие сотрудничества с международными региональными организациями в сфере работы с молодежью;

- проведение молодежных лагерей, стажировок, обменов, патриотических и спортивных акций.

Организационные формы и технологии, представленные выше, позволяют решить ряд задач в сфере молодежного сотрудничества, в частности:

- воспитание молодежи в духе общих гуманистических ценностей народов государств-участников СНГ, толерантности, дружбы и добрососедства, культуры мира, межнационального и межконфессионального согласия, уважения к культуре, языкам, истории и традициям других народов;

- формирование у молодежи активной жизненной позиции, вовлечение молодежи в общественную, политическую, социальную и экономическую жизнь своих стран и межгосударственное сотрудничество;

- поощрение созидательной инновационной активности молодежи в различных сферах, ее участия в создании современных технологий;

- создание эффективной модели взаимодействия детских и молодежных общественных объединений и организаций государств-участников СНГ;

- формирование у молодежи навыков здорового образа жизни, экологического сознания и позитивных социальных мотивов;

- формирование основ правовой, организационной, ресурсной, информационной и иной поддержки молодежи для участия в межгосударственных культурных, научных, образовательных, интеллектуальных и спортивных программах;

- вовлечение молодежи в деятельность по сохранению и преумножению культурного наследия народов государств-участников СНГ;
- обеспечение мобильности молодежи и вовлеченности ее в международное сотрудничество.

Анализируя информационно-статистический материал о работе Совета по делам молодежи государств-участников СНГ, законодательные акты, нормативно-правовые документы стран-участниц, научные труды и публикации по проблемам международного и межрегионального молодежного сотрудничества российских и зарубежных ученых, материалы научно-практических конференций, а также результаты экспертного опроса, проведенного в рамках проекта «Управление развитием приграничных регионов в хронотопе постсоветского пространства» в августе 2012 года (N=20), было выявлено:

- из двенадцати государств-участников СНГ восемь имеют более тесное взаимодействие в молодежной сфере. Исключение составляют Республика Узбекистан, Туркменистан, Украина¹², поскольку ими не определены четкие позиции относительно возможности присоединения к Соглашению государств-участников СНГ о сотрудничестве в сфере работы с молодежью от 25.11.2005 г.;

- популярными формами и технологиями молодежного сотрудничества по различным направлениям (наука, образование, культура, спорт и др.) являются молодежные форумы, фестивали, акции, конкурсы, конференции, проектные школы, молодежные лагеря, круглые столы, дебаты.

По мнению экспертов, наиболее перспективными формами сотрудничества приграничных регионов в реализации молодежной политики являются молодежные лагеря (57%) и осуществление совместных молодежных бизнес-проектов (42%). При этом большая часть экспертов (61%) считает, что эффективное взаимодействие органов молодежной политики государств-участников СНГ зависит от конкретного региона, который имеет определенную специфику процесса институционализации и основных приоритетных направлений развития молодежной политики.

В последние годы благодаря целенаправленным усилиям Совета по делам молодежи государств-участников СНГ молодежные проекты, реализуемые при их содействии, направлены не только на укрепление традиций и исторических связей, но и адресованы в будущее Содружества. Такими мероприятиями в 2011 году стали: Международная смена «Мы – будущее СНГ!» в рамках Всероссийского молодежного форума «Селигер–2011», Гуманитарный форум «Молодежное поколение – мир без границ» в рамках Межгосударственной выставки, посвященной 20-летию СНГ, Международный спортивно-образовательный лагерь «Дни молодежи СНГ» в Калужской области, Международный молодежный форум «Дружба без границ» в Беларуси, Молодежная историко-культурная сессия – 2011 и ряд других. Совет по делам молодежи и МТРК «Мир» провели совместную акцию, посвященную 70-летию начала Великой Отечественной войны. 22 июня 2011 года в 4.00 по московскому времени в столицах государств – участников СНГ состоялась «Вахта памяти столиц СНГ», которая транслировалась в прямом эфире в странах Содружества.

На заседании Совета в Душанбе рассмотрены новые перспективные направления молодежного сотрудничества: создание при Совете по делам молодежи Совета молодых ученых государств-участников СНГ и Молодежной межпарламентской ассамблеи СНГ при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств.

Одной из основных тем, обсуждающихся на заседаниях Совета, являются вопросы, связанные с проектом Плана мероприятий на 2012–2013 годы по реализации Стратегии международного молодежного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года – масштабным документом, составленным на основе предложений восьми государств-участников СНГ, восьми отраслевых советов, а также Совета по

¹² Отметим, что в рамках еврорегиона «Слободжанщина» успешно практикуются Стратегические дебаты среди вузовской молодежи.

гуманитарному сотрудничеству, МФГС и МТРК «Мир». Согласованный проект направлен в государства-участники СНГ для внутригосударственного согласования.

В июле 2011 года в Культурно-образовательном туристическом центре «Этномир» (Калужская область РФ) состоялся Международный молодежный спортивно-образовательный лагерь «Дни молодежи СНГ», направленный на развитие сотрудничества молодежи стран СНГ и приобщение ее к здоровому образу жизни. В работе лагеря приняли участие 130 человек – актив молодежных общественных объединений, творческая и спортивная молодежь Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Украины.

На территории Белгородской области в 2010 году впервые был проведен I Областной молодежный образовательный форум «Нежеголь-2010». В нем участвовали молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет – студенты высших и средних учебных заведений, аспиранты, учащиеся общеобразовательный учреждений, молодые предприниматели. В 2011 году молодежный форум приобретает статус международного и с 27 июня по 9 июля впервые в области проводится I Международный молодежный образовательный форум «Нежеголь-2011», который становится системной площадкой по отбору, развитию и поддержке талантливых молодых людей. Основными направлениями Форума определены:

I. «Лидерство» (политика, поддержка молодежных инициатив, проектная деятельность).

II. «Зворыкинский проект» (инновации, научно-техническое творчество, предпринимательство).

III. «Технологии добра» (социальные проекты, волонтерство, тренинг «Беги за мной»).

IV. «Арт-парад» (творчество).

V. «Школа православного молодежного служения».

В рамках Форума прошли научные и образовательные конференции, круглые столы, выставки, презентации, акции, ярмарки, соревнования, встречи с известными людьми, руководителями органов власти и управления, предприятий и организаций различных форм собственности. По результатам проведенного Форума участники получили именные сертификаты. По результатам представленных на Форум проектов 14 проектов получили грантовую поддержку. Необходимо подчеркнуть, что данный Форум дает возможность проявить свои таланты и способности не только студентам, но и инициативным и талантливым детям, обучающимся в школе.

Участники форума – молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, представившие инновационные идеи и разработки в различных областях знаний и социально-значимые проекты. Общее количество участников составило 120 человек, из них 3 участника – представители Абхазии и 6 участников – представители Украины. В 2012 году Форум насчитывает более 150 человек.

Наряду с этим, в последнее время в Белгородской области предпринят ряд мер по совершенствованию договорно-правовой базы взаимодействия с зарубежными странами. Разработано и подписано 20 международных соглашений о сотрудничестве в области науки и образования, как на многосторонней, так и на двусторонней основе.

В частности, в мае 2010 г. с целью развития сотрудничества приграничных территорий был подписан Договор о реализации Соглашения между Белгородской областью РФ и Харьковской областью Украины «О создании Еврорегиона «Слобожанщина» в области науки, образования, культуры, спорта, туризма и молодежной политики».

В рамках проблемы исследования в 2012 г. был проведен опрос среди студентов вузов еврорегиона «Слобожанщина» (N=60). Академическая мобильность и молодежный обмен как одна из распространенных форм сотрудничества способствует повышению качества высшего образования, повышению эффективности научных исследований, совершенствованию системы управления, установлению внешних и внутренних интеграционных связей, а также имеет важное значение для развития личности студента

и его конкурентоспособности на рынке труда, формирует уважение к многообразию, способность понимать другие культуры, побуждает к языковому плюрализму, расширяет сотрудничество и конкуренцию между вузами. В ходе исследования было установлено, что уровень академической мобильности студенческой молодежи евроврегиона «Слобожанщина» невысок. Фактически в программах академической мобильности участвовали только 26,67% опрошенных, причем 20,00% из них это студенты Харьковской области, и только 6,67% белгородских студентов принимали участие в подобных программах. При этом подавляющее большинство опрошенных студентов (81,25%) принимали участие в школе «Межрегионального приграничного сотрудничества», 25,00% студентов участвовали в городских, всероссийских и международных конференциях и 6,25% – в школе историков.

Осведомленность о конкретных программах академической мобильности, реализуемых в евроврегионе «Слобожанщина» у респондентов крайне низка. В полной мере о школе «Межрегионального приграничного сотрудничества» информированы, по самооценке, 35,00% молодых людей, из них 21,67% – студенты вузов Харьковской области, 13,33% – Белгородской области. О программах стажировок знают 13,33% респондентов, о конференциях различного уровня (городские, всероссийские, международные) и трансграничных стратегических дебатах – 31,67% соответственно. Меньше всего студенты информированы о школе историков (6,67%). Следует отметить, что подавляющее большинство респондентов при ответе на вопрос «Знаете ли Вы о программах академической мобильности евроврегиона «Слобожанщина?»» ответили отрицательно или утверждали, что только слышали об их существовании (см. таблицу).

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы о программах академической мобильности евроврегиона «Слобожанщина?»», %

Программы академической мобильности	Харьковская область			Белгородская область			Всего		
	Да, в полной мере	Нет, я только знаю, что она существует	Нет, я даже не знаю, что она существует	Да, в полной мере	Нет, я только знаю, что она существует	Нет, я даже не знаю, что она существует	Да, в полной мере	Нет, я только знаю, что она существует	Нет, я даже не знаю, что она существует
Школа «Межрегионального приграничного сотрудничества»	21,67	15,00	13,33	13,33	16,67	20,00	35,00	31,67	33,33
Программы стажировки	5,00	23,33	21,67	8,33	25,00	16,67	13,33	48,33	38,33
Школа историков	3,33	23,33	23,33	3,33	16,67	30,00	6,67	40,00	53,33
Конференции различного уровня	15,00	25,00	10,00	16,67	16,67	16,67	31,67	41,67	26,67
Трансграничные стратегические дебаты	15,00	20,00	15,00	16,67	16,67	16,67	31,67	36,67	31,67

Оценка информированности студенческой молодежи о программах академической мобильности варьирует по регионам незначительно. В Белгородской области 38,30% респондентов в совокупности дали ответы в диапазоне от «я только знаю, что они (программы) существуют» до «я даже не знаю, что они существуют». В Харьковской области респонденты такого уровня информированности составляют 38,00%.

Для приграничных регионов молодежные обмены означают существенный прирост образовательного потенциала учебных заведений, их превращение в научно-

образовательные центры, важный шаг на пути развития инновационного потенциала молодежного сотрудничества. Как нам видится, необходимо сосредоточиться не только на совершенствовании существующих форм молодежного сотрудничества, но и на создании молодежных объединений нового типа, учитывая специфические интересы различных групп молодежи: студенчества, сельской и рабочей молодежи; молодых специалистов и ученых; органов государственного и муниципального управления как субъектов сотрудничества в молодежной политике. Для этого необходимо ориентировать молодежные структуры, созданные по линии международных организаций на постсоветском пространстве (Молодежный совет ШОС, Содружество студенческих и молодежных организаций СНГ), на разработку и реализацию, прежде всего, инновационных проектов.

Следует более активно сосредоточиться на создании структур, ориентированных на развитие активного взаимодействия молодых ученых гуманитарного и технического профиля, осуществления ими совместных научных проектов. Это может стать серьезным шагом на пути восстановления связей между научными центрами бывших союзных республик. Представляется целесообразным разработать комплексную систему грантов и квот для предоставления образовательных услуг, потенциально формируя группы поддержки России в среде научной и политической элиты соответствующих стран. Кроме того, необходимо совершенствовать действующие и разрабатывать новые механизмы международных молодежных обменов, стажировок, программ. Важную роль в деятельности международных молодежных объединений занимают национальные молодежные лидеры. Они являются частью будущей элиты, которая спустя некоторое время будет определять векторы внутреннего развития и внешней политики своих государств. Поэтому налаживание конструктивных, дружественных взаимоотношений является важнейшим показателем эффективности молодежных структур и залогом успешного развития сотрудничества между странами. На данный момент на постсоветском пространстве сотрудничество молодежных лидеров, как правило, ограничивается рамками международных встреч, форумов, конференций, фестивалей, либо редкими съездами или заседаниями молодежных объединений. В этой ситуации становится актуальной задача развития молодежных структур, способных обеспечить постоянный диалог и взаимодействие молодежных лидеров на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Харченко, В.В. Состояние и перспективы международного сотрудничества в молодежной сфере в России / В.В. Харченко // Вестник международных организаций. – 2009. – № 1 (23). – С. 100-112.
2. Перфильева, О.В. Программа европейского сообщества «Молодежь» как инструмент реализации политики социальной сплоченности регионов / Перфилова О.В. // Вестник международных организаций. – 2007. – № 15 (13). – С. 17-33.
3. Академическая мобильность в условиях интернационализации образования [Текст] / В.А. Галичин, Е.А. Карпухина, В.В. Матвеев, А.П. Сугакова. – М.: Университетская книга, 2009. – 460 с.
4. Чумаченко, А.И. Академическая мобильность – важнейшая составляющая интернационализации и модернизации высшего образования [Электронный ресурс] / А.И. Чумаченко // Режим доступа к изд.: <http://e-magazine.meli.ru/vipusk17.htm> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
5. Артамонова, Ю.Д. Совместные образовательные программы вузов: состояние, проблемы, перспективы [Текст] / Ю.Д. Артамонова, А.Л. Демчук, Е.В. Караваева. – М.: КДУ, 2011. – 56 с.
6. Ставрук, М.А. Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования [Текст] / М.А. Ставрук, Е.И. Артамонова // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 1. – С. 11-20.
7. Ставрук, М.А. Содержание и организация академической мобильности студентов Финляндии [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / М. А. Ставрук. – М.: Б.и., 2011. – 24 с.
8. Буробина, Т.В. Проблемы обеспечения академической мобильности студентов [Текст] / Т.В. Буробина // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 4. – С. 311-314.

9. Мартыненко, О.О. Управление академической мобильностью в вузах [Текст] / О.О. Мартыненко, Н.В. Жукова // Университетское управление: практика и анализ. – 2008. – № 1. – С. 65-75.
10. Мирошевского В., Леонтьева Л., Овсенко Ю.С. К вопросу о молодежных организациях в Центральной Азии [Электронный ресурс] / В. Мирошевского, Л. Леонтьева, Ю.С. Овсенко // Режим доступа к изд.: <http://www.ia-centr.ru> – Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer.
11. Мюнценберг, В. Социалистические организации молодежи до и во время Первой мировой войны / В. Мюнценберг. – М.: Либроком, 2012. – 280 с.
12. Актуальные проблемы деятельности международных организаций: теория и практика / под. ред. Г.И. Морозова. – М.: Международные отношения, 1982. – 351 с.
13. Braungart, R. Youth movement in 1980 years. Global perspectives / R. Braungart, M. Braungart // International Sociology. 1990. Vol. 5, No. 2. p. 157-181.
14. Криворученко, В.К. Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории / В.К. Криворученко, В.А. Родионов, О.В. Татаринцов / под ред. А.А. Данилова. – М.: Социум, 1997. – 191 с.
15. Харченко, В.В. Международное молодежное движение сегодня / В.В. Харченко // Российская молодежь: проблемы и решения. – М.: Центр социального прогнозирования, 2005. – 147 с.

COOPERATION OF SUBJECTS OF YOUTH POLICY IN POST-SOVIET SPACE: ORGANIZATIONAL FORMS AND TECHNOLOGIES

A.A. MAXIMENKO¹⁾
L.N. SHMIGIRILOVA²⁾

*¹⁾ Sharinsky branch Kostroma
State University*

e-mail: Maximenko.Al@gmail.com

²⁾ Belgorod National Research University

e-mail: shmigirilova@bsu.edu.ru

The article deals with cooperation in youth policy of post-Soviet republics, which became members of the Commonwealth of Independent States. It reveals and analyzes the main organizational forms and technologies used to enhance youth ties in the CIS, the formation of young people active life position, involving young people in the social, political, social and economic life of their country and interstate cooperation.

Keywords: youth policy, cross-border cooperation, post-Soviet space, organizational forms and technologies.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 168.522

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

А.А. ШЕВЧЕНКО

*Общецерковная
аспирантура
и докторантура во имя
святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия*

e-mail: aalix2007@yandex.ru

Предлагаемая статья, посвящена междисциплинарному исследованию феноменов здоровья и болезни, а также медицинской практики. Особенностью этого исследования является привлечение автором православного богословия как полноправного участника диалога медицины, философской и культурной антропологии. Философия медицины, вслед за всей философией и методологией науки, показала несостоятельность понятия «объективной реальности», так как она была понимаема в новоевропейском научном мышлении. Вследствие этого медицина оказалась сегодня в состоянии «кризиса аутентичности», относящемуся к объекту, методу и целям медицинских дисциплин. Этот кризис выражается в конфликте парадигм и моделей медицинской рациональности с реальной медицинской практикой. Научная специализация медицины, несомненно, принесла много положительного в изучение болезней людей, но вместе с тем, она привела и к оказанию односторонней помощи, в которой игнорируется целостность человека, его психологическое, духовное и социальное измерение, что неизбежно повлекло за собой беспомощность медицины в лечении ряда заболеваний. По мнению автора, медицина, сформированная к концу двадцатого столетия, нуждается в глубокой ревизии, вдохновленной обобщениями философской и культурной антропологии, имеющих глубокую связь с христианским Преданием.

Ключевые слова: медицинская антропология, личность, христианство, болезнь.

Введение

К написанию этой статьи автора побудили процессы дегуманизации¹ медицины, оказавшиеся сегодня объектом исследования философов, культурологов, психологов, юристов, самих врачей, антропологов и представителей ряда других дисциплин. Появление в двадцатом столетии в США и Западной Европе медицинской антропологии (в том числе как дисциплины обязательной для подготовки врачей), позволило надеяться на то, что эта наука сможет системно осмыслить и восполнить образ человека в

¹ Греческая калька, того же самого термина звучит менее привычно и менее благозвучно: «антиантропологизация», о чем мне кажется уместно вспомнить в статье, посвященной медицинской антропологии.

современной медицине, что нашло бы свое выражение в повышении успешности диагностики и лечения. Между тем, несмотря на существующие в России единичные публикации, для российского читателя остается неясным предмет этой новой дисциплины и сфера ее интересов. Ответ на вопрос, что такое медицинская антропология и в чем специфичность ее предмета? вряд ли возможен без ответа на вопросы, – когда, почему и с какой целью возникает медицинская антропология? Кроме того, объектом изучения медицинской антропологии, очевидно, является больной человек в системе координат различных медицинских систем и культур. В этой связи, необходимо выяснить, чем болезни человека принципиально отличаются от болезней животных и растений, которые тоже болеют. Или короче, – чем отличается антропатология от фитопатологии и зоопатологии? Ответ на этот вопрос позволит уточнить базисные понятия, на которых основана медицинская антропология. То же самое можно сказать и о христианской антропологии. Для ученого, не имеющего богословского образования неочевиден ответ на вопрос: в чем состоит особенность антропологической модели христианского Предания? Обнаружение понятий предопосылочного, методологического уровня в медицинской и христианской антропологии позволило бы решить проблему: возможен ли диалог христианской антропологии и медицинской антропологии? А также понять: какое значение может иметь христианская антропология для современной медицины? Статья является размышлениями над поставленными выше вопросами.

1. Предмет медицинской антропологии

Медицинская антропология – это дисциплина, возникшая на стыке культурной, социальной и биологической и лингвистической антропологии. Она ставит своей целью изучать те культурные, социальные и биологические факторы, которые влияют на здоровье, протекание болезни и процесс ее лечения. Медицинская антропология является для России новой дисциплиной², хотя в США, Канаде и Великобритании, как раздел наук о человеке, она успешно развивалась уже с 1970-х годов. В латиноамериканских странах медицинская антропология хорошо развита в Бразилии, Мексике³ и в Испании⁴. Одним из объектов медицинской антропологии являются медицинские системы различного характера, существующие и существовавшие в разных обществах, – то есть сознательные, институализированные вмешательства в жизнь человека и общества, связанные со здоровьем.

Появлению медицинской антропологии предшествовала совместная работа антропологов и врачей в 20 столетии по изучению терапевтических практик народной медицины в различных культурах. Эти работы позволили выделить алколоиды и другие фармакологически субстанции, которые вошли в терапевтический арсенал новоевропейской научной медицины. Подобные исследования неизбежно сопровождалось сравнительным изучением медицинских систем в разных культурах, что получило название этномедицины. Однако, до сих пор нет исчерпывающего ответа на вопросы⁵: действительно ли эффективны местные целители, практикующие медицину, отличную от европейской? Каким образом можно измерить и оценить их успешность? Можно ли интегрировать их в официальные системы здравоохранения?

Действительно, различные культурные сообщества и даже различные субкультуры имеют свои специфические представления о теле и душе, здоровье, болезни, о том, что значит лечить человека. Значение этих понятий в западноевропейской

² Это ссылка на, по-видимому, первое учебное пособие по медицинской антропологии, выпущенное в России к авторскому курсу, читаемому с 2001 года в Саратовском государственном техническом (!) университете.

³ См. например сайт мексиканского исследовательского центра высшего образования в области социальной антропологии. Электронный ресурс. URL: <http://www.ciesas.edu.mx/>

⁴ См. например магистерскую программу по медицинской антропологии каталонского Университета Ровира и Виргили. Электронный ресурс. URL: http://www.urv.es/masters_oficials/antropologia_medica.html

⁵ Rumel Arthur J. and Sargem Carolyn. Parallel medical systems: papers from a Workshop on “the healing process”// Social Science & Medicine. New York, 1979. Vol. 13 b. – P.3-6.

медицине отличается, к примеру, от традиционной китайской медицины или от представлений и терапевтических практик целителей и шаманов Африки. Нельзя назвать совершенно идентичными представление врача о болезни конкретного пациента в ведущей клинике Москвы и в провинциальной врачебной амбулатории. Медицинская антропология – это дисциплина, выявляющая такие различия.

Важность выявления и определения этих различий в настоящее время имеет очень серьезный прикладной характер, – от них зависит успех лечения. Дело в том, что «объектом» медицины является целостный человек, который имеет свой уникальный жизненный опыт, уровень образования, полученное воспитание, определенную степень социализации. Более того, указанные характеристики человека не остаются неизменными на протяжении его жизни и подвержены изменению в состоянии болезни. Исходя из того очевидного факта, что пациент является активным субъектом при выполнении назначений врача, следует также признать, что медики на практике имеют дело с людьми, имеющими ценности, принципы и взгляды на болезнь и здоровье, отличные от тех, что имеют сами медицинские работники. Таким образом, в медицинской антропологии не только лечебный, профилактический и реабилитационный процесс в целом, но и каждый отдельный медицинский акт фактически представляется имеющим социокультурное измерение. Если угодно, медицина – это сфера диалога представителей различных субкультур.

С конца двадцатого столетия медицинские антропологи занимаются еще и более тонкими исследованиями проблематики взаимодействия культуры и медицины, который теперь принято называть процессом медиализации: то есть изучают влияние (говорят даже о гегемонии) медицины на культуру в глобализирующемся мире.

Итак, в настоящее время основными сферами исследования медицинской антропологии являются:

существование современной биомедицины и биомедицинских технологий в незападноевропейских сообществах;

развитие систем медицинского знания и медицинской помощи;

отношения между врачом и пациентом и проблема их дегуманизации;

интеграция альтернативных медицинских систем в культурно различных пространствах;

взаимодействие между факторами окружающей среды, биологическими и социальными факторами, которые влияют на здоровье и болезнь, а также на отдельные индивиды и социальные слои общества;

процесс медиализации.

Выделение медицинской антропологии в самостоятельную дисциплину получило официальное признание в 1968 году на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио. Свидетельством формирования медицинской антропологии как особой области научного знания, стало появление специализированных журналов, которые издаются преимущественно в США: «Anthropology and Medicine», «Medical Anthropology», «Medical Anthropology Newsletter», «Medical Anthropology Quarterly», «Social Science & Medicine». Существует Society of Medical Anthropology, созданное при American Anthropological Association⁶. Между тем, на русском языке до сих пор нет ни одного специализированного журнала, посвященного обсуждению проблем медицинской антропологии.

Медицинская антропология помещает здоровье и болезнь в пространство рассуждений, имеющих социальные, экономические и культурные аспекты, которые имеют значение для появления болезней и делают возможным существование здоровья. Однако, несмотря на сказанное выше, следует подчеркнуть, что в фокусе внимания медицинской антропологии, как и самой медицины, остается все же больной человек. Смысловая ось медицинской антропологии: человек – болезнь – история – культура. Медицинская антропология исследует не только объективную размерность, но и субъективное измерение медицинского акта и фундаментальных вопросов об

⁶Официальный сайт этой ассоциации: <http://www.medanthro.net/>

онтологическом статусе болезни⁷. С точки зрения медицинской традиции пациент не может рассматриваться лишь как предмет объективного исследования. Потому, что медицина сочетается с подходом, не имеющим ничего общего с наукой. В основе врачебного подхода лежит сострадание, которое по самой своей природе не научно⁸.

2. Начало «антропологизации» новоевропейской медицины

Ортега-и-Гассет говорил, что история не интересуется людьми без рассмотрения при этом тех объективных структур, которые имеют отношение к надындивидуальной действительности, функционирующей сообразно своей собственной логике. Таковыми, к примеру, он рассматривал географию, язык, экономику, обычаи. Эти объективные структуры, по его мнению, навязываются человеку извне и носят совершенно безличный характер. Человек может лишь вносить определенные инновации в рамках этих структур. Отсюда можно было сделать вывод, что история полностью имперсональна, безлична. Так, Диего Грасиа считает, что «история не имеет ничего кроме человеческого бытия. Но личная жизнь становится историей только на пути имперсонализации. Если есть личное, то нет исторического, если есть историческое, то нет личного»⁹. Тогда история предстает как знание о безликих структурах, в которых живут люди. Но почему объективное в таком ракурсе непременно должно рассматриваться как безличное и непрichастное личности? Объективация человеческого творчества – это вовсе не обязательно синоним отчуждения от личных (ипостасных) связей. Культура – это межличностный «синцитий», пространство пересечения личностей, в том числе личностей людей и Бога. Да и как, в какой логике, обосновать необходимость введения процедуры, насильственно вырывающей объекты культуры из ипостасных связей? Причина исторических изменений и бытия самой истории ипостасна: за динамизмом исторических событий стоят личности¹⁰. Поэтому история не может излагаться (и не может быть) имперсональной.

Представление об истории, как о неких безликих структурах, функционирующих через людей, восходит, вероятно, к античному греческому мышлению, которое конструировало универсум тождества мысли и бытия, как мира, противостоящего истории, привносящей изменчивость в статичный и совершенный мир идей. Поэтому, познание истины, стоящей за сменой исторических событий, предполагало для греческой мысли необходимость вырваться из истории. История подразумевалась как нечто такое, что размывает и искажает монистическую греческую онтологию единства бытия и истины. В западноевропейской мысли сходным образом, во многом благодаря Августину, отношение истины и истории мыслилось как оппозиция бытия и его разрушения. История была вырвана из онтологии и предана в мир психологии, в непредсказуемый мир субъективного произвола человеческого существования, разрушающего всякие закономерности.

По-другому видели историю восточные отцы христианской церкви. Максим Исповедник, реабилитировавший понятие логоса¹¹, долгое время использовавшееся с обертонами неоплатонизма, пришел к особому осмыслению христологической проблемы, – очень важной для понимания истории: так как Христос – жил в истории. Христос – это нетварный Логос, в Котором (по причине Которого, и благодаря Которому)

⁷ Rocca Adolfo Vásquez. De la Antropología médica a la Iatrofilosofía; El estatuto ontológico de la enfermedad. Revista Observaciones Filosóficas. 2006 N° 2 . Электронный ресурс. URL: <http://www.observacionesfilosoficas.net/antropologiaarticulo.html> (Дата обращения 27.07.2011).

⁸ Antony, Metropolitan of Sourozh. Human values in Medicine//Bristol Medico-Chirurgical Journal. Bristol, 1974. Vol. 91. P. 3-7. (Delivered to the Bristol Medico-Chirurgical Society on 8th May 1974).

⁹ Gracia Diego G. Entralgo Laín «Desde dentro» por Diego Gracia. Turia n° 85-86, Marzo / Mayo 2008. Электронный ресурс. (El portal de la Asociación de Revistas Culturales de España).URL: <http://www.revistasculturales.com/articulos/46/turia/875/1/lain-entralgo-desde-dentro.html> (дата обращения 27.07.2011).

¹⁰ Как говорит об этом и сам Ортега-и-Гассет Ортега-и-Гассет. Бесхребенная Испания. М., 2003. – С.59-65.

¹¹ Иоанн (Зизиулас), митрополит. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. М., 2006. – С.94.

есть все логосы тварных сущностей. Но причинное отношение Логоса-Христа к логосам сотворенного мира, хотя и онтологическое¹², но оно не природное. Оно – ипостасное. Чтобы избежать неоплатонической эманации Максим Исповедник использует необычный метод¹³. Логос Христа, – утверждает он, – предшествует логосам тварного мира как причина, но причина личностная, ипостасная. Уже у Максима Исповедника Христос-Логос становится: во-первых, ипостасной причиной бытия логосов творения, во-вторых, исторической личностью воплотившейся в ткань истории, чтобы раскрыть ее смысл и путь изменения, и, в-третьих, целью истории, в Котором вся тварь в эсхатологической перспективе обретет единство и подлинное бытие. Христос, будучи Личностью и назвавший себя Истиной¹⁴, пронизывает всю историю мира – от его творения, до его конца. Поэтому в православном понимании и из перспективы Церкви не может быть безличной истории¹⁵.

Между тем, следует признать: изложение истории медицины традиционно ориентировано на перечисление инструментов, терапевтических и хирургических методов, а также книг, создаваемых медиками. Личностное своеобразие даже самых выдающихся врачей по большому счету мало интересует историков медицины. Современная медицина, – самый могущественный институт нашего общества, – больна игнорированием личности. Зачастую человек в медицине, как и у Ницше – это больное животное. Однако, тема личности, культуры и истории врываются в медицину в начале 20 века.

После Первой Мировой войны самые престижные клиники Европы были заполнены пациентами с неврозами. Они составляли до 25%-35% всех находящихся там пациентов. Война оставила серьезные последствия для психического здоровья и методики психотерапии стали особенно востребованы. Не беря во внимание биологизаторство и идею бессознательной сексуальности, Зигмунд Фрейд сделал большой вклад в переосмысление болезни. Он не просто подробно беседует с больным и анализирует услышанное. Он фокусирует всю медицину на пациенте посредством общения, он исследует взаимоотношение между душой и вегетативными функциями тела, систематизирует использование вербальной психотерапии. В итоге болезнь была осмыслена как событие в историческом (биографическом) контексте больного. До него болезнь мыслилась преимущественно как поломка функции органа – то есть понималась как событие в пространстве телесной природы человека.

Между 1918 и 1922 годами под влиянием идей Фрейда и его учеников: Grodeck, Ferenczi, Deutsch психоанализ применяется к случаям, ранее рассматривавшимся как органические поражения, не подлежащие полному излечению. В Вене Фрейд, Adler и Schwarz организуют группу врачей различных специальностей для того чтобы издать книгу «Психогенез и психотерапия органических симптомов»¹⁶. В этой работе Schwarz рассматривает психоанализ Фрейда, феноменологию Husserl, психобиологию Hans Driesch, гештальт-психологию и физиопатологию Ludolf von Krehl как теории, синтез которых позволил бы сделать медицину самостоятельной и автономной от других наук. После издания их работы слишком очевидной становится неадекватность существовавшей доселе медицины рассматривать больного лишь через призму законов физики и химии. Такая медицина видится лишь как «искусство заработать на смерти»¹⁷.

Интересно как знаменитый преподаватель кафедры патологии и терапии Гейдельберга Ludolf von Krehl (1861-1937) постепенно эволюционирует от

¹² Точнее, – онтическое: то есть не просто относящееся к сфере психологии или гносеологии.

¹³ Митрополит Иоанн справедливо дает очень высокую оценку тому методу, каким Св. Максим устанавливает взаимосвязь между онтологией и любовью: как метода, имеющего «непреходящее значение для богословия и философии наших дней». Иоанн (Зизиулас), митрополит. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. М., 2006. – С. 96.

¹⁴ Ин 14. 6

¹⁵ Сущность секуляризации состоит как раз в игнорировании значения ипостасных связей в истории и природе. Люди хотят ограничения, – saeculum. См. об этом Хаутепен Антон. Обретение Бога в истории// Страницы. М., 2006. 11:1. С. 33-39.

¹⁶ Psychogenese und Psychotherapie körperlicher Symptome/ Schwarz Oswald, ed. Viena, 1925.

¹⁷ Laín Entralgo Pedro. Antropología médica para clínicos, 3.^a ed. Barcelona, 1986. – С.465.

физиопатологии к медицине индивидуальной личности. Он определяет новую тенденцию в медицине как привнесение личности больного в медицинскую проблематику и деятельность врача. Личность становится объектом изучения и оценки¹⁸. Наиболее знаменитые ученики Ludolf von Krehl, прежде всего Richard Siebeck (1883–1965), Viktor von Weizsäcker (1886–1957), создают в Гейдельберге медицинскую научную школу, продвигавшуюся в направлении создания медицинской антропологии. Эти престижные ученые дают негативную оценку натуралистической медицине. Для того чтобы вылечить, необходимо увидеть пациента как живой организм с душой и телом, с личностью, погруженной в конкретные события окружающей действительности в социальные отношения, часто конфликтные. Richard Siebeck¹⁹ прямо указывает на то, что симптомы имеют значение лишь в контексте биографии больного. Пациент не только имеет свою болезнь, – своей личной судьбой он ее делает. Поэтому медицина должна стремиться не к тому, чтобы поставить диагноз (то есть назвать болезнь), но к тому, чтобы сделать возможным суждение о том, как пациент может изменить свою жизнь посредством болезни. Без этого медицина способна, в лучшем случае, лишь уменьшать симптомы заболевания, но не способна излечить пациента.

Фактически все это и означало рождение медицинской антропологии, целью которой было возвращение в медицину некогда ею утраченного представления о личности. Такое представление о возникновении западноевропейской медицинской антропологии было поддержано рядом исследователей, в частности, многочисленными работами Педро Лаина Энтральго, которые создают несколько иной образ целей и задач этой дисциплины по сравнению с современными исследованиями в области медицинской антропологии в США. Кризис физики конца 19 – начала 20 веков и кризис медицины, позволил ему утверждать, что философская антропология может стать основанием всех других наук, в частности, медицины, что необходим «крестовый поход за гуманизацию медицины»²⁰. Однако, сегодня уже не достаточно говорить о «гуманизации медицины». Необходимо уточнять, что эта гуманизация не произойдет, если не произойдет междисциплинарного диалога наук о человеке, в том числе диалога с богословской антропологией, – сотрудничества, помогающего врачу вновь обрести интуицию целостности человека, целостности, которая распространяется за пределы его тела.

Рассматривая наиболее общие признаки болезни: с одной стороны, – повреждение структуры и, с другой стороны, – ее самовосстановление, Педро Лайн Энтральго придает болезни поистине космическое измерение. С момента большого взрыва все возникающие энерго-материальные структуры способны к болезни в этом общем значении слова²¹. И если выделять из универсума этих структур живые существа, то их болезни изучаются различными дисциплинами: болезни растений изучает фитопатология, болезни животных – зоопатология, болезни человека – антропатология. Выделение этой последней связывается с особыми свойствами болезней человека, отличающими их от болезней остальных представителей живого мира. Каких именно?

Антропология, – наука изучающая людей, не может игнорировать, того очевидного факта, что она имеет дело не только со здоровыми людьми. Что больные люди живут радикально иначе²². Болезнь это иной (по сравнению со здоровьем) жизненный опыт, который познают те, кто достигает кризиса в своей личной и социальной жизни через болезнь. В болезни, как и в любой боли, открывается скрытое лицо человека, которое есть другой уровень его человечности. **Болезнь – это особая**

¹⁸ Nelson R. Orringer. La antropología médica de Pedro Laín Entralgo: historia y teoría// *Ars Medica. Revista de Humanidades*. S.I., 2008. Vol.2. – P. 190-205.

¹⁹ Siebeck Richard. *Medizin in Bewegung: Klinische Erkenntnis und ärztliche Aufgabe*. Stuttgart, 1949. – С.37-38.

²⁰ Laín Entralgo Pedro. *Descargo de conciencia (1930-1960)*, 2.ª ed. Barcelona, 1976.

²¹ Laín Entralgo Pedro. *Antropología médica para clínicos*, 2.ª ed. Barcelona. 1985.

²² Elizondo Felisa. *Como somos en la enfermedad: Perspectiva antropológica // Vivir sanamente el sufrimiento. Reflexiones a la luz de experiencias de enfermos / Bermejo J.C. Bringas A. Burgaleta J., eds. Madrid 1994.P.15-28.(Coleccion Iglesia y mundo de la salud;3).*

модальность человеческого бытия, в которой обнаруживается человеческая глубина. Глубина, которую мы можем скрывать, не будучи больными, несмотря на то, что нет точных границ между страданием и отсутствием страдания, потому что мы имеем слишком большой страх страдания и уже этот самый страх есть страдание. Болезнь и боль – это **иные обстоятельства жизни**. Когда болезнь замещает все другие интересы больного, живущего в надежде на выздоровление или, утрачивая эту надежду, когда активная жизнь осталась позади, когда весь привычный окружающий мир начинает рассыпаться и возникает страх перед будущим. **Болезнь это иное время**. Это прерывание привычного хода событий, впечатление, что невозможно уже достичь того, чего обещала жизнь. Это медленные монотонные и серые будни. Когда начинаешь жить прошлым. Боль живет через время и является тем, что замедляет, продляет и питает его. **Болезнь это рефлексия необычности своего тела**. У человека появляется тревога от того, что он заметил в своем организме беспорядок, вторгнувшийся в привычную гармонию, экзистенциальную тревогу, укорененную в возможности умереть. Тело – это то, что поглощает внимание больного. Первый опыт феноменологической метафизики болезни может быть выражен словами: «Я чувствую себя больным, следовательно, я есть тело». Болезнь открывает уязвимость плоти, и вообще говоря, обнаруживает тело, которое до болезни не замечалось. Поврежденное тело не дает невозможности существовать человеку как раньше, не дает вырваться из болезни и страдания. Все перечисленное – признаки болезни человека, а не растения или животного. Врач, поэтому, должен владеть особым «атропатоологическим» мышлением, отличающим его от ветеринара или фитопатолога. А это подход к пациенту с позиции медицинской антропологии.

Трансформированные под влиянием многолетних дискуссий, в настоящее время в философии медицины по-прежнему существуют две различные²³ теории болезни. Речь идет, прежде всего, о нормативно-ценностной теории Lennart Nordenfelt²⁴ и натуралистической теории Christopher Boorse²⁵.

Boorse определяет болезнь в терминах нарушений функций человеческого организма. Он подчеркивает, что его понимание болезни не затрагивает этические или культурные ценности. В то время как медицинская практика нагружена ценностями, медицина как наука должна быть свободной от них, оставаясь «объективным» рассмотрением нарушения функции органов. Boorse занимает радикальную позицию отрицания уместности применения вопросов о ценности к здоровью и рассматривает здоровье людей как естественное функционирование их органов. Естественное функционирование, в свою очередь, определено им в статистических терминах, демонстрирующих пределы медико-биологических показателей, идентифицирующих биомедицинскими науками состояние «медицинской нормы». Медицина предстает как прагматическая дисциплина, интересующаяся эффектами, которые она причиняет в мире, ее цель – эффективный контроль над здоровьем населения²⁶, иллюстрирующий мысль Бекона о том, что «знание – сила». Такая медицина пытается создавать человека по своему образу и подобию.

Nordenfelt исходит из неудовлетворенности понимания здоровья как отсутствия явной патологии и болезни. По его мнению, человек полностью здоров тогда и только тогда, когда у него есть возможность понять и реализовать все свои жизненные цели в тех обстоятельствах, в которых он находится. Под «жизненными целями» им понимаются цели, имеющие особенное значение для субъекта. Причем, именно неспособность достигать цели является существенным критерием болезни. Ценностное измерение такой теории позволяет говорить о том, что если у двух разных людей имеется одно и то же

²³ Schramme Thomas. A qualified defence of a naturalist theory of health// *Medicine, Health Care and Philosophy*. Dordrecht, 2007. Vol.10. – P.11–17.

²⁴ Nordenfelt, L. An Evolutionary Concept of Health: Health as Natural Function // *Dimensions of Health and Health Promotion* / L. Nordenfeltd and P.-E. Liss, eds. Amsterdam, New York, 2003. P. 37–54.

²⁵ Boorse, C. Concepts of Health// *Health Care Ethics*/Van de Veer Donald and Tom Regan, eds. Philadelphia, 1987. – P. 359–393.

²⁶ Bishop Jeffrey P. Foucauldian Diagnostics: Space, Time, and the Metaphysics of Medicine// *Medicine Journal of Medicine and Philosophy*. Oxford, 2009. Vol. 34, Issue 4. – P. 28–349.

умственное и телесное состояние, определенное «объективно», но один из них лишен возможность достигать поставленной цели – то он болен. Цели могут быть снижены, чтобы в большей мере соответствовать способностям человека, а обстоятельства могут быть изменены для лучшего проявления способностей и успешного достижения целей. Это означает что, лечить надо не только человека, чем занимается современная медицина, но необходимо изменять и целеполагание человека, а также окружающую среду, понимаемую, в том числе, и как культурное окружение. Поэтому нездоровье – это гуманитарная проблема в широком смысле этого слова. Для ее решения недостаточно лишь усилий медицинского персонала. «Чрезмерная вера в лабораторно-инструментальные методы исследования привели к тому, что анализы крови или мочи изучаются глубже, чем сам больной. Создается ситуация, когда врачебное мышление сосредотачивается на патологии органов и систем»²⁷. Любой редукционизм в помощи больному (биологизм, психологизм, спиритуализм и так далее) в сущности, псевдонаучная процедура, которая не может соответствовать нуждам человеческого существа как целостности²⁸.

3. Антропологические основания медицины: христианская антропология

С социо-культурных позиций земная церковь Христа является сообществом верующих людей, имеющих специфическое мировоззрение, ценности и практики. Это позволяет предположить, что такие понятия как здоровье и болезнь, лечение будут пониматься представителями такого сообщества особым образом. И медицинская антропология в силу своих задач не может, в этой связи, не рассматривать существование медицинских систем в том числе и с позиций богословских представлений о человеке, сформированных в различных религиозных группах. Но, говоря о медицинской антропологии христианской Церкви, необходимо, прежде всего, ответить на вопрос: что означает «быть больным» с точки зрения христианина? Что такое болезнь человека для христианского богословия? Что думали первые христианские врачи о болезни? До нас не дошли их письменные нозологические идеи. Однако же мы имеем сведения, достаточные для того, чтобы утверждать, что греческая патология была быстро и широко воспринята, несмотря на ее натурализм²⁹. Так же как и для греков, для первых христиан болезнь была противоестественным состоянием человеческой природы. Однако же, представления христианских врачей о «человеческой природе» не были идентичными греческому φύσις³⁰. Одно из самых главных отличий антропологической модели античных греков и христиан было христианское представление о человеке как об Образе Бога. Представление о том, что божественная любовь так глубоко проникает в человека, что она «отпечатывается» там как Образ Бога. Будучи Образом Божьим, человеческое бытие, в отличие от животного, имеет достоинство личности: человек не есть только нечто, но некто. Причем некто, чье достоинство укоренено в Боге.

Личность и нозология в христианстве. Разделяя традиционное различие между нозологией и патологией в медицине, можно сказать, что христианская нозология, остается открытой для свободного обсуждения христианами врачами. Верующий

²⁷ Курсаков В.И. Антропологизация медицинского знания// Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции/Парцвания В.В., ред. СПб., 2005. Выпуск 3. – С.308.

²⁸ Pagola José Antonio. Hacia una existencia holística// Dolentium Hominum: revista del pontificio consejo para la pastoral de los agentes sanitarios. N. 1, Vol. 37. Vaticano, 1998. P. 145-149. (Actas de la XII conferencia internacional Iglesia y salud en el mundo. Expectativas y esperanzas en el umbral del año 2000. 6-7-8 noviembre 1997).

²⁹ Laín Entralgo Pedro. *Mysterium doloris. Hacia una teología cristiana de la enfermedad.* Madrid, 1955. – С.22.23.

³⁰ Ниже в этом разделе я использую работу замечательного исследователя христианской антропологии Jutta Burggraf с которой я имел удовольствие быть знакомым лично, и которая, к несчастью, безвременно скончалась в конце 2010 года. Достоинством этой работы была аккуратность, позволившая избежать конфессиональных акцентуаций при изложении христианской антропологической модели: Burggraf Jutta. *Bases antropológicas de la medicina: antropología cristiana// Medicina pastoral: cuestiones de Biología, Antropología, Medicina, Sexología, Psicología y Psiquiatría/Miquel Àngel Monge, ed. Pamplona, 2004.P. 35-65.*

христианский врач, как это было в истории медицины, может быть галенистом или методистом, последователем гуморальной или солидарной теории, ястромехаником или ятрохимиком, представителем самых модных современных теорий болезни. Однако, христианский врач всегда придерживается принципов христианской антропологии, которые имплицитно содержатся в Новом Завете. Врач-христианин никогда не забывает, что, несмотря на его научную точку зрения на болезнь, он должен быть верным принципам христианской антропологии. Тому, что человек есть личность, – некая глубина, несводимая к природе. В этой глубине человека укоренена его свобода, внутренний мир, моральная ответственность и религиозная жизнь.

Внутренний мир человека и болезнь. Проживая свою жизнь, человек открывает, что имеет свой внутренний мир, отдавая себе отчет, что он не зависит ни от родителей, ни от учителей, ни от врачей, ни от общения с друзьями и врагами, ни от общественного мнения. И этот «объект указательного жеста» есть пространство личности. Это место, где человек является хозяином самого себя. Другими словами – что он внутренне свободен. Как говорил Жан-Поль Сартр: о человеке нельзя сказать, что он сначала есть, а потом, что он свободен: его свобода совпадает с его бытием. Обстоятельства могут увеличивать или уменьшать эту внутреннюю свободу человека: государство, общество, семья, образование и культура, собственный генетический код. Но, несмотря на это, я остаюсь свободным, во всяком случае, могу свободно думать об этих обстоятельствах. Давать себе отчет в своей свободе и ее использовании – это состояние, характерное для человеческой зрелости. Это, одновременно, и свобода отвернуться от других и остаться одному, без друзей и близких. Однако, с точки зрения христианина подлинная любовь к свободе, в своей глубине, есть ни что иное как любовь к другим. Это «ко-экзистенция открытого внутреннего мира»³¹.

Болезнь не просто неожиданная «поломка» человеческой природы, она зачастую «делается» свободной личностью пациента³². Болезнь есть *ἔργον* – действие, деяние, творение. Пациент, это не просто свидетель своей болезни, но и агент и автор ее. Злоупотребляя свое личной свободой, человек может ввергать свою человеческую природу в не обычные отношения с окружающим миром и другими личностями. Приспособления к этим необычным условиям (наиболее тривиальные из них сегодня: недостаточный отдых, высокий темп жизни, неправильное питание, недостаточные физические нагрузки, употребление алкоголя и наркотиков и т.п.) составляют причины человеческих болезней.

Личность и патология в христианстве. Болезнь человека есть повреждение психофизического процесса жизни, но повреждение «переносимое», – не только *ἔργον*, но и *πάθος*, – страдание, страсть, возбуждение, воодушевление. Переносимое кем? Ну, прежде всего, различными органами и функциями организма, как это считал Гален. Однако, не только. Болезнь переносится тем центром человека, который человек называет «я». Для христианского теолога, больной есть, прежде всего, тот кто может сказать: я переношу мою болезнь. Или другими словами, быть больным означает, что есть при этом то, кто не болеет, а переносит болезнь. Нечто, что позволяет и обязывает человека переносить свою болезнь и говорить что она «его». Наличие личности позволяет «пациенту» (то есть «терпящему» в переводе с латинского) быть субъектом страдания.

Главная доктрина медицинской антропологии Григория Нисского, интимно связанная с концепцией «образа божьего», – эта доктрина апатии, *ἀπαθεία*, – отсутствия страдания. Страдание человека (*πάθος*, патос – как физические (болезни) так и моральные (страсти)) происходит из-за схожести человека по природе с животными [22, с. 158]. Но поскольку у человека есть то, что отличает и возвышает его над животными и растениями – личность, то человек может избавиться от страстей и болезней, направляя свою духовную и физическую жизнь по заповедям Бога. Для Григория Нисского, вытекающие из личностной организации человеческой природы аскеза и воздержание, –

³¹ Polo L. El descubrimiento de Dios desde el hombre. Pamplona, 1998. – С.5.

³² Laín Entralgo Pedro. *Mysterium doloris. Hacia una teología cristiana de la enfermedad.* Madrid, 1955. – С.55.

это состояния жизни, в которых можно и должно сохранять прекрасное здоровье тела, потому что они не являются противоестественными и противоположными нормальному развитию человека.

Болезнь и испытание. Только в силу наличия субъекта болезни – личности, болезнь может быть «испытанием». Прежде всего, для самого пациента, но также и для тех, кто его окружает и помогает ему. «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его»³³. Болезнь, поэтому, не есть для христианина только его психофизическое состояние. Болезнь это испытание верности христианина своим принципам и заповедям Бога. Горечью боли человек может исповедовать свою веру. Болезнь поэтому всегда есть призыв к свидетельству. Не случайно в древнегреческом этимологически совпадают слова мученик и свидетель: *μάρτυρος*. Святой Григорий Великий говорил: больной должен обратить свои глаза к вечному счастью здесь и теперь, в опыте болезни и неотъемлемой от нее боли. Аргументы, которыми он пользуется³⁴ для утешения больных, умирающих и их близких многочисленны, но они вращаются преимущественно вокруг нескольких основных идей. Больной должен осознать себя как творение, принять все то, что происходит с человеком в течение жизни, включая болезнь, ведь это – демонстрация любви Бога. Болезнь и боль являются тем, что должно подтолкнуть больного к совершенствованию веры и надежды, которые являются основанием для терпения, покаяния, укрепления и смирения, которые уподобляют нас страдающему Христу.

Мигель-де-Унамуно писал: «кто не страдал, мало или много, не способен иметь знания о себе»³⁵. Несчастье болезни состоит в том, что больной, может погрузиться в эгоизм своей индивидуальной природы, если факт его страдания делает его слепым и глухим к существованию высших форм духовной жизни. Но боль болезни – это и уникальный путь к духовному совершенствованию. Паскаль, как известно, составил особую молитву, чтобы просить у Бога дарования возможности правильного использования болезни. Новалис предлагал людям преподавать «искусство пользоваться болезнями»³⁶. Это представление сегодня, в мире который повсеместно изгоняет боль и страдания из бытия человека, можно назвать альгодицеей³⁷.

В христианском понимании врач призван не только избавлять от страдания, но и к тому, чтобы ставить себя и своего пациента перед требованием быть человеком, научить человека обрести самого себя через болезнь.

Личность и милосердие. Болезнь имеет не только огромное значение для тех, кто страдает, но и для тех, кто видит страдание, так как является призывом к спасительному милосердию, как это описывается в притче о милосердном Самарянине. Дело в том, что личность (ипостась) в христианской антропологии – это то, что придает природе бытие. Личность ипостазирует, то есть «вбирает» в себя природу. Без личности природа не существует. Человек – это странник, который, идя по жизни, должен постепенно совершить переход от Образа к Подобию. В ходе христологических споров, начиная с Леонтия Византийского, слово воипостазированный», *εὐυλοτότατος* (то есть, воипостазированная природа) стало означать среднюю степень существования между полным небытием и полнотой ипостасного существования «обоженной» природы. Это позволяет рассматривать милосердие как онтологическую категорию. Милосердие – это способность человеческой личности увеличивать степень бытия, себя самого и окружающего творения. Большую часть дня мы находимся в общении с людьми. Милосердие – это реализация человека в общении. Нельзя быть милосердным и оставаться абсолютно замкнутой индивидуальностью. Поэтому общение и любовь являются ключевыми понятиями для раскрытия смысла слова «милосердие». Слова «Бог есть любовь» в Православном Предании понимаются как особое существование Бога: не

³³ Иак 1, 12

³⁴ Gomes Jesús Álvares. «... Y Él los curó». (Mt 15,30): historia e identidad evangelica de la accion sanitaria de la Iglesia. Madrid, 1996. – С.60.

³⁵ Цитировано по: [20, с. 77].

³⁶ Laín Entralgo Pedro. Antropología médica para clínicos, 2.ª ed. Barcelona. 1985. – P.326.

³⁷ По аналогии с теодицеей.

как божественной природы, но как Троицы общающихся в любви Лиц. Любовь – это не свойство природы Бога – но способ существования этой природы в общении Лиц.

Итак, милосердие как форма любви объединяет людей в межличностное единство и сохраняет уникальную целостность каждой личности. Но общение – как общение личностей, – не просто передача информации или эмоций. Общаясь, мы ипостазуем друг друга. В общении природа собеседника находится в нашей ипостаси и в ней эта природа приобретает новое бытие. То есть состояние природы другого зависит от нашего личного, то есть, личностного отношения к ней. От того приходим ли мы в общение с любовью или с ненавистью, видим ли в собеседнике средство или цель. **Бытие – это отношение природы с ипостасью.** Пациент находится в ипостаси врача, точно также как прихожанин в ипостаси пастыря. Не проявивший милосердия, не просто не выполняет свое назначение укреплять бытие. Он причиняет вокруг себя разрушение. Немилосердие – не просто бездействие. Это действие по разрушению творения. Кто не имеет милосердия, тот, тот перестает быть человеком, потому что человек призван к сорботничеству с Богом. А милость Христа заключалась в целительной причастности Его личности к нашему естеству и ко всему творению в целом.

Евангельская весть о спасении – весть о спасении природы через причастность к Личности. Мы спасаемся не от других людей и не от мира, а вместе с ними. Так, преподобный Максим Исповедник рассматривал человека как священника во Вселенной, приводящего в единство и целостность все разделенное в космосе и соединяющего космос с Богом. Человек как Образ и Подобие Бога не совпадает с границами своего тела. Личность простирает человека в бесконечность и в вечность. И спасение космично в своем измерении, коль скоро личность, удостоенная спасения, не имеет пространственной границы. Человек есть «ипостась космоса»³⁸. «Я знаю лишь крошечный кусочек самого себя. Границы же человеческой личности неизмеримо широки. Они простираются далеко в пространство и за пределами пространства – в бесконечность; они убегают в прошлое и будущее и за пределы времени – в вечность. Во мне сокрыты таинственные и бездонные глубины, ускользающие от моего сознания»³⁹. Поэтому милосердие не просто нравственная характеристика христианина, которая может быть, а может иногда и отсутствовать. Человек призван к милосердию, которое является плодом Духа⁴⁰, и которое может быть рассмотрено как основное условие спасения человека и всего мироздания.

Тело как личность. Когда мы утверждаем что человек есть Образ божий, то не предполагаем существование души, как нечто отдельного от тела и противоположного ему. Мы говорим о единстве человека, о единстве его души и тела. Личность человека «сквозит» через душу и тело, объединяя их в нечто единое. Или, в традиции «энергийной» терминологии Григория Паламы, – мы искусственно вычленим из энергий единой человеческой природы то, что называем душой и то, что называем телом. Православие не исповедует дуализм души и тела. Тело и душа не есть две «вещи», но два аспекта единого бытия того, кто называется личностью человека. Тело для человека это инструмент выражения его внутреннего мира. И, кроме того, инструмент действий в мире. Тело имеет свои границы. Тело позволяет человеку совершать одни действия и не позволяет делать другие. Тело может парализовать или реализовать душевные интенции. Тело – это периферия личности. Болезнь сталкивает человека с тем, что он не владеет своим телом в той степени, как раньше. Человек словно не принимает бытия больного тела и поэтому отличает его от самого себя. От своей личности. Я не болен и не есть больной. Но больны мое сердце или желудок. Можно сказать, что болезнь и здоровье две фундаментальные формы проживания, два модуса бытия человека в мире, относящиеся к нашей способности реализовывать свои намерения. Если я здоров – могу, если болен, – не могу. Врачи могут помочь другим людям понять свое тело, принять и изменять его.

³⁸ Клеман Оливье. Смысл земли. М., 2005. – С.15.

³⁹ Каллист (Уэр), епископ Диоклитийский. Тайнство человеческой личности//Вестник русского христианского движения. Париж–Нью-Йорк–Москва. 2000. №181. С. 7.

⁴⁰ Гал 5. 22

Все силы медицины направлены на то, чтобы не потерять свою власть над человеческим телом⁴¹.

Душа в диалоге религии и психиатрии. Взгляды на отношение между религией и психическим здоровьем менялось на протяжении последних веков. Полемика между представителями секуляризованного общества с представителями христианской церкви в современной Западной Европе, – особенно на законодательном уровне, – зачастую, связана с убеждением, что религия – это рудимент античности и средневековья, который, сохраняясь сегодня, приводит к дестабилизации психического равновесия людей на персональном, семейном и социальном уровнях. Неврозы и другие психические болезни, войны, терроризм, насилие очень часто рассматриваются как следствие религии и религиозных разногласий. Вместе с тем, в последние годы встречаются и серьезные исследования, посвященные плодотворному диалогу между психиатрией и религией⁴².

Так, Американская Психиатрическая Ассоциация в 2000 году присудила премию Oscar Pfister⁴³ психиатру Irvin D. Yalom за работу в области изучения взаимодействия религии и психиатрии. Свой метод, названный им «экзистенциальная психотерапия»⁴⁴, этот исследователь сравнивает с религиозной перспективой, упоминая, что часто психотерапии и религия рассматриваются как антиподы. Yalom считает, что источником мыслей, эмоций и поведения являются не только внутренние конфликты человека, но и конфронтация с «экзистенциальными данными». У человека есть фундаментальное (или, если угодно – экзистенциальное) беспокойство, связанное со смертью, одиночеством, смыслом жизни и свободой. Нельзя сказать, что этими проблемами, которые являются стержневыми для христианской антропологии, не занимаются традиционные формы психотерапии (например, психоанализ или нейролингвистическое программирование). Но, предлагаемые ими варианты решения проблем разительно отличаются от тех, что предлагает христианская религия. Потому что психиатрия и психотерапия, как правило, ориентированы на примирение больного с самим собой. Представление о психической патологии как об утрате психической целостности неизбежно приводит к осмыслению этой патологии в моделях фрагментации или изоляции психики на отдельные фрагменты, конфликтующие (или, во всяком случае, не скоординированные) между собой. В этой связи Yalom различает три вида или уровня такой изоляции⁴⁵: 1) внутри-психическую (описанную еще Фрейдом), 2) меж-персональную, – относящуюся к социальным и культурным пространствам (например, шизоидные, нарциссические акцентуации человека), 3) экзистенциальную изоляцию – самую глубокую форму изоляции, заключающуюся в изоляции человека от мира в целом (и от Бога). Общая задача «связывания» (re-ligare) распавшихся частей сближает религию и психотерапию. Однако, обычно, психотерапия не способна преодолеть экзистенциальный уровень изоляции человека, с которым, собственно, и связаны первопричины проблем, заставляющих пациентов обращаться к психотерапевтам: а именно – проблема смерти, одиночества, смысла жизни и свободы. Поэтому Yalom пытается расширить сферу психотерапевтической практики до экзистенциальных проблем человека и считает важным, чтобы психотерапевт был информирован о религиозных взглядах человека.⁴⁶

⁴¹ Preiffer Maria Luisa. La medicina y la enfermedad: dos paradigmas//Revista de filosofia XXX1. Vol. 91, Mexico, 1998. P.48-62.

⁴² Pellitero Ramiro. Religion y psiquiatria. Caminos para un encuentro// Scripta theologica. Vol. 41. N.2. Pamplona, 2009. P.511-538.

⁴³ Год назад до этого события ту же премию получил известный психиатр Виктор Франкл.

⁴⁴ Yalom Cfr. I.D. Existential Psychotherapy. Basic Books. New York, 1980.

⁴⁵ Yalom Cfr. I.D. Religion and Psiquiatria//American Journal of Psychotherapy. N.3. Vol. 56. New York, 2002. P. 311.

⁴⁶ Вместе с тем, он полагает, что религия часто приводит конфликтам и разрушениям, к обсессивно-компульсивным нарушениям психики, которые ведут к уменьшению свободы человека, его творческих возможностей и личностного роста. Кроме того, он указывает на то, что религии учат, будто страдание является неизбежной жертвой жизни и освящают это страдание. С чем Yalom, видимо, согласен. И вполне справедливо. Потому что в христианстве освящается не столько страдание и смерть,

Психосоматические заболевания. Психосоматическое единство человеческой природы, утверждаемое христианством, позволяет говорить о том, что психосоматические заболевания – это не некая часть медицины, не есть узкая группа болезней. Все болезни человека – не могут ни быть психосоматическими. Душа человека разговаривает на языке тела: мимика, тон голоса, взгляд, осанка и походка расскажут о переживаниях и болезнях людей больше, чем они сами. В силу психосоматического единства, в организме нет ткани, органа или системы, которые оставались бы незатронутыми эмоциями и мыслями. Поэтому пациенты нуждаются не только в коррекции телесной компоненты болезней человека, но и их душевных эквивалентов. И наоборот: не существует «психических заболеваний», не затрагивающих тело пациента. В современной психиатрии психосоматические заболевания рассматриваются преимущественно как нарушения психических состояний, приводящие человека к социальной неадекватности и неэффективности попыток людей реализовать себя в мире и к соматическим расстройствам. Однако, в Православной традиции есть еще одно значение психической патологии. Дело в том, что согласно святоотеческой антропологии (в частности, у Преподобного Максима Исповедника), душа человека состоит из рассудка и ума. Рассудок – это та часть души, которая отвечает за интеллектуальные способности, за мышление, воображение, ощущения и память. А ум – это часть души, ответственная за способность человека к богообщению. Таким образом, человек, поврежденный в уме, то есть душевнобольной, – это человек, удалившийся от Бога. Асоциальное поведение психически больного человека, его конфликты и те разрушения, которые он причиняет в мире – все это последствия утраты связи человека с Творцом. Но самый первый признак неправильного функционирования ума и человеческого безумия – это неведение Бога: «рече безумен в сердце своем: несть Бог»⁴⁷. В этом контексте свято-отеческую психотерапию можно представить как исправление деформаций души с целью не только избавить ее от тягостных проявлений болезни и ее соматических проявлений, но и с целью вернуть ей возможность видеть Бога и созерцать мир таким, каким он есть в действительности – то есть в замысле Творца: гармоничным, красивым, любящим.

Болезнь как психосоматическое единство, разворачивающееся во времени имеет непосредственное отношение к христианскому пониманию истории, понимаемой как истории спасения.

Жизненный проект. Наша жизнь не есть нечто данное раз и навсегда. Когда мы говорим себе: будь собой, реализуй себя, мы предполагаем возможность начать свою уникальную личную историю. Человек, которые пользуется своей свободой, начинает жить собственной жизнью, он имеет не только возможность, но задание быть самим собой. Любой человек имеет какой-либо проект своей жизни. Ключевой вопрос здесь состоит в том для чего использовать мою свободу? Счастье, которого желают все люди, достигается, вероятно, не просто. Однако, можно выделить два предварительных условия его достижения. Первое состоит в том, чтобы открыть смысл собственного существования. Второе – в том, чтобы иметь внутреннюю гармонию, означающую, что мои действия совпадают с моими мыслями и чувствами.

Болезнь и временное измерение личности. Согласно теории личностной организации времени, именно человек, его личность выступает субъектом своего времени. Поведение животных определяется только их прошлым и настоящим. «Личность выступает как эпицентр прошлого, настоящего и будущего, т.е. обладает свойством относить к себе эти времена, строить их в них определенные композиции»⁴⁸, то есть свою биографию. У животного нет биографии в силу того, что нет собственной личности. Животные не имеют истории в этом смысле. Когда они умирают, заканчивается все.

Прошлое – это сила настоящего. Все что мы сделали вчера, имеет следствие в сегодня и завтра. История человеческой личности это история, делящаяся и влияющая на

сколько любовь к Богу и ближнему. Yalmon Cfr. I.D. Religion and Psiquiatria//American Journal of Psychotherapy. N.3. Vol. 56. New York, 2002. P. 311.

⁴⁷ Пс 13. 1

⁴⁸ Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001. – С.304.

окружающие события еще долгое время после смерти. Историю человечества формируют свободные акты. Однако, строго говоря, свободный акт не имеет конца, не имеет финального пункта. Это обретает особое значение в христианстве, в связи с тем, что люди часто делают нечто «греховное», когда открывается темная сторона свободы человека. Человек хозяин начала своих действий, но не всех следующих за этим процессов. Поэтому мы все нуждаемся в прощении, для того чтобы освободиться от наших ошибочных действий в прошлом и начать снова. Когда два человека взаимно прощают друг друга, они могут начать снова свою дружбу. Когда одна страна прощает другую за ошибки войны, последующие поколения могут жить в свободе. Когда я прощаю, в какой-то форме полагаю конец последствиям сделанной кем-то ошибки. В таком случае, я освобождаю другого: он уже не является субъектом начатого процесса. Но, прощая, я также освобождаю и самого себя, излечиваю самого себя от раны, которой мне причинил другой. У меня уже нет «ре-акции», свойственной природному бытию и миру животных. Как личность я полагаю новое начало, – подлинно новое, без предыстории. Христиане знают, что прощает в первую очередь Бог. Он не подарил нам свободу только один раз – в начале жизни. Бог дарит нам свободу всегда заново, когда мы сожалеем о нашем прошлом и просим прощения в покаянии. Это условие сохранения нашей свободы и здоровья – коль скоро, болезнь это «стесненная в своей свободе жизнь».

Лишь принимая самих себя, свое прошлое мы обретаем дорогу в **будущее**. Глядя в будущее, мы открываем другую характеристику человеческих действий: непредсказуемость свободы. Все свободные действия свободных людей неожиданны и неисчислимы. Любой человек в любой момент может начать любое событие. Таким образом, будущее представляется как поле инновационных проектов. Кроме того что это большой стимул, это еще и большой риск. Однако, есть также и способ влиять на будущее, детерминировать в настоящем наши будущие свободные акты. Речь идет об обещании, о верности. Обещающий хочет сказать: я гарантирую то, что через все превратности жизни нечто будет самим собой, и останется всегда таковым для кого-то или для чего-то. Посредством обещаний люди пытаются стабилизировать будущие человеческие состояния. Они могут обрести уверенность перед непредсказуемостью и неожиданностью. Возможность давать обещания имеет важное значение для социальной, юридической и политической жизни. Таким примером защиты от непредсказуемости будущего могут выступать контракты, возникшие из римского права. Но обещание важно также для личной жизни человека. Личность, которая способна давать обещания и демонстрировать верность им в течение своей жизни – есть свободная личность. Макс Шелер, как известно, утверждал, что чем более свободен кто-то, тем он предсказуем в своих действиях. Он владеет будущим. Христиане добавляют: через обещание он источает любовь. Капризный человек – это человек недостаточно свободный. Потому что он руководствуется своими природными импульсами и желаниями. Его личность детерминирована его природой. Тот, Кто в полной мере располагает будущим как настоящим, так это Бог. И в назидании о любви, Он дает нам обещания Ветхого и Нового Заветов и исполняет их по Своей великой верности. Таинство Покаяния и обеты христиан, связанные с болезнью, убедительно свидетельствуют о том, что медицина – в христианском понимании это наука, призванная влиять на прошлое и будущее пациента, а не только на его настоящее.

Христианство и медицина. В христианских общинах, которые являются хранилищами могущества и спасительной любви Иисуса Христа, Его власть исцелять больных в Церкви осуществляется, в частности, через дар исцелений⁴⁹ и посредством молитв пресвитеров⁵⁰. Закономерен поэтому вопрос: если для духовного совершенствования так важно страдать и если Бог Сам дарует исцеления через Церковь – зачем нужна медицина? Не следует ли ей пренебречь? Перспектива вечной жизни, обещанной Иисусом Христом, значительно изменила взгляды на болезнь и здоровье. Так, Тертуллиан говорил, что страдание и болезни не должны особо беспокоить христиан

⁴⁹ 1 Кор 12. 28-30

⁵⁰ Иак 5. 14-16

из-за их желания поскорее покинуть этот мир⁵¹. Однако, следует признать, что подобные высказывания выражают, скорее, аскетические позиции авторов, имеющие аксиологическое по преимуществу, измерение. Это была реакция на гедонизм, культ плоти и широкое распространение страстей в обществе и безнравственность, которые, в конце концов, были одной из причин распада Римской империи. Это была реакция и на жестокие гонения христиан. Противоположным образом, небывалый интерес к болезни возникает в пятнадцатом столетии, когда начинает угасать вера в бессмертие души и возможность воскрешения тела. Тогда престиж медицинской профессии резко возрастает: ведь уже не Иисус Христос является тем, кто побеждает болезни и смерть, но врач. По мере развития хринологии и христианской антропологии нравственно нагруженная идея отказаться от лечения и смиренно переносить болезни претерпела довольно значительные изменения, в частности у отцов-каппадокийцев.

Так, святой Василий Великий следует мысли главы 38 Экклезиаста: врач создан Богом и лечит Бог посредством врача. Точно также Бог произрастил на земле лечебные травы и дал возможность человеку понимание как их применить⁵². Решение Четвертого Латеранского собора (1215) о том, что больные, размещенные в церковных больницах должны исповедоваться и причащаться до того как они будут переданы заботе врачей⁵³ выражают не столько идею о том, что духовное здоровье выше телесного. В 13 веке не могли не знать работ почитаемого и на Западе и на Востоке Святого Василия. Объяснение этому другое: болезнь может быть наказанием за грех⁵⁴ и только после покаяния больной может просить лечения для исправления процессов своей физической природы.

Доктрина Святого Василия Великого имела исключительно важное значение для всего церковного представления о болезни, здоровье и здравоохранении, потому что его «Правила для монашествующих» были распространены и почитаемы в монашеской жизни восточного и западного христианства. И он предупреждает от ошибочности обеих крайностей как отказаться от лечения у врачей, так и лечиться силами только медицинской науки: «Скотское было бы несмыслие надеяться себе здоровья единственно от рук врача, чему, как видим, подвергаются иные жалкие люди, которые не стыдятся именовать врачей своими спасителями. Но и то будет упорством, если во всяком случае избегать пользования врачебным искусством»⁵⁵. Почему недостаточно только врачебного искусства?

Святой Григорий Нисский обобщает три группы причин болезней: из-за нарушения равновесия в природе человека, из-за внешних причин, из-за разложения нравов⁵⁶. По-сути, речь идет о трех различных модусах воипостазирования человеческой личностью природы. А именно: телесной природы человека, окружающей человека природы, и о душевной компоненте человеческой природы. Поэтому первые две группы болезней не исчерпывают всей нозологии, как думали греки. Есть болезни от безнравственности, от разложения нравов. Или на языке церкви: от греха. Такие болезни не лечатся у врачей, но в Церкви, исправляющей нравственность падшего человека⁵⁷. Дохристианское врачебное искусство не ведало, что такое нравственность в христианском понимании этого слова. И поэтому христиане настаивают на дополнении языческой

⁵¹ Tertuliano, Apologético, 41, 5. Имеется русскоязычная версия этого текста (перевод Н. Щеглова) см.: Библиотека Гумер-патрология. Электронный ресурс. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/patrologia/tert/06.php (Дата обращения 17.06.2011)

⁵² Василий Великий. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах Вопрос 55. Согласно ли с целью благочестия пользоваться врачебными средствами? URL: <http://mystudies.narod.ru/library/library1.htm> (дата обращения 20.07.2011)

⁵³ Gomes Jesús Álvares. «... Y Él los curó». (Mt 15,30): historia e identidad evangelica de la accion sanitaria de la Iglesia. Madrid, 1996. – С.61.

⁵⁴ но не обязательно лишь наказание за грех.

⁵⁵ Василий Великий. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах Вопрос 55. Согласно ли с целью благочестия пользоваться врачебными средствами? URL: <http://mystudies.narod.ru/library/library1.htm> (дата обращения 20.07.2011)

⁵⁶ Cuesta J.J. La Antropología y la Medicina Pastoral de San Grigorio de Nisa. Madrid, 1946. – С.72.

⁵⁷ Василий Великий. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах Вопрос 55. Согласно ли с целью благочестия пользоваться врачебными средствами? URL: <http://mystudies.narod.ru/library/library1.htm> (дата обращения 20.07.2011)

медицинской практики церковном исправлении нравов. И мы не можем не признать, что Церковь и сегодня является едва ли не единственным социальным институтом, который серьезно и последовательно занимается проблемами нравственного состояния человека и общества, и в этом смысле оздоровлением населения России.

Диалог христианства и медицины сегодня – это напоминание о том, что новоевропейская медицина потеряла. Напоминание о том, что она не должна забывать о значении личности⁵⁸ (в христианском значении этого слова) для понимания всех исторических процессов, включая процессы возникновения болезни и ее излечения. Любая антропология, не принимающая во внимание личность, – ущербна, по мнению христианина. Ушедшая вместе с секуляризацией⁵⁹ общества, пастырская медицина оставила вместо себя «местоблюстителя»: медицинскую антропологию, которая призвана сегодня вернуть в медицину личностный подход, тему ценностей, милосердия, жертвенной любви и спасения человека⁶⁰.

Заключение

Предметом медицинской антропологии являются представления о больном человеке, рассмотренном в контексте медицинских систем и культуры в целом. Мнения о том, что эта дисциплина формулирует систему воззрений лишь на некие объективные медицинские системы, репрезентации медицины в различных культурах и влияния медицины на культуру, выхолащивают самую суть медицинской антропологии: возвращение в медицину представлений о человеке как о некоей целостности, имеющей не только биологическое, но и социо-культурное измерение. Процессы дегуманизации медицины начались вместе с изгнанием понятия личности в христианском понимании этого слова, вместе с исчезновением веры в Бога и его целительную силу, – когда единственным целителем в глазах человека оказался врач. Однако, утрата понятия личности обернулась для медицины потерями, которые в полной мере начинают осознаваться в начале двадцатого столетия как невозможность адекватного лечения, – прежде всего, в медицинских и философских кругах Германии. Стало понятно, что научная специализация медицины, которая принесла много положительного в изучение болезней людей, вместе с тем привела и к оказанию односторонней помощи, в которой игнорируется целостность человека, его психологическое, духовное и социальное измерение. Такая медицина пытается создавать человека по своему образу и подобию, а не по Образу и Подобию Бога. Главный вывод, который был сделан в результате работ «венского медицинского кружка»: врач не может относиться к пациенту как к объекту природы, но должен относиться к нему как к «ты», как к личности, которая имеет болезнь. Фактически это означало рождение медицинской антропологии, целью которой было возвращение в медицину некогда ею утраченного представления о личности. Фактичность «личностного подлежащего» человека разительно отличает его болезнь от болезней растений и животных. Так, болеющий человек вследствие злоупотребления своей свободой зачастую является причиной своих болезней, он не может игнорировать нравственную ценность страдания, нуждается в прощении и обетах, корректирующих его прошлое и будущее ради выздоровления. Понятие личности (которое, строго говоря, понимается по-разному в научной и в богословской антропологии) является тем фундаментальным понятием, которое позволяет надеяться на возможность плодотворного для медицины диалога между христианской и медицинской антропологией.

Список литературы

1. Михель Д.В. Медицинская антропология: история развития дисциплины. Саратов, 2010.

⁵⁸ Ортега-и-Гассет. Бесхребенная Испания. М., 2003.

⁵⁹ Хаутепен Антон. Обретение Бога в истории// Страницы. М., 2006. 11:1. – С. 33-39.

⁶⁰ Burggraf Jutta. Bases antropológicas de la medicina: antropología cristiana// Medicina pastoral: cuestiones de Biología, Antropología, Medicina, Sexología, Psicología y Psiquiatría/Miquel Àngel Monge, ed. Pamplona, 2004. – P. 35-65.

2. Rumel Arthur J. and Sargem Carolyn. Parallel medical systems: papers from a Workshop on "the healing process"// *Social Science & Medicine*. New York, 1979. Vol. 13 b. P.3-6.
3. Rocca Adolfo Vásquez. De la Antropología médica a la Iatrofilosofía; El estatuto ontológico de la enfermedad. *Revista Observaciones Filosóficas*. 2006 N° 2 . Электронный ресурс. URL: <http://www.observacionesfilosoficas.net/antropologiaarticulo.html> (Дата обращения 27.07.2011).
4. Antony, Metropolitan of Sourozh. Human values in Medicine//*Bristol Medico-Chirurgical Journal*. Bristol, 1974. Vol. 91. P. 3-7. (Delivered to the Bristol Medico-Chirurgical Society on 8th May 1974).
5. Gracia Diego G. Entralgo Laín «Desde dentro» por Diego Gracia. *Turia* n° 85-86, Marzo / Mayo 2008. Электронный ресурс. (El portal de la Asociación de Revistas Culturales de España).URL: <http://www.revistas culturales.com/articulos/46/turia/875/1/lain-entralgo-desde-dentro.html> (дата обращения 27.07.2011).
6. Иоанн (Зизиулас), митрополит. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. М., 2006.
7. Psychogenese und Psychotherapie körperlicher Symptome/ Schwarz Oswald, ed. Viena, 1925.
8. Laín Entralgo Pedro. *Antropología médica para clínicos*, 3.^a ed. Barcelona, 1986.
9. Nelson R. Orringer. La antropología médica de Pedro Laín Entralgo: historia y teoría// *Ars Medica*. Revista de Humanidades. S.I., 2008. Vol.2. P. 190-205.
10. Siebeck Richard. *Medizin in Bewegung: Klinische Erkenntnis und ärztliche Aufgabe*. Stuttgart, 1949.
11. Laín Entralgo Pedro. *Descargo de conciencia (1930-1960)*, 2.ª ed. Barcelona, 1976.
12. Laín Entralgo Pedro. *Antropología médica para clínicos*, 2.ª ed. Barcelona. 1985.
13. Elizondo Felisa. Como somos en la enfermedad: Perspectiva antropologica // *Vivir sanamente el sufrimiento. Reflexiones a la luz de experiencias de enfermos / Bermejo J.C. Bringas A. Burgaleta J.*, eds. Madrid 1994.P.15-28.(Coleccion Iglesia y mundo de la salud;3).
14. Schramme Thomas. A qualified defence of a naturalist theory of health// *Medicine, Health Care and Philosophy*. Dordrecht, 2007. Vol.10. P.11-17.
15. Nordenfelt, L. An Evolutionary Concept of Health: Health as Natural Function // *Dimensions of Health and Health Promotion / L. Nordenfelt and P.-E. Liss*, eds. Amsterdam, New York, 2003.P. 37-54.
16. Boorse, C. Concepts of Health// *Health Care Ethics/Van de Veer Donald and Tom Regan*, eds. Philadelphia, 1987. P. 359-393.
17. Bishop Jeffrey P. Foucauldian Diagnostics: Space, Time, and the Metaphysics of Medicine// *Medicine Journal of Medicine and Philosophy*. Oxford, 2009. Vol. 34, Issue 4. P. 28-349.
18. Курсаков В.И. Антропологизация медицинского знания// *Человек постсоветского пространства: сборник материалов конференции/Парцвания В.В.*, ред. СПб., 2005. Выпуск 3. С.307-312.
19. Pagola José Antonio. Hacia una existencia holística// *Dolentium Hominum: revista del pontificio consejo para la pastoral de los agentes sanitarios*. N. 1, Vol. 37. Vaticano, 1998. P. 145-149. (Actas de la XII conferencia internacional Iglesia y salud en el mundo. Expectativas y esperanzas en el umbral del año 2000. 6-7-8 noviembre 1997).
20. Laín Entralgo Pedro. *Mysterium doloris. Hacia una teología cristiana de la enfermedad*. Madrid, 1955.
21. Polo L. *El descubrimiento de Dios desde el hombre*. Pamplona, 1998.
22. Cuesta J.J. *La Antropología y la Medicina Pastoral de San Grigorio de Nisa*. Madrid, 1946.
23. Gomes Jesús Álvares. «... Y Él los curó». (Mt 15,30): historia e identidad evangelica de la accion sanitaria de la Iglesia. Madrid, 1996.
24. Лехциер В. Л. Эффекты медиализации и апология патоса// *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Самара, 2006. Серия «Философия. Филология». № 1 (4). С.113-125.
25. Клеман Оливье. *Смысл земли*. М., 2005.
26. Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. Тайнство человеческой личности// *Вестник русского христианского движения*. Париж—Нью-Йорк—Москва. 2000. №181. С. 7-17.
27. Preiffer Maria Luisa. La medicina y la enfermedad: dos paradigmas// *Revista de filosofia XXX1*. Vol. 91, Mexico, 1998. P. 48-62.
28. Pellitero Ramiro. *Religion y psiquiatria. Caminos para un encuentro*// *Scripta theologica*. Vol. 41. N.2. Pamplona, 2009. P. 511-538.
29. Yalmon Cfr. I.D. *Existencial Psychotherapy*. Basic Books. New York, 1980.
30. Yalmon Cfr. I.D. *Religion and Psiquiatria*// *American Journal of Psychotherapy*. N.3. Vol. 56. New York, 2002. P. 301-316.
31. Абульханова К.А., Березина Т.Н. *Время личности и время жизни*. СПб., 2001.
32. Tertuliano, *Apologético*, 41, 5. Имеется русскоязычная версия этого текста (перевод Н. Щелова) см.: Библиотека Гумер-патрология. Электронный ресурс. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/patrologia/tert/06.php (Дата обращения 17.06.2011)

33. Василий Великий. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах Вопрос 55. Согласно ли с целью благочестия пользоваться врачебными средствами? URL: <http://mystudies.narod.ru/library/library1.htm> (дата обращения 20.07.2011)

34. Ортега-и-Гассет. Бесхребенная Испания. М., 2003.

35. Хаутепен Антон. Обретение Бога в истории// Страницы. М., 2006. 11:1. С. 33-39.

36. Burggraf Jutta. Bases antropológicas de la medicina: antropología cristiana// Medicina pastoral: cuestiones de Biología, Antropología, Medicina, Sexología, Psicología y Psiquiatría/Miquel Ángel Monge, ed. Pamplona, 2004. P. 35-65.

MEDICAL ANTHROPOLOGY OF CHRISTIAN CHURCH

The article is devoted to interdisciplinary research of phenomena of health and illness and also medical practice. The research is aimed at orthodox theology as full participant of the dialogue of medicine, philosophical and cultural anthropology. The philosophy of medicine has shown a concept inconsistency to «objective reality» as it has been understood in New European scientific thinking. Thereof the medicine has appeared today in a condition of «authenticity crisis», concerning object, a method and the purposes of medical disciplines. This crisis is expressed in the conflict of paradigms and models of medical rationality to real medical practice. Scientific specialization of medicine undoubtedly has brought a lot of positive in studying illnesses of people, but at the same time and to rendering the unilateral help in which integrity of the person is ignored, its psychological, spiritual and social measurement that has inevitably caused feebleness of medicine in treatment of some diseases. The author claims that the medicine generated by the end of the twentieth century needs the deep audit inspired by generalizations of philosophical and cultural anthropology, having deep communication with the Christian Legend.

A.A. SHEVCHENKO

*Ss Cyril and Methodius
Post Graduate and Doctoral
Schools*

*e-mail:
aalix2007@yandex.ru*

Keywords: medical anthropology, the person, christianity, illness.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 349.6

ОСНОВНОЙ ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ КОНЦЕПЦИИ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ¹

Н.М. МИТЯКИНА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: mityakina@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу основных терминов и понятий, используемых в законотворческой, научной и правоприменительной деятельности в сфере договорного регулирования природопользования и охраны окружающей среды. Рассматривается их сущностное наполнение, особенности и соотношение.

Ключевые слова: термин, договор, природопользование, охрана окружающей среды, правовое регулирование, договорное регулирование.

«Договор – одна из наиболее древних правовых конструкций. ...Развитие различных форм общения между людьми выдвинуло потребность в предоставлении им возможности по согласованной сторонами воле использовать предложенные законодателем или самим создать правовые модели. Такими моделями и стали договоры (контракты)»².

Современная эпоха характеризуется ускорением развития договорных отношений и их разнообразием в совокупности. При этом договорные отношения характеризуют не только сферу «чистого» гражданского права, они имеют место и в эколого-правовой области. Причем договорные связи не только проникли в сферу природопользования и охраны окружающей среды, но и заняли там прочную собственную нишу.

Мало того в настоящее время явно прослеживается тенденция к повышению роли договора при регулировании природопользования и природоохраны. Происходит постепенная, но неуклонная замена традиционного императивного воздействия на участников экологических правоотношений новыми договорными формами регулирования их поведения. Эта тенденция в первую очередь связана с фундаментальной перестройкой экономической и административной систем государства, со снижением государственного вмешательства в природопользование. Государство в настоящее время все больше предпочитает выступать в природоресурсных и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 12-03-00163.

² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. – С. 4.

природоохранных отношениях как равноправный субъект, а не как носитель властных полномочий.

Однако многие вопросы регулирования правоотношений по поводу заключения и исполнения договоров в сфере природопользования и охраны окружающей среды еще не решены или их решение не отличается последовательностью и единообразием, что заметно усложняет использование договорной модели для оформления имущественных отношений участников природопользования и природоохраны. Все это указывает на необходимость глубокого комплексного исследования договорного регулирования в экологической области.

В то же время актуальность избранной темы исследования обусловлена и коренными изменениями в рамках законодательства. Как отмечают М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, «одно из самых значительных и, вместе с тем, одно из самых «незамеченных» событий этого десятилетия – принятие и введение в действие нового Гражданского кодекса России»³. Безусловно, в сфере правового регулирования имущественных отношений концептуальным началом явился Гражданский кодекс Российской Федерации⁴. В сфере же использования и охраны окружающей среды (и ее компонентов) в настоящее время происходят фундаментальные правовые преобразования. Правовая реформа в данной области развивается постепенно, накапливается правотворческий и правоприменительный опыт, который, в конечном счете, должен аккумулироваться в стройную, обоснованную и эффективную концепцию регулирования экологических (и природоресурсных) отношений.

На протяжении последних двадцати лет законодателем проведена значительная работа по принятию и совершенствованию экологических нормативных правовых актов. Приняты природоресурсные кодексы: Земельный кодекс Российской Федерации⁵, Водный кодекс Российской Федерации⁶, Лесной кодекс Российской Федерации⁷.

В то же время существенно устарели законы, которые были приняты в 90-е годы прошлого века. Нуждаются не просто в изменениях, а в коренной модернизации Федеральный закон «О животном мире»⁸ и Закон Российской Федерации «О недрах»⁹. Особенно это касается вопросов имущественных прав на природные объекты и их осуществления.

Развитие законодательной базы с неизбежностью дает толчок к развитию научных исследований и воззрений, что выразилось в довольно широком освещении правовых проблем природопользования и охраны окружающей среды в юридической литературе.

В результате проделанной (и продолжающейся) работы в настоящее время наступил этап, когда накопленное количество опыта должно перейти на качественно новый уровень и трансформироваться в более совершенное правовое регулирование. А это невозможно без глубокого теоретического осмысливания самой сути природоохранных и природоресурсных отношений и формирования фундаментальных основ их правовой регламентации. Особенно это актуально и значимо в рамках разработки Экологического кодекса Российской Федерации. Дискуссия о необходимости принятия данного правового акта продолжается с конца 80-х годов XX века, с тех пор, как профессор В.В. Петров предложил создать Экологический кодекс страны, где были бы сформулированы основные и конкретные предписания природоохранного

³ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. – С. 3.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁵ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

⁶ Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

⁷ Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.

⁸ Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1462.

⁹ Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 823.

(экологического) права¹⁰. За прошедший период научная идея кодификации экологического законодательства развивалась параллельно законодательной деятельности в данной сфере и принятию различных (в том числе вышеупомянутых) экологических и природоресурсных законов.

Современный период характеризуется повышенным интересом к данной идее. Причем, идея не остается только в теоретической плоскости, она находит свое воплощение и в правотворчестве. Так, например, 16 ноября 2006 года Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств разработала и приняла Модельный экологический кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (общую часть)¹¹.

31 октября 2007 года этой же организацией была принята особенная часть Модельного кодекса¹².

Представляется, что, в конце концов, принципиальное решение об Экологическом кодексе России будет принято, и данный акт займет свое место в системе правового регулирования.

Но, как верно заметил, С.А. Боголюбов, принятие нового крупного закона должно становиться не ординарным, конъюнктурным явлением, а важным событием в жизни страны, призвано не разочаровать ожидания граждан, возлагающих (так уж сложилось) на законы повышенные надежды, кодекс должен отличаться от простого закона не только формой, не только названием, но и качественно иным наполнением, иным содержанием¹³.

Что касается учета договорных отношений при кодификации экологического законодательства, то теоретического осмысления и обоснования требуют в первую очередь применяемые термины и понятия в обозначенной области.

Важность и значимость понятийного аппарата в любой сфере правовой действительности отмечали и отмечают на протяжении всей истории развития юриспруденции. Право может и должно быть определенным – это положение сформулировано юристами Древнего Рима в Дигестах Юстиниана¹⁴. Г.В.Ф. Гегель отмечал, что «как бы ни были достоверны факты, как бы ни были правильны представления вызванными последствиями, они будут выражать лишь ошибочные впечатления, если у нас не будет точных выражений для их передачи»¹⁵. Понятие – одна из форм отражения и мира мышления, с помощью которой познается сущность явлений, процессов, обобщаются их существенные стороны и признаки. «Нельзя в погоне за кратким остаться без определений. Оптимальная форма правового акта – это возможность минимум его текста при возложенном максимуме его нормального содержания»¹⁶.

«Разработка и закрепление ключевых понятий имеют большое значение для правовой науки, поскольку основываются они прежде всего на выделении и обосновании существенных признаков исследуемых общественных отношений, отделении указанных

¹⁰ Петров В.В. Экологический кодекс России: к принятию ВС РФ Закона «Об охране окружающей природной среды» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1992. – № 3. – С. 3 – 13.

¹¹ Модельный экологический кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (общая часть), принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-8 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2007. – № 39 (часть 1). – С. 377 – 434.

¹² Модельный экологический кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (особенная часть), принят в г. Санкт-Петербурге 31.10.2007 Постановлением 29-14 на 29-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2007. – № 41. – С. 273 – 335.

¹³ Боголюбов С.А. Проблемы и задачи Экологического кодекса // Экологическое право. – 2010. – № 6. – С. 18.

¹⁴ Дигесты Юстиниана: Избр. фрагменты / Пер. и прим. И.С. Перетерского; Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М., 1984. – С. 68.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М., 1970. Т. 1. – С. 5.

¹⁶ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М., 1999. – С. 427.

признаков от несущественных, а также ложатся в основу системы знаний о правовом регулировании той или иной сферы общественного взаимодействия. Вместе с тем вопрос о понятиях может иметь и существенное практическое значение, например, для законодательного регулирования, поскольку раскрытие в законе соответствующих понятий позволяет более точно определить круг и содержание регулируемых общественных отношений (предмет регулирования)¹⁷.

Значение четкого понимания и употребления терминов в сфере договорного регулирования природопользования и охраны окружающей среды трудно переоценить. От правильного владения понятийным аппаратом зависит точность правового воздействия на участников экологических правоотношений, и, как следствие, в конечном итоге возможность поддержания экологического правопорядка и экологической безопасности.

Важность стройного и четкого понятийного аппарата понимает и законодатель. В последние годы при принятии новых нормативных правовых актов отмечается тенденция введения в их текст специальных статей, посвященных раскрытию используемых в них понятий. Так, в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹⁸ определения понятий содержатся в статье первой; в Водном кодексе Российской Федерации статья первая также посвящена основным понятиям, используемым в данном кодексе; такая же статья имеется и в Федеральном законе от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире».

Вместе с тем отмечалась необходимость тщательного обсуждения, выверки и признания большинством профессионалов узаконения соответствующих понятий, поскольку от их содержания зависят многие правовые и материальные последствия¹⁹.

В рассматриваемой области большую роль играет уяснение, прежде всего, терминов «договор», «природопользование», «охрана окружающей среды» и «правовое регулирование» указанных явлений.

Понятие договора в российском и зарубежном праве рассматривается с различных позиций. Предлагается понимать договор как документ²⁰, договор как сделку²¹, договор как правоотношение²², договор как правовое средство²³, договор как инструмент создания и умножения богатства²⁴, договор как процесс²⁵. Н.Г. Александров считает, что в отечественной юридической литературе встречаются следующие значения термина «договор»: договор как вид источника права; договор как вид юридической нормы или нормативного акта; договор как вид юридического факта (сделки); договор как форма автономного регулирования взаимоотношений на основе бланкетных или диспозитивных норм права; договор (договорное отношение) как вид юридического отношения²⁶.

¹⁷ Хасанов Д.Г. Природопользование и негативное воздействие на окружающую среду: проблема соотношения понятий // Юрист. – 2007. – № 6. – С. 9.

¹⁸ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

¹⁹ Боголюбов С.А. Новый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» // Журнал российского права. – 2002. – № 6. – С. 59.

²⁰ Гражданское право: Учебник. Том 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2000. – С. 483.

²¹ Забоев К.И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. – СПб.: Издательство «Юридический центр «Пресс», 2003. – С. 28.

²² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Указ. соч. – С. 295.

²³ Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. – С. 48.

²⁴ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Том 2: Пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 8-9.

²⁵ Назаров А.Е. Договор как процесс: понятие и структура // Юридический мир. – 2009. – № 8. – С. 37.

²⁶ Александров Н.Г. К вопросу о роли договора в регулировании общественных отношений // Ученые записки ВИНУН. – 1976. – Вып. 6.

В словаре русского языка термин «договор» определяется как соглашение, обычно письменное, о взаимных обязательствах²⁷. Однако здесь следует отметить, что результат договора – «обязательство» не всегда имеет место, так как договор может быть направлен на возникновения не только обязательственных прав и обязанностей, но и других. Так, по мнению И.Б. Новицкого договоры можно классифицировать по видам производимых ими юридических последствий, особо выделив при этом «обязательственный договор, т.е. соглашение двух или нескольких лиц, коим устанавливается обязательство (в отличие от договоров вещно-правовых, семейных, наследственных...)»²⁸. Кроме того, часть 2 ст. 1 ГК РФ указывает, что граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Часть 1 ст. 420 ГК РФ дает следующее понятие договора: договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Исходя из данного понимания договора, можно выявить его обязательные признаки: присутствие воли как минимум двух субъектов; равенство сторон; наличие юридической цели создания взаимных прав и обязанностей.

В юридической литературе встречаются попытки лингвистически разграничить вышеуказанные стороны понимания и употребления термина «договор». Так, например, О.А. Красавчиков в целях разграничения понятий «договор» и «обязательство» (то есть по сути разграничения договора в смысле сделки и договора в смысле правоотношения) в свое время предлагал договором (сделкой) именовать только то явление, о котором говорит ст. 26 ГК (имелся в виду ГК РСФСР 1922 г.), то есть действие, направленное на движение конкретного правоотношения. Само же правоотношение, основанием возникновения которого является договор (сделка), точнее именовать договорным (сделочным) правоотношением²⁹.

Как бы там ни было, различные аспекты понимания термина «договор» имеют место, и, возможно, они оправданы употреблением данного термина в различных смыслах в законодательных текстах, в научной литературе, в материалах правоприменительной практики. Другое дело, что при употреблении термина «договор» в каждом конкретном случае нужно четко представлять себе (а если необходимо и уточнять) тот смысл, который вкладывается в него в данном контексте.

В рамках темы нашего исследования представляется целесообразным подробнее остановиться на понимании договора как средства регулирования поведения его участников. Нельзя не согласиться с высказыванием М.И. Брагинского и В.В. Витрянского, что «применение договоров на протяжении уже нескольких тысяч лет объясняется помимо прочего тем, что речь идет о гибкой правовой форме, в которую могут облекаться различные по характеру общественные отношения. Основное назначение договора сводится к регулированию... поведения людей...»³⁰. По мнению Б.И. Пугинского и Д.Н. Сафиуллина, роль договора, подобно другим юридическим фактам, ограничивалась тем, чтобы распространить на взаимоотношения субъектов установления закона, регламентирующие данный вид обязательств³¹.

С последней точкой зрения согласиться можно лишь частично. Действительно, заключение договора в любой сфере человеческой деятельности (в том числе и в области природопользования и охраны окружающей среды) приводит к тому, что на стороны договора распространяются установления закона, регламентирующие данный вид обязательств. Однако и в самом договоре может содержаться правовое регулирование поведения участников договора, которое отсутствует в законе и которое стало возможным либо в результате прямого законодательного дозволения (относительно конкретного

²⁷ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русс. яз., 1983. – С. 152.

²⁸ Новицкий И.Б. Очерки гражданского права: Материалы к курсу лекций (Пособие для слушателей автора). II. Обязательственное право. А. Общие понятия. – М., 1921. – С. 32.

²⁹ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М., 1958. – С. 117.

³⁰ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М., 1997. – С. 9.

³¹ Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: Проблемы становления. – М., 1991. – С. 142.

вида договора) либо в результате общего правила о свободе договора (часть 4 ст. 421 ГК РФ: условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами).

Б.И. Пугинский пишет по данному поводу: «Если договор выполняет регулирующую роль – и в этом видится его главное назначение, – то как можно пытаться раскрывать сущность договора через понятия «сделка» и «правоотношение»... Ведь ни сделка, ни правоотношение никогда и ни в малейшей степени не выполняли праворегулирующую функцию. То же относится и к распространенным суждениям о договоре как о юридическом факте. Общеизвестно, что юридические факты не осуществляют правового регулирования, а лишь дают основания применять правовые нормы, относящиеся к соответствующим обстоятельствам... в традиционном понимаемом механизме права для договора как правового регулятора вообще не находится места. Договор попросту невозможно объяснить на основе категорий «юридический факт», «правоотношение» и т.п., которые к тому же сами не получили удовлетворительного объяснения»³².

Данная позиция относительно сущности договора в правовой плоскости вызывает достаточно жесткую критику. Так, например, В.А. Белов считает, что «в результате вместо четкого и ясного понимания договора в смысле юридического факта-действия (на худой конец – договора как обязательственного правоотношения, возникшего из такого факта) ученые целенаправленно создают представление о малопонятной бесформенной субстанции, логически аморфном конгломерате, в одно и то же время соединяющем в себе качества трудно совместимых категорий различной родовой принадлежности...»³³.

На наш взгляд, с мнением Б.И. Пугинского следует согласиться в части того, что ни сделка, ни правоотношение, ни юридический факт не выполняли и не выполняют праворегулирующую функцию. Однако не совсем понятно, почему автор отрицает саму возможность объяснять сущность договора через указанные различные явления. Представляется, что, как уже говорилось выше, для различных целей, с различных аспектов договор может быть объяснен и как сделка, и как правоотношение, и как регулятор отношений.

Рассмотрение договора в области природопользования и охраны окружающей среды как регулятора экологических правоотношений требует акцентирования внимания на понятии «правовое регулирование». Возможно ли в полной мере применение данного термина к характеристике договора? Возможно ли употребление понятия «договорное регулирование»?

Как отмечают В.Г. Баев и В.В. Гришина, тема правового регулирования, не новая в юридической литературе, особенно пристально начинает исследоваться со второй половины 60-х годов двадцатого столетия. В этот период описание свойств правового регулирования вошло во все учебники по теории государства и права. Но дальнейшие исследования названной тематики предпринимались в разных аспектах, что привело к формированию несколько отличных друг от друга концепций понимания правового регулирования³⁴.

В понимании В.С. Нерсисянца, смысл действия права состоит в том, чтобы «абстрактно-общую норму статичного права, то есть общее правило для общего случая, надлежащим образом преобразовать в актуальную «казусную» норму, то есть в

³² Пугинский Б.И. Частный договор в научной картине права // Ученые-юристы МГУ о современном праве: Сборник статей. – М., 2005. – С. 165.

³³ Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4. – С. 248.

³⁴ Баев В.Г., Гришина В.В. Системный подход к соотношению понятий информационной деятельности и правового регулирования // Информационное право. – 2008. – № 1.

конкретное правило для конкретного случая»³⁵. Исходя из этого, правовое регулирование некоторые авторы рассматривают как процесс³⁶.

Из смысла наиболее распространенных в правовой теории суждений следует, что механизм правового регулирования – это, с одной стороны, последовательно организованная система юридических средств упорядочения общественных отношений, а с другой – деятельная сторона воздействия указанных средств, позволяющая достигать поставленных целей³⁷.

Говоря о поставленных целях механизма правового регулирования, А.В. Малько, указывает, что механизм – это «система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права»³⁸.

К.В. Шундилов, называет в качестве результата механизма правового регулирования – результативное специально-юридическое воздействие на общественные отношения³⁹.

На наш взгляд, результатом действия механизма правового регулирования будет удовлетворение законного интереса субъекта (в нашем случае субъекта природопользования или природоохраны).

Цель и средство – две важнейшие детерминанты рассматриваемого механизма⁴⁰. Исходя из сказанного, можем заключить, что одним из средств механизма правового регулирования может быть договор, который, во-первых, преобразует абстрактную норму закона в кузусистическую, пригодную для конкретного правоотношения (и для удовлетворения интересов конкретных субъектов – участников договора); во-вторых, содержит условия, не закрепленные в законе, но которые также как и нормы закона являются обязательными правилами поведения сторон данного договора. Следовательно, договор наряду с нормативным правовым актом воздействует на участников правоотношений, побуждая их действовать в указанных в нем рамках. Поэтому, представляется, что договор осуществляет регулирование поведения, которое можно именовать договорным регулированием.

Говоря о договорах в экологической области, в научной правовой литературе, как правило, исследуют отдельные договоры в сфере природопользования: землепользования, водопользования, недропользования и т.д.⁴¹

Представляется, что разделять две составные части экологических правоотношений – природопользование и охрану окружающей среды – нецелесообразно.

Статья первая ФЗ «Об охране окружающей среды» содержит определение понятия «охрана окружающей среды»: охрана окружающей среды (природоохранная деятельность) – деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и

³⁵ Теория права и государства. – М.: Издательство «НОРМА», 2001. – С. 210.

³⁶ Бляхман Б.Я. Конспект лекций по теории государства и права. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. – С. 331.

³⁷ Комаров С.А. Общая характеристика механизма правового регулирования // Общая теория государства и права: Академический курс в 2 томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Теория права. – М.: Издательство «Зерцало», 2000. – С. 439; Лазарев В.В. и др. Теория государства и права. – М.: Издательство «Спарк», 1998. – С. 369.

³⁸ Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2001. – С. 725.

³⁹ Шундилов К.В. Механизм правового регулирования. – Саратов, 2001. – С. 54.

⁴⁰ Субочев В.В. Законные интересы как неотъемлемый элемент механизма правового регулирования // Право и политика. – 2007. – № 2. – С. 16.

⁴¹ См., например: Быковский В.К. Договор аренды лесного участка как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности по использованию лесов // Предпринимательское право. – 2008. – № 2; Костина О.В. О существенных условиях договора купли-продажи земельных участков // Нотариус. – 2010. – № 2; Мороз С.П. Нефтяные контракты // Энергетическое право. – 2007. – № 2; Сиваков Д.О. Водный кодекс и договоры водопользования // Журнал российского права. – 2006. – № 2; Чаркин С.А. Правовые особенности договора аренды земельного участка // Юридический мир. – 2009. – № 4.

физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий.

Исходя из данного определения, среди прочих целями охраны окружающей среды являются рациональное использование и предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. Данная формулировка вызывает некоторые сомнения. Рациональное использование и предотвращение негативного воздействия не могут являться целями охраны окружающей среды.

А.К. Голиченков охрану окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности человека и иных объектов, а также рациональное использование природных ресурсов рассматривает как три различные формы единого целого – экологической деятельности, общий смысл которой заключается в достижении и поддержании такого качества окружающей природной среды, при котором возможны сохранение, защита и восстановление здорового состояния и целостности экосистемы Земли, обеспечение биологического разнообразия, а воздействие ее факторов обеспечивает здоровье человека и его плодотворную жизнедеятельность в гармонии с природой, а также в создании таких национальных моделей производства и потребления, при которых разработка природных ресурсов обеспечивает экономический рост и устойчивое развитие общества⁴².

Следует согласиться с данным мнением в том, что целью охраны окружающей среды является достижение и поддержание качества окружающей среды.

Можно ли говорить о том, что охрана окружающей среды и рациональное природопользование – это две составляющие одной деятельности?

В советском праве под термином «рациональное природопользование» «понимали такую организацию использования природных ресурсов, которая обеспечивает их полное изъятие и достижение наиболее высоких хозяйственных результатов»⁴³.

В настоящее время рациональное природопользование рассматривают как комплексное, экономически эффективное, обеспечивающее сохранение и воспроизводство природных ресурсов⁴⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что целью рационального природопользования является не только потребление элементов окружающей среды, но и ее сохранение, что совпадает с конечной целью деятельности по охране окружающей среды. В конечном счете, главной целью обоих видов антропогенной деятельности является качественная окружающая среда.

Поэтому, представляется совершенно верным мнение А.К. Голиченкова о том, что и рациональное природопользование и охрана окружающей среды – два элемента одной экологической деятельности.

Справедливости ради, заметим, что не все авторы согласны с данным подходом. Так, И.В. Игнатьева указывает, что соединение рационального природопользования и деятельности по охране окружающей среды противоречит конституционному подходу к отделению охраны окружающей среды от природопользования (ч. 1 ст. 72 Конституции РФ разграничила эти понятия)⁴⁵.

Думается, что в предложенной выше концепции соотношения рационального природопользования и охраны окружающей среды нет противоречия конституционному подходу. Мы предлагаем не смешивать указанные понятия (они ни в коем случае не являются синонимами), а рассматривать их в неразрывном единстве, в рамках целостной

⁴² Голиченков А.К. Эколого-правовой словарь // Экологическое право. – 2004. – № 4. – С. 43, 48, 49; 2005. – №1. – С. 101.

⁴³ Соловьев Н.В. Сравнительно-правовой анализ системы регулирования рационального использования природных ресурсов в Российской Федерации // Общество и право. – 2008. – № 2.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Игнатьева И.В. Отражение конституционных норм в экологическом законодательстве России: проблемы законодательной техники // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 13.

системы деятельности, целью которой выступает сохранение качества окружающей среды.

Что касается соотношения понятий «рациональное природопользование» и «природопользование», то можно привести следующие соображения.

В целом в российской эколого-правовой науке вначале господствовало понимание природопользования «как явления главным образом и прежде всего экономического»⁴⁶. Затем, в последние десятилетия, после высказывания принципиального мнения Н.И. Краснова, наметилась тенденция широкого понимания природопользования как любого воздействия на окружающую среду.

С точки зрения проф. Н.И. Краснова, право природопользования – «это совокупность (система) правовых норм, устанавливающих права и обязанности, которые определяют правила поведения предприятий, организаций, учреждений и граждан при непосредственном воздействии на окружающую природную среду независимо от того, являются они или не являются специально оформленными субъектами права природопользования в отношении того объекта природы, на который воздействует их поведение (деятельность)»⁴⁷.

В соответствии со статьей первой ФЗ «Об охране окружающей среды», использование природных ресурсов – это эксплуатация природных ресурсов, вовлечение их в хозяйственный оборот, в том числе все виды воздействия на них в процессе хозяйственной и иной деятельности.

Таким образом, мы видим, что законодатель воспринял широкий взгляд на понятие природопользования и понимает его как «все виды воздействия на них в процессе хозяйственной и иной деятельности».

Данное определение в науке экологического права подвергается справедливой критике в основном из-за не совсем корректного использования термина «воздействие» (так как воздействие по смыслу более широкое понятие, чем использование)⁴⁸.

В статье 3 ФЗ «Об охране окружающей среды» рациональное использование природных ресурсов как необходимое условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности названо в качестве принципа охраны окружающей среды. При этом данная норма сформулирована следующим образом: «Хозяйственная и иная деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, оказывающая воздействие на окружающую среду, должна осуществляться на основе следующих принципов: ... охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов...». Следовательно, рациональное использование окружающей среды должно быть основным фундаментальным правилом природопользования, то есть, по сути, любое природопользование должно быть рациональным. Исходя из этого, и с учетом вышеприведенного анализа соотношения понятий «охрана окружающей среды» и «рациональное природопользование», можно констатировать, что охрана окружающей среды и природопользование – равнозначные взаимосвязанные и влияющие друг на друга элементы в единой сложноорганизованной системе экологической деятельности (которая в правовом поле выражается в соответствующих экологических правоотношениях).

Общим итогом по исследованию понятийного аппарата заявленной проблематики, может послужить вывод, что договоры в экологической области должны рассматриваться комплексно как в сфере природопользования, так и охраны окружающей среды. При этом данные договоры выступают правовым регулятором поведения участников договорных связей.

Список литературы

⁴⁶ Хасанов Д.Г. Указ. соч. – С. 9.

⁴⁷ Краснов Н.И., Аксененок Г.А. и др. Право природопользования в СССР. – М., 1990. – С. 16.

⁴⁸ См., например: Хасанов Д.Г. Указ. соч.

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
5. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
6. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.
7. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1462.
8. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 823.
9. Петров В.В. Экологический кодекс России: к принятию ВС РФ Закона «Об охране окружающей природной среды» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11. Право. – 1992. – № 3.
10. Модельный экологический кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (общая часть), принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-8 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2007. – № 39 (часть 1).
11. Модельный экологический кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (особенная часть), принят в г. Санкт-Петербурге 31.10.2007 Постановлением 29-14 на 29-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2007. – № 41.
12. Боголюбов С.А. Проблемы и задачи Экологического кодекса // Экологическое право. – 2010. – № 6.
13. Дигесты Юстиниана: Избр. фрагменты / Пер. и прим. И.С. Перетерского; Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М., 1984.
14. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М., 1970. Т. 1.
15. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. – М., 1999.
16. Хасанов Д.Г. Природопользование и негативное воздействие на окружающую среду: проблема соотношения понятий // Юрист. – 2007. – № 6.
17. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.
18. Боголюбов С.А. Новый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» // Журнал российского права. – 2002. – № 6.
19. Гражданское право: Учебник. Том 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2000.
20. Забоев К.И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. – СПб.: Издательство «Юридический центр «Пресс», 2003.
21. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008.
22. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Том 2: Пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2000.
23. Назаров А.Е. Договор как процесс: понятие и структура // Юридический мир. – 2009. – № 8.
24. Александров Н.Г. К вопросу о роли договора в регулировании общественных отношений // Ученые записки ВШЭ. – 1976. – Вып. 6.
25. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русск. яз., 1983.
26. Новицкий И.Б. Очерки гражданского права: Материалы к курсу лекций (Пособие для слушателей автора). II. Обязательственное право. А. Общие понятия. – М., 1921.
27. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М., 1958.
28. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. – М., 1997.
29. Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Н. Правовая экономика: Проблемы становления. – М., 1991.
30. Пугинский Б.И. Частный договор в научной картине права // Ученые-юристы МГУ о современном праве: Сборник статей. – М., 2005.

31. Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4.
32. Баев В.Г., Гришина В.В. Системный подход к соотношению понятий информационной деятельности и правового регулирования // Информационное право. – 2008. – № 1.
33. Теория права и государства. – М.: Издательство «НОРМА», 2001.
34. Бляхман Б.Я. Конспект лекций по теории государства и права. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998.
35. Комаров С.А. Общая характеристика механизма правового регулирования // Общая теория государства и права: Академический курс в 2 томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Теория права. – М.: Издательство «Зерцало», 2000.
36. Лазарев В.В. и др. Теория государства и права. – М.: Издательство «Спарк», 1998.
37. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2001.
38. Шундииков К.В. Механизм правового регулирования. – Саратов, 2001.
39. Субочев В.В. Законные интересы как неотъемлемый элемент механизма правового регулирования // Право и политика. – 2007. – № 2.
40. Быковский В.К. Договор аренды лесного участка как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности по использованию лесов // Предпринимательское право. – 2008. – № 2.
41. Костина О.В. О существенных условиях договора купли-продажи земельных участков // Нотариус. – 2010. – № 2.
42. Мороз С.П. Нефтяные контракты // Энергетическое право. – 2007. – № 2.
43. Сиваков Д.О. Водный кодекс и договоры водопользования // Журнал российского права. – 2006. – № 2.
44. Чаркин С.А. Правовые особенности договора ренты земельного участка // Юридический мир. – 2009. – № 4.
45. Голиченков А.К. Эколого-правовой словарь // Экологическое право. – 2004. – № 4. – С. 43, 48, 49; 2005. – №1.
46. Соловьев Н.В. Сравнительно-правовой анализ системы регулирования рационального использования природных ресурсов в Российской Федерации // Общество и право. – 2008. – № 2.
47. Игнатьева И.В. Отражение конституционных норм в экологическом законодательстве России: проблемы законодательной техники // Журнал российского права. – 2003. – № 5.
48. Краснов Н.И., Аксененок Г.А. и др. Право природопользования в СССР. – М., 1990.

THE MAIN CONCEPTS APPARATUS IN CONCEPTION OF CONTRACTUAL REGULATION OF NATURE USE AND ENVIRONMENT PROTECTION

N.M. MITYAKINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: mityakina@bsu.edu.ru

The article is devoted to the analysis of the main terms and concepts used in law-making, scientific and enforcement activities in the field of contractual regulation of nature use and environment protection. Discusses their essential content, features and value.

Keywords: the term, the contract, use of natural resources, environment protection, legal regulation, contractual regulation.

УДК 321 (091); 34 (091)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО В ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ А.Л. БЛОКА

Е.В. САФРОНОВА
Е.С. КРАВЧЕНКО

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

E-mail:
elena_safronova_2010@mail.ru

Статья посвящена реконструкции потерянного труда Александра Львовича Блока – талантливого ученого-государствоведа, профессора и декана юридического факультета Варшавского императорского университета, философа, человека «аристотелевской эрудиции», отца русского поэта А.А. Блока, в котором он предпринял попытку создать целостную философскую систему, построенную на оригинальной классификации наук.

Ключевые слова: А.Л. Блок, классификация наук, политика (государственная наука), юридический факультет Варшавского юридического университета.

В следующем году исполняется 160 лет со дня рождения Александра Львовича Блока (1852-1909) – талантливого ученого-государствоведа, профессора и декана юридического факультета Императорского Варшавского университета, философа, человека «аристотелевской эрудиции», отца русского поэта А.А. Блока.

Сегодня, к сожалению, имя этого незаурядного ученого, чьи труды в 80–е годы XIX века вызвали острые научные дискуссии, несправедливо забыто, а живет Александр Львович Блок в памяти потомков только как герой выдающейся поэмы «Возмездие» и вспоминают о нем в связи с именем великого сына. Хотелось исправить историческую несправедливость и отдать яркому представителю отечественной государственно-правовой науки последней четверти XIX – начала XX вв.

О научной деятельности Александра Львовича Блока, как и о его личной жизни, известно крайне мало. Его опубликованное научное наследство невелико¹, а главный труд о месте политики в системе других наук еще не найден. Работ, специально посвященных анализу его авторы, которых касаются проблематики, разрабатывавшейся Блоком². Сегодня охраняет актуальность книга ученика Александра Львовича Е.В. Спекторского, специально посвященная характеристике научного творчества его учителя. Благодаря работе Е.В. Спекторского мы имеем краткую реконструкцию потерянного труда ученого.

Работа, над которой Александр Львович Блок трудился большую часть жизни, не была посвящена сугубо юридическим вопросам. «Вообще, – замечал Е.В. Спекторский, – он не любил юриспруденции» и «задыхался в холодной, разряженной атмосфере чисто правовых понятий»³. В главном труде своей жизни Александр Львович предстает маститым философом, пытавшимся создать целостную философскую систему,

¹ Блок А.Л. Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренса Штейна и на французские политические порядки. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1880.- 191 с.; Блок А.Л. Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права.- Варшава: В типографии Носковского, 1884.- 108 с.; Блок А.Л. Об отношении научно-философский теорий к практической государственной деятельности. Речь по случаю торжественного акта в Императорском Варшавском университете, 30 августа 1888 года // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2003.- № 6.- С. 72-75.; Блок А.Л. О финляндском вопросе. Критические заметки.- Варшава: В Губернской типографии, 1891.- 11 с.

² Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С.157-159; Михальченко С.И. А.Л.Блок. Страницы биографии и творчества Право: история, теория, практика. Вып.3.- Брянск: БГПУ, 1999.- С. 191-197; Мошелков Е.Н. Проблема «Россия-Запад» в трудах забытых политических мыслителей России второй половины XIX в. (Р.А. Фадеев и А.Л. Блок) //SCHOLA.- 2003. – М: Издательство «Социально-политическая мысль», 2004. – С. 127-139.

³Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911. – С. 27.

построенную на оригинальной классификации наук. В центре его систематики была государственная наука, называемая им политикой и понимаемая более широко, чем государственное право, с которым была связана его профессиональная жизнь.

Александр Львович, – вспоминал его коллега по Варшавскому университету профессор В.В. Есипов, – «писал труд, который, по его мнению, должен был произвести переворот в истории науки», «по существу он стремился создать какое-то высшее философское учение, которое бы объединило бы всю тогдашнюю науку, подняло ее на высшую ступень»⁴. По выражению Е.В. Спекторского, Блок отдал своей книге большую часть жизни, работая над ней, «как Платон над «Политиею» или Гете над «Фаустом»⁵.

Исследование А.Л. Блока преследовало две цели – во-первых, обосновать и доказать предложенную им классификацию наук; во-вторых, выяснить специальную роль государственной науки (политики) среди других наук⁶.

Основу работы составила оригинальная систематика наук. В доказательстве нуждалась, прежде всего, парадоксальность основной идеи, предполагающей, «что гуманитарные знания конкретнее и даже точнее знаний не только естествонаучных, но и математических», и подчеркивающей «антропоморфизм и социоморфизм негуманитарных знаний»⁷.

В стремлении человечества к самопознанию и познанию окружающего мира А.Л. Блок видел два возможных варианта. Первый – «от мира к человеку», состоял в постижении внешней физической природы. Другой – «от человека к миру», предполагал человеческое самопознание необходимой предпосылкой всех дальнейших знаний. Второй путь, по которому идут гуманистические науки, Блок считал более надежным, приводящим к достоверным знаниям.

Последовательность гуманитарных наук в классификации А.Л. Блока определялась постепенным расширением изучаемого круга объектов. Только обогатившись в достаточной степени опытом гуманитарного знания «научная мысль, – полагал он – может пытаться выйти уже за пределы человеческого мира и более или менее удачно проникать в мир физический». Прогресс наук, по его мнению, происходил не прямолинейно, а в виде круговорота или спирали. Поэтому дальнейшее движение науки было возможно только путем «возвращения к первоисточникам науки и повторного прохождения уже пройденных путей, но конечно с непрерывным их расширением и углублением»⁸. Блок представлял «взаимную связь и развитие наук, – отмечал Е.В. Спекторский, – в виде восходящей спирали с непрерывно расширяющимся радиусом»⁹.

Первой наукой к классификации Блока была логика, предметом которой являлась научная методология. А.Л. Блок выступал против математизации логики, считая ее наукой гуманитарной. В отличие от Гегеля, видевшего в логике науку универсальную, и полагавшего, что мировой дух, истина могут быть адекватно и до конца раскрыты только в науке логики и в системе логических категорий, Блок отводил ей прикладное значение. Он считал, что логика изучает не космос, а усилия человеческой мысли в поиске истины и пути ее познания.

Следующей наукой в систематике философа, была эстетика, объект которой значительно шире объекта логики, т.к. большинство людей, по его мнению, жили больше чувством, чем умом. В качестве положительной науки, считал он, «эстетика, также как и логика, не предписывает, а описывает, не поучает относительно того, что должно быть, а изучает то, что есть»¹⁰.

С эстетикой тесно связана следующая наука в классификации мыслителя – этика, объектом изучения которой выступает мораль, нравственность как форма общественного

⁴ Березарк И.Б. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3. – С. 190.

⁵ Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911. – С. 64-65.

⁶ Там же. – С. 65.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 48-49.

⁹ Там же. – С. 49.

¹⁰ Там же. – С. 51.

сознания и одна из важнейших сторон жизнедеятельности человека. Блок считал этику наукой ненормативной и неориентированной на поиск абсолютной истины, а эмпирической, изучающей то, как моральные нормы осуществляются (или не осуществляются) в реальной жизни.

Ближайшей наукой к этике А.Л. Блок считал юриспруденцию, которая занимается «несравненно более широким кругом людей, нисколько не претендующих быть специально нравственными и руководиться идеалом добра в своих деяниях, в проявлениях своей воли». Он считал, что человеческая воля проявляется не только в «нравственных подвигах», но и в более «суетных», «общечеловеческих» случаях, из которых юриспруденция и преимущественно выделяет имущественные отношения, где «воля, не притязая на специальное осуществление добра, вполне довольствуется более умеренным идеалом справедливости – менее высоким, зато более широким»¹¹.

По образному выражению Е.В. Спекторского, этика «вводит в мир юриспруденции», но «останавливается у его порога». Юриспруденция также, как этика, эстетика и логика изучает не должное, а сущее. Ее объект не исчерпывается только идеальными законодательными нормами, а и включает реальные отношения. В той сфере, которая исследуется юриспруденцией, человеческая воля, – полагал А.Л. Блок, – более стеснена, чем в сфере этики. По мере перехода частного права к публичному воля частного лица все более ограничивается, поэтому публичное право он считал «окраиной» юриспруденции и переходом к политике, изучающей «более обширный мир государственной жизни, со специально присущим ей воздействием публичной власти на общежитие»¹².

По мнению А.Л. Блока, каждая следующая в его классификации наука выступает мерилем для последующей. Так, юридический идеал является высшим критерием для политики таким, как этическое добро является для юриспруденции, эстетическая красота для этики и логическая истина для эстетики. Применение юридического идеала «к политике, – полагал ученый, – также как и всякое применение высших принципов к более обширной области, соединяется со значительной утратой его первоначальной чистоты. Строгая справедливость юриспруденции, которая, в сравнении с высшей этической идеей добра, уже сама по себе представляется некоторым нравственным падением, теряет в своей высоте при переходе к политике»¹³.

Действующие конституции и другие нормативно-правовые акты публичного характера не дают, – считал Блок, – полного представления о государственной жизни. «Они не столько констатируют настоящее и прошлое во всей его действительности, сколько проектируют идеальное будущее»¹⁴.

Однако как не обширна сфера политики, она, по его мнению, не исчерпывает всей жизни человеческого общества. «За ее пределами, ограниченными возможностью искусственного политического воздействия, остается еще огромная область уже совершенно стихийных проявлений общественности, слагающихся помимо такого воздействия и вообще субъективного человеческого произвола», эта область образует круг ведения следующей за политикой в порядке расширения объекта изучения науки – социологии. А.Л. Блок считал, что социология – это «наука о стихийной стороне человеческого общежития»¹⁵.

Замыкает круг гуманитарных наук в классификации Блока теология – наука, которая занимается изучением веры, как особого состояния человеческого сознания. Теологию А.Л. Блок также считал положительной наукой, эмпирическим материалом которой выступают «человеческие документы всевозможных вероучений». Исследование вероучений как особого вида духовной культуры, приводило «научную мысль к исследованию человеческого мышления, в той своеобразной форме, в какой оно проявляется в этих вероучениях. Иными словами, при посредстве теологии и

¹¹ Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911. – С. 54-55.

¹² Там же. – С. 55.

¹³ Там же. – С. 56.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 57.

производимой ею критики веры научная мысль возвращается к своему началу, именно к логике»¹⁶. За гуманитарными науками в следовали психология, естествознание, математика.

Второй задачей главного труда А.Л. Блока выступало обоснование «специального методологического значения политической науки и ее опытного материала в общей системе человеческих знаний». Политика, по его мнению, занимала центральное место в этой системе. Эмпирическим материалом более широкой государственной науки (политики) Блок считал политическую историю, которая «направляет мысль не столько в сторону абстракции, сколько, напротив, в сторону спецификации фактов»¹⁷.

Предметом изучения политики, по мнению А.Л. Блока, являлась государственная жизнь, рассматриваемая не как ряд формально-юридических отношений и не как стихийное социологическое явление, а как культурно-политический процесс, не лишенный целесообразности, для полноты познания которого необходимо изучение не только его целей и средств, но и результатов. «Этим трем моментам, – отмечал ученый, – соответствуют духовные, правительственные и общежительные элементы государственной жизни»¹⁸.

Духовными элементами – показателями целей государственной жизни – являются, считал Блок, религия, философия и наука. Самые высокие цели ставит религия. Однако при всем своем значении религиозные верования не являются единственными духовными факторами политической жизни. С одной стороны, они слишком консервативны и склонны освящать установившийся в данное время государственный строй, а с другой стороны, – переносить высшие и окончательные цели человеческой жизни за пределы земного мира. Поэтому «они не столько привлекают сознание к активной государственной культуре, сколько отвлекают их от нее»¹⁹.

Другим элементом, играющим значительную роль и в политических стремлениях, является философия. «Она, – по мнению Блока, – занимает промежуток между религией и наукой. Это уже не религия, но еще и не наука. От религии ее эмансипирует свойственный ей дух критики, по преимуществу направленной на объекты и императивы религиозной веры. Но от науки ее отделяет субъективизм, лишенный опытной подкладки и проверки». Философия, считал мыслитель, отвлекает сознание людей «от порицаемой или даже отрицаемой ею действительности в сторону более или менее неосуществимых утопий», что сильно уменьшает ее способность влиять на практику государственной жизни²⁰.

Наконец, последним духовным элементом государственной жизни Блок считал науку, основанную в отличие от субъективной философии на объективном опыте.

Центральное место в государственной жизни Блок отводил правительственным элементам, находящимся на рубеже между духом (идеальными принципами) и материей (общежительными стихиями) и выступающим главными средствами культурно-политического процесса. Правительственные элементы, по его мнению, представлены теократическими, монархическими и представительными учреждениями.

Первые (теократические) «нисходят из царства целей в царство средств, спускаются из мира идей в мир практической политики для того, чтобы властвовать в нем идеократически», а последние (представительные), напротив, с их материальными, национальными и иными интересами «восходят в мир практической политики, чтобы властвовать в нем, так сказать, социократически». Теократические учреждения, занятые не только религиозным культом, но и политической культурой, представляют «чисто идеократическую политическую организацию», и хотя церковь утратила руководящую роль в государственной жизни, ей, считал Блок, принадлежит «весьма важная поучительная и обличительная функция», определяемая не материальными общественными интересами, а идеальными целями. Монархические учреждения

¹⁶ Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911. – С.64.

¹⁷ Там же. – С. 68.

¹⁸ Там же. – С. 75.

¹⁹ Там же. – С.78-79.

²⁰ Там же.

включают, по мнению Блока, не только верховную монархическую власть или замещающую ее президентскую в республиках, но также и исполнительную. Промежуточное положение монархических учреждений сообщает им характер «публичной обязанности», «органа или средства политической культуры»²¹.

Третьей группой элементов государственной жизни Блок называл элементы «общежительные», слагающиеся из отношений вероисповедных, национальных и сословных, считая их результатом культурно-политического процесса. При всей естественности и стихийности своего происхождения и развития, эти отношения, однако, также испытывают на себе искусственное воздействие государственной власти, а получаемые результаты приводят к возникновению «на общежительной почве новых или усовершенствованных духовных принципов и начинаний». Это возвращает государственную жизнь к ее духовным элементам и «завершает круговорот» с возможностью постоянного усовершенствования «всех трех элементов путем их непрерывного взаимодействия»²².

Масштаб замысла не позволил А.Л. Блоку довести начатое до конца. При всей своей эрудиции он вынужден был погрузиться в изучение далеких от него дисциплин – математики, физики, психологии, чтобы доказать превосходство гуманитарных знаний над естественно-научными. Процесс затянулся. Кроме того, А.Л. Блок, был настоящим «мучеником стиля». Он «долго искал, – вспоминал очевидец событий Е.В. Спекторский, – единственную и настоящую форму для каждой своей идеи»²³ и был готов «проводить бессонные ночи над литературною отделкою своих фраз»²⁴.

Сам А.Л. Блок в письме к своему коллеге профессору Н.И. Карееву, переехавшему из Варшавы в Петербург, сообщал: «пишу больше для потомства и поэтому боюсь спешить»²⁵.

Руководство университета было осведомлено, что Блок погружен в сложный мыслительный и исследовательский процесс, и ждало его результатов: публикации книги и защиты на ее основе докторской диссертации. В 1903 г. в письме в министерство ректор Варшавского университета Г.К.Ульянов указывал, что на «беспримерное по количеству собранного материала и по оригинальности замысла исследование из области политической психологии проф. Блок потратил много лет ... В настоящее время он печатает первый выпуск своего капитального исследования о месте политики в кругу наук. Этот выпуск будет касаться только логики и эстетики. Следующий выпуск будет посвящен этике и юриспруденции и только третий выпуск, касающийся политики и социологии, может дать материал к диспуту на степень доктора государственного права. Таким образом, если проф. Блок до сих пор еще не имеет ученой степени доктора своей науки, – отмечал Ульянов, – то только вследствие чрезвычайной обширности задуманного им труда, требовавшей от него огромной затраты сил на изучение и подготовку необходимого для него материала»²⁶.

Однако этим ожиданиям не суждено было сбыться, ни одна из частей книги так и не была опубликована. «Исповедуя «религию стиля», – отмечал В.П. Енишерлов, – Блок в конце концов довел рукопись постоянными сокращениями и переделками (добиваясь невозможной в научной работе предельной ритмизации прозы, превращая отдельные страницы в строки, фразы, в слова, а слова в знаки препинания) до такого состояния, что она стала с трудом понятна даже ближайшим ученикам»²⁷. Она постепенно превратилась в некий шифр, недоступный никому кроме автора. Блоку казалось, вспоминал

²¹ Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911. – С.76.

²² Там же. – С.72.

²³ Там же. – С.79.

²⁴ Там же. – С. 10.

²⁵ Отдел рукописей РГБ. Ф. 119. П. 9. № 28. или Цит. по: Шеломова С.Б. Письма Блока к Е.В. Спекторскому // Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т.92. Кн. 2. М.: «Наука», 1981. – С. 302.

²⁶ РГИА. Ф.733. Оп.151. Д.574. Л. 151 – 152.

²⁷ Енишерлов В.П. «Жизнь без начала и конца»: За строками «Возмездия» // Интернет-журнал «Наше наследие». 2005. № 75/76 // <http://nasledie-rus.ru>.

Е.В. Спекторский, что «читатели должны понимать по одному слову, по одному намеку то, к чему он сам приходил нередко путем долгих размышлений и изучений»; он не замечал, что его работа становилась «все более и более символистической», еще понятной для ближайших учеников, но «уже совершенно недоступной» для широкого круга читателей²⁸.

Философский труд целой жизни ученого не увидел своих читателей и после смерти его автора. Ныне потеряна и рукопись. Достоверно не установлено, делались ли попытки опубликования работы А.Л. Блока после его смерти. В книге, посвященной поэту Блоку, В.Н. Орлов указывает, что после смерти Александра Львовича его ученики пытались, но не смогли опубликовать оставшуюся рукопись даже частично²⁹. Косвенное подтверждение этому есть и у Е.В. Спекторского в работе об его учителе. В 1911 г. (через два года после смерти Блока) Спекторский еще выражал надежду, что «если и удастся вообще опубликовать рукопись, то придется предпочесть более ранние и, значит, в глазах самого автора более несовершенные ее редакции»³⁰.

О литературном стиле и трагедии отца, как мыслителя, в своей автобиографии поэт Александр Блок написал: «Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, – отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал»³¹.

Сегодня, вспоминая А.Л. Блока, необходимо заметить, что задача изучения его государственно-правовых воззрений, выявление его роли в научной судьбе ярких представителей отечественного правоведения, исследование эволюции варшавской социологической школы права, основоположником которой был А.Л. Блок, еще стоит перед отечественной историко-правовой наукой.

Список литературы

1. Березарк И.Б. Отец Александра Блока // Русская литература. 1977. № 3. С.188- 190.
2. Блок А. Автобиография // Александр Блок. Собрание сочинений шести томах. Том VI. – М.: Издательство «Правда», 1971.- С.91-92.
3. Блок А.Л. Государственная власть в европейском обществе. Взгляд на политическую теорию Лоренса Штейна и на французские политические порядки. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1880.- 191 с.
4. Блок А.Л. Об отношении научно-философский теорий к практической государственной деятельности. Речь по случаю торжественного акта в Императорском Варшавском университете, 30 августа 1888 года // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2003.- № 6.- С. 72-75.
5. Блок А.Л. О финляндском вопросе. Критические заметки.- Варшава: В Губернской типографии, 1891.- 11 с.
6. Блок А.Л. Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права.- Варшава: В типографии Носковскаго, 1884.- 108 с.
7. Енишерлов В.П. «Жизнь без начала и конца»: За строками «Возмездия» // Интернет-журнал «Наше наследие». 2005. № 75/76 // <http://nasledie-rus.ru>.
8. Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С.157-161.
9. Михальченко С.И. А.Л.Блок. Страницы биографии и творчества Право: история, теория, практика. Вып.3.- Брянск: БГПУ, 1999.- С. 191-197.
10. Моцелков Е.Н. Проблема «Россия-Запад» в трудах забытых политических мыслителей России второй половины XIX в. (Р.А. Фадеев и А.Л. Блок) //SCHOLA.- 2003. – М: Издательство «Социально-политическая мысль», 2004. – С. 127-128.
11. РГИА. Ф.733. Оп.151. Д.574. Л. 151 – 152.
12. Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. М.: «Известия», 1981. 746 с.

²⁸ Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911. – С. 73.

²⁹ Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. М.: «Известия», 1981. – С. 246.

³⁰ Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911. – С. 73.

³¹ Блок А. Автобиография // Александр Блок. Собрание сочинений шести томах. Том VI. – М.: Издательство «Правда», 1971.- С.91-92.

13. Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава: Типография Варшавского ученого округа, 1911. 81 с.

14. Шеломова С.Б. Письма Блока к Е.В. Спекторскому // Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т.92. Кн. 2. М.: «Наука», 1981. – С. 297-305.

STATE LAW IN PHILOSOPHICAL SYSTEM OF A.L. BLOCK

E.V. SAFRONOVA
E.S. KRAVTCENKO

*Belgorod National Research
University*

E-mail:
elena_safronova_2010@mail.ru

The article is devoted to the reconstruction of lost labour of Alexander Lvovich Block-a talented scientist-state researcher, Professor and Dean of the Law Department of the Warsaw Imperial University, the philosopher, a person of "Aristotelian erudition", the father of Russian poet A. Block, in which he attempted to create a complete philosophical system, built on the original classification of the sciences.

Keywords: A.L. Block, science classification, policy (public research), Law Department of the Warsaw Law University.

УДК 340:001.4(470)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОВ¹

Е.Е. ТОНКОВ¹
В.Ю. ТУРАНИН²

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Turanin@bsu.edu.ru

В статье проводится анализ двух видов лингвистических ошибок, встречающихся в российском законодательстве: нарушение лексической сочетаемости и неудачное образование юридических неологизмов. Авторы иллюстрируют затронутые проблемы с помощью конкретных примеров, взятых из текстов современных законов, и предлагают систему правовых мер по улучшению лингвистического качества российского законодательства.

Ключевые слова: лингвистическая ошибка, российское законодательство, официальный стиль, законотворческая деятельность.

Существующая проблема, связанная с ошибочностью в использовании юридической терминологии в российском законодательстве, во многом предопределяется нарушением участниками законотворческой деятельности постулата о неразрывной связи термина и понятия, несоблюдением требования необходимой точности (истинности) языкового выражения правовых норм.

Константой, раскрывающей суть необходимого взаимодействия и существования в едином пространстве законодательной мысли и слова, понятия и термина, служит точность их реализации. По справедливому замечанию Н.В.Белоконь, «точность (т.е. соответствие смыслового содержания текста той информации, которая кладется в его основу) предполагает употребление слов, словосочетаний в их прямом значении, не допускающем двусмысленности, произвольного толкования, искажающего смысл нормативно-правового документа и могущего повлиять на процесс реализации правовых норм»². Во многом именно на точности использования юридических терминов основывается необходимое качество законодательного акта, соответствием замысла и его языкового воплощения определяется уровень когнитивного восприятия пользователем текста закона. Актуальным в этом отношении представляется мнение Е.В.Сырых, в соответствии с которым «точность языка закона, понимаемая как степень соответствия текста закона нормативной мысли законодателя, является первым и необходимым условием действенности норм права, закрепленных законом»³. В данном случае можно добавить, что точность языкового проявления законодательной мысли – это не просто условие реального существования конкретной правовой нормы, а предпосылка ее адекватного применения. И совершенно прав Ю.С.Ващенко, утверждая о том, что «точность замысла и его воплощение – это полное соответствие актуализированного законодателем значения высказывания передаваемому правовому смыслу»⁴.

Российское законодательство играет ключевую роль в общественном развитии и поэтому представляет зону особого внимания. Как справедливо заметил В.Н.Карташов, «учитывая тот факт, что в различных коммуникативных системах смысл слов и других средств выражения понятий порой искажается, как в теории, так и в практической

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 6.2866.2011, выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

² Белоконь Н.В. Лингвистические ошибки в нормативно-правовых документах // URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120608> (дата обращения: 11.01.2011).

³ Сырых Е.В. Общие критерии качества закона. – Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2001. – С.158.

⁴ Ващенко Ю.С. О коммуникативной точности законодательного текста в правотворчестве // Российская юстиция. – 2006, № 4. – С.60.

юридической деятельности особенно важно стремиться к точности, определенности и ясности терминологии».⁵ Отметим, что такое стремление архиважно в процессе формулирования законодательного текста, так как точность употребления юридической терминологии определяет достоверность правовых норм, повышает доступность их восприятия. Подлинная языковая реализация законодательной мысли имеет прямое влияние на формирование идеологии уважения к закону, установление режима долговечности нормативных предписаний, ведь, «in legibus salus» (в законах спасение).

Кроме этого, важно обратить внимание на то, что каждый закон должен укреплять ответственность власти перед гражданами, реализовывать основные задачи, стоящие перед правовым государством. Поскольку юридическая терминология является, в частности, и официальным языковым проводником государственных решений, ее значение в процессе формирования и применения правовых норм весьма высоко. Однако, следует заметить, что в современном российском законодательстве зачастую встречаются и терминологические ошибки. Некоторые из них, связанные с негативными политическими или правовыми последствиями, более очевидны и, зачастую, они устраняются с помощью поправок к законам, другие – менее очевидны, и внимание на их существование обращается лишь в научном юридическом сообществе.

С нашей точки зрения, все ошибки, допускаемые при использовании юридической терминологии в российском законодательстве, исходя из их отраслевой природы, можно разделить на четыре группы:

- правовые;
- политические;
- логические;
- лингвистические.

Конечно, такое деление имеет весьма условный характер, так как практически любой закон представляет собой единство правового, политического, логического и лингвистического начал. Поэтому при отнесении терминологических ошибок, присутствующих в российском законодательстве, к какой-либо группе, мы исходим из принципа приоритетности того начала, которое является для каждого конкретного случая доминирующим по своей сути. В настоящей статье мы попытаемся остановиться на исследовании, пожалуй, самой разноплановой группы ошибок, которую объединяют лингвистические корни.

Отметим, что недостаточная лингвистическая проработанность законодательного текста отрицательно отражается на его качестве, а, следовательно, является одной из основных предпосылок для возможного неоднозначного восприятия каждой конкретной правовой нормы заинтересованным лицом.

Следует заметить, что в юридической науке активно исследуются лингвистические ошибки, присутствующие в языке законов, связанные с синонимией, омонимией, антонимией, полисемией.⁶ При этом, например, на вопросы нарушения лексической сочетаемости, практически не обращается внимания. В этой связи, попытаемся сконцентрировать внимание на двух видах лингвистических ошибок, связанных, прежде всего, с лексическими недоработками, которые негативно характеризуют язык современных российских законов, и, одновременно, являются малоизученными в юридической науке: нарушение лексической сочетаемости и неудачное образование юридических неологизмов.

1. Нарушение лексической сочетаемости.

⁵ Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / Под ред. д.ю.н., проф. Н.И.Матузова. – Саратов, 1989. – С.23.

⁶ Боголюбов С.А. Юридическая терминология: вопросы синонимии /// Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1987, Вып. 40. – С. 25-35; Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции. Дисс... докт. юрид. наук. – Казань, 1996; Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990; Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права. Дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 1996; Васильева Л.Н., Власенко Н.А. Текстологические основы юридической техники / в кн.: Доктринальные основы юридической техники / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А.Власенко. – М., 2010. – С.234-241.

Для правильного употребления терминов в языке законов необходимо учитывать особенности лексической сочетаемости слов, основанной на их способности соединяться друг с другом. Отметим, что границы лексической сочетаемости слов в языке законов определяются, прежде всего, их семантикой, стилистической принадлежностью и грамматическими свойствами. В свою очередь, нарушение лексической сочетаемости связано с объединением не сочетаемых между собой слов, «неразличением близких в каком-либо отношении обозначаемых понятий».⁷ Полагаем, что необходимо обратить внимание на некоторые примеры нарушения лексической сочетаемости слов в текстах современных российских законов.

Так, в тексте статьи 27 Уголовного кодекса Российской Федерации содержится следующая формулировка: «если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия...». В данном случае ошибочно использовано сочетание «причиняются последствия». Представляется очевидным, что последствия могут только наступать, а причиняется вред или ущерб. Соответственно, в исследуемом контексте необходимо было использовать выражение «наступают последствия».

В тексте статьи 40 УК РФ закреплено положение, в соответствии с которым, «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)». Отметим, что выражение «руководить бездействием» – это также пример нарушения лексической сочетаемости. Можно руководить либо не руководить своими действиями в силу каких-либо причин, но руководить своим бездействием не представляется возможным. В бездействии можно лишь пребывать (находиться в состоянии покоя, неподвижности). Поэтому в тексте статьи 40 УК РФ вполне возможно использовать следующую формулировку: «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями, либо пребывало в бездействии».

Кроме этого в УК РФ употребляются такие ошибочные словосочетания, как «загладить вред» и «деятельное раскаяние» (например, в тексте статьи 75 УК РФ). Отметим, что вред в российском праве в определенных случаях подлежит возмещению, а не «заглаживанию». Процедура «заглаживания вреда» не определена в юридической науке. Право на существование в законодательном тексте словосочетания «деятельное раскаяние» также вызывает определенные сомнения. Дело в том, что раскаяние вряд ли может быть деятельным. Термин «раскаяние» трактуется лишь как «сознание своей вины, сожаление о совершенном проступке»⁸. Иными словами, раскаяние – это не действия, это процесс, непосредственно связанный с душевными переживаниями человека, переосмыслением содеянного. Любые действия в данном случае могут являться лишь последствием раскаяния, но не его частью. Поэтому деятельное раскаяние невозможно, а в российском законодательстве и правоприменительной практике можно говорить лишь о «действиях в результате раскаяния».

В современном российском законодательстве активно употребляется и такое ошибочное словосочетание, как «регулирование правоотношений», которое задействовано, например, в статье 1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»,⁹ в статье 1 Федерального закона «О почтовой связи»,¹⁰ в статье 1 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

⁷ Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М., 1998. – С. 171.

⁸ Словарь русского языка в 4-х т. /АН СССР. Институт русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1983. – Т.3. – С.642.

⁹ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁰ Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3697.

Федерации»,¹¹ а также в тексте некоторых других нормативных правовых актов. При этом отметим, что само его существование стоит на грани юридического абсурда, ведь правоотношение – это уже «урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и обязанностей».¹² Еще более абсурдно использование такого выражения, как «правовое регулирование правоотношений», которое задействовано, например, в названии статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».¹³ Очевидно, что регулировать можно определенные общественные отношения, но не правоотношения. Соответственно, в законодательном тексте возможно лишь употребление термина «регулирование общественных отношений».

Отметим, что причины возникновения проблемы, связанной с нарушением лексической сочетаемости в языке законов весьма различны. В каких-то случаях, это очевидные упущения субъектов законотворческой деятельности (вряд ли есть объяснение внедрению в законодательный текст таких выражений, как «причиняются последствия», «загладить вред», «регулирование правоотношений», «правовое регулирование правоотношений»), в каких-то случаях, это неудачные наименования правовых институтов («деятельное раскаяние»), а в каких-то случаях, это может быть неоправданное желание сократить законодательный текст (выражение «руководить своими действиями (бездействием)»). Безусловно, что данные языковые решения значительно снижают качество законодательного текста, отрицательно сказываются на эффективности применения правовых норм.

2. Неудачное образование юридических неологизмов.

Неологизм – это «новое, недавно появившееся слово в речи, новшество в словарном составе языка».¹⁴ Появлению неологизмов способствуют различные события общественной жизни, происходящие, прежде всего, под влиянием научно-технического прогресса. Необходимо отметить, что неологизмом слово (или выражение) остается до тех пор, пока его новизна ясно ощущается пользователями. Как только данное слово (или выражение) становится достаточно употребительным, оно автоматически переходит в активный словарный запас. Так, например, в конце XX века неологизмами были слова «перестройка», «гласность», которые вскоре утратили оттенок новизны, так как были освоены в устной и письменной речи.

Юридические неологизмы – это новые слова или выражения, используемые в юридическом языке и обозначающие соответствующие юридические понятия. Полагаем, что юридическими неологизмами в современном языке законов можно считать такие относительно недавно появившиеся выражения, как «центральный депозитарий»¹⁵, «микрофинансовые организации»¹⁶, «хозяйственное партнерство»¹⁷. Однако не все неологизмы, вводимые в законодательный текст, можно признать удачно образованными. Так, с нашей точки зрения, весьма спорным является использование в некоторых законодательных актах таких юридических неологизмов, как

¹¹ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ст. 4832.

¹² Большой юридический словарь / Под ред. А.Я.Сухарева, В.Д.Зорькина. – М.: Инфра-М, 1998. – С.525.

¹³ Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

¹⁴ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 2001. – Т.1. – С.569.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 414-ФЗ «О центральном депозитарии» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2011, № 50, ст. 7356.

¹⁶ См.: Федеральный закон от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2010, № 27, ст. 3435.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 5), ст. 7058.

«железнодорожный транспорт необщего пользования»,¹⁸ «железнодорожные пути необщего пользования»¹⁹, «автомобильные дороги необщего пользования».²⁰ Полагаем, что в приведенных случаях следует говорить о транспорте, путях, дорогах специального пользования. Тогда будут соблюдены нормы русского литературного языка (слова «необщий» не содержится в толковых словарях современного русского языка), а также выдержана логическая антитеза «общий-специальный». Неудачно образованные юридические неологизмы присутствуют и в региональных нормативных правовых актах. Например, в статье 1 закона Ярославской области «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области»²¹ используется неологизм «племенная животноводческая продукция», который не задействован в федеральном законодательстве. При этом в Федеральном законе «О племенном животноводстве»²² используются термины «племенное животное», «племенная продукция (материал)», которые охватывают смысл предложенной на региональном уровне языковой новации.

Неудачное образование юридических неологизмов иногда находится в прямой взаимосвязи с лексической неполнотой формулировки, которая заключается в пропуске необходимого слова (нескольких слов) в предложении или фразе. Например, в тексте Федерального закона «О транспортной безопасности» используется неологизм «акт незаконного вмешательства» (ст.ст. 1, 2 и др.).²³ На наш взгляд, данный термин сформулирован лексически неполно. Поэтому он позволяет трактовать соответствующее понятие значительно шире, чем это необходимо для регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере транспортной безопасности страны. Полагаем, что в данном случае возможно лишь оперирование таким термином, как «акт незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса», то есть здесь нужна языковая конкретизация.

Необходимо отметить, что, к сожалению, современный русский язык зачастую воспринимается в обществе лишь как инструмент для повседневной коммуникации, а не как эталон устной и письменной речи. Данное заблуждение основано, в частности, и на тех лингвистических ошибках, которые присутствуют в текстах законов. При этом именно закон должен быть образцом официального стиля и лингвистической грамотности.

Наличие лингвистических ошибок в использовании юридической терминологии в современном российском законодательстве свидетельствует о необходимости разработки системы мер по их нейтрализации и предотвращению появления в будущем. Полагаем, что такая система должна включать:

- осуществление ревизии российского законодательства на предмет выявления различных ошибок, связанных с использованием юридической терминологии, по итогам которой язык законов должен быть приведен в соответствие требованиям Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (ст.ст.1, 3);

¹⁸ См., напр.: ст. 1 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 169.

¹⁹ См., напр.: ст. 55 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст.170; ст. 21 Федерального закона от 08 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5557.

²⁰ См., напр.: ст. 5 Федерального закона от 08 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5553.

²¹ Закон Ярославской области от 04 марта 2003 г. № 10-З «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области» // Губернские вести. 10 марта 2003 г. № 16(1224).

²² Федеральный закон от 03 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3199.

²³ Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

- разработку и официализацию свода правил использования юридической терминологии в языке законов;
- реализацию комплекса просветительских и образовательных мер для лиц, занимающихся или стремящихся заниматься профессиональной юридической деятельностью (пропаганда культуры письменной и устной речи юриста в средствах массовой информации, введение в образовательный процесс российских вузов юрислингвистических дисциплин).

Список литературы

1. Белоконь Н.В. Лингвистические ошибки в нормативно-правовых документах // URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120608> (дата обращения: 11.01.2011).
2. Сырых Е.В. Общие критерии качества закона. – Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2001. – С.158.
3. Ващенко Ю.С. О коммуникативной точности законодательного текста в правотворчестве // Российская юстиция. – 2006, № 4. – С.60.
4. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / Под ред. д.ю.н., проф. Н.И.Матузова. – Саратов, 1989. – С.23.
5. Боголюбов С.А. Юридическая терминология: вопросы синонимии /// Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1987, Вып. 40. – С. 25-35.
6. Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции. Дисс... докт. юрид. наук. – Казань, 1996.
7. Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990.
8. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права. Дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 1996.
9. Васильева Л.Н., Власенко Н.А. Текстоведческие основы юридической техники / в кн.: Доктринальные основы юридической техники / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А.Власенко. – М., 2010. – С.234-241.
10. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М., 1998. – С. 171.
11. Словарь русского языка в 4-х т. /АН СССР. Институт русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1983. – Т.3. – С.642.
12. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
13. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3697.
14. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ст. 4832.
15. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я.Сухарева, В.Д.Зорькина. – М.: Инфра-М, 1998. – С.525.
16. Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-т. – М., 2001. – Т.1. – С.569.
18. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 414-ФЗ «О центральном депозитарии» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2011, № 50, ст. 7356.
19. Федеральный закон от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2010, № 27, ст. 3435.
20. Федеральный закон от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 5), ст. 7058.
21. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 169.
22. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст.170.
23. Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5557.

24. Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 46. Ст. 5553.

25. Закон Ярославской области от 04 марта 2003 г. № 10-З «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области» // Губернские вести. 10 марта 2003 г. № 16(1224).

26. Федеральный закон от 03 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3199.

27. Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

LINGUISTIC MISTAKES IN TEXTS OF THE RUSSIAN LAWS

E.E.TONKOV¹⁾

V.Y.TURANIN²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾ e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: Turanin@bsu.edu.ru

The article considers two types of the linguistic mistakes in the Russian legislation: violation of lexical compatibility and unsuccessful formation of legal neologisms. The authors illustrate the mentioned problems by means of the concrete examples taken from texts of modern laws, and offer system of legal measures for improvement of linguistic quality of the Russian legislation.

Keywords: linguistic mistake, Russian legislation, official style, legislative activity.

УДК 347.21

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВА ОГРАНИЧЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ЧУЖИМ НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ В РОССИИ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

С.В. ТЫЧИНИН
М.С. ЛУПОВСКОЙ

*Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет*

e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

В статье рассматривается развитие института права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом в России и некоторых зарубежных странах. Проанализированы современные подходы в доктрине гражданского права по вопросам совершенствования названного института в РФ в условиях реформирования гражданского законодательства.

Ключевые слова. Право ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом, сервитут (частный, публичный), usufruct, вещные права, право участия общего, право участия частного.

Право ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом как некое модельное вещное право начало свое развитие в древнем Риме. В рамках этой группы прав сложились самостоятельные виды, которые приобрели специальное правовое регулирование. Из ограниченных вещных прав в первую очередь, выделялись такая разновидность прав как сервитуты.

Под правом установления сервитута понималось – право одного лица пользоваться (в каком-нибудь определенном отношении или в нескольких отношениях) вещью, принадлежащей другому лицу¹.

Близким к понятию сервитут был – usufruct. В Дигестах Юстиниана он определялся следующим образом: «Ususfructus est ius alienis rebus utendi fruendi salva rei substantia» (D.7.1.1), usufruct есть право пользования чужой вещью и получения от нее плодов с сохранением в целостности субстанции сущности вещи².

Постепенно опыт римских юристов начал распространяться и на другие земли, и не обошел законодателя России в дореволюционный и современный периоды.

Экономические условия жизни дореволюционной России хотя и не исключали необходимости сервитутных отношений, но и не способствовали их активному развитию. Особенностью России было господство общинных начал в пользовании землей и отсутствие мелкой земельной собственности³.

Такое положение дел препятствовало широкому развитию сервитутов. Развитию сервитутов послужила аграрная реформа в начале XX, когда вслед после освобождения крестьян, начала возрождаться торговля, промышленность, население города росло, что привело к частым столкновениям, относящимся к разделению городских сервитутов⁴.

Анализ гражданского законодательства дореволюционной России о сервитутах позволяет сформулировать несколько его характерных черт. Первой такой чертой, была путаница в терминологии. Первоначально действующее законодательство термин «сервитут» не употребляло вообще⁵. В общероссийское законодательство это слово было

¹ Новицкий И. Б. Римское право // онлайн библиотека Гумер – Право и Юриспруденция – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/nov/05.php

² Машкин Н.А. История древнего Рима. М.: 1949. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/poster/15.php.

³ Горонович И. Исследования о сервитутах. // Доклад читанный в Киевском юридическом обществе 13-го ноября 1882 года. – Александрия: Тип. Ф. Х. Райхельсона, С.П.: 1904. – С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Маттель А. Заметки о порядке укрепления прав на строение находящееся на чужой земле // Журнал гражданского и уголовного права, книга 4, 1886. – <http://studentbank.ru/view.php?id=23018&p=7>

введено Положением о нотариальной части (ст. 159)⁶. До этого периода использовалась иная терминология, например, «право угодий в чужом имуществе» или как писал Г.Ф. Шершеневич «право участия общего и право участия частного»⁷. Разные термины, в которые законодатель вкладывал свое, порой специфическое, содержание, порождали разночтения и споры по поводу того, синонимичны ли эти понятия сервитутам.

Второй чертой, можно считать отсутствие в гражданском законодательстве дореволюционной России общих положений о сервитутах, в чем так остро нуждалось население⁸.

Третьим моментом, характеризующим дореволюционное законодательство о сервитутах, являются их конкретные разновидности, описанные в законе. Перечень установленных сервитутов, в отличие от римских форм, был гораздо более узким. В частности, закон устанавливал следующие разновидности сервитутов: 1) право ставить ульи в чужом лесу; 2) право въезда в лес; 3) право заниматься бобровым промыслом; 4) право примкнуть плотину к чужому берегу; 5) право выводить окна во двор соседа и некоторые другие⁹.

По сравнению с общероссийским Сводом законов гражданских указаний, перечень сервитутов в Своде гражданских узаконений губерний Прибалтийских был намного богаче. Прибалтийское законодательство классифицировало главным образом вещные сервитуты, среди которых выделяло две большие группы – сельские и домовые (в зависимости от того, устанавливались они в пользу здания или в пользу земельной собственности). В рамках сельских сервитутов, в свою очередь, выделялись дорожные, пастбищные, выгонов, сенокосов, пользования водами, въезда в лес, пчеловодства. В группе домовых сервитутов выделялись восемь вполне конкретных видов ограниченных прав: право возводить здание на постройках соседа, право укреплять в чужие стены бревна, право возводить строение, выдающееся над чужим пространством, право устраивать сток, право выливать помои, право строиться выше соседнего здания, право на свет, право на вид¹⁰.

Приведенный перечень свидетельствует о достаточно высоком уровне развития сервитутов на западных окраинах Российской империи и их адекватном закреплении в местном гражданском законодательстве. В результате получался определенный разрыв, несоответствие общероссийских норм о сервитутах и норм местных законов, в частности царства Польского и Прибалтийских губерний.

В советский период институт сервитута был забыт и практически не находил своего применения, однако, в ряде государств, образованных на территории бывшего СССР, гражданское законодательство ввело институт узуфрукта.

Так, ГК Азербайджанской Республики среди вещного пользования знает узуфрукт как разновидность права ограниченного пользования чужой недвижимой вещью (ст. 263 – 268)¹¹.

Узуфруктом, как устанавливается в статье 263 ГК АР, является такое обременение вещи или прав, при котором лицо, в пользу которого установлено обременение (uzufruktuar), имеет право на пользование вещью или правами и на извлечение из них выгоды, однако в отличие от собственника не имеет права сдавать их в залог, отчуждать или завещать¹². Узуфрукт по этому законодательству может устанавливаться не только на земельный участок, но и на жилье, а также на другие объекты недвижимости.

В соответствии со ст. 395 ГК Республики Молдова узуфруктом признается право пользования одним лицом (uzufruktuariem) определенный или определяемый период времени вещью другого лица (номинального собственника), получения ее плодов на тех

⁶ Горонович И. Исследования о сервитутах. // Доклад читанный в Киевском юридическом обществе 13-го ноября 1882 года. - Александрия: Тип. Ф. Х. Райхельсона, С.П.: 1904. – С. 3.

⁷ Шершеневич Г.Ф. Учебник Русского Гражданского права. М.: 1912. – С. 273 – 370

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Энциклопедический словарь начатый профессором И.Е. Андреевским, продолжается под редакцией К.К. Арсеньева и заслуженного профессора Е.Е. Петрушевского. С. 630

¹¹ <http://qanun.narod.ru/codes.html> - ГК Азербайджанской Республики ст. 263 от 01.09.2000.

¹² Там же.

же условиях, что и собственник, но с обязанностью сохранения существа вещи¹³. Узуфруктуарий обладает правом владения вещью, но не может произвести ее отчуждение. Но в отличие от законодательства других государств ГК Молдовы допускает в качестве предмета узуфрукта любые непотребляемые вещи – не только недвижимые, но и движимые.

Исследование проблемы сервитутов не может обойтись и без знакомства с французским опытом регулирования данной группы имущественных отношений. Именно здесь, в Кодексе Наполеона, можно обнаружить стройную систему гражданско-правового регулирования отношений собственников соседних имений. Сервитутам посвящен разд. 4 кн. 2. где буквально в первых строках (ст. 637) законодатель сформулировал понятие сервитута. Оно выглядит достаточно широким, поскольку включает в себя «повинности (обязанности), лежащие на одном имении для потребностей и пользы другого имения, принадлежащего иному собственнику»¹⁴.

Смысл гражданско-правового регулирования сервитутных отношений во Франции, заключается в желании законодателя заранее снять возможные разногласия и споры между соседями – собственниками имений, заложить такой механизм в действующие гражданско-правовые нормы, который позволял бы им действительно жить в мире и согласии¹⁵.

Преследуя эту главную цель, законодатель Франции позаботился о том, чтобы географическое положение участка соседа, пусть несколько невыгодное, неудобное, не отягощало его жизнь.

Таким образом, можно прийти к выводу, что гражданско-правовое регулирование законодательства Франции стремится предусмотреть правила, которые исключали бы возможные для соседа неудобства. Они могут быть вполне конкретными, законодательными, предусмотренными на случай, если сам сосед-собственник об этом просто не задумается. Например, ст. 681 Гражданского кодекса обязывает собственника устраивать крыши таким образом, чтобы дождевая вода стекала на его землю или на общую дорогу, но не может отводить ее на землю соседа¹⁶.

Интересным представляется Германское гражданское уложение. Немецкий законодатель определяет земельный сервитут как обременение земельного участка в пользу собственника другого земельного участка (§ 1018)¹⁷. При этом различаются три аспекта обременения. Первый состоит в предоставлении права использовать чужой земельный участок в определенных случаях. Второй аспект заключается в запрете осуществления собственником обремененного участка определенных действий и охватывает возможные отрицательные сервитуты. Третий аспект очень близок ко второму и заключается в запрете (или исключении) некоторых правомочий собственника обремененного участка в отношении участка господствующего¹⁸.

Таким образом, с позиций ГГУ, суть сервитута заключается как в предоставлении возможностей положительных действий в отношении чужой недвижимости, так и в воздержании собственника служебного участка от ряда действий (правомочий) с учетом интересов другого земельного собственника.

Некоторый интерес может представлять собой регулирование сервитутов в Японии. В этой стране под сервитутом понимается право использования одной недвижимости (участка земли) для удобства и выгоды другой (другого). Из данного определения следует, что в Японии не признаются личные сервитуты. Что же касается сервитутов земельных, то ГК Японии ставит задачу поднять их престиж и усилить роль в

¹³ <http://lex.justice.md/ru/325085> – ГК республики Молдова ст. 395 от 6.06.2002

¹⁴ Сайтов А. Французский гражданский кодекс 1804г. : история и современность // Журнал ЮРИСТ. – № 12. – 2004. – С. 3-15

¹⁵ Энциклопедический словарь начатый профессором И.Е. Андреевским, продолжается под редакцией К.К. Арсеньева и заслуженного профессора Е.Е. Петрушевского. С. 630.

¹⁶ Сайтов А. Французский гражданский кодекс 1804г. : история и современность // Журнал ЮРИСТ. – № 12. – 2004. – С. 3 – 15.

¹⁷ <http://constitutions.ru/archives/1727/12> – Германское гражданское уложение. § 1018.

¹⁸ Там же.

экономической жизни страны. ГК не содержит исчерпывающего перечня видов сервитутов, подчеркивая, что удобства и выгоды, предоставляемые через эту конструкцию, могут быть самые разные¹⁹.

Регулирует сервитутные отношения и гражданское законодательство США. Насчитывается порядка 17 видов сервитутов. Среди них есть традиционные типы, например, право прохода, проезда, право рыбной ловли, но есть и несколько необычные сервитуты, например, право устраивать в имении дозволенные законом развлечения, состязания и вообще все, что разумеется под словом «спорт», право требовать остановки, право на погребение и на место в церкви. Интересным видом таких отношений представляется «Право на извлечение прибыли», что дает своему владельцу два отдельных права – право прохода на землю другого лица и право извлекать из этой земли некоторые субстанции. Типичными примерами могут служить права бурения, добыча нефти, полезных ископаемых на чужом участке земли²⁰.

Обращаясь к цивилистике Российскойского гражданского права и законодательству РФ следует отметить, что согласно ч. 1 ст. 274 ГК РФ, собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком (сервитута)²¹.

По мнению А.Н. Копцева, в современном земельном (гражданском) праве отсутствуют положения о сервитутах как особой группе вещных прав. Подобная рассредоточенность по различным отраслям права вносит неопределённость в их общую систему. Является интересным и заслуживающим внимание его предложение в законодательном порядке предусмотреть возможность существования не только положительных, но и отрицательных сервитутов – это право требовать, чтобы собственник примыкающего (соседского) участка воздерживался от тех или иных действий²².

Сервитут даёт право субъекту в различном объёме пользования чужим земельным участком. Но каков бы ни был объём пользования, предоставляемого субъекту сервитутного права, он всегда меньше объёма прав собственника. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что, представляя право пользования, сервитут не распространяется на право распоряжения, потому что это право всегда остаётся за собственником²³.

Е.А. Суханов, анализируя положения о сервитутах пришел к выводу о том, что некоторые авторы поспешили отнести публичный сервитут к ограниченным вещным правам. По его мнению, публичные сервитуты представляют собой не отдельный вид ограниченных вещных прав, а только ограничения прав собственников соответствующих природных объектов, поскольку не имеют конкретных управомоченных лиц. Они представляют возможность неограниченному кругу лиц использовать названные объекты в том или ином установленном законом отношении²⁴.

Во-вторых, о юридическом своеобразии данного сервитута свидетельствует правило о необходимости его установления обязательно с учетом общественных слушаний, что для обычного гражданско-правового института просто невысказимо²⁵.

В-третьих, согласно п.1 ст. 23 ЗКРФ «частный сервитут устанавливается в соответствии с гражданским законодательством», следовательно является

¹⁹ Воробьев В.М. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. М.: 2008.

²⁰ Дерюгина Т. В. Гражданско-правовое регулирование института сервитута в России и в зарубежных странах: Дис. ... канд. юр. Наук. –: Волгоград, 2002. – С. 192.

²¹ Гражданский Кодекс РФ (часть первая) ФЗ РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 274.

²² Копцев А.Н. Сервитуты в римском праве и современном российском законодательстве // Гражданское право. – 2006. – № 2. – С. 24.

²³ Шершеневич Г.Ф. Учебник Русского Гражданского права. – М.: 1912. – С. 273–370

²⁴ Суханов Е.А. Ограниченные вещные права. // Ученые – юристы МГУ о современном праве. Под ред. М. К. Треушников. – М., 2005.

²⁵ Суханов Е.А. Ограниченные вещные права. // Ученые – юристы МГУ о современном праве. Под ред. М. К. Треушников. – М., 2005.

частноправовым институтом, тогда как все без исключения публичные сервитуты предусмотрены в нормах земельного, природно-ресурсного или административного законодательства, т.е. публичного права и потому лишены гражданско-правовой природы²⁶.

Все это по обоснованному мнению Е.А. Суханова, позволяет считать не лучшим «изобретением» современного отечественного законодателя²⁷.

Отсутствие единой системы регулирования указанной группы отношений понудило законодателя в внесении новых поправок в ГК РФ.

Так из представленного Государственной Думой на всеобщее обсуждение нового проекта ГК РФ следует, что регулированию сервитутов будет посвящена целая глава, в отличие сегодняшних четырех статей: 274 -277, в которой перечисляется исчерпывающий перечень видов сервитутов: перемещения (прохода, прогона скота и проезда), строительные (стройки и опоры), мелиорации, горные и коммунальные²⁸. Тем самым законодатель исключил действие диспозитивности в нормах Российского права и заложил императивный характер в названные выше отношения.

Наконец, в ГК РФ вводится понятие узуфрукт. Правом личного пользования – узуфруктом признается предоставленное собственником вещи другому лицу (пользователю) право пользования и владения такой вещью. Пользователем может быть гражданин, а в случаях предусмотренных ГК РФ, некоммерческая организация. Использование вещи, обремененной правом личного пользования, в предпринимательской деятельности не допускается. В отличие от сервитута, помимо отсутствия в составе сервитута правомочия владения чужой вещью, пользователь несет все затраты на ее содержание за свой счет.

Узуфрукт может быть общим и социальным.²⁹

Таким образом, вводя новую главу в ГК РФ законодатель по сути систематизирует отношения складывающиеся по поводу установления сервитутов, вводит новый институт – узуфрукт, чем решает ряд старых проблем, но и порождает новые.

В частности, представленный проект не оговаривает порядок установления сервитутов, форму соглашения, договора о сервитуте. Не понятно и то, будет ли детально регулироваться в новом ГК РФ такой вид сервитутов как публичный сервитут, а ведь он в настоящее время приобрел актуальность, и требует детального регулирования.

Интерес вызывает, будут ли, проводится общественные слушания при установлении публичного сервитута, и если да, то будет ли учитываться мнение слушателей при установлении таких отношений, или же такая процедура исключена законодателем, и если это так, то не нарушаться ли права граждан и организаций.

Принятие нового ГК РФ покажет, каким образом будет развиваться институт права ограниченного пользования (сервитуты) в системе Российского гражданского права, и какие проблемы будут устранены, а какие приобретут новое начало.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс РФ (часть первая) ФЗ РФ от 30.11.1994. г. № 51 – ФЗ. // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 274.
2. Воробьев В.М. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. – М., 2008.
3. Горонович И. Исследования о сервитутах. // Доклад читанный в Киевском юридическом обществе 13-го ноября 1882 года. – Александрия: Тип. Ф. Х. Райхельсона, С.П.: 1904. – С. 3.
4. Дерюгина Т. В. Гражданско-правовое регулирование института сервитута в России и в зарубежных странах: Дис. ... канд. юр. Наук. – Волгоград, 2002.

²⁶ Суханов Е.А. Ограниченные вещные права. // Ученые – юристы МГУ о современном праве. Под ред. М. К. Треушников. – М., 2005.

²⁷ Там же.

²⁸ www.consultant.ru – правовая база – консультант +.

²⁹ Там же.

5. Коппев А.Н. Сервитуты в римском праве и современном российском законодательстве // Гражданское право. – 2006. – № 2. – С. 24.
6. Машкин Н.А. История древнего Рима. М.: 1949. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/poster/15.php.
7. Маттель А. Заметки о порядке укрепления прав на строение находящееся на чужой земле // Журнал гражданского и уголовного права, книга 4, 1886. – <http://studentbank.ru/view.php?id=23018&p=7>
8. Новицкий И. Б. Римское право // онлайн библиотека Гумер – Право и Юриспруденция – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/nov/05.php
9. Сайтов А. Французский гражданский кодекс 1804г. : история и современность // Журнал ЮРИСТ. – № 12 – 2004. – С. 3-15.
10. Суханов Е.А. Ограниченные вещные права. // Ученые – юристы МГУ о современном праве. Под ред. М. К. Треушникова. – М., 2005.
11. Энциклопедический словарь начатый профессором И.Е. Андреевским, продолжается под редакцией К.К. Арсеньева и заслуженного профессора Е.Е. Петрушевского.
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник Русского Гражданского права. – М., 1912. – С. 273 – 370.
13. <http://qanun.narod.ru/codes.html> - ГК Азербайджанской Республики ст. 263 от 01.09.2000
14. <http://lex.justice.md/ru/325085> – ГК республики Молдова ст. 395 от 6.06.2002
15. <http://constitutions.ru/archives/1727/12> – Германское гражданское уложение. § 1018
16. www.consultant.ru – правовая база – консультант +.

DEVELOPMENT OF THE LAW INSTITUTE OF LIMITED USE OF FOREIGN REAL ESTATE IN RUSSIA AND SOME FOREIGN COUNTRIES

S.V. TYCHININ
M.S. LUPOVSKOY

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

The article considers the development of the institution of law restricted foreign real estate in Russia and some foreign countries. Analyzes modern approaches to the doctrine of civil law on the improvement of the named institution in Russia in terms of reforming the civil law.

Keywords. The right of limited use someone else's real property, easements (private, public), usufruct, property rights, the right to participate in common, the right to private participation.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 343.721

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ

И.Н. АРКИПЦЕВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: ArhiptsevIN@yandex.ru*

В статье дается определение понятию «предупреждение преступности» в целом, которое понимается исследователями в криминологии и формулируются конкретные предложения по противодействию и профилактике преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранный гражданин, лицо без гражданства, преступность, предупреждение, профилактика.

Статистические данные упрямо свидетельствуют о том, что в последние десятилетия на территории России все больше преступлений совершают граждане других государств и лица без гражданства. Так, за 12 месяцев 2011 года иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 44 тыс. 956 преступлений¹, хотя удельный вес рассматриваемого вида преступности в общем числе совершенных преступлений в России относительно невысокий (чуть больше 3 %), их динамика и интенсивность определяют необходимость, в том числе, научного исследования и решения данной проблемы. По оценке экспертов, в 2018 году доля преступлений иностранцев, постепенно возрастая, достигнет своего пика и может составить 9 % от общего числа всех зарегистрированных на территории нашей страны преступлений².

Стоит отметить, что преступления, совершенные иностранцами в Российской Федерации, сегодня имеют высокий уровень латентности. Средние показатели латентности таких преступлений превышают общероссийские в 1,7 раза³. В силу этого данные деяния имеют повышенную общественную опасность, которая проявляется и в их групповом и организованном характере, слиянии с транснациональной и международной преступностью.

В настоящее время преступления, совершаемые иностранцами и в отношении них, в силу достаточной распространенности, обладают повышенной общественной

¹ См.: Краткий анализ состояния преступности за январь-декабрь 2011 года. Электронный ресурс: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_102505/ (дата обращения 25.03.2012 г.).

² См.: Кобец П.Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России. – М.: «Экзамен», 2006. – С. 19.

³ См.: Богомолова К.И. Преступность, связанная с иностранцами // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. – С. 4.

опасностью и составляют отдельный, самостоятельный, специфический вид преступности. Полагаем, что данный криминогенный феномен требует своего подробного изучения в силу ряда обстоятельств, определяемых не только значительным ростом преступлений, совершаемых этими лицами, но и количеством деяний, направленных против них, что связано с повышенной виктимностью иностранцев, территориальной распространенностью и другими негативными особенностями совершаемых в отношении них преступлений.

В своей статье мы считаем целесообразным не только дать научно-практическое определение понятию «предупреждение преступности», которое понимается исследователями в криминологической сфере, но и сформулировать конкретные предложения по противодействию и профилактике преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

Заметим, что теория предупреждения преступности, как справедливо считают многие ученые – это и есть основное содержание криминологии⁴. В современной криминологической науке были разработаны и в настоящее время разрабатываются различные теоретические концепции предупреждения, предотвращения и профилактики преступлений. Впервые идея о том, что предупреждение преступности имеет приоритет перед карательной политикой государства, была высказана еще Платоном в IV веке до н.э., но практическое воплощение в жизнь она получила сравнительно недавно, так правовую аргументацию она получила в работах ученых классической школы уголовного права XVIII века, заложивших основу политики в борьбе с преступностью. Суть ее такова: «Мудрый законодатель предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»⁵.

Не вступая в полемику относительно смыслового значения терминов «предупреждение», «предотвращение» и «профилактика», имеющейся в юридической литературе⁶, считаем возможным присоединиться к позиции П.Н. Кобеца, который рассматривает их как взаимозаменяемые и равнозначные правовые категории⁷.

Вместе с тем, уместным является суждение о том, что в общей системе криминологии все остальные ее части являются базой для научной разработки проблемы профилактики преступности, что теория предупреждения есть тот раздел криминологии, в котором синтезируется и используется вся совокупность собранной этой наукой информации⁸.

Общепризнанным в теории предупреждения преступности является ее деление на две части: общую и особенную. В общую часть входят: предмет и понятие предупреждения преступлений, ее субъекты, система, специфика мер в зависимости от уровня решаемых задач, организация и управление этим видом деятельности, прогноз развития системы, планирование и координация профилактики преступлений и т.д. К особенной части относится разработка криминологических характеристик и специфики предупреждения отдельных видов и форм преступлений.

В теории криминологии можно выделить три аспекта исследований: 1) междисциплинарное исследование проблем преступности и других форм антиобщественного поведения, в которых криминология выступает в роли координатора либо заказчика исследований; 2) использование, особенно при разработке профилактических мер, сведений и экспертных оценок из других наук; 3) собственно криминологическое изучение и предупреждение преступлений. При этом необходимо определить те понятия, которые связаны с предупреждением преступлений.

⁴ См.: Ковалев М.И. Основы криминологии. М., 1970. – С. 10.

⁵ См.: Криминология: Учебник / под ред. д.ю.н. В.Н. Бурлакова, д.ю.н. Н.М. Кропачева Сальникова. СПб., 2003. – С. 177.

⁶ См., например: Криминология: Учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2002. – С. 432.

⁷ См.: Кобец П.Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России. – М.: «Экзамен», 2006. – С. 406-407.

⁸ См.: Клочков В.В., Кудрявцев В.Н., Шляпочников А.С. Теоретические основы предупреждения преступности / Отв. ред. В.К. Звирбуль. М., 1977. – С. 68.

Как отмечал В.К. Звирбуль⁹, предупреждение преступности состоит из иерархически трех связанных между собой задач: 1) профилактическое воздействие на динамику, структуру, причины преступности в целом (социальная профилактика); 2) предупреждение видов и форм преступного поведения, предупреждение преступлений в определенных сферах общественной жизни; предупреждение преступлений отдельными социальными группами лиц и т.д. (криминологическая профилактика); 3) предупреждение совершения преступлений отдельными лицами (индивидуальная криминологическая профилактика). Решение первой задачи выходит за рамки криминологии и является составной частью общественной практики вообще и предметом всех наук об обществе и человеке и контроле за преступностью. Криминология непосредственно изучает лишь ту часть проблемы, которая ограничивается профилактическим воздействием на деяния, запрещенные уголовным законом. Названный критерий, как полагает И.И. Карпец, определяет границы криминологических исследований и в разработке специальных мер предупреждения различных форм и видов преступлений, и в индивидуальной профилактике. В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский и А.Б. Сахаров, определяя круг общественных отношений и закономерности их функционирования в связи с решением задач предупреждения преступности, охарактеризовали их как систему деятельности по пресечению формирования и функционирования криминогенных процессов в обществе; связи между этими процессами и формированием личности; связи между личностью и ситуацией совершения преступлений.

Изучая понятие «предупреждение преступности», необходимо уяснить сущность таких понятий, как «объект», «предмет» и «субъект» предупреждения. Объект предупреждения – это общественные отношения, связанные с нарушением действующего законодательства, норм морали и других правил поведения в обществе. Предмет предупреждения – это конкретное поведение лица (группы лиц). Под субъектами предупреждения преступности в криминологической литературе понимают «государственные органы и общественные организации, а также должностных лиц и граждан, целенаправленно осуществляющих, на различных уровнях и в различных масштабах, меры, направленные на выявление и устранение причин преступности и условий, способствующих совершению преступлений»¹⁰.

Обычно субъекты предупреждения преступности делят на три группы¹¹: 1) субъекты общесоциального предупреждения – федеральные, региональные и местные органы власти и управления, общественные организации, не выполняющие непосредственные правоохранительные задачи; 2) субъекты специального предупреждения: а) государственные правоохранительные органы, непосредственно выполняющие правоохранительные функции (например, МВД, ФСБ, ФСКН и т.д.); б) государственно-общественные структуры, не являющиеся правоохранительными органами, но выполняющие правоохранительные функции (например, комиссии по делам несовершеннолетних); в) частные и общественные структуры, содействующие выполнению правоохранительных задач (например, частные охранные предприятия); 3) субъекты индивидуального предупреждения, т.е. конкретные люди, взаимодействующие с потенциальными правонарушителями, – соседи; родители и лица, их заменяющие; супруги; отдельные граждане, «вынужденные» общаться с такими людьми в силу сложившихся обстоятельств (учителя, преподаватели, сослуживцы по работе и т.д.). То есть предупреждением преступности, помимо правоохранительных органов, занимается широкий круг организаций, учреждений и простых граждан, деятельность которых нужно учитывать при рассмотрении данного вопроса.

⁹ См.: Криминология: Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 1997. – С. 63-65.

¹⁰ См.: Долгова А.И. Понятия советской криминологии / А.И. Долгова, Б.В. Коробейников, В.Н. Кудрявцев, В.В. Панкратов. М., 1985. – С. 83.

¹¹ См.: Горшенков Г.Н. Криминология и профилактика преступлений / Г.Н. Горшенков, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев и др. СПб., 2001. – С. 101; Криминология: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2003. – С. 184 – 185.

По вертикали структуру предупредительной деятельности можно разделить на три уровня:

1) федеральный уровень, который предусматривает следующие мероприятия: а) координацию всей предупредительной деятельности; б) выявление региональных ресурсов; в) научно-методическое и нормативно-правовое обеспечение; г) определение минимального стандарта предупредительных, профилактических и реабилитационных мероприятий; д) контроль за ходом реализации региональных программ по предупреждению преступности, особенно – по ее профилактике. При этом на государственном уровне должна быть решена одна из важнейших задач предупреждения преступности – удовлетворение основных жизненных потребностей человека, детерминирующих его здоровый образ жизни (нормальные жилищные условия и полноценное питание, доступность медицинской помощи семьям, специализированная социальная-психологическая поддержка и др.);

2) региональный уровень (субъекты Федерации), который: а) привлекает местные ресурсы; б) разрабатывает стратегию реализации региональной программы по предупреждению преступлений, с опорой на кадровый потенциал специалистов, осуществляющих предупредительную деятельность; в) практически реализует профилактические и иные программы по предупреждению преступности; г) учитывает специфику региональных условий (социально-экономических, этнокультурных, демографических, климатогеографических и др.); д) учитывает предшествующий позитивный и негативный опыт работы по предупреждению преступлений; е) контролирует ход реализации региональной программы;

3) местный уровень, который непосредственно осуществляет основную часть специально-криминологической и индивидуальной профилактической и иной предупредительной деятельности.

Справедливо утверждение П.Н. Кобеца, отметившего, что предупреждение преступлений – это сложный, многогранный процесс, обладающий определенными признаками целостности, который целесообразно рассматривать комплексно, выделяя его составляющие элементы¹².

По мнению В.Е. Эминова и И.М. Мацкевича, предупреждение преступности – это многоуровневая система мер и осуществляющих их субъектов, направленная на: а) выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступности, отдельных ее видов, а также способствующих им условий; б) выявление и устранение ситуаций на определенных территориях или в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений; в) выявление в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение этого риска; г) выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений, и оказание на них сдерживающего и корректирующего воздействия, а в случае необходимости – и на их ближайшее окружение¹³.

Считаем, что определение о том, что следует понимать под предупреждением преступности, сформулированное признанным классиком российской криминологии В.В. Лунеевым, наиболее полно вобрало в себя все изложенные нами позиции авторов по этому вопросу.

Под предупреждением преступности В.В. Лунеев понимает совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, проводимых правоохранительными и иными государственными органами и общественными организациями, а также отдельными гражданами и направленными на предотвращение уголовно наказуемых деяний в семье, школе, общественных местах, на производстве, в городе, области, стране и минимизацию причин, порождающих преступность¹⁴.

¹² См.: Кобец П.Н. Современное состояние теории предупреждения преступности и ее роль в оптимизации борьбы с преступлениями // Российская юстиция. 2012. № 1. – С. 19.

¹³ См.: Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2007. – С. 265 – 266.

¹⁴ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. I. Общая часть / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 925-926.

Мы согласны с мнением тех авторов, которые считают, что необходимо разработать и внедрить государственную программу профилактики преступлений¹⁵. Так, в 1996 году был опубликован проект Федерального закона о предупреждении преступности, который охватывал практически все аспекты предупреждения преступности¹⁶. В свою очередь, сотрудниками НИИ Генпрокуратуры РФ в 1997 году был разработан проект закона «Основы государственной политики борьбы с преступностью в РФ». К сожалению, данные проекты так и не были приняты. Вместе с тем, полагаем, что идеи, заложенные в них актуальны и в настоящее время и на их основе вполне возможно разработать Государственную программу профилактики преступлений или Федеральный закон о предупреждении преступности.

Среди ученых-юристов и сотрудников правоохранительных органов существует мнение о недостаточности существующего правового обеспечения профилактики преступлений, поскольку действующее законодательство не всегда эффективно используется в силу разрозненности и противоречивости правовых норм профилактического характера.

Отсутствие на федеральном уровне законодательного регулирования профилактической деятельности порождает разноречивость в реализации этой важной функции государства на уровне региональных систем профилактики правонарушений различными органами и организациями, а в ряде случаев, например, при осуществлении индивидуальной профилактической деятельности, приводит к нарушениям прав граждан. В целях недопущения возможности нарушения прав и свобод граждан перечень указанных лиц должен быть определен и закреплен специальным законом.

Представляется, что указанные обстоятельства обуславливают необходимость разработки и принятия федерального закона о федеральной системе профилактики правонарушений¹⁷.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537, установлено – главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать, в том числе, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения преступности, а также создание единой государственной системы профилактики преступности и иных правонарушений¹⁸.

В обеспечение реализации государственной программы профилактики преступлений, полагаем давно назрела необходимость создания Национального совета при Президенте РФ по предупреждению преступлений, которому предоставить координирующие функции между субъектами предупредительной деятельности, оптимального соотношения всех уровней профилактики преступлений и определения минимального стандарта предупредительных, профилактических и реабилитационных мероприятий на федеральном, региональном и местном уровнях.

Завершая рассмотрение общих вопросов предупреждения преступности, сформулируем, что на наш взгляд, должна включать в себя её система – это:

1) организацию объективного статистического учета, социологических и иных форм информации о криминализации и виктимизации населения в целях получения необходимых данных о реальной криминологической обстановке в стране, ее регионах, городах, районах, различных отраслях и сферах деятельности;

2) систематический мониторинг и анализ сведений о преступности, иных правонарушениях и связанных с ними экономических, социальных, организационных,

¹⁵ См.: Ведерникова О. Где найти защиту // Российская газета. 2012. 21 февраля.

¹⁶ См.: Лунев В.В. К проекту закона о предупреждении преступности // Государство и право. 1996. № 11. – С. 38-48.

¹⁷ См., например: Москвин Г.К. О необходимости Федерального закона «О федеральной системе профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Административное право и процесс. 2010. № 5. – С. 4-8.

¹⁸ См.: Электронный ресурс: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения 25.03.2012 г.).

правовых процессов, криминогенность которых может возрастать или уменьшаться в зависимости от различных политических и социально-экономических ситуаций;

3) непрерывное прогнозирование преступности, ее различных видов и их причинной обусловленности на ближайшие годы, и отдаленную перспективу;

4) разработку адекватных мер контроля и предупреждения преступности, как, например, это осуществляется в настоящее время в целях минимизации и предупреждения коррупции;

5) отслеживание общественно опасных, становящихся массовыми, но не криминализованных видов поведения в целях своевременной разработки необходимых форм контроля и реагирования на них, а при соответствующих условиях и их криминализации;

6) расчет сил и средств, необходимых для эффективного криминологического контроля и предупреждения преступности;

7) финансирование и материально-техническое обеспечение мероприятий по предупреждению преступности;

8) практическую реализацию комплексных и целевых программ по контролю и предупреждению преступности, по устранению или нейтрализации криминогенных факторов, по снижению возможностей совершения преступлений;

9) анализ эффективности и затратности контроля и предупреждения преступности в целом и конкретных мероприятий в частности в целях обратной связи для внесения необходимых корректив в противодействие преступности и ее отдельным видам;

10) объективную и систематическую информацию населения о криминологической обстановке в стране, регионе, городе, районе, отрасли и сфере деятельности, о принимаемых мерах, цене преступности и цене борьбы с ней, реальных результатах проводимой предупредительной работы;

11) правовое воспитание и правовое обучение населения в доступной и приемлемой форме.

Изложенные нами ранее определения понятий «предупреждение преступности», «объект», «предмет» и «субъект» предупреждения, особенности профилактики правонарушений, а также исследование составных элементов общей профилактики преступлений, как представляется, позволят нам сконструировать особенности предупредительных и профилактических мер, направленных на противодействие преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства.

Отметим, что среди многочисленных классификаций мер по предупреждению преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, выделяемых авторами¹⁹, наиболее точной и полной, по нашему мнению, представляется классификация, предложенная К.И. Богомоловой. Она выделяет общесоциальные меры, специальные меры предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, а также виктимологическую профилактику совершаемых ими преступлений²⁰.

Не претендуя на исключительность своей позиции, мы, используя предложенную классификацию в нашем научном исследовании и, применяя её, сформулируем необходимые общесоциальные меры, без которых, на наш взгляд, невозможно

¹⁹ См., например: Кобец П.Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России. – М.: Изд-во «Экзамен», 2006. – С. 423-505; Тонышев А.В. Преступность иностранных граждан в России: Криминологическая характеристика и профилактика: На примере граждан СНГ в Санкт-Петербурге: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. – С. 19-20; Магомедов Э.Б. Криминологические особенности преступности мигрантов-иностранцев в Республике Дагестан и ее предупреждение. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – С. 17-18; Морин А.В. Влияние миграционных процессов на криминальную ситуацию в России: На материалах Приволжского федерального округа. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. – С. 27-28; Утяцкий М.Н. Миграция иностранных граждан и преступность: криминологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – С. 16-19; Бальков В.Н. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства: По материалам Москвы и Московской области. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. – С. 22-24.

²⁰ См.: Богомолова К.И. Преступность, связанная с иностранцами // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. – С. 20-26.

полноценное и эффективное предупреждение и профилактика преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России.

В качестве общесоциальных мер по предупреждению преступности иностранных граждан и лиц без гражданства мы выделяем:

1. Социально-экономические меры по противодействию преступности иностранцев. Они включают в себя следующие мероприятия:

а) считаем, что регулирование государством миграционных потоков должно иметь целенаправленный характер и состоять в привлечении в страну большей частью высококвалифицированных специалистов иностранцев, которые намереваются переехать в Россию на постоянное место жительства. Таким лицам отечественное государство должно обеспечить необходимую материальную поддержку, медицинское обслуживание, правовую защиту. Необходима дальнейшая интеграция со странами СНГ, и в первую очередь, с государствами, входящими в Евразийский союз – Белоруссией и Казахстаном по упорядочению миграционных потоков²¹;

б) совершенствование экономических и правовых мер по предупреждению нелегальной миграции.

В начале XXI века заметно возросшая миграция населения не могла не повлиять на рост преступности. Так, на основании проведенных исследований известным советским криминологом М.М. Бабаевым было установлено, что в значительной мере области с повышенным прибытием мигрантов – это территории с наибольшим уровнем преступности, а области с наименьшим их прибытием характеризуются более низким уровнем преступности²².

В целях эффективности борьбы с преступностью иностранных граждан и лиц без гражданства, считаем, что назрела необходимость в разработке и принятии Концепции миграционной политики Российской Федерации на долгосрочный период, а также региональных программ борьбы с незаконной миграцией²³.

в) проведение постоянной целенаправленной работы по приему и обустройству трудовых мигрантов из иностранных государств. В этих целях в каждом регионе необходимо совместно с областными (республиканскими, краевыми) министерствами по труду и занятости населения создать центры занятости по трудоустройству иностранных рабочих. Данный центр должен решить следующие задачи:

– создание наиболее благоприятных условий для скоординированной и эффективной деятельности в области трудоустройства иностранных трудовых мигрантов;

– оказание консультационных услуг иностранцам по вопросам их трудоустройства в России;

– содействие органам государственной системы занятости в части снижения уровня безработицы и повышения профессионализма трудового потенциала России с целью его соответствия требованиям международного рынка труда;

– помощь иностранцам в трудоустройстве на вакантные места и оформление для этого необходимых разрешительных документов;

г) создание в каждом регионе центра по оказанию правовой, психологической и социальной помощи иностранным гражданам и лицам без гражданства, при которых должны быть «телефоны доверия», курсы обучения русскому языку и т.д.²⁴.

²¹ См.: Макарычев М. Персона нон миграта // Российская газета. 2012. 16 февраля.

²² См.: Бабаев М.М. Криминологическое исследование проблем миграции населения // Советское государство и право. – 1968. – № 3. – С. 17.

²³ Нами разработана и предложена программа борьбы с нелегальной миграцией в Белгородской области. См., подробно: Особенности миграционной политики в Белгородской области и ее влияние на региональную преступность: моногр. / Н.И. Архипцев, С.Ф. Нерубенко, И.Н. Архипцев. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 103-115.

²⁴ По мнению председателя правительства Российской Федерации В.В. Путина со следующего года необходимо сделать обязательным для приобретения или продления миграционного статуса экзамен по русскому языку, по истории России и русской литературе, по основам нашего государства и права. См., подробно: статья Председателя Правительства России В.В. Путина в «Независимой газете». 23 января 2012 года. Электронный ресурс: <http://premier.gov.ru/events/news/17831/> (дата обращения 25.03.2012 г.).

Уже сегодня в отдельных регионах ЦФО России имеются общественные приемные «социальная правозащита», где осуществляется скоординированная деятельность не только по трудоустройству иностранных граждан, но и оказание правовой, психологической и социальной помощи иностранным гражданам и лицам без гражданства, созданы курсы обучения русскому языку и т.д.²⁵.

д) необходимо создание единой информационной базы данных об иностранных гражданах и лицах без гражданства, находящихся на территории России, дактилоскопирование этих лиц²⁶. Так в Китае разработан проект закона, который предусматривает, что иностранцы, обратившиеся в местные органы общественной безопасности за видом на жительство, обязаны будут сдавать отпечатки пальцев²⁷. В настоящее время в отделениях ФМС России иностранцам предлагается добровольно пройти дактилоскопическую регистрацию, которые могут быть использованы в определенных законом ситуациях (авариях, стихийных бедствиях, террористических актах, поиске пожилых и детей, доказательством невиновности человека, которому предъявлено обвинение в совершении преступления)²⁸. Целесообразно постановлениями правительства РФ нормативно закрепить за органами пограничного контроля обязанность осуществлять сбор, хранение, обработку и передачу информации в миграционную службу о всех въезжающих в Россию иностранцах²⁹;

е) в связи с разработкой проекта новой Концепции миграционной политики РФ и планируемой правительством ликвидацией квот на иностранных работников, следует детально сформулировать профилактические меры воздействия на лиц, осуществляющих въезд в Российскую Федерацию путем нелегальной миграции, где, как показала практика, обычно фигурирует нелегальный бизнес и нелегальный рынок труда³⁰.

2. Организационно-управленческие меры по противодействию преступности иностранных граждан и лиц без гражданства. По нашему мнению, они должны состоять из:

а) полагаем, что для создания эффективной системы с преступностью, связанной с иностранными гражданами необходимо не столько увеличение численности имеющих сотрудников полиции, миграционной службы, сколько их специализация по пресечению и раскрытию таких преступлений³¹;

б) содержание проекта Программы Владимира Путина на первый президентский срок – 2012-2018 гг., которая создаст новую систему интерфейса отношений власти и общества, учета нужд и запросов граждан, как получателей социальной и экономической помощи, контроле народа за властью, а также учета идеи создания административных судов³²;

в) в соответствии с последними изменениями, внесенными законодателем в Положение о паспорте гражданина Российской Федерации теперь в случае выдачи паспорта гражданину, который приобрел гражданство Российской Федерации за ее пределами, на основании сведений, представленных им, территориальный орган Федеральной миграционной службы будет запрашивать информацию в Министерстве иностранных дел РФ³³. Считаю, что данная мера позволит более тщательно проконтролировать процесс получения иностранцем российского гражданства,

²⁵ См.: Интервью с руководителем общественной приемной в Курской и Белгородской областях А.В. Терновцевым // Административное право и процесс. 2009. № 5. – С. 39-40.

²⁶ См.: Магомедов Э.Б. Криминологические особенности преступности мигрантов-иностранцев в Республике Дагестан и ее предупреждение. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – С. 17.

²⁷ См.: Бугайская Е. У иностранцев возьмут «пальчики» // Российская газета. 2011. 28 декабря.

²⁸ См., подробно: Фалалеев М. Пропуск в Россию // Российская газета. 2012. 21 февраля.

²⁹ См.: Борисов Т. Приезжим готовят базу // Российская газета. 2012. 17 января.

³⁰ См.: Выжutowич В. Нелишние руки // Российская газета. 2012. 2 марта.

³¹ См.: Тонышев А.В. Преступность иностранных граждан в России: Криминологическая характеристика и профилактика: На примере граждан СНГ в Санкт-Петербурге: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. – С. 19.

³² См.: Кузьмин В. Вернуться к обществу, чтобы услышать запрос граждан // Российская газета. 2012. 13 января.

³³ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 года № 141 «О внесении изменений в пункт 11 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 2 марта.

застрахует от его получения лицами с сомнительной репутацией или криминальным прошлым у себя на родине;

г) проведение обязательного психологического тестирования каждого иностранного гражданина, пребывающего в нашу страну на срок более 1 месяца, с целью установления его возможности совершить преступление либо стать его жертвой и для последующего учета данных лиц и проведения профилактической работы с ними в специализированных центрах³⁴.

3. Правовые меры противодействия преступности иностранных граждан и лиц без гражданства. По нашему мнению, правовые меры по противодействию преступности иностранных граждан и лиц без гражданства должны включать в себя:

а) в связи с тем, что Федеральной службой исполнения наказания РФ разработана и внедрена новая модель оценки эффективности деятельности территориальных органов тюремного ведомства, целесообразно предусмотреть значительное расширение полномочий общественной оценки деятельности указанных органов и составления независимого рейтинга³⁵, которые будут охватывать, в том числе, и оценку показателей деятельности теми учреждениями, где отбывают наказания иностранные граждане;

б) необходим общественный контроль за регистрацией преступлений, совершенных иностранными гражданами, в виде регулярных виктимологических опросов местного населения, а также представителей национальных диаспор, с целью выявить фактическое число преступлений, совершенных иностранными гражданами на определенной территории и предупредить их совершение в дальнейшем;

в) необходимо предоставить общественности право принимать участие в решении вопросов условно-досрочного освобождения от наказания и помилования осужденных к лишению свободы иностранных граждан и лиц без гражданства и передать решение этих вопросов специальным комиссиям по условно-досрочному освобождению и помилованию, образованных из числа судей в отставке, представителей правоохранительных органов и общественных организаций.

Причем заметим, что 2 марта 2012 года Конституционный суд Российской Федерации подтвердил позицию Верховного Суда, сформулированную в пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 года № 9 (в редакции 23.12.2010 года) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», что суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания по основаниям, не указанным в законе, таким, как наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в одном из исправительных учреждений;

г) следует иметь в виду, что при Министерстве чрезвычайных ситуаций России был создан Центр экстренной психологической помощи, где функционирует интернет-служба экстренной психологической помощи населению. На сайте этой службы находятся не только информационные психологические ресурсы, но и в режиме интерактивного консультирования оказывается помощь людям, которые находятся в кризисной ситуации³⁶. Поэтому, считаем, что не только у граждан Российской Федерации, но и иностранных граждан, а также лиц без гражданства должна быть реальная возможность получения экстренной психологической помощи и консультирования, в ситуации, когда они находятся в стрессовом состоянии, возможно перед совершением преступления;

д) полагаем, что государством должна быть гарантирована всесторонняя защита прав потерпевших от преступления, и, в частности, потерпевших из числа иностранных граждан, которым необходимо оказывать бесплатную юридическую помощь, в том числе,

³⁴ См.: Богомолова К.И. Преступность, связанная с иностранцами // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. – С. 21.

³⁵ См.: Куликов В. Где на Руси сидеть хорошо? // Российская газета. 2012. 16 февраля.

³⁶ См.: Хорошилова Т. «Желаем друг другу безработицы» // Российская газета. 2012. 22 февраля.

для решения вопросов, связанных с возмещением материального и морального вреда, причиненного преступником в результате совершения им преступления. Представляется, что в настоящее время назрела необходимость в принятии специального закона о защите прав потерпевших от преступлений, проект которого был разработан в 2010 году Следственным комитетом РФ³⁷. Считаем, что основное содержание проекта закона и его направленность отвечают конституционным правам потерпевших, включая доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Предложенные социально-экономические, организационно-управленческие и правовые меры по противодействию преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России разработаны нами на основе глубокого анализа экономических, социальных, правовых и криминальных реалий при эволюционном развитии преступности этой группы лиц в нашей стране, и позволят, как представляется, дать действенный инструментальный правоохранительным и судебным органам в сфере борьбы с преступлениями этой достаточно специфической категории субъектов противоправных посягательств.

Список литературы

1. Краткий анализ состояния преступности за январь-декабрь 2011 года. Электронный ресурс: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_102505/ (дата обращения 25.03.2012 г.).
2. Кобец П.Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России. – М.: «Экзамен», 2006.
3. Ковалев М.И. Основы криминологии. М., 1970.
4. Криминология: Учебник / под ред. д.ю.н. В.Н. Бурлакова, д.ю.н. Н.М. Кропачева Сальникова. СПб., 2003.
5. Криминология: Учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2002.
6. Криминология: Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 2007.
7. Ключков В.В., Кудрявцев В.Н., Шляпочников А.С. Теоретические основы предупреждения преступности / Отв. ред. В.К. Звирбуль. М., 1977.
8. Долгова А.И. Понятия советской криминологии / А.И. Долгова, Б.В. Коробейников, В.Н. Кудрявцев, В.В. Панкратов. М., 1985.
9. Горшенков Г.Н. Криминология и профилактика преступлений / Г.Н. Горшенков, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев и др. СПб., 2001.
10. Кобец П.Н. Современное состояние теории предупреждения преступности и ее роль в оптимизации борьбы с преступлениями // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 19.
11. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. I. Общая часть / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 925-926.
12. Лунеев В.В. К проекту закона о предупреждении преступности // Государство и право. 1996. № 11.
13. Ведерникова О. Где найти защиту // Российская газета. 2012. 21 февраля.
14. Москвин Г.К. О необходимости Федерального закона «О федеральной системе профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Административное право и процесс. 2010. № 5.
15. Электронный ресурс: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения 25.03.2012 г.).
16. Тоньшев А.В. Преступность иностранных граждан в России: Криминологическая характеристика и профилактика: На примере граждан СНГ в Санкт-Петербурге: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
17. Магомедов Э.Б. Криминологические особенности преступности мигрантов-иностранцев в Республике Дагестан и ее предупреждение. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 17-18.
18. Морин А.В. Влияние миграционных процессов на криминальную ситуацию в России: На материалах Приволжского федерального округа. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008.
19. Утяцкий М.Н. Миграция иностранных граждан и преступность: криминологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
20. Бальков В.Н. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства: По материалам Москвы и Московской области. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

³⁷ См.: Электронный ресурс: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=2979> (дата обращения 25.03.2012 г.).

21. Богомолова К.И. Преступность, связанная с иностранцами // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
22. Макарычев М. Персона нон миграта // Российская газета. 2012. 16 февраля.
23. Бабаев М.М. Криминологическое исследование проблем миграции населения // Советское государство и право. – 1968. – № 3.
24. Особенности миграционной политики в Белгородской области и ее влияние на региональную преступность: моногр. / Н.И. Архипцев, С.Ф. Нерубенко, И.Н. Архипцев. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010.
25. Статья Председателя Правительства России В.В. Путина в «Независимой газете». 23 января 2012 года. Электронный ресурс: <http://premier.gov.ru/events/news/17831/> (дата обращения 25.03.2012 г.).
26. Интервью с руководителем общественной приемной в Курской и Белгородской областях А.В. Терновцевым // Административное право и процесс. 2009. № 5. С. 39-40.
27. Бугайская Е. У иностранцев возьмут «пальчики» // Российская газета. 2011. 28 декабря.
28. Фалалеев М. Пропуск в Россию // Российская газета. 2012. 21 февраля.
29. Борисов Т. Приезжим готовят базу // Российская газета. 2012. 17 января.
30. Выжурович В. Нелишние руки // Российская газета. 2012. 2 марта.
31. Кузьмин В. Повернуться к обществу, чтобы услышать запрос граждан // Российская газета. 2012. 13 января.
32. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 года № 141 «О внесении изменений в пункт 11 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 2 марта.
33. Куликов В. Где на Руси сидеть хорошо? // Российская газета. 2012. 16 февраля.
34. Хорошилова Т. «Желаем друг другу безработицы» // Российская газета. 2012. 22 февраля.
35. Электронный ресурс: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=2979> (дата обращения 25.03.2012 г.).

SOME ASPECTS OF THE COUNTER AND PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS AND PERSONS WITHOUT CITIZENSHIP IN RUSSIA

I.N. ARHIPTSEV

Belgorod National Research University

e-mail: ArhiptsevIN@yandex.ru

The article gives a definition of "crime prevention" as a whole, which is understood by researchers in criminology, and he formulates concrete proposals to prevent crimes committed by foreign and stateless persons in the Russian Federation.

Keywords: foreign citizen, stateless person, crime, prevention.

УДК 316.346.32-053.6

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.В. БАХАРЕВ¹⁾
Г.А. ФОМЧЕНКОВА²⁾

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: bacharev@bsu.edu.ru

*²⁾ Смоленский государственный
университет*

В статье речь идет о личностных детерминантах молодежи: индивидуализация, социализация, гендер, которые необходимо учитывать при формировании духовной безопасности современной молодежи. Авторы представляют сравнительный анализ результатов социологического исследования (мнения молодежи нескольких школ и высших учебных заведений) с позиции детерминант социализации и гендера.

Ключевые слова: безопасность, детерминанта, индивидуализация, социализация, гендер, молодежь, духовная безопасность.

При анализе современного научного знания духовной деятельности отводится определяющая роль не только в социально-экономическом развитии общества, но и в формировании новой гуманитарной парадигмы XXI века, ориентированной на жизнеобеспечение и безопасность России. Хотя в XX веке сфера духовной деятельности считалась надстройкой, а базис общества был сформирован из экономических и социальных отношений. По мнению В. Н. Кузнецова, категория «безопасность» может быть определена как сетевая устойчивая совокупность необходимых и достаточных факторов, надежно обеспечивающих достойную жизнь каждого человека; защищенность всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; цели, идеалы, ценности и интересы, культура и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз; способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для всех¹.

Безопасность относится к базисным потребностям индивидов, образуемых ими групп и создаваемых ими институтов, а ее обеспечение – извечная проблема человеческого бытия, всегда актуальная для человека и любых его сообществ, особенно для подрастающего поколения современного российского общества. Это связано, прежде всего с тем, что молодежь развивается в противоречивых ценностях, ориентациях, нормах.

Научное исследование в любой области предполагает выявление основных детерминант, т. е. причинно-следственных связей, движущих сил рассматриваемых процессов, определяющих их характер или отдельные черты. С точки зрения автора статьи такими причинно-следственными связями духовной безопасности молодежи будут являться личностные детерминанты, включающие в себя социализацию, индивидуализацию и гендер.

Человек, обретает свою родовую сущность (по Г.Гегелю, свое «неорганическое тело») благодаря систематическому участию в организованных социальных группах с момента рождения. Это участие называется социализацией «процесс усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности»².

В социологическом анализе процесса социализации личности выделяют три подхода: субъект-объектный, субъект-субъектный и интегральный. Авторы статьи предлагают свое видение процесса социализации, выделяя два подхода:

¹ Кузнецов В. Н. Социология безопасности: Учеб. пособие / В. Н. Кузнецов. М., КДУ, 2009. – С. 16.

² Розум С. И. Психология и социализации и социальной адаптации человека. СПб., Речь, 2006. – С. 15.

а) объектный подход, в рамках которого социализируемая личность рассматривается как объект влияния, главным субъектом которого является семья. Это определенная социальная подсистема, отношения между элементами которой (членами семьи) так или иначе структурированы, это первая и весьма специфическая социальная среда, в которой оказывается ребенок сразу после рождения. Выполняя функцию первичной социализации, семья создает для общества «некую личность», которая обладает определенными интеллектуальными, нравственными и физическими качествами.

В современном обществе на фоне системного кризиса происходят качественные изменения макросреды, которые сопровождаются деформацией социальных объектов, в частности семьи. С одной стороны, при таких условиях «выживания», семья не может полноценно выполнить важнейших функций: формирование у молодого поколения чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне, веры в высшие ценности (мораль, нравственность, совесть, справедливость). Именно эти качества и являются составляющими духовности человека, обеспечивающие его безопасность. С другой стороны, молодежь наблюдая материальное расслоение общества, маргинальность социальных и правовых норм, терпимость общества к аморальному и противоправному поведению, религиозным сектам, усваивает общепринятые обществом образцы поведения, нормы, ценности, идеалы, которые являются в дальнейшем средствами регуляции индивидуального поведения, связанного с выполнением общественно значимых функций.

Проведенное авторами статьи исследование подтверждает высказанную позицию: на вопрос «Как часто Вы встречаете людей, которые соблюдают правила и нормы поведения; соблюдают культуру речи; верят в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм); заботятся о слабых членах общества (не только о родителях или близких); верят в духовные (религиозные) ценности?» опрошиваемая молодежь ответила следующим образом (таблица 1)³:

Таблица 1

**Мнение респондентов на вопрос:
«Как часто Вы встречаете людей, которые:» (%)**

	<i>Очень часто</i>	<i>Часто</i>	<i>Трудно сказать</i>	<i>Редко</i>	<i>Совсем не встречаю</i>
а) соблюдают правила и нормы поведения	69	171	262	391	107
б) соблюдают культуру речи	40	121	261	520	58
в) верят в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм)	44	172	295	383	106
г) заботятся о слабых членах общества	37	160	293	411	99
д) верят в духовные (религиозные) ценности	101	155	240	366	138

Из таблицы видно, что 1/2 респондентов не встречают тех людей, которые соблюдают правила и нормы поведения, культуру речи, верят в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм), заботятся о слабых членах общества (не только о родителях или близких), верят в духовные (религиозные) ценности. Около 1/5 встречают таких людей, ответ «трудно сказать» выбрали 30 % молодых людей.

Тем самым можно сказать о том, что и общество и семья формируя исполнителей социального действия, усвоивших социальные формы сознания и поведения посредством «интернализации» социальных норм являются активными субъектами социального влияния на молодежь его духовную безопасность;

³ Фрагмент социологического исследования (общий объем выборки составил 1000 человек), в котором приняли участие респонденты (обоих полов: 53 % юношей и 47 % девушек, возрастные границы от 14 до 25 лет) средних и высших учебных заведений г. Смоленска и г. Ярцево Смоленской области.

б) *субъектный подход*, где личность выступает как активная сторона. Для развития и становления молодого человека, как личности, немаловажную роль играет его социальное окружение (группы друзей), которое является мощным катализатором индивидуального поведения каждого члена группы, т.к. они, как правило, возникают самопроизвольно и спонтанно. Направленность группы во многом зависит от личных качеств ее лидера, являясь активным субъектом, он изменяет социальную среду группы через «психологическое заражение и подражание» и через эмоциональное притяжение. Согласно исследованию автора, $\frac{1}{3}$ респондентов (27,9 %) отметили, что в их поведении имеет место факт «слепого» подражания лидеру. В отличие от коллективов и иных социальных общностей такие группы мало поддаются социальному контролю и подвержены восприятию деформированных черт сознания и поведения. Объясняется это тем, что группа зачастую не имеет общественно полезных целей, положительного организующего начала, единых и прочных принципов деятельности⁴.

Справедливости ради отметим, что далеко не все стихийные группы и компании имеют антиобщественную направленность. Однако наряду с просоциальными (социально положительными) существуют и асоциальные (стоящие в стороне от основных общественных проблем), а также антисоциальные (социально отрицательные) стихийные неформальные группы.

В рамках индивидуализации предметом анализа становятся социальные, социально-психологические и духовные изменения, которые оказываются условием и средством «вхождения» молодого человека в общество. Они определяют существование самого общества, а следовательно и поведение каждого его члена, именно в этом проявляется «родовая человеческая сущность» (в философском анализе), общественная ситуация, в которой осуществляется процесс социализации. С этими детерминантами связано превращение управляемого биологическими импульсами и побуждениями существа в существо, наделенное сознанием и способное к самоконтролю, т.е. в личность.

Индивидуализация тесно связана с проблемой *свободы воли и трансцендентности человеческой сущности, а также с проблемой творческого начала в процессе социализации. Здесь наблюдается коренное противоречие, порождаемое самой сущностью процесса социализации как «...последовательного нормирования всех аспектов жизнедеятельности человека, являющегося необходимым условием эффективной деятельности общественной группы как единого субъекта»*⁵. Разрешение этого противоречия заключается в следующем: человек становится более свободным и в большей степени может проявить свою индивидуальность, если им будут усвоены, интериоризированы нормативные требования общества.

Только через взаимодействие социальной детерминированности и индивидуальной свободы можно понимать социализацию как способ социального бытия человека, «проявляющийся в динамике личностного начала, самореализации сущностных сил индивида в процессе свободного преобразования окружающей действительности, в результате которого генерируется индивидуальность»⁶.

Если индивидуализация происходит неуспешно, то это может привести к деформации человека, особенно молодого, т. к. у молодежи еще недостаточно сформированы жизненные позиции. В обществе должен доминировать приоритет общечеловеческих ценностей перед всеми остальными (групповыми, сословными, классовыми, этническими и т. д.), приоритет безопасности личности перед безопасностью государственных институтов и общественных образований. Тем самым личность, ее индивидуальность признаются в качестве базисной основы человеческого бытия, безопасности.

Таким образом, молодежь как социальная группа переходного характера, чьей главной функцией выступает воспроизводство теоретического и прикладного знания,

⁴ Вебсайт: <http://www.study.online.ksua.spargalka/files7/n> (дата обращения: 05.03.11)

⁵ Розум С. И. Психология и социализации и социальной адаптации человека. СПб., Речь, 2006. – С.16.

⁶ Партина Л.В. социализация человека как проблема. Автореферат дисс. ...канд. филос. наук. Алматы, 1994. – С. 15.

обладает структурной двойственностью, что сказывается на формировании ее духовной безопасности. Эта двойственность обусловлена основными следующим. С одной стороны, воспроизводство теоретического капитала осуществляется вдоль вертикали культурно-исторической идентификации общества, образовательной проекцией которой является усвоение общеобразовательных дисциплин, основой которых является духовно-гуманитарное знание. С другой стороны, воспроизводство знания осуществляется вширь по горизонтали социально-практической специализации, в процессе которой молодежь получает профессиональное образование, ибо оно послужит ему в дальнейшем в деле адаптации и социализации⁷.

Следующей детерминантой формирования духовной безопасности молодежи является гендер, под которым понимается совокупность социокультурных и поведенческих характеристик и ролей, связанных с социальным и правовым статусом мужчин и женщин в обществе. Наряду с биологическими характеристиками пола существуют и оказывают огромное влияние на личность социальные характеристики – социальные нормы, роли и статусы, стереотипы, установки, правила поведения, психологические особенности.

Гендер, являясь продуктом культуры, постоянно воспроизводится при взаимодействии людей – в речи, невербальных, телесных проявлениях, одежде и т. д. Культура общества, его «менталитет» оказывает мощное воздействие на подвергающихся его влиянию индивидов. Согласно теории М. Брейбика мужчины придерживаются таких ценностей как, независимость и рационализм, а женщины – милосердие, сострадание, заботливость, внимательность, любовь, привязанность, эмоциональная поддержка, что наблюдается в таблице 2⁸.

Таблица 2

**Мнение респондентов на вопрос:
«Что Вы понимаете под термином «культурное общество»?» (%)**

№ n/n	Вариант ответа	Юноши	Девушки
1	Соблюдение правил и норм поведения	26,3	24,5
2	Соблюдение культуры речи	3,7	4,1
3	Вера в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм)	13,3	15,5
4	Забота о слабых членах общества (не только о родителях или близких)	1,3	4,3
5	Вера в духовные (религиозные) ценности	4,8	1,6
6	Уважение одного человека к другому	0,6	–

Из таблицы видно, что 1/6 девушек (15,5 %) и под «культурным обществом» понимает такое общество, где сформирована вера в высшие ценности: мораль, нравственность, патриотизм (13,3 % юношей заняли эту позицию) и 1/3 девушек (29,6 %) считают культурным обществом то, которое живет по нормам и правилам, как поведения, так и речи. Для сравнения: 1/3 юношей (30 %) заняли такую же позицию.

Как отмечалось выше, на моральное и духовное развитие молодежи влияют факторы социализации личности, следовательно, можно предположить, что в процессе социализации только около 1/3 девушек и юношей взаимодействует с «культурными» людьми (агентами социализации), которые и прививают им эти ценности. На вопрос «Как часто Вы встречаете людей, которые...»: ответы распределились следующим образом (таблица 3):

⁷ Вебсайт: <http://www.5ka.ru/72/17444> (дата обращения: 05.03.11)

⁸ Bbrabeck. M. Who cares? Theory, research and educational implications of the ethic of care. New York: Praeger. 1989. (дата обращения: 05.02.11)

Таблица 3

**Мнение респондентов на вопрос:
«Как часто Вы встречаете людей, которые:» (%)**

Позиция	Очень часто		Часто		Трудно сказать		Редко		Совсем не встречаю	
	1		2		3		4		5	
	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д
а) соблюдают правила и нормы поведения	19,3	12,9	24,8	19,2	1,6	2,8	1,0	2,7	5,8	4,3
б) соблюдают культуру речи	9,8	7,3	4,6	9,5	10,1	7,1	8,5	7,5	8,1	7,4
в) верят в высшие ценности (мораль, нравственность, патриотизм)	13,3	19,8	13,5	12,6	14,2	15,3	15,6	13,7	12,4	11,6
г) заботятся о слабых членах общества	2,5	4,4	4,4	5,6	19,1	19,2	20,5	20,6	18,0	18,6
д) верят в духовные (религиозные) ценности	5,1	5,6	2,7	3,1	5,0	5,6	4,4	5,5	5,7	8,1

В современном плюралистическом обществе, где доминирует идеология и социальные изменения, влияющие на мужчин и женщин, как участников общественных отношений, различия между мужскими и женскими функциями (за исключением деторождения) становятся более неопределенными, категории ценностей «мужских» и «женских» также становятся более размытыми. Данная мысль подтверждается результатами социологического исследования автора (таблица 4).

Таблица 4

**Мнение респондентов на вопрос:
«Каково Ваше отношение к следующим видам поведения у молодежи» (%)**

Позиция	Положительно		Все равно		Отрицательно	
	1		2		3	
	Ю	Д	Ю	Д	Ю	Д
а) сексуальная свобода	14,7	11,3	16,6	14,7	18,7	24,0
б) употребление наркотиков	4,0	7,0	6,7	5,8	39,3	37,2
в) употребление алкоголя	6,0	8,1	16,9	15,8	27,1	26,1
г) употребление никотина	6,4	9,1	15,4	15,7	28,2	25,2
д) употребление токсических веществ	7,8	9,8	5,5	7,2	36,7	33,0
е) социальная апатия	0,9	0,8	17,8	11,2	31,3	32,4
ж) нецензурная брань	3,3	7,2	19,4	14,5	27,3	28,3
з) безнравственное поведение	2,5	3,2	15,1	16,8	32,4	35,6

Опираясь на таблицу, наблюдаем следующее: процентные соотношения на тот или иной вид асоциального поведения практически одинаковы. Особенно, следует обратить внимание на ответы девушек с «положительных позиций» на все виды асоциального поведения (кроме позиции «социальная апатия»). К сожалению около 10 % девушек относятся положительно к этим видам безнравственного, аморального, бездуховного поведения (для сравнения, процентный показатель у юношей ниже, кроме первого – «сексуальная свобода»), а это будущие мамы, это те агенты социализации, которые будут воспитывать, и прививать ценности будущему поколению... Хотя отметим, что процентные показатели «отрицательного» отношения к девиантным видам поведения намного выше.

Итак, каким же образом, с позиции гендерного фактора, респонденты ответили на вопрос: «Можно ли современное общество считать «духовным обществом»?»:

«Да» – юноши – 4,3 %; девушки – 6,2 %;
«Нет» – юноши – 32 %; девушки – 29,8 %;
«Иное» (затрудняюсь с ответом, частично, духовность развивается, но безнравственность не исчезает) – юноши – 13,7 %; девушки – 14,0 %.

Безусловно, человеческие ценности (человеческая жизнь, индивидуальное сознание, совесть) не только целиком относятся к отдельным индивидам, но и обществу в целом. Однако, как было отмечено выше, существуют гендерные различия в понимании ценностей. Кроме того, у каждой культуры совокупности высших ценностей, также различаются. И личности, достигшие высших стадий морального развития, – это те, которые руководствуются именно этими ценностями. Все ценности приемлемы до тех пор, пока не вступают в противоречие с ценностями других людей, придерживающихся иных ценностей.

Проанализировав представленную информацию, необходимо сделать следующие выводы. Факторы социализации влияют на моральное развитие молодежи, а впоследствии и на духовную составляющую всего общества. Ценности, которые присущи русской культуре (общее счастье, ненасилие, целомудрие, нравственная чистота, почитание родителей и старших, коллективная ответственность) закладываются в семье, через дошкольные, школьные, профессиональные учебные заведения, средства массовой информации и другие социальные институты общества, посредством научения, прививается воспитанием и образованием. Нормируются не только потребности, но и структура потребностей, не говоря уже о ценностях которые по определению являются продуктами человеческой культуры.

В зависимости от макро- и микро условий и своих личных особенностей молодежь ограничена избирательными возможностями, но чаще всего она использует из них одну или несколько, останавливаясь на той, что понятнее и ближе всего ее образу жизни. Существует взаимосвязь макро- и микросреды в формировании духовной составляющей личности молодого человека. Выявление доминирующих детерминант, позволяет выявить динамику духовной безопасности молодежи, с помощью ценностно-нормативных ориентаций и определить стратегию ее формирования через социально-профилактическую работу.

Список литературы

1. Кузнецов В. Н. Социология безопасности: Учеб. пособие / В. Н. Кузнецов. М., КДУ, 2009. С. 16.
2. Розум С. И. Психология и социализации и социальной адаптации человека. СПб., Речь, 2006. С. 15, С.16.
3. Фрагмент социологического исследования (автор Фомченкова Г.А., дата проведения 2009-2010гг).
4. Вебсайт: <http://www.study.online.ksua.spargalka/files7/n>
5. Розум С. И. Психология и социализации и социальной адаптации человека. СПб., Речь, 2006. С. 15, С.16
6. Партина Л.В. социализация человека как проблема. Автореферат дисс. ...канд. филос. наук. Алматы, 1994. С. 15
7. Вебсайт: <http://www.5ka.ru/72/17444>
8. Bbrabeck. M. Who cares? Theory, research and educational implications of the ethic of care. New York: Praeger. 1989.

PERSONAL DETERMINANTS OF THE YOUTH'S SPIRITUAL SECURITY FORMATION IN SOCIOLOGICAL ASPECTS

V.V. BAKHAREV¹⁾
G.A.FOMCHENKOVA²⁾

¹⁾ *Belgorod State National
Research University*

e-mail: bacharev@bsu.edu.ru

²⁾ *Smolensk State University*

The article deals with the youth's personal determinants: individualization, socialization and gender, which should be taken into account when forming spiritual security of the modern youth. The author gives a comparative analyzes of the results of a sociological research (opinion polls of the youth from several schools and higher education establishments) from the point of such determinants as gender and socialization.

Keywords: security, determinant, individualization, socialization, gender, youth, spiritual security.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИРОДЕ МАТЕРИСКОЙ ЛЮБВИ

Ю.Г. БЕЛОГУРОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: belogurova@bsu.edu.ru

В статье раскрывается представление о природе материнской любви. Рассматриваются основные подходы исследования данного феномена. Проводится сравнительная характеристика представленных подходов.

Ключевые слова: материнская любовь, биологический подход, нравственный подход, социально – культурный подход материнской любви.

Материнство, являясь сложным феноменом, имеет эволюционную историю, социально – культурные и личностные особенности. Для человека материнство представляет собой универсальную ценность, поэтому для исследования процессов ее эволюции, необходимо обратиться к началу изучения этого феномена, основываясь главным образом на теоретическом и философском осмыслении.

Материнство непосредственно связано с понятием любви: любви родителя к ребенку. В современных исследованиях феномен материнской любви рассматривается в трех основных ипостасях. Первоначально выделяется биологический подход к проблеме. Он основывается на понимании отношения матери к своему ребенку как инстинкта, присущего многим высшим живым организмам. Материнская любовь как рефлекс рассматривается в психологическом подходе. В тоже время как универсальная ценность материнская любовь изучается в нравственном подходе. При всем отличии этих подходов, в основе лежит проблема исследования сути материнской любви. Ведь материнская любовь как нравственная ценность непосредственно связана с природным началом материнства, которое выражается в эгоистической любви к своему ребенку. В тоже время большая роль принадлежит социально-культурной составляющей, которая во многом влияет на эволюционную историю материнства.

Чтобы сравнить эти представления о материнстве, мы рассмотрим взгляды ученых, изучающих тот или иной подход.

Биологический подход исследования материнства представлен в работах В. Соловьева и П. Вейнингера. Русский религиозный философ В.С. Соловьев рассматривал материнскую любовь в разрезе природного, рефлекторного проявления. Данный вид любви Соловьев рассматривал как животный инстинкт, являющийся в своей основе бездуховным: «В материнской любви нет, собственно, признания безусловного значения за любимым. Признания его истинной индивидуальности, ибо для матери, хотя ее детище дороже всего, но именно только как ее детище, не иначе, чем у прочих животных, то есть здесь мнимое признание безусловного значения за другим в действительности обусловлено внешнею физиологическою связью»¹.

Теорию П. Вейнингера можно отнести к психологической теории материнской любви. В своих представлениях автор рассматривает данное явление непосредственно как рефлекс (рефлекторное взаимоотношение мать-ребенок), а в основе этой любви он видит отвержение в ребенке индивидуальности, а материнская любовь, по его мнению, является «навязчивой». П. Вейнингер представляет материнскую любовь как безнравственную, основанную на инстинкте, ведь любое желание даже взрослого «ребенка» «моментально сообщается матери, переходит в сферу ее личных переживаний и превращается самым необдуманым, самым неудержимым образом в ее собственное желание, в ее собственную жалобу. Никогда не прерывающееся взаимодействие между

¹ Соловьев В.С. Смысл любви – М., 2011. – 54 с.

матерью и всем тем, что было соединено с нею пупочной связью – вот истинная сущность материнства»².

Особенностью данной любви автор считает ее постоянство, которое не зависит от положения ребенка в обществе, ведь «становится ли сын святым или преступником, королем или нищим, остается ли он ангелом или превращается в мерзкое чудовище...», мать будет его любить. Поэтому «материнская любовь безнравственна, так как она не выражает определенного отношения к чужому «я», а представляет из себя с самого начала состояние какой-то сроченности. Как и всякая безнравственность, она является нарушением чужих границ».

При признании ребенка как личности происходит разделение матери и ребенка, в этот момент понятие материнской любви становится наполненным духовно – нравственной окраской. Данный ракурс материнской любви представлен в работе Э.Фромма «Искусство любви». Автор считает, что на уровне инстинкта материнская любовь имеет черты эгоистические, но при этом не отрицает, что в будущем эта любовь сможет преобразоваться в продуктивную. Но чтобы произошло данное разделение изначально необходим высокий уровень духовного развития самой матери и нравственные усилия при признании индивидуальности ребенка³.

В этой работе Фромм рассматривает любовь к младенцу как инстинктивную и рефлекторную, которая является эгоизмом женской натуры: «Нарциссистская, властная, с собственнической установкой женщина может успешно быть любящей матерью, пока ребенок мал». Автор считает, что материнская любовь может проявиться в полной мере только в период, когда ребенок взрослеет и начинает отдаляться от матери: «Материнская любовь к растущему ребенку, любовь, которая ничего не желает для себя, это, возможно, наиболее трудная форма любви из всех достижимых, и наиболее обманчивая из-за легкости, с которой мать может любить своего младенца». Ведь одним из критериев формирования личности растущего ребенка является его отдаление. В этот период истинная мать будет способствовать этому процессу, признавая право ребенка на индивидуальность. В этом и будет проявляться продуктивная любовь, которая, как считает Фромм, основана на том, что «женщина может стать действительно любящей матерью, только если она способна любить вообще; если она способна любить своего мужа, других детей, чужих людей, всех людей». Ведь в понятие продуктивная любовь Э.Фромм вкладывает смысл единения со всеми людьми без потери собственной индивидуальности: «Любовь заключается в переживании человеческой солидарности с нашими ближними»⁴.

Таким образом, в работе Э.Фромма материнская любовь рассматривается не только как инстинкт, но и как нравственная ценность, присущая истинно любящей матери. Он смог проследить процесс перерождения любви, основанной на инстинкте, в любовь нравственную, основанную на духовном начале. Таким образом, материнская любовь начинает позиционироваться как ценность в момент восприятия собственного ребенка как личности и становится в своей основе бескорыстной.

Следовательно, духовно-нравственный аспект уже начинает присутствовать в работах Э.Фромма. Также данное направление поддерживает Р.Апресян. В своей работе «Идея морали и базовые нормативно-этические программы» он исследует материнство как определенный вид отношений. Автор указывает, что инстинкт не всегда является базовой составляющей и указывает на социальную и культурную принадлежность материнства. Р.Апресян вводит понятие «матернализм», раскрывая его как процесс бескорыстной и возвышенной заботы. Таким образом, автор основным считает понятие заботы. В своей работе он выделяет функции материнства, которые определяют заботу: сохранение и обеспечение безопасности жилища; поддержка круга родственных и

² Вейнингер Отто Пол и характер. М: Астрель, 2012.- 512с.

³ Фромм Э. Искусство любви. – Минск: ТПЦ "Полифакт", 1990 – 80 с.

⁴ Фромм Э Здоровое Общество: ООО «Издательство АСТ», 2005. – 544 с.

дружеских связей; приготовление пищи; обслуживание семьи, а также обеспечение потребностей слабых; воспитание и обучение⁵.

К этому направлению также можно отнести позицию С. Радека. Он рассматривает заботу матери как «maternal work» (материнскую работу). Радек считает, что материнская любовь не может иметь гендерных и родовых отличий, но при этом остается социокультурным феноменом. Радек предполагает, что данную «работу» могут выполнять как женщины, так и мужчины в зависимости от культурно – исторической ситуации, но в большинстве культур эта роль все же отводится женщинам.

Таким образом, в нравственном подходе граница между восприятием материнства как инстинкта или как ценности проводится через признание в ребенке его индивидуальности (личности). Проследить этот процесс можно в основном через рассмотрение социализации ребенка в конкретном обществе или в отдельной семье. Следовательно, можно выделить социально – культурный подход, в котором исследуются влияние среды на ребенка, восприятие самого ребенка в определенном обществе и его матерью, рассмотреть факторы, влияющие на воспитание и развитие нового поколения. В процессе эволюции общества эти факторы всегда имели одну из основополагающих ролей и поэтому мы хотим подчеркнуть важность данного подхода при исследовании материнства и материнской любви. Данную тему раскрывают в своих работах такие ученые как Л. Де Моз, М. Мид и Н. Чодороу.

Феномен материнства рассматривается как исторически обусловленный, изменяющий свое содержание от эпохи к эпохе. Поэтому в социально- культурном плане институт материнства непосредственно зависит от признания индивидуальности ребенка. А в общественном сознании трансформируются не только материнские установки, но и образ ребенка.

М. Мид, исследующая данную тему, считает, что материнская забота и привязанность к ребенку заложена в условиях зачатия, вынашивания, родов и кормления грудью. Но при этом социальные установки могут полностью изменить отношение женщины к этим процессам. Автор отмечает, что для отрицания детородных качеств женщиной обществу необходимо исказить ее самосознание, «извратить врожденные закономерности их развития, совершить целый ряд надругательств над ними при их воспитании, чтобы они перестали желать заботиться о своем ребенке, по крайней мере в течение нескольких лет, ибо они уже кормили его в течение девяти месяцев в надежном убежище своих тел»⁶. Кросскультурные исследования показали, что там, где приоритетным является социальный ранг, женщина может задушить своего ребенка собственными руками. Например, так делали некоторые женщины Таити и индианки из племени Матчез, когда детоубийство могло повысить их социальное положение.

Следовательно, для исследования традиционного материнства с точки зрения его духовно-нравственного аспекта необходимо главным образом обратиться к изучению воспитания и социализации ребенка.

В своей работе Ллойд Де Моз с точки зрения психоанализа изучает стили воспитания на примере Европы. Он указывает, что ребенок не воспринимался как личность в культуре Европы вплоть до 18 века. В свою очередь материнство также не имело ценности. В работе «Психоистория» он пишет, что «История детства – это кошмар, от которого мы только недавно стали пробуждаться. Чем глубже в историю – тем меньше заботы о детях и тем больше у ребенка вероятность быть убитым, брошенным, избитым, терроризированным и сексуально оскорбленным»⁷.

Исследуя эволюцию детско-родительских отношений, Ллойд Де Моз выделил шесть стилей воспитания, которые сменяют друг друга поэтапно.

Первоначально преобладал стиль «детоубийства» (от античности до 4 века н.э.). В этот период дети и материнство не являлись ценностью. Этот этап характеризовался повсеместной практикой убийства ребенка в том случае, если могли возникнуть

⁵ Апресян Р. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М.: Российская Академия наук Институт философии, 1995. – 345 с.

⁶ Мид М. Культура и мир детства. – Москва: Директ-Медиа, 2007. – 878 с.

⁷ Ллойд Де Моз Психоистория. – М.: Феникс, 2000. – 512 с.

трудности в его воспитании. Ребенок должен был приносить практическую выгоду, иначе родители могли от него избавиться.

На следующем этапе ребенок начинает восприниматься как человек, который наделен бессмертной душой полной порока. Этот период Ллойд Де Моз охарактеризовал как «оставляющий» стиль (4 – 13 век нашей эры). Считалось правильным бить ребенка, ведь «битие есть ученье». А «трудных» детей направляли либо в монастырь на воспитание, либо к ремесленникам на обучение.

«Амбивалентный стиль» (14 – 17 века) приурочен к возвеличиванию культа девы Марии и характеризуется появлением руководств по воспитанию детей. Ребенок продолжает восприниматься порочным, поэтому воспитание основано на поэтапном жестком воздействии. Следовательно, на этом этапе ребенок еще не воспринимается как равный.

В 18 веке появляется стиль воспитания, который автор называл «навязывающий стиль». Отношение родителей начинает основываться на тотальном контроле над ребенком, включая его внутреннее состояние.

«Социализирующий стиль» (19 – середина 20 века) основан на социализации ребенка, направлении его на правильный путь. В настоящее время данный стиль также может встречаться в психолого-педагогических концепциях.

Середина 20 века характеризуется переходом на «помогающий стиль» в воспитании. Сущность ребенка начинает восприниматься как изначально добрая. Повышается ценность ребенка и детско – родительских отношений, возникает взаимная забота, уважение и ответственность.

Таким образом, несмотря на сложную эволюцию детско – родительских отношений, ребенок в настоящее время начинает восприниматься как личность, его ценят и воспринимают как равного в обществе, ведется планомерная работа по повышению значимости материнства и детства на разных ступенях социума.

Необходимо отметить позицию Н. Чодороу, которая исследует материнство с позиции гендерного анализа. Ее теория «воспроизводства материнства» основана на утверждении, что гендерная личность формируется через социальную структуру семьи. Ведь в традиционной семье роли матери и отца заранее распределены. Женщина – мать заботится о детях и воспитывает их. Она предрасположена к состраданию и ориентирована на благо для окружающих ее близких людей. Модель материнского поведения, по мнению Чодороу, формируется на основе копирования поведения матери девочками. Таким образом, материнство имеет гендерную основу, в которой четко разделены модели поведения женщины – матери и мужчины – отца. Данная теория имеет в настоящее время большую распространенность в России и за рубежом, так как подходит большинству традиционных семей.

Можно сделать вывод, что рассмотрение материнства с точки зрения биологического подхода основано на первоначальных животных инстинктах привязанности к своему ребенку. Эти инстинкты заложены в основу поведения матери, которая защищает и «вскармливает» своего ребенка. Ученые, исследующие данный подход, предполагают, что данный вид связи матери с ребенком является самым важным и не принижается его значимость, несмотря на социальные, духовные и культурные влияния, которые считаются второстепенными. А материнская любовь в данном подходе является бездуховной. П. Вейнингер рассматривал материнство как инстинкт, проявление эгоизма, которое не имеет нравственной ценности.

Как нравственная ценность материнство и материнская любовь, по мнению Э. Фромма, могут восприниматься при перерождении инстинкта в любовь, основанную на духовном начале. Но при этом ребенок должен восприниматься как полноценная личность, которая имеет право на собственный выбор и свободу. По мнению С. Радека материнство, проявляющееся в материализме, основано на бескорыстной возвышенной заботе. В тоже время некоторые ученые, исследующие материнство в рамках социально – культурного подхода, придерживаются мнения, что нерациональный характер материнства с точки зрения инстинкта в тоже время может быть полностью подавлен социальными рамками. Маргарет Мид считает, что материнский инстинкт может быть

исторически и социально обусловлен, то есть культура и эпоха непосредственно влияют на детско – родительские отношения. Таким образом, понимание материнства претерпевает изменения в социумах от эпохи к эпохе.

Таким образом, исследуя данные теории, мы пришли к выводу, что материнство первоначально основано на инстинкте, проявляющимся в эгоизме и нарциссизме. При этом материнский инстинкт не может быть во все эпохи оснополагающим, ведь в определенное время в отдельных культурах материнский инстинкт полностью подавлялся влиянием государства и общества. В этот период нравственная ценность материнской любви не имела своего проявления. Ценность материнства начинает возникать лишь в тот момент, когда женщина начинает видеть в своем ребенке личность, а мать по мере своих возможностей включается в социализацию и воспитание. В этот момент на первый план выносятся ценности материнской любви, заботы, поддержки ребенка. При этом эти ценности индивидуальны для каждой цепи мать – дитя, и основаны на возможности отчуждения от внешних социокультурных влияний.

Список литературы

1. Соловьев, В.С. Смысл любви [Текст]/ В. С. Соловьев – М., 2011. – 54 с.
2. Вейнингер, Отто Пол и характер [Текст]/ О. Вейнингер. – М: Астрель, 2012.- 512с.
3. Фромм, Э. Искусство любви [Текст]/ Э. Фромм. – Минск: ТПЦ "Полифакт", 1990 – 80 с.
4. Фромм, Э Здоровое Общество [Текст]/ перевод: ООО «Издательство АСТ», 2005. – 544 с.
5. Апресян, Р. Идея морали и базовые нормативно-этические программы [Текст]/ Р.Апресян. – М.: Российская Академия наук Институт философии, 1995. – 345 с.
6. Мид, М. Культура и мир детства [Текст]. – Москва: Директ-Медиа, 2007. – 878 с.
7. Ллойд Де Моз Психоистория [Текст]/ Л.Де Моз. – М.: Феникс, 2000. – 512 с.

REPRESENTATIONS OF THE MOTHER'S LOVE

J.G.BELOGUROVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: belogurova@bsu.edu.ru

The representation of the nature of mother's love is revealed in the article. The basic approaches of research of the given phenomenon are considered. The comparative characteristic of the represented approaches is carried out.

Keywords: mother love, biological approach, biological approach, social cultural approach of mother's love.

УДК 130.2

СТРАСТЬ К ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

М.А. БОРодовская

МЭСУ

e-mail: mrsmai@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о причинах и формах существования в современном мире экстремальных видов спорта и отдыха. Автора интересует тема специфики удовольствия, получаемого в экстремальных ситуациях риска. Согласно авторскому подходу экстремальность провоцируется урбанистической повседневной реальностью, может выступать как жажда трепета перед нечеловекообразностью природы и как способ самоутверждения, сопровождаемого риском. Экстремальность, считает автор, связана также с желанием прикоснуться к тайне смерти, хотя не для гибели, а ради утверждения жизни.

Ключевые слова: экстремальный спорт, экстремальный отдых, урбанизация, удовольствие, дикая природа, паркур, опасность, тайна смерти, утверждение жизни.

Широкое распространение и развитие в современном мире экстремальных видов спорта и активных форм отдыха свидетельствует о сильнейшем желании человека наших дней выйти за грань обыденного и почувствовать самого себя *иным*, преодолеть пути повседневности. Экстремальный спорт стал за последнее столетие излюбленным полем самореализации представителей Запада, детей урбанистического мира, давно забывших овеванную сакральностью соревновательность традиционного общества.

В экстремальном спорте акцент делается именно на получение удовольствия и внутреннего удовлетворения от риска и опасности для жизни, от нередких встреч с глазу на глаз с собственной смертью. В исследовательской литературе принято выделять следующие виды экстремального спорта: аквабайк (гонки на гидроциклах), парашютизм, паркур и фриран, силовой экстрим (выполнение силовых упражнений с нестандартными предметами, например, автомобилем), роуп-джампинг (прыжки со специальной страховочной веревкой с высоких объектов), бейсджампинг (прыжки с парашютом с фиксированных объектов), бизон-трек-шоу (гонки на тракторах), бокинг (экстремальный вид спорта с использованием флайпера), вейкбординг (трюки на вейкборде во время катания), трюки на велосипедах, горнолыжный спорт, дельтапланеризм и парапланеризм (использование парашюта и несущих потоков воздушных масс), граффити-бомбинг (скоростное рисование граффити в необычных условиях), кайтсёрфинг (движение на поверхности воды под действием силы тяги, развиваемой удерживаемым спортсменом воздушным змеем), каньонинг (преодоление речных каньонов без использования плавающих средств), скейтбординг и его разновидность маунтинбординг (у скейтборда увеличены колеса), маунтинбайк (спуск с горы на велосипеде), рафтинг (сплав на особой разновидности надувной лодки), сёрфинг, скалолазание (лазание по естественному и искусственному рельефу), сноубординг (спуск с заснеженных гор и склонов на специальном сноуборде), сэндбординг (использование сноубординга на песке), спелеология (спортивный туризм, связанный с прохождением пещер), стантрайдинг (трюковая езда на мотоцикле), роллерблейдинг (трюковое катание на роликовых коньках), фрибординг (спуск с асфальтовых склонов на фриборде), триал (виды езды на велосипеде, мотоцикле или автомобиле с преодолением препятствий), дайвинг и, наконец, урбан эксплорейшн (путешествия по заброшенным и диким местам планеты, сопряженные с опасностями)¹.

¹ Бурхард М. Книга Термиков: учебник по маршрутным полетам. Брянск, 2006; Волович В.Г. Человек в экстремальных условиях природной среды. М., 1983; Лопес Б.; Маккормак Ли. Мастерство езды на маунтинбайке / Пер. с англ. М., 2006.

Список этот вряд ли является абсолютно исчерпывающим, так как постоянно появляются новые виды экстрима, все более изощренных в средствах получения необычного рискованного наслаждения. Многие из них не являются спортом в собственном прямом смысле слова. И для большинства из них весьма характерной особенностью является стремление выйти за рамки городского высоко урбанизированного стиля жизни современной культуры. Во всех этих видах спорта превалирует желание переживания опасности, сопряженной с непосредственным риском для самой жизни, за рамками искусственного ландшафта больших городов или такой же полуискусственной пасторали пригородов.

Многие люди сегодня стремятся, к примеру, просто уезжать в отдаленные уголки планеты (в горы, к вулканам, в тайгу, к живописным озерам, океанским просторам и безлюдным островам) с целью наслаждения девственной дикостью природы. Правда, таковую сегодня становится найти все труднее и труднее как по причине алчной экспансии цивилизации, экологического кризиса, та и по причинам необычайной дороговизны такого «дикого туризма» с его естественными опасностями, впрочем, закаляющими человека не только физически, но в первую очередь психологически, эмоционально, делающими его энергетически заряженным и выносливым. Усталость от ритма городской жизни и ее серой блеклой однообразности неестественных красок и анонимных экзистенциально пустых фальшивых контактов компенсируется ощущением полноты жизни в ее аутентичной первичности, неотшлифованности, порой грозной пугающей *стихийности*. То есть ощущением всего того, от чего так горделиво избавила современника цивилизация. В наслаждении опасностью, риском значительная доля принадлежит именно ощущению неопределенности, нелинейности, необузданности, непредсказуемости и, что может быть самое главное и на что мы специально обращаем внимание, *непосредственного соприкосновения с реальностью не человекоразмерной, другой*, неподвластной культурным стереотипам и нормам. Внекультурная, стихийная реальность природы завораживает горожан этой своей неизмеримой глубиной или недостижимой высью, своей вселенской первичностью и необозримостью просторов.. Возникает совершенно специфическое *наслаждение страхом, хаосом и случайностью*. Речь однако не идет о том, известном любому горожанину страхе перед автомобилем на дороге или уличной пьяной ватагой. Такой страх, скорее, составляет некий момент городского «адреналина», страх же перед природой вызывает удивление и ощущение необычайной силы и космической масштабности: это прикосновение к *не* антропному топосу природы. Природное естество взрывается перед человеком своей безграничной свободой и непосредственностью, порождая наслаждение трепетом перед подлинностью изначального естества, риском попытки *пережить* такую стихийную силу, отчасти ее «очеловечить», «приручить».

В рамках самой городской культуры также сформировались определенные рискованные типы наслаждений. Ярким примером экстраординарного наслаждения является такой характерный для сегодняшнего урбанизированного жизненного пространства феномен как паркур. Причем в данном случае наслаждение вызывает не только сама рискованная ситуация, возможность серьезной травмы и даже гибели, но и само утверждение такого образа жизни, стиля поведения как идущего в разрез с массовыми тенденциями в том числе внутри самой молодежной культуры. Например, среди трейсеров (людей занимающихся паркуром) широко распространено убеждение в том, что паркур есть занятие гораздо более благородное, чем увлечение наркотиками или поиск криминальных наслаждений, типа уличных боев и т.п.

Само слово паркур французского происхождения и буквально означает некую полосу препятствий, дистанцию пути со сложностями. У его истоков стоят Давид Белль, Себастьян Фукан и др. В современном паркуре в качестве препятствий рассматриваются как архитектурные сооружения в городской среде (высотные дома, стены, железобетонные конструкции, трассы и пр.), так и специально созданные для проведения соревнований конструкции. В основе своеобразной «философии» паркура лежит способность владения собственным телом и его постоянное испытание на прочность,

тренировка гибкости, болетерпимости. Главный принцип паркура Давидом Беллем был выражен так: нет границ, есть только препятствия². Разумеется, подспудно в психологии и мировоззрении трейсеров присутствует оценка также и самой социальности как опыта (а не только как ее внешнего пространственно-телесного оформления), который можно и должно преодолевать. Паркур это специфическая символизация победы индивида над миром и обществом, довлеющим своей циничной логикой и правдой. Паркур отрицает всяческую «показуху», стремление работать на «публику», противиться превращению самого себя в некий афишированный брэнд.

В паркуре важно то, что используется исключительно собственное тело. Никакие специальные технические приспособления не допускаются. Необходимыми компонентами занятия паркуром являются прежде всего внутренняя гармония, союз собственного тела и духа, преодоление страхов и недостатков, а также правильное и сбалансированное питание. Для успешного занятия паркуром может помочь йога и другие древнеиндийские телесные практики, единоборства и легкая атлетика. Но с другой стороны паркурщик не ставит себе цель иметь крепкое накаченное тело, красивые мускулы и физическую силу. Наслаждение красотой собственного тела и его силой свойственно бодибилдерам.

В основе получения удовольствия от паркура лежит не столько риск и преодоление опасных препятствий, сколько принципиальное качественное расширение границ возможностей собственного тела (и духа), открытие новых форм преодоления и свободного перемещения в пространстве. В каком-то смысле цель паркура – саморазвитие человека. Трейсер наслаждается движением собственного тела, его вновь открывающимися возможностями в преодолении барьеров. Его наслаждение отчасти сродни наслаждению от полета, легкого парения в воздухе – давней и несбыточной мечты человека. Именно *наслаждение полетом и покорением высоты* также доминирует в основе других экстремальных занятий, которые лежат на грани между активным отдыхом и трюковым спортом (парашютизм, скалолазание, высокогорный альпинизм, роуп-джампинг, дельтапланеризм и др.).

Давид Белль, один из основателей движения паркура в конце XX века, в своей «философии» паркура несколько разошелся со взглядами Себастьяна Фукана. Для последнего наслаждение в паркуре переместилось с открытий возможностей собственного тела, свободного преодоления препятствий в пространстве на само зрелище, на визуальные и иные эффекты, вызываемые трейсерами³. Такое направление в паркуре получило название фриран. Наслаждение во фриране в гораздо большей степени носит эстетический характер⁴.

Во всех этих видах экстремального спорта и времяпровождения на лоне необузданных природных естественных стихий есть что-то очень здоровое, полезное и приятное. Изнеженность гламурного «денди» уступает место *характеру и воле*. Присутствие на грани жизни и смерти в них не является каким-то *извращенным желанием боли и смерти*. Скорее именно наоборот. Желание утверждения настоящей подлинной реальности жизни, наслаждение которой только тогда можно прочувствовать всей глубиной своего существа, понять всем своим существом (мысленно и телесно), когда переживается острота нахождения на ее границе. Стремление к встрече со смертью и опасности во имя утверждения жизни и безопасности. Действительность антропологического опыта конституирована приграничными формами. Ценность жизни и наслаждение ею осознается и дается именно на ее же границе.

За жаждой экстремального наслаждения, наслаждения опасностью для самого существования стоит определенная метафизика. Приведем здесь характерную выдержку из книги французского мыслителя XX века В. Янкелевича «Смерть», ставшей интеллектуальным бестселлером. В котором автор недвусмысленно показывает, что «познание» глубины жизни, «тайны бытия» это противоречивый процесс – с одной

² http://parkour.org.ru/parkour_read155.html.

³ http://ngotclanpk.clan.su/publ/o_parkure/biografija_sebastjan_fukan/1-1-0-2.

⁴ <http://tracers.net.ru/news18.html>.

стороны, эта тайна в своей реальности всегда отодвигается во времени, пока не наткнется на *окончателность* всякого временного свершения в смерти, с другой – само это свершение, сама жизненность воспринимается как покрывало истины. «Счастье – это забота о наслаждении. Оставаясь в настоящем, человек наслаждается в свое удовольствие, предается безраздельному блаженству; однако его беспокоят будущее и последствия наслаждения. Конечно, наслаждение включает последствия лишь как возможность и лишь с точки зрения разума. Ведь сколько бы я ни ощупывал мое наслаждение, как бы я к нему ни прислушивался, ни принимался, – его эмоциональный вкус не содержит ни малейшего привкуса будущего страдания, которое, быть может, мне угрожает; в нем нет ни малейшего намека на болезнь, которую мне предрекают: ведь спазмы желудка не выявляются аналитически, хотя бы как предощущение, в свойствах моего удовольствия, когда я смакую вредное лакомство; так что иногда мы предпочитаем думать, что эти спазмы добавлены нам в наказание. Наслаждение говорит одноголосым языком наслаждения, ничего не подразумевая... Ибо последствия удовольствия развертывает только время!»⁵. И далее: «Озабоченность скрытой глубиной в пределе выражает невидимое, *отсутствующее присутствие смерти*, ибо смерть – самая сокровенная тайна в тайниках нашей души»⁶ (выделено нами. – М.Б.). Переживание себя как сущего есть по сути открытие *этой* тайны, влекущее вместе с тем не абстракцию *посюсторонней* жизненности, а ее максимальнейшее напряжение, извержение, изъятие ее из ее же эмпирического покрова без разрушения его первозданного магнетизма.

Однако в современной культуре существуют и удовольствия, имеющие под собой именно такую природу акцентированного желания аномального, противоестественного. То есть речь идет в данном случае не просто о наслаждении риском, неопределенностью, опасностью, а именно о желании причинения боли, страдания себе или окружающим, как на соматическом уровне, так и на психологическом, эмоциональном, смысловом и семантическом (слово как удар, знак как выражение ненормального и пр.). В сфере сексуальных отношений и удовольствия это прежде всего конечно садомазохизм. Разумеется, что появился он вовсе не в XX веке, он был известен задолго до христианства. И как показывает Фуко в своей «Истории сексуальности», был порицаем, и осуждался даже «языческими» нормами греческого и римского общества. В данном случае мы не ставим себе цель детального анализа самого феномена садомазохизма, так как он довольно подробно описан в соответствующей литературе⁷. В данном случае важно подчеркнуть его симптоматичность для современной ультрагедонистической культуры, в которой нормальные удовольствия в том числе сексуального характера уже не состоянием удовлетворить жадное желание, ищущее все новых и острых приключений и порой страдающее от неудовлетворенности и безысходности.

Не имея возможности в нашей короткой статье дать более обширный и детальный анализ экстремальных удовольствий, мы хотим подчеркнуть, что страсть к экстремальности, присущая человеческой природе, приобретает в современных условиях особые конкретно-культурные черты и может нести в себе как позитивный, так и негативный психологический заряд. Удовольствие риска способно быть стимулом самореализации, хотя в его сердцевине неизбежно светится тайна смерти.

Список литературы

1. Бурхард М. Книга Термиков: учебник по маршрутным полетам. Брянск, 2006;
2. Волович В.Г. Человек в экстремальных условиях природной среды. М., 1983;
3. Имелинский К. Сексология и сексопатология / Пер. с польского. М., 1986;

⁵ Янкелевич В. Смерть. М., 2000. – С.51.

⁶ Там же. – С.52.

⁷ Имелинский К. Сексология и сексопатология / Пер. с польского. М., 1986; Куленкович Т.О. Консенсуальный садомазохизм как форма реализации отношений власти-подчинения // Психологический журнал. 2008., Фурманов И.А. Феномены садизма и мазохизма: историческая эволюция представлений // Психологический журнал. 2006. №4.

4. Куленкович Т.О. Консенсуальный садомазохизм как форма реализации отношений власти-подчинения // Психологический журнал. 2008.
5. Лопес Б.; Маккормак Ли. Мастерство езды на маунтинбайке / Пер. с англ. М., 2006.
6. Фурманов И.А. Феномены садизма и мазохизма: историческая эволюция представлений // Психологический журнал. 2006. №4.
7. Янкелевич В. Смерть. М., 2000.
8. http://parkour.org.ru/parkour_read155.html.
9. http://ngotclanpk.clan.su/publ/o_parkure/biografija_sebastjan_fukan/1-1-0-2.
10. <http://tracers.net.ru/news18.html>.

LUST FOR EXTREMENESS

M.A. BORODOVSKAYA

MSEU

e-mail: mrsmai@yandex.ru

This article considers the issue of reasons and forms of extreme sports and lesures in the contemporary world. The author is interested in the specifics of pleasure obtained in extreme situations of risk. The extremeness is provoked by the urban everyday reality. It is a way of fear of non-human measurings of nature and the means for self-realization in risk situations. The author claims that extremeness is linked to the desire to touch the death mystery – not tpo perish but to affirm life.

Keywords: extreme sports, extreme lesure, urbanization, pleasure, wild nature, parcours, danger, death mystery, affirmation of life.

СИСТЕМА КАДРОВОЙ РАБОТЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РЕГИОНА

А.А. ГОРЯЙНОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

В статье рассматриваются условия, обеспечивающие результативность использования базисных технологий работы с кадрами организаций и учреждений социальной сферы.

Ключевые слова: ценности, принципы, нормы и практики управления занятостью; управленческие механизмы, методы реализации ценностей.

В настоящее время большинство действующих в сфере социальной защиты организаций и учреждений сталкиваются с проблемами поддержания показателей работы своих сотрудников на уровне, который бы соответствовал ожиданиям потребителей и содействовал достижению перспективных целей организации. Решение задачи повышения эффективности деятельности социальных служб требует оперативного реагирования на все происходящие изменения. В основе системы оказания услуг должны лежать рыночные принципы, такие как действие, гибкость, ориентация на клиента и его потребности, баланс управленческих функций в рамках иерархической системы, самостоятельность в рамках профессиональных компетенций. Эти принципы должны найти свое отражение и в организации кадровой работы в системе социальной защиты.

Формирование системы кадровой работы в организациях и учреждениях социальной защиты в соответствии со стратегическими целями ее развития предусматривает как усилия по преодолению таких противоречий, как нивелирование профессионально-статусных различий, затрудняющих управляемость трудовыми коллективами, повышение уровня профессионализации персонала, оптимизацию использования социально-сетевых ресурсов (социального капитала), так и создание новых институциональных основ развития кадрового потенциала – внедрение унифицированных принципов организации кадровой работы.

Кадровая работа должна выстраиваться таким образом, чтобы каждый сотрудник видел возможности проявления собственной инициативы в рамках достижения общих целей, стоящих перед организацией/учреждением социальной сферы. С одной стороны, кадровая работа в институтах социальной сферы региона должна быть ориентирована на устойчивое развитие в ситуации изменения социально-экономических и правовых условий деятельности, с другой, в ней самой должен быть заложен потенциал модернизации системы, прежде всего, посредством использования возможности привлечения на работу высококвалифицированных профессиональных специалистов, имеющих потенциал для творчества, научного поиска в решении нестандартных задач.

Ориентация на опережение, новаторство, с учетом грядущих изменений не только организационно-правовых и экономических условий труда, но и характера, самого содержания трудовой деятельности, требует повышенного внимания к вопросам профессионального развития кадров социальных служб, а именно создания системы регулярного обновления специалистами своих профессиональных знаний, умений и навыков. Причем важно выстраивать эту систему на основе личной заинтересованности сотрудников, с применением как внешних экономических мотиваторов и долговременных социальных гарантий, которые бы стимулировали персонал постоянно повышать свою квалификацию, так и внутренних мотивов, связанных с ощущением значимости своей работы для других, высокой общественной оценкой данной профессиональной деятельности.

Таким образом, ключевыми целями кадровой работы в органах и учреждениях социальной защиты региона должны стать:

- создание благоприятных условий для формирования высокого профессионализма, оптимального использования и преумножения человеческого капитала сотрудников;
- предоставление гарантий реализации сотрудниками своих профессиональных способностей и возможностей карьерного роста;
- стимулирование активности и инициативы работников при решении профессиональных задач.

Для достижения указанных целей необходимо, во-первых, *совершенствование нормативно-правовой базы по стандартизации профессиональной деятельности, формализации процедур и определению критериев качества оказания социальных услуг.* В стране и регионах подобная работа ведется. Уполномоченные органы государственной власти устанавливают стандарты, разрабатывают административные регламенты оказания социальных услуг населению, детализирующие процедуры, требования к объему, качеству и срокам их. Добавление методической компоненты (описание возможных методов социальной работы, технологий ведения типичных случаев и пр.), а также описания эмпирически measurable требований к конечному результату работы как изменениям личной ситуации клиента, с одной стороны, будут способствовать повышению качества оказываемых услуг, с другой, позволят более объективно оценивать трудовой вклад сотрудников.

Во-вторых, требуется *разработка технологий комплексной, объективной оценки профессиональной компетентности, личностных, морально-нравственных качеств сотрудников, а также результатов их профессиональной деятельности при осуществлении текущей оценки, отборе, расстановке кадров.* Сотрудники должны понимать, за какой объем работы, выполненной в какие сроки, с какими критериями качества они получают заработную плату и могут получить/лишиться дополнительного вознаграждения в виде премирования, процентных надбавок, будут продвигаться по карьерной лестнице, либо оставаться в карьерных тупиках (на должностях, не предусматривающих роста). Без конкретизации указанных критериев не представляется возможным выстроить эффективную систему мотивации персонала. Сотрудники должны иметь возможность участвовать в планировании собственной профессиональной карьеры. Персонализация профессиональных функций будет способствовать повышению личной и коллективной ответственности сотрудников социальных служб за результаты работы.

В-третьих, необходимо *проектирование и внедрение технологий, нацеленных на развитие деловых качеств сотрудников, коллегиальных методов принятия решений, в том числе по кадровым вопросам, и методов командной работы, расширяющих внутриорганизационные социальные связи и усиливающих групповой контроль.* Для активизации кадрового потенциала организаций и учреждений социальной защиты необходимо развивать не только сугубо профессиональные качества, но и стимулировать, поощрять инициативность, предприимчивость сотрудников, востребованные при проектной и грантовой форме оказания услуг. Коллегиальные методы принятия решений и работа в команде будут укреплять отношения коллективной ответственности, личного доверия, корпоративной солидарности, тем самым повышая управляемость коллективов социальных служб в условиях изменения их полномочий.

В-четвертых, необходимо *развитие взаимосвязей с научными и образовательными учреждениями как в области подготовки, переподготовки, повышения квалификации кадров, так и в сфере научных исследований.* Такое сотрудничество может быть полезным уже на этапе разработки стандартов оказания социальных услуг и разработки технологий оценки персонала. Наличие независимого эксперта, не входящего в действующие в организациях группы интересов повысит объективность принимаемых решений. Кроме того, организации и учреждения социальной защиты должны более активно принимать участие в формировании заказа на подготовку специалистов для отрасли, это касается не только количества выпускников, но и содержательного наполнения требуемых профессиональных

компетенций, которые могут (и должны реализовываться) в региональных компонентах учебных программ.

В-пятых, целесообразно *расширенное использование программ профилактики рисков профессиональной деятельности, которые помогут нивелировать связанные со статусными различиями различия в уровне социальной и экономической защищенности сотрудников институтов социальной сферы.* Программы профилактики должны включать мероприятия по улучшению материально-технического обеспечения работы (технических средств, транспорта, специального инвентаря); создание системы психологической помощи и реабилитации синдрома эмоционального выгорания социальных работников; формирование системы унифицированной социальной защиты сотрудников, включающей медицинскую помощь (в том числе бесплатную диспансеризацию, реабилитацию, санаторно-курортное лечение), профессиональную переподготовку, обучение эффективным методам работы.

Претворение в жизнь указанных целей и задач кадровой работы предполагает расширение перечня принципов, которые должны быть реализованы в управлении кадрами институтов социальной сферы региона, наряду с уже имеющимися (единоначалие; гибкость; отбор кадров; личная ответственность; корпоративность; взаимозаменяемость и ротация; информативность; стабильность). К числу новых принципов относятся:

- интегральный характер кадровой работы, который обеспечивается единством целей развития системы социальной защиты региона, унификацией принципов, форм и методов ее организации в организациях и учреждениях;

- новаторство, подразумевающее включение управленческих механизмов обновления кадрового потенциала организаций и учреждений и развитие человеческого капитала сотрудников, ориентацию на качество и высокую скорость нововведений;

- партнёрство, которое включает в себя как участие субъектов управления в принятии решений на уровне своей компетенции, делегирование полномочий, так и построение сбалансированных, объективных, доверительных отношений с организациями-партнёрами и клиентами организаций и учреждений социальной сферы, при реализации их права на социальную защиту;

- гуманизм, признание человека высшей ценностью, что в профессиональной деятельности означает гражданскую ответственность, активное участие сотрудников в выборе собственной траектории профессионального развития, реализацию справедливого распределения ресурсов, создание и соблюдение равных гарантированных возможностей использования потенциала государственных и муниципальных органов власти, уполномоченных в сфере социального обслуживания, государственных и негосударственных организаций, общественных структур при обращении граждан за социальной защитой согласно закону;

- профилактика рисков профессиональной деятельности, что предполагает предоставление дополнительных социальных гарантий и профессионально-образовательных услуг сотрудникам институтов социальной сферы.

Очевидно, что успешная реализация перечисленных выше принципов кадровой работы не представляется возможной без применения эффективных кадровых технологий. Кадровая работа проявляется в организации управления персоналом именно посредством выбора управленческих технологий и соответствующих им конкретных механизмов воплощения. Под управленческими механизмами организации кадровой работы понимаются стратегии, технологии, методы реализации ценностей и принципов профессиональной деятельности в практику взаимодействия субъектов трудовых отношений, с целью наиболее полного и эффективного использования их профессионального и личностного потенциала.

В сложившихся условиях кадровая работа как система организационных, управленческих, экспертных мер, направленных на практическую реализацию системных принципов, должна быть сосредоточена на разделении функций по управлению персоналом между руководителями организаций/учреждений, кадровыми службами и линейными руководителями; разработке и внедрении программ развития

кадрового потенциала для конкретной социальной службы, с учетом специфики проблемного поля ее деятельности.

В процессе организации кадровой работы также представляется особенно важным отобрать и применить результативные технологии работы с персоналом, комбинируя при этом как новые, так и проверенные многолетней практикой формы и процедуры с учетом актуальных условий, ресурсов организаций и учреждений, а также стоящих перед ними задач. Анализ применения кадровых технологий адаптации, ротации и мотивированной оценки персонала в контексте актуальных задач кадровой политики социальных служб позволит, с одной стороны, более рационально использовать имеющиеся заделы в организации кадровой работы, с другой, оценить перспективы внедрения управленческих технологий, которые не применялись, либо применялись в организациях и учреждениях социальной защиты ограниченно.

В условиях реформирования социальной сферы, одной из основных проблем, с которой сталкиваются действующие в ней организации и учреждения, является изменение количества структурных подразделений, а также частичная или полная модификация специализации уже существующих коллективов. Это приводит к тому, что существующие механизмы кадровой работы (в том числе, отбора персонала, повышения квалификации и переподготовки кадров и т.д.), оказываются недостаточно эффективными для того, чтобы решать проблемы профессиональной и психологической адаптации персонала в условиях изменения сферы ответственности и усложнения профессиональных функций. Подобное положение связано с развитием отдельных отраслей и учреждений, к ним относящихся, и является своего рода «болезнью роста», характерной для всех усложняющихся систем, и система социального обслуживания населения здесь не является исключением. В этом случае обычно возрастает роль обучения на рабочих местах, которое призвано осуществлять вторичную адаптацию сотрудников посредством узкопрофильной специальной подготовки и переподготовки в соответствии востребованным компетенциям.

Успешное функционирование организации во многом зависит от скорости адаптации сотрудников к изменяющимся условиям труда или к новому месту работы. Адаптация сотрудников к новому содержанию трудовой деятельности (или к новой должности) является одной из основных проблем кадровой работы на переходном этапе.

Ключевым направлением развития кадровой работы, ориентированной на адаптацию сотрудников, должно стать налаживание системы регулярного и комплексного (по охвату образовательных целей) процесса профессионально-квалификационного развития, основной задачей которого станет формирование и преумножение социального и человеческого капитала, как решающего фактора повышения эффективности деятельности организаций и учреждений социального обслуживания и улучшения качества оказываемых ими услуг.

Система обучения сотрудников должна включать как требуемые профессиональные компетенции, проблемно и проектно ориентированные образовательные циклы, так и блоки, нацеленные на усвоение ценностей и норм профессиональной деятельности, соответствующие новой модели социального обеспечения.

Безусловно, работа сотрудников учреждений и организаций почти всегда жестко регламентирована внутренним распорядком, должностными инструкциями и положениями о служебной субординации. Трудовая дисциплина основана на сознательном и добровольном выполнении сотрудниками установленных законодательными и нормативными актами и труде правил и порядка поведения в коллективах, обязательных для всех его членов. Несоблюдение условий труда влечет за собой различного рода потери и дополнительные затраты, связанные со снижением производительности труда, качества услуг, а также санкции в отношении сотрудников, предусмотренные трудовым законодательством. Но реализация принципа *партнёрства* требует повышения гибкости системы управления кадрами через формирование и развитие сетевой структуры межличностных связей, поощрение коллективной самоорганизации, внедрение механизмов личной заинтересованности и персональной

ответственности за результат работы. И в этих условиях программы адаптации и переобучения в качестве неотъемлемого блока должны включать обучение новым методам командной работы и проектным методам, которые бы утверждали и закрепляли уже на уровне трудовых практик приоритетные принципы кадровой работы партнёрство и новаторство.

Как показали данные опроса сотрудников учреждений социальной сферы, проводимые в настоящее время мероприятия по адаптации специалистов, охватывают, главным образом, вновь нанимаемый контингент. Отличительной чертой первичной адаптации является то, что она включает в себя обучение самой работе, помимо усвоения информации о деятельности организации и конкретного структурного подразделения. Вузы, осуществляющие профессиональную подготовку по специальности, уже включают в программу обучения элементы профориентации. Студенты в процессе обучения проходят производственную практику, во время которой повседневная деятельность регламентируется служебным этикетом, поэтому их вхождение в систему носит относительно сглаженный характер. Специалистам, привлекаемым из других организаций и учреждений, требуется совершенно иная программа адаптации, которая, по сути, представляет собой введение в специальность. Это важно, поскольку разрыв между профессиональной подготовкой и содержанием трудовых функций, выполняемых работником, снижает интерес к труду, работоспособность и производительность труда. Более того, несоответствие условий труда с уже сформированными представлениями об ожидаемом качестве работы, требует более гибкой программы адаптации, которая бы учитывала необходимость согласования индивидуальных предпочтений и возможностей организации.

Принятые на работу выпускники вузов, по сути, являются маргинальной группой. Перемены их профессионального статуса совпадают с переменами, связанными с вовлеченностью в повседневные связи. Как правило, значимость социального статуса для них крайне высока, а возможности для реализации притязаний ограничены. При таких условиях, отсутствие какого-либо опыта может рассматриваться руководителями организаций и учреждений социальной защиты как преимущество, поскольку, во-первых, минимальное стороннее влияние будет способствовать восприятию и принятию существующих в организации правил, принципов взаимоотношений между сотрудниками; во-вторых, мотивация на приобретение опыта профессиональной деятельности, доминирующая в данной группе компенсирует ограниченные возможности материального стимулирования, которое является приоритетным критерием при выборе места работы для работников, имеющих опыт профессиональной деятельности.

Проведенное нами эмпирическое исследование показало, что после материального обеспечения и перспектив профессионального развития следующими по значимости критериями выбора места работы для сотрудников социальных служб являются условия труда и организация трудовой деятельности, особенности служебного распорядка как совокупность факторов, оказывающих влияние на здоровье и работоспособность человека. К ним относятся особенности технологического характера, тяжесть и напряженность труда, воздействия внешней среды на организм человека, режим труда и отдыха.

Мероприятия по адаптации сотрудника к новым условиям работы можно разграничить по следующим группам факторов

1. *Адаптация к санитарно-гигиеническим условиям труда* (климатическим условиям, температуре, загрязнению воздуха, шуму и т.п.). Для оптимизации процесса адаптации рекомендуется уделить внимание соблюдению норм санитарно-гигиенических условий труда, периодически проводить социологические опросы сотрудников с целью выявления факторов внешней среды, оказывающих негативное влияние на физическое и психическое здоровье сотрудников социальных служб. Также необходимы профилактические мероприятия по снижению негативного влияния данных условий на сотрудников и созданию системы оптимальных условий труда (устранение или подавление источников шума, оснащение необходимой оргтехники, улучшение

планировки служебных помещений, создание графиков приема посетителей, способствующих равномерному распределению «наплыва» посетителей и т.п.).

2. *Адаптация к психологическим и физиологическим условиям труда*, прежде всего, к нервно-эмоциональным нагрузкам сотрудников в процессе трудовой деятельности. Нормативные требования к этим условиям пока не сформулированы в силу неразработанности их количественных параметров. Тем не менее, синдром профессионального сгорания является одним из наиболее существенных профессиональных рисков в сфере социальной защиты. Поэтому очень важна работа психолога по профилактике нервных перегрузок и срывов. Целесообразно создание комнат психологической разгрузки. Возможно проведение специализированных тренингов или занятий для социальных работников и служащих, с целью выявления наиболее проблемных моментов, с которыми сталкиваются сотрудники при исполнении служебных обязанностей; проведение тренингов по методикам преодоления различных стрессовых, конфликтных ситуаций, технике аутотренинга. Обучение данным методикам облегчит процесс адаптации вновь поступающих сотрудников. Тесное общение с коллегами в ходе специализированных занятий раскроет новые аспекты трудовой деятельности, интенсифицирует обмен опытом в преодолении моментов напряженности, возникающих в процессе работы, ускорит освоение задач подразделения и будет способствовать унификации ценностных ориентаций сотрудников.

3. *Адаптация к социально-психологическим условиям труда*: характеру взаимоотношений в коллективе, особенностям морально-психологического климата, существующему внутреннему распорядку. Социально-психологическая адаптация заключается во вхождении в сложившуюся систему взаимоотношений, вступлении во взаимодействие с членами организации, т.е. включении человека в систему взаимоотношений трудовой организации с ее традициями, нормами, ориентациями. В ходе адаптации сотрудник постепенно получает информацию о подразделении, в котором ему предстоит работать, знакомится с положениями, регламентирующими деятельность как самого сотрудника (должностными инструкциями) так и всей организации.

Параллельно формально-регламентирующим процессам адаптации идет усвоение системы деловых и личных взаимоотношений в группе, формируются представления, касающиеся социально-психологических позиций отдельных членов группы, отношений лидерства.

Совпадение социально-психологических характеристик соискателя с психологическим профилем остальных сотрудников способствует быстрой и эффективной адаптации. Одним из факторов адаптации является предыдущий опыт работы: он будет служить своеобразной призмой, посредством которой получаемая информация оценивается или положительно или отрицательно.

В ходе адаптации важна профилактика противоправного поведения служащих. Задача работника кадровой службы учреждения социальной защиты либо психолога здесь состоит в том, чтобы заранее попытаться выявить отклонения личности от нормы поведения, которые можно зафиксировать в каждом отдельном правонарушителе. Особенно важен этот момент при кадровых перестановках в подразделениях, где подобные нарушения уже встречались. При соответствующих обстоятельствах, во время периода адаптации личность подвергается значительному давлению со стороны референтной группы. Оно может привести неустойчивого человека к совершению правонарушения. Необходима серьезная подготовительная работа с самой группой с изучением вопроса об эффективности применяемых санкций, поиском оптимальных средств воздействия, оказываемых с целью профилактики правонарушений. Адаптационная работа с вновь нанимаемым или переводящимся из другого подразделения сотрудником должна стать частью механизма социальной коррекции поведения всех представителей группы и их реадаптации.

Для сглаживания процессов адаптации и профилактики возникновения напряженности в отношениях между сотрудниками социальных служб рекомендуется в программу психологического тестирования включить тесты, направленные на изучение

коммуникативных и организаторских способностей личности. Полученные данные помогут грамотно урегулировать отношения лидерства и аутсайдерства в коллективе, также они будут служить базой для прогнозирования вероятных конфликтов между сотрудниками, руководителем подразделения и подчиненными.

4. *Адаптация к эстетическим условиям труда.* К данной группе относятся воздействия, которые формируют у человека отношения к условиям труда на основе эмоционального восприятия окружающей среды. Это форменная одежда, дизайн, цветовое и пространственное решение рабочих мест и т.п. Пренебрежительное отношение к влиянию данных факторов на эффективность трудовой деятельности является необоснованным. Эстетическая составляющая оказывает существенное влияние на настроение сотрудников-женщин, а, следовательно, и на психологический климат коллектива, в котором они работают. Многочисленные исследования психологов подтверждают, что неудовлетворенность своим внешним видом является достаточно значимым стрессогенным фактором для женщин, который способен привести к развитию эмоциональной напряженности – состоянию, характеризующемуся такой степенью эмоциональных реакций, которая вызывает временное понижение устойчивости психических процессов и снижению профессиональной работоспособности, продуктивности, надежности.

К факторам внепроизводственной адаптации относятся: возникновение и поддержание между сотрудниками коллектива неформальных (дружеских, приятельских, а иногда и враждебных) отношений, участие в корпоративной жизни коллектива. Внепроизводственная адаптация способствует сближению нормативно-ценностных установок сотрудников коллектива, катализирует процессы самоидентификации индивида с определенной группой. Включение сотрудника в тесное неформальное общение знаменует заключительный этап формирования коллектива – стадию ассимиляции. Обретение социальных связей, основанных на отношении доверия, способствует формированию отношений взаимной ответственности и взаимопомощи в коллективах.

Организация корпоративных мероприятий создадут дополнительные возможности для внеслужебного общения, и будут способствовать укреплению корпоративного духа персонала. Знакомство в неформальной обстановке с коллективами других учреждений, организаций-партнёров облегчит взаимодействие при решении рабочих задач, расширит профессиональные познания сотрудников за счет обмена опытом и получения информации о работе других субъектов системы социальной защиты и социального обслуживания.

Одной из наиболее острых проблем, выявленных в ходе исследования, стало неравномерное распределение функциональной нагрузки как внутри отдельных подразделений социальных служб, так и между различными подразделениями в одном учреждении/организации. Попытаться изменить такое положение дел можно с помощью более широкого внедрения в практику кадровой работы *технологии ротации кадров*, которая представляет собой один из основных инструментов в управлении персоналом. Ее целью является оптимизация управления и повышение уровня производительности и качества труда. Применение технологии ротации на разных этапах функционирования подразделений институтов социальной сферы будет способствовать реализации принципов стабильности, партнёрства и профессионализма.

Ключевыми целями кадровой политики организация и учреждений социальной защиты региона должны стать:

- создание благоприятных условий для формирования высокого профессионализма, оптимального использования и преумножения человеческого капитала сотрудников;
- предоставление гарантий реализации сотрудниками своих профессиональных способностей и возможностей карьерного роста;
- стимулирование активности и инициативы работников при решении профессиональных задач.

Основными принципами кадровой работы организаций и учреждений социальной сферы являются: интегральный характер; профессионализм; новаторство;

партнёрство; гуманизм; профилактика рисков профессиональной деятельности; стабильность.

Система комплексной кадровой работы для институтов социальной сферы, созданная с учетом региональной специфики, способна внести изменения в организацию кадровой работы по следующим направлениям:

– оптимизировать практики, методы, процедуры кадровой работы в организациях и учреждениях социальной сферы (в том числе создать сбалансированную систему мотивации сотрудников, систему опережающего обучения, повысить эффективность оценки персонала и пр.);

– откорректировать влияние внутренних социальных и психологических факторов на профессиональную деятельность трудовых коллективов, ее направленность, результаты;

– усовершенствовать управление человеческими ресурсами институтов социальной сферы, что позволит, в свою очередь, улучшить качество социального обслуживания населения и, таким образом, создать дополнительные предпосылки для улучшения качества жизни населения региона.

Реализация системы комплексной кадровой работы приведет к совершенствованию использования кадрового потенциала социальных служб. Результатом внедрения предлагаемых мер станет создание дополнительных возможностей самореализации персонала организаций и учреждений социальной защиты и обслуживания населения, а также привлечения в отрасль высококвалифицированных специалистов. Развитие человеческого капитала призвано обеспечить рост конкурентоспособности действующих институтов социальной защиты в условиях увеличения количества субъектов социального обслуживания за счет привлечения коммерческих и негосударственных некоммерческих организаций к оказанию социальных услуг, а следовательно, и повысить эффективность системы защиты и социального обслуживания населения региона в целом.

SYSTEM OF PERSONNEL MANAGEMENT IN REGIONAL ORGANIZATIONS AND INSTITUTIONS OF SOCIAL PROTECTION

A.A.GORJAINOV

*Belgorod National Research
University*

The article observes the conditions of efficient use of basic technologies of personnel work in social protection organizations and institutions.

Keywords: values, principles, norms, practices of personnel management, managerial mechanisms; methods of values implementation.

ДЕТСТВО В РОССИЙСКОМ И МИРОВОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

О.В. КОВАЛЬЧУК

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: kovalchuk @bsu.edu.ru

Данная статья посвящена рассмотрению социокультурного феномена детства в российском и мировом социокультурном пространстве. Образ ребенка и тип отношения к нему были неодинаковы в разных обществах, причем зависело это как от уровня социально-экономического развития, так и от социокультурных особенностей. На сегодняшний день детство является важнейшей из субкультур повседневности в глобальном мире. Но исследователям только предстоит изучить всю неоднозначность мира детства в повседневном мире современного человека.

Ключевые слова: феномен детства, субкультура детства, образ ребенка, социокультурный феномен.

В культурной антропологии человек рассматривается сквозь призму взаимодействия со средой, другими людьми и социальными группами, т.е. диалогически. Содержание совместной жизни и деятельности людей, в том числе и его межкультурные коммуникации, входит в понимание повседневности. Нельзя отрицать, что важной частью повседневности является отношение к детям. На сегодняшний день можно констатировать, что *детство* является одной из важнейших *субкультур* современности, причем в мировом масштабе. Мир детства сложен и содержит в себе другие миры. Это мир общения ребенка с взрослыми людьми, мир социальных взаимоотношений, предметный мир, мир познания. Как и любой человек, ребенок архетипически и исторически связан с нашими далекими предками, с их традициями, культурой, архаическим мышлением.

Детство – всем хорошо известное, но, как это ни странно звучит, малопонятное явление. Термин «детство» используется многопланово и многозначно. Специальной дефиниции детства нет ни в философских, ни в педагогических, ни в социологических словарях. В психологическом словаре² есть определение детства как термина, обозначающего 1) начальные периоды онтогенеза (от рождения до подросткового возраста); 2) социокультурный феномен, имеющий свою историю развития, конкретно-исторический характер. Детство в онтогенезе – это, как правило, устойчивая последовательность актов взросления растущего человека, его состояние «до взрослости». В филогенезе – это совокупность детей разных возрастов, составляющих «довзрослый» контингент общества на различных этапах его развития.

Детство как самостоятельный аспект культуры было выделено в качестве «некоего мира, обладающего некоторой автономией и психологической ценностью», в романтически-просветительской литературе. Значительную роль в восприятии этого феномена сыграло произведение Ж. Ж. Руссо "О воспитании" (1762). Долгое время в XIX в. детство было предметом детального анализа именно в художественных произведениях классиков литературы. Образы детства, часто автобиографические, однако имевшие и историко-культурную ценность, создали Л. Н. Толстой, Ч. Диккенс и М. Твен.

В культурологических исследованиях детство стало самостоятельным объектом анализа под влиянием распространения психоаналитического подхода, в котором оно является одной из центральных тем изучения. С 30-х годов XX в. детство становится важнейшей функциональной частью в исследовании культурных систем самых различных народов.

¹ Статья подготовлена в рамках внутривузовского конкурса грантов НИУ «БелГУ», № проекта ВКГ 146-2012

² Психологический словарь / Авдеева Н.Н. и др. – М., 1997.

Бесспорным лидером в этой области исследования культур было направление "Культура-и-личность" (психологическая антропология). Детство рассматривалось в качестве феномена, изучая который в упрощенном виде, но со специфическими культурными особенностями, можно было увидеть мир "взрослой" культуры. Особенности процессов, происходящих в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизводства культур.

По сути, исследования истории и культурологии детства были начаты, вышедшей в 1960 году в Париже книгой Филиппа Ариеса (1914-1984) «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке». Новаторство концепции автора состояло в том, что понятие «детство» понималось не как данная застывшая на все времена реальность, а как социокультурный конструкт, который в разных культурах и эпохах наполняется различным содержанием, различной ценностью и материальным «сопровождением». Ф. Ариеса интересовало, как в ходе истории в сознании художников, писателей и ученых складывалось понятие Детства и чем оно отличалось в различные исторические эпохи. Он впервые конкретно показал, что Детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, имеющее сложное, неодинаковое в разные эпохи социальное и культурное содержание. Период детства устанавливается от новорожденности до полной социальной зрелости; это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества. Однако продолжительность детства в разные исторические отрезки различна: в первобытном обществе не равна продолжительности детства в эпоху Средневековья, сегодня – совсем иная, чем в Новое время. Этапы «возраста» детства человека, продолжительность детства находятся в прямой зависимости от материальной и духовной культуры той или иной культурно-исторической эпохи.

Интерес к феномену детства, даже само понятие детства практически отсутствовали в текстах до XVIII века. Однако, это не означает, что детей «не было» или детьми пренебрегали и не заботились о них. Человечество всегда придавало большое значение продолжению рода. Многие религии считают бесплодие самой страшной божественной карой. Деторождение почти всюду оформляется особыми священными ритуалами. Для первобытного общества (да и для последующих – античного и средневекового) характерна была двойкость в отношении к детям. Младенец – одновременно персонификация невинности и воплощение природного зла. А главное – он как бы недочеловек, существо, лишенное разума. Например, в Древней Японии новорожденных признавали полноценными людьми после совершения специальных обрядов. Убийство младенца не считалось тяжким преступлением, считалось «отправить назад», «возвратить» в мир духов. Вместе с тем иметь детей считалось почетным, и все члены общины обычно ласковы и внимательны к детям.

На основе изучения этнографических материалов известный советский педагог Д.Б. Эльконин показал, что на самых ранних ступенях развития человеческого общества, когда основным способом добывания пищи было собирательство с применением примитивных орудий для сбивания плодов и выкапывания съедобных корней, ребенок очень рано приобщался к труду взрослых, практически усваивая способы добывания пищи и употребления примитивных орудий. При таких условиях не было ни необходимости, ни времени для стадии подготовки детей к будущей трудовой деятельности³.

Постепенно складываются и развиваются традиции патриархально-семейного включения детей в общество. С зарождением древних цивилизаций Востока (Месопотамия, Египет, Индия, Китай) в V тысячелетии до н.э. возникают новые способы социализации и аккультурации подрастающего поколения: складывается воспитание детей в моногамной семье как особой сфере социокультурной деятельности. Обычно до 5-7 лет дети усваивали культурные нормы и традиции в рамках своей семьи, а позже процессом социализации руководило государство. Ребенок при этом рассматривался как

³ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды – М., 1989.

незавершенный взрослый, особенности детского возраста игнорировались, физические наказания считались естественными и необходимыми.

Далее феноменология детства трансформируется в контексте античной и христианской цивилизаций. По воспоминаниям античных и средневековых авторов детство было не из легких в те далекие времена: отец медицины Гиппократ и родоначальник гинекологии Сорон Эфесский деловито обсуждают вопрос о том, какие именно новорожденные заслуживают того, чтобы их выращивали. Маленькие дети не вызывают у античных авторов чувства умиления, их большей частью просто не замечают. Ребенок рассматривается как низшее существо, он в буквальном смысле слова принадлежит родителям как прочая собственность.

В Средние века, как только ребенок начинал обходиться без постоянной заботы своей матери, няньки или кормилицы, он входил в «корпорацию» взрослых. Слово «ребенок» не имело в европейских языках смысла, который придается ему сейчас в различных культурах. Так, например, в Средневековой Германии слово «ребенок» было синонимом понятия «дурак». Детство считалось периодом быстро проходящим и малоценным. Визуальным примером нового отношения к детству служит появление в XVI веке портретов умерших детей. Их смерть переживалась как действительно невозможная утрата, а не как вполне естественное событие по средневековому принципу: Бог дал, Бог взял. В XVII веке впервые на полотнах художников начинают появляться первые изображения-портреты реальных детей. Как правило, это были портреты детей влиятельных лиц и царственных особ в детском возрасте.

В области искусства представления о периодах человеческой жизни нашли отражение в росписи колонн Дворца Дожей в Венеции, во многих гравюрах XVI-XIX веков, в живописи и скульптуре. Так, например, в росписи Дворца Дожей выбор игрушек символизирует *возраст детей*, играющих с деревянным коньком, куклой, ветряной мельницей и птичкой; *школьный возраст* – мальчики учатся читать, держат книги в руках, а девочки учатся вязать; *возраст любви и спорта* – юноши и девушки вместе гуляют на празднике; *возраст войны и рыцарства* – человек, стреляющий из ружья; *зрелость, вхождение во взрослую жизнь* – изображается в виде судей и ученых. Дифференциация возрастов человеческой жизни и в том числе – детства, по мнению Ф. Ариеса, формируется под влиянием социальных институтов, то есть новых форм общественной жизни, порождаемых развитием общества.

У славян издревле существовала дифференциация детского возраста. С момента появления на свет и до 3-4-летнего возраста ребенок находился на попечении матери, которой помогали и другие члены семьи. Ребенка, вскармливаемого грудью, называли *дитя*. Поощрялись игры, развивавшие у детей силу, ловкость, смекалку. К *молодым* относили детей 3-6 лет. В Древней Руси младенчество называли безгреховным и неразумным периодом, который длился до 6-7 лет. Именно с этого возраста начинали учить, приводить к исповеди, наказывать. С 7 до 12 лет ребенка называли *чадо*, а подростка 12-15 лет – *отрок*. Правда, ребенку в древнерусской литературе места не находилось. Проблема возрастных особенностей детей и методов их воспитания сводилась лишь к кратким высказываниям. Отсутствовали и специальные педагогические наставления по воспитанию детей. Принятие христианства приводит к тому, что важным средством воздействия на формирование личности служит церковная исповедь, к которой, по некоторым данным, приводили мальчиков с 10, а девочек с 8 лет. Значение исповеди было в том, что она приучала к анализу своих поступков и формировала вовсе недетское осознание своей изначальной греховности. Ведь уж начиная с семилетнего возраста, считает Православная церковь, у человека накопились грехи перед Богом. Отсюда и возраст причастия.

Взаимоотношения детей и родителей в русской семье XVI-XVII веков регламентировались «Домостроем», некоторые главы которого (15, 16, 17) непосредственно посвящены воспитанию детей. В «Домострое» содержатся призывы «страхом спасти» детей от неразумных поступков. В нем перечислены запреты, которые обязаны соблюдать дети: не красть, не лгать, не обижать чужого, не помнить зла и т.д. «Домострой» требует повиноваться наставникам и старшим, любить детей и заботиться о них, воспитывать мужество, трудолюбие, бережливость и др. Содержание этого

документа пронизано особой ответственностью родителей за правильное религиозно-нравственное воспитание своих детей, причем с учетом их возраста и особенностей. В качестве методов педагогического воздействия рекомендуется наказание («воспитати во всяком наказании»), включая и физическое («ино плетью постегати по вине смотря»).

Развитие общества привело к дальнейшему изменению отношения к детям. Возникла *новая концепция детства*. Для педагогов XVII века любовь к детям выражалась уже не в баловании и увеселении их, а в психологическом интересе к воспитанию и обучению. Для того чтобы исправить поведение ребенка, прежде всего, необходимо понять его, и научные тексты конца XVI и XVII веков полны комментариев относительно особенностей детского развития. Укажем здесь сочинение известного западноевропейского гуманиста Эразма Роттердамского «Гражданство обычаев детских». Текст этой книги разделен на вопросы и ответы: 4-68 посвящены значению мимики лица, жестикуляции, осанке ребенка; 69-78 – относились ко всему, связанному с одеждой; 79-81 – рекомендуют детям, как вести себя в церкви; 82-125 – о поведении за столом и во время еды; 126-142 – учат, как здороваться и вести себя при встрече с родителями, учителем, сверстниками, незнакомым человеком и т.д.; 143-145 – о правилах поведения в «училище» и при возвращении домой; 146-158 – посвящены играм; 159-164 – о поведении и гигиене ребенка. Книга и по содержанию, и по форме изложения была рассчитана на детей. Следует отметить также, что в начале книги говорится о необходимости в первую очередь религиозно-нравственного воспитания. Таким образом, в ней впервые было определено содержание воспитания детей: овладение нормами христианской морали; обучение свободным мудростям и овладение нормами культурного поведения. Причем «Гражданство обычаев детских» – не только первый западноевропейский памятник педагогического характера, но и первый в русской культуре памятник, посвященный светскому воспитанию детей. Важно отметить его значение для процесса социализации детей того времени.

В конце XVII – начале XVIII веков нравы постепенно стали смягчаться. Под влиянием нескольких поколений гуманистической пропаганды (Гварино, Э. Роттердамский, Т. Элиот, Я. Коменский и др.) телесные наказания становятся реже, некоторые вообще от них отказываются. Появляется понятие *о человеческом достоинстве ребенка*, а позже о его праве на более или менее самостоятельный выбор жизненного пути. Внимание родителей начинают привлекать все стороны детской жизни. Но функцию организованной подготовки детей к взрослой жизни принимает на себя не семья, а специальное общественное учреждение – школа, призванная воспитывать квалифицированных работников и примерных граждан. Школа, благодаря своей регулярной, упорядоченной структуре способствовала дальнейшей дифференциации того периода жизни, который обозначается общим словом «детство». Универсальной мерой, задающей новую разметку детства, стал «класс». Ребенок вступает в новый возраст каждый год, как только меняет класс. В прошлом жизнь ребенка и детство не подразделялись на такие тонкие слои. Класс стал определяющим фактором в процессе дифференциации возрастов внутри самого детства и отрочества.

Понятие детства и отрочества связано со школой и классной организацией школы как теми специальными структурами, которые были созданы обществом для того, чтобы дать детям необходимую подготовку для социальной жизни и профессиональной деятельности. Следующий возрастной уровень связывается с новой формой социальной жизни – *институтом военной службы* и обязательной воинской повинности. Это подростковый, или юношеский возраст. Понятие подростка привело к дальнейшей перестройке обучения. Педагоги начали придавать большое значение форме одежды и дисциплине, воспитанию стойкости и мужественности, которыми ранее пренебрегали. Позже, в XX веке, Первая мировая война породила феномен «молодежного сознания», представленного в литературе «потерянного поколения». «Так, на смену эпохе, не знавшей юности, – пишет Ф. Ариес, – пришла эпоха, в которой юность стала наиболее ценным возрастом... Все хотят вступить в него пораньше и задержаться в нем

подольше»⁴. Каждый период истории соответствует определенному привилегированному возрасту и определенному подразделению человеческой жизни: «Молодость – это привилегированный возраст XVII века, детство – XIX, юность – XX»⁵. Итак, культурно-исторический образ ребенка и тип отношения к нему неодинаковы в разных обществах, причем это зависит как от уровня социально-экономического развития, так и от социокультурных особенностей.

Какой же возраст является привилегированным в XXI веке? С одной стороны, детям и детству сегодня уделяется огромное внимание, повсеместно подчеркивается необходимость индивидуального подхода в развитии детей, на детей работает целая индустрия. Одним детям дано слишком долгое детство – многие люди до зрелого возраста живут за счет своих родителей. Появилась даже характерная поговорка: «Плохи те родители, которые не могут кормить детей до пенсии» (имеется ввиду пенсия детей). С другой стороны, социальные проблемы и противоречия, имеющие глобальный характер, в первую очередь отражаются именно на детях и, к сожалению, не все дети могут похвастаться «детством», многим из них приходится вступать во взрослую жизнь, полную проблем и невзгод, гораздо раньше, нежели им хотелось. Невероятно возросло количество детских домов с их специфическими концепциями детства. Исследователям только предстоит изучить всю неоднозначность мира детства в повседневном мире современного человека.

Список литературы

1. Ариес Ф. Возрасты жизни // Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – с. 26-43.
2. Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – 415 с.
3. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 428 с.
4. Обухова Л.Ф. Детская психология: история, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995. – 352 с.
5. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд. РГУ, 1992. – 272 с.
6. Психологический словарь / Авдеева Н.Н. и др. – М.: Педагогика-пресс, 1997. – 438 с.
7. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды – М.: Педагогика, 1989. – 554с.

THE CHILDHOOD WITHIN THE RUSSIAN AND WORLD SOCIOCULTURAL SPACE

O.V. KOVALCHUK

*Belgorod National Research
University*

e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

This article is about studying the problem of the sociocultural childhood phenomenon within the Russian and world sociocultural space. The child image and type of respect to him is changeable in the history of cultures and had been different in other communities and depended on the level of socio-economic development and sociocultural peculiarities. The problem of childhood is actual for many subcultures of nowadays. The specific of childhood in the context of everyday live of a modern humanity is going to be studied by science.

Keywords: sociocultural phenomenon, childhood subculture, childhood phenomenon, the child image, the problem of childhood.

⁴ Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке – Екатеринбург, 1999. – С. 236.

⁵ Ариес, Ф. Возрасты жизни // Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург, 1999. – с.29.

УДК 394.2

КЛАССИФИКАЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ МАССОВЫХ ПРАЗДНИКОВ И ЗРЕЛИЩ

М.В. ЛИТВИНОВА*Белгородский государственный институт искусств и культуры**e-mail: margarita-litvinova@yandex.ru*

В статье раскрывается смысловое содержание праздника как философско-культурологической категории; исследуются теоретико-методологические подходы в изучении феномена праздника и культурологические модели объяснения праздничной культуры; анализируются основные концепции культурной типологии феномена праздника, определяется место массовых праздников и зрелищ в системе праздничной культуры.

Ключевые слова: праздник, праздничная культура, природа праздника, классификация праздника.

Праздничная культура – достаточно самостоятельная сфера жизнедеятельности человека, представляющая ценность не только в плане изучения народного искусства, общественного быта, этногенеза, но и в целом для исследования материальной и духовной культуры народа. Всеобщность праздников позволяет считать их постоянным элементом человеческой культуры, а их соблюдение является одной из основных форм коллективного поведения людей. Анализ социально-культурных факторов раскрывает сущность праздника как коллективного действия и коллективного переживания, как особой, противостоящей будням фазе общественной жизнедеятельности, источнике и факторе творчества, особенно художественного. Сложность и многообразие феномена праздника обуславливает невозможность понимания его истоков только через какую-то одну сторону (определений понятия, функций, характерных черт, типологии, механизмов, семиосферы, хронотопа и т. п.). Многие исследователи в рамках различных наук пытались проследить сущностное наполнение понятия «праздник», предлагая те или иные модели праздничной культуры. На сегодняшний день определен ряд концептуальных направлений в вопросах рассмотрения феноменологии праздника. При достаточном многообразии подходов к определению природы праздника просматриваются основные концепции:

- *эмпирико-описательное направление* (И.М. Снегирев, А.В. Терещенко);
- *мифологическая* (по некоторым определениям *религиозно-обрядовая*) (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня);
- *трудовая* (В.И. Чичеров, В.Я. Пропп);
- *рекреативная* (Н.О. Мизов, С.Т. Токарев);
- *школа заимствования*, как разновидность мифологической концепции (Е.В. Аничков, А.Н. Веселовский, В.Ф. Миллер);
- *игровая теория праздника* (И.Хейзинга);
- *философско-культурная* (миросозерцательная) (М.М. Бахтин, А.А. Белкин, Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Л.С. Лаптева, А.И. Мазаев и др.).

Основателем *эмпирико-описательного направления* можно считать И.М. Снегирева, достаточно подробно описавшего все многообразие русских народных праздников, изложившего их эстетическое и социологическое наполнение. Несмотря на определенную идеализацию русской патриархальной старины, работы И.М. Снегирева не потеряли своей научной значимости и по сию пору. Это особенно относится к его труду «Русские простонародные обряды», где впервые были сформулированы не только определения праздника и обряда, но и подчеркнута их принципиальное различие. «Само слово «праздник», – писал Снегирев, – выражает упразднение, свободу от будничных трудов, соединенную с весельем и радостью. Праздник есть свободное время, обряд – знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий;

последний содержится в первом»¹. Работу в этом направлении продолжили А.П. Сахаров, А.В. Терещенко и другие исследователи, создавшие работы с богатым, подробным содержанием фактического материала, наглядным, тщательным описанием отдельных праздников. А.В. Терещенко стремится подчеркнуть состояние праздничности, вызываемое соучастием народа во многочисленных праздниках и развлекательных действиях. Важно заметить и то, что эта праздничность, как отмечает автор, «рождена не только непосредственным соучастием русского народа в том или ином действии, но и рождающимся в его среде глубоким пониманием своей органической сопричастности к истокам русской культуры и ее истории»². И.М. Снегирев и его последователи обратили внимание на временную зависимость праздников, что впоследствии легло в основу цикловой концепции праздника.

Сторонники *мифологического направления* в фольклористике впервые предприняли попытку создания общей теории праздника. Основываясь на «солярной» теории А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня типологизировали празднества в соответствии с теоретическим предположением о взгляде на природу как борьбу лета и зимы. Таким образом, дни солнцеворота стали опорными пунктами двуциклового праздничного календаря. Сторонники мифологического направления указывали на привязанность праздничных дней к переломным, кризисным моментам природы; выявляли миросозерцательную самостоятельность праздника как явления духовной культуры.

Представители *школы заимствования*, еще одного направления в фольклористике Е.В. Аничков, А.Н. Веселовский, В.Ф. Миллер акцентируют внимание на самых общих особенностях традиционного праздника, выводят изучение русских народных праздников из пространства национальной изоляции.

Наиболее распространенной среди этнографов является *трудовая концепция* праздника, где природа праздника и связанных с ним обрядов объясняются сельскохозяйственным календарем, трудовыми заботами и радостями человека. Данная теория родилась в полемике с разного рода мифологическими концепциями и была характерна для советской этнографической науки. Трудовая и общественная жизнь человека рассматривается как основной и единственный источник праздника, влияющий на формирование праздничного календаря и обрядово-ритуальных форм. В.И. Чичеров, являющийся приверженцем данной теории, считал, что связь праздника с трудом является определяющей. Анализируя многие содержательные аспекты русского аграрного праздника, автор оставляет без внимания все остальные виды празднеств³. Ритм многих праздников действительно совпадает с ритмом трудовой деятельности; труд и его результаты жизненно важная сторона человеческого бытия, это мощный пласт миропонимания, сознания, всей духовной жизни народа. Однако уязвимость данной концепции в том, что сквозь призму прагматизма, привязки к трудовым заботам и операциям невозможно истолковать весь спектр праздников и связанных с ними обрядов и ритуалов.

Разновидностью трудовой концепции можно считать теорию В.Я. Проппа, который попытался соединить основные положения мифологической и трудовой концепции, отдавая приоритет последней. Согласно теории В.Я. Проппа: в основе всех народных праздников лежит мифологическое начало; обрядово-зрелищным формам праздника свойственно магическое содержание; праздничные обряды, развлечения и игры – это своего рода модель повседневного крестьянского труда, праздник есть вольное повторение сложившихся в труде навыков, обычаев, отношений⁴.

С виду противоположной трудовой концепции, однако тесно к ней привязанной, является *рекреативная концепция*, которая объясняет происхождение, содержание и

¹ Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды – М.: Сов. Россия, 1990. – Ч.1. – С.58

² Терещенко А.В. Быт русского народа. – М., 1997. – С.8.

³ Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX вв. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. – 235 с.

⁴ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники – Л.: ЛГУ, 1986. – С. 31-33.

календарь праздников как чередование ритмов труда и отдыха, как ответ на потребность в отдыхе. В этом смысле праздник можно рассматривать как противоположность будням (это положение выдвигалось неоднократно), ослабление бремени забот; известная мера изобилия порождает иллюзию сытой, беспечной жизни, способствуя возникновению праздничной ситуации. Однако с позиций рекреативной концепции не поддается объяснению, например, то обстоятельство, что поздняя осень на Руси, богатая урожаем и располагающая к отдыху, тем не менее, не богата праздниками, в то время как самый разгульный, богатый яствами праздник Масленица приходится на конец зимы – начало весны, когда запасы у бедноты практически заканчиваются. И все же «даже самые бедные, отложив на «потом» тяжелые раздумья о куске хлеба, изо всех сил стараются выложиться, но обеспечить обильную еду и пиршество»⁵. Н.О. Мизов, рассматривая праздник как отражение трудовой деятельности человека, тем не менее отмечает, что «нет чисто хозяйственных праздников, которые отражают само то или иное хозяйственное действие. В принципе, большинство старых праздников народа смешанные, комплексные»⁶.

Довольно популярна в отечественной науке *игровая концепция* праздника. Автор концепции Й. Хейзинга рассматривает праздник в связи с игрой. Согласно данной теории исторический процесс в плане эволюции культуры может быть представлен постепенным, но неуклонным вытеснением игрового элемента. Поскольку игровое начало в празднике является весьма существенным, утрата игрового элемента или превращение его в «фальшивую» игру отражается на содержании праздника самым пагубным образом⁷.

Рассматривая *миросозерцательную, философско-культурную* концепцию праздника необходимо обратиться к идее смысловой и функциональной трансформации обрядов в празднике с учетом синкретичности первобытной культуры и недифференцированности в обыденном сознании разных пластов идеологии. Наиболее концептуально полно представлена теория М.М. Бахтина, по определению которого «празднество (всякое) – это очень важная первичная форма человеческой культуры. Ее нельзя вывести и объяснить из практических условий и целей общественного труда или, еще более вульгарная форма объяснения, – из биологической (физиологической) потребности в периодическом отдыхе. Празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое миросозерцательное содержание. Никакое «упражнение» в организации и усовершенствовании общественного процесса, никакая «игра в труд» и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, т.е. из мира идеалов. При этом празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества, человека. Моменты смерти, возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты в конкретных формах определенных праздников и создали специфическую праздничность праздника»⁸. Таким образом, праздник не просто дублирует труд, подводя итоги трудового цикла и подготавливая участников к новой фазе трудовой жизни, но постоянно провозглашает народный идеал жизни, с которым изначально связан. Не отрицая связь праздника ни с трудовой деятельностью, ни с искусством М.М. Бахтин обращает внимание на особую социально-художественную специфику этого феномена, трактуя его находящимся на грани искусства и реальной действительности. М.М. Бахтин закладывает основу для рассмотрения праздника как культурологического явления, выделяя наиболее устойчивые признаки и категории этого многоаспектного феномена («праздничное

⁵ Миллер В. Русская масленица и западноевропейский карнавал – М.: Наука, 1984. – С.35.

⁶ Мизов Н. Праздник как общественное явление – София, 1966. – С. 24.

⁷ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня – М.: Прогресс, 1992. – 462 с.

⁸ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса – М.: Худ. литература, 1990. – С.13-14.

время», «праздничное мироощущение», «праздничное пространство», «праздничная свобода», «праздничный смех»).

Чрезвычайно разнообразна типология праздников. Практически ни один автор, рассматривающий праздник в том или ином аспекте не обходил вниманием вопрос классификации. Наиболее распространенная система классификации исходит из принципа распределения праздника по временам года, сезонам (так называемый сезонный календарь). Этот принцип чрезвычайно ограничен, так как оставляет за пределами классификационной системы многие праздники. Широкое распространение получило деление праздников на религиозные и нерелигиозные. В этом случае за принцип классификации принимается отношение праздника и религии, подчеркивается его первоначально религиозное, мистическое происхождение.

Одним из первых предложил свою классификацию И.М. Снегирев, который выделял праздники на подвижные и неподвижные (т.е. имеющие и не имеющие точной даты), а также исключительные (связанные с особым событием), сельские и городские, отечественные и заимствованные.

Н.О. Мизов обосновывает принцип двух линий классификации праздника. По его мнению, первая линия, исходящая из основных сфер общественной жизни, включает в себя политические, культурные, бытовые, религиозные праздники; вторая линия, идущая от личности и общественных групп, включает личные, семейные, племенные, народно-национальные, классово-партийные, международные праздники.

К. Жигульский представляет «среду обитания» праздника как явления человеческой культуры в виде карты. На пространственной карте существуют местные, локальные, региональные, национальные, государственные, международные праздники. Историческая карта знакомит с праздниками той или иной эпохи. Для раскрытия характера связей феноменов праздника представляется важной выдвинутая К. Жигульским классификация празднеств по признакам: временному, пространственному, целостному, психологическому, социологическому и др.⁹

В культурологии советского периода широко распространенной была классификация, в которой вся совокупность праздников, бытующих в «нашем обществе, состоит из общегосударственных, трудовых, военно-патриотических, семейно-бытовых и календарных (то есть связанных со сменой времен года)». Как правило, полностью игнорировались религиозные праздники или же искажались их роль и значение в жизни отдельного человека и общества в целом¹⁰.

Д.М. Генкин, отмечая, что «праздник вообще – такое сложное, многостороннее явление, что, очевидно, единой, всесторонней классификации его для всех времен и народов создать невозможно», тем не менее, предлагает свою классификацию, основанную на принципах общественной значимости и масштабности события и выделяет три основные группы праздников:

1. *Всеобщие*, отвечающие наиболее масштабным, большим событиям. Это, прежде всего, великие праздничные даты страны, имеющие всемирно-историческое значение; эпохальные события истории и наших дней, переломные моменты в природе. Социальная общность, празднующая такое событие, по существу безгранична.

2. *Локальные*, вызываемые событием, имеющим значение для определенной празднующей общности. Это профессиональные праздники, праздники отдельных коллективов, учреждений, городов и т.д., в каждом случае масштаб события определяет масштаб празднующей общности.

3. *Личностные*, вызываемые событием, имеющим значение для отдельной личности, семьи, группы людей¹¹.

В исследованиях последних лет, затрагивающих различные аспекты праздничной культуры, предпринимаются попытки разработки всеобъемлющей классификации праздника. Так, в частности Г.Г. Карпова в своей работе классифицирует праздник с

⁹ Жигульский К. Праздник и культура / К. Жигульский. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.

¹⁰ Кудайбергенов Б.К. Культура современных праздников и обрядов – Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1986. – 72 с.

¹¹ Генкин Д.М. Массовые праздники – М.: Просвещение, 1975. – С.56-58.

точки зрения социологического анализа, при этом наиболее существенным становится определение места того или иного праздника в социальном пространстве. «Нас больше всего интересует вопрос, кто празднует, среди какой человеческой общности отмечается праздник и каким образом праздник связан со своим происхождением, структурой, функционированием, изменениями». Далее Г.Г. Карпова эксплицирует три основания классификации праздников:

1) *по сферам деятельности человека* (политические, экономические, религиозные, культурные, культура при этом понимается в ведомственном смысле, как сфера деятельности человека, бытовые);

2) *по диапазону праздника, по охвату территории и по объему включенной в праздник массы людей* (личностные, семейные, праздники села и трудового коллектива, праздники местные, региональные, праздники этноса, нации, праздники общегосударственные, общенародные, праздники всемирные);

3) *по демографическим признакам, прежде всего по половозрастным* (женские, мужские, юношеские, детские, ветеранские и т.д.).

4) Осознавая несовершенство подобных оснований классификации, автор замечает «что одни и те же праздники могут быть представлены в разных группах». Однако, свою точку зрения Г.Г. Карпова объясняет тем, что «праздник многозначен, мы лишь с разных сторон смотрим на него в соответствии с аспектом классификации»¹².

Весьма своеобразную типологию предлагает В.Н. Гагин. Всю совокупность развлечений, увеселений, зрелищ, праздников, игр и т.п., автор относит к сфере «досуговой культуры», объединяя общим понятием «праздничность» и разграничивая при этом:

– праздничную культуру (*официальные праздники* – коронавание, тезоименины, праздники во славу побед и др.; *православные праздники* – Пасха, двенадцатые праздники, приходские праздники; *народные праздники* – Ивана Купалы, Масленица, Семик и др.);

– обрядовую культуру (*православные обряды* – крещение, свадьба и др.; *народные обряды* – Радуница, завивание берез, закликание весны и др.);

– развлекательную культуру (дворянство – балы, маскарады, спектакли, концерты и др.; прочие сословия – гуляния, зрелища, кулачные бои, театр Петрушки и др.);

– игровую культуру (дворянство – шахматы, живые картины, скачки и др.; прочие сословия – качели, катания, колядки, взятие снежного городка и др.)¹³.

Можно заметить, что при данном принципе классификации оказываются нелогично разрозненными виды и формы праздника, столетиями сосуществующие в синкретичном единстве (например, Масленица немислима без закликания весны, равно как и народные гуляния без качелей и катаний). Кроме того, многие исследователи (с чем полностью соглашается автор) весьма негативно относятся к определению «праздничности» в таком широком аспекте. В частности, Т.Чередниченко отмечает: «...приходится различать между праздниками и праздничностью. Праздники не слишком удаются, в то время как праздничность заполонила повседневность. Но праздничность сама по себе в праздник не концентрируется. В лучшем случае может эксплуатировать его»¹⁴.

В смысле построения концептуальной модели, как теоретической типологизации праздника заслуживает внимания работа И.Н. Прониной¹⁵. Определяющим основанием в данной достаточно оригинальной модели является взаимозависимость праздника и жизни (т.е. реальной действительности). Автор определяет четыре типа праздника:

1. «*Жизнь – не праздник, праздник – не жизнь*», где праздник предстает как модельная инаковость реальной действительности, как компенсаторная форма разрешения существующих противоречий.

¹² Карпова Г.Г. Праздник в контексте социальных изменений: Дис. ...канд.социол.наук. – Саратов, 2001. – С.54-55.

¹³ Гагин В.Н. Национальные праздники и обряды, или Праздничность как феномен русской культуры: теоретический и исторический аспект. – М.: Профиздат, 2005 – С.21-23.

¹⁴ Чередниченко Т. Праздничность / Т. Чередниченко // Новый мир. – 2002, – №11. – С. 155.

¹⁵ Пронина, И.Н. Феномен праздника в контексте отечественной культуры: Дис. ...канд.философ.наук. – Саранск, 2001. – С.67-69.

2. «Жизнь как праздник, праздник как жизнь», где праздник – форма самой жизни, пронизывающая и общественную жизнь, и быт, и моду, и архитектуру, и общественное поведение.

3. «Жизнь – в празднике, праздник – в жизни», где праздник выступает как сфера непредсказуемого реально-практического поведения, заключающего в себе угрозу конфликта.

4. «Жизнь есть праздник, праздник есть жизнь», где праздник отражение жизни, которая конструирует праздник по собственному образу и подобию.

Нельзя не согласиться с оригинальностью модели И.Н. Прониной, однако, за филигранными литературными оборотами определений теряется сама сущность данной модели.

Проблему разработки классификации праздника поднимает О.Л. Орлов в монографии «Праздничная культура России», отвергая чистую систематизацию и акцентируя внимание на необходимости научного подхода к данной проблеме. «Классификация по существенным, а не по формальным признакам праздников является на самом деле научно обоснованной типологией. Она основывается на понятии типа как единицы расчленения изучаемой реальности. Эмпирическая типологизация связана с систематизацией и обобщением культурно-исторического опыта формирования праздников, с выявлением устойчивых признаков или групп свойств, свойственных тем или иным праздникам. Теоретическая типологизация предполагает построение концептуальной модели, понимание объекта как системы со специфическими структурными уровнями организации и системообразующими факторами»¹⁶.

Массовые праздники и зрелища, в силу своей масштабности, интегративности, общедоступности занимают особое место в иерархии праздничной культуры – аккумулируя различные виды праздничного действия, массовые праздники и зрелища заведомо содержат конфликт в сущностном наполнении и формах выражения смыслового содержания. Ведущие специалисты в области эстетики и культурологи сходятся во мнении, что массовые праздники и зрелища находятся на стыке жизненных реалий и искусства. Массовые праздники можно отнести к двойственным явлениям, сохраняющим исходный синкретизм художественного и утилитарного начал. Современные авторы отмечают широкую жанровую систему массовых праздников и зрелищ и выделяют, прежде всего, характеристики трех основных типологических групп: *культурного генезиса* (мистерия, шествие, апофеоз), *театрального действия* (театрализованное представление, карнавал, маскарад, концертного представления (концерт-митинг, театрализованный концерт). А также – отдельной группы сложных или составных жанров *массовых театрализованных действий* (фестивали, олимпиады, дни, декады, постановки на юбилейную или историческую тему)¹⁷. Однако, независимо от формы проведения и жанровой окраски, можно выделить специфические качества, присущие массовым праздникам и зрелищам в целом. Во-первых, можно утверждать, что феномен массовых праздников и зрелищ обладает собственной морфологией, позволяющей рассматривать данное явление генетически и исторически, то есть в процессе становления и развития. Во-вторых, массовые праздники всегда ориентированы на активное соучастие аудитории в предлагаемом организаторами действии (представлениях, конкурсах, танцах, играх, забавах и др.). В-третьих, механизм организации массового действия обусловлен сменой разнообразных впечатлений, получаемых участником действия в процессе соучастия в этих действиях. Смена впечатлений, в свою очередь, обусловлена чередованием разнообразных художественно-выразительных средств (слова, музыки, танца и т.п.), оказывающих на человека максимально насыщенное художественное воздействие, рождающее у него состояние праздничности.

Несмотря на то, что отдельные виды праздничного действия (ритуал, обряд, развлечения, игра и пр.) не обладают «единообразным строением художественной

¹⁶ Орлов, О.Л. Праздничная культура России. – СПб.: КультИнформПресс, 2001. – С.104-105.

¹⁷ Меньшиков А.М. Фестиваль как социокультурный феномен современного театрального процесса: Дис. ...канд.искусствоведения. – Москва, 2004. – С. 20.

ткани»¹⁸, свойственной любому виду искусства (музыке, театру и др.) и, стало быть, не могут являться видами искусства, в структуре массовых праздников и зрелищ повсеместно используются те или иные виды искусств либо в полном, либо во фрагментарном виде. Режиссерская разработка единой действенной линии обеспечивает ансамблевое сочетание различных видов искусств, организуемом с помощью принципа «эпизодичности», т.е. последовательной сменой эпизодов, каждый из которых существует на основании закона «трех единств». Художественная ценность массовых праздников и зрелищ обусловлена не только высоким художественно-эстетическим качеством каждого элемента в том или ином эпизоде, но и единым художественным замыслом всего действия.

Таким образом, феномен массовых праздников и зрелищ расположен на границе реальной жизни, игры и искусства, при этом, творческим методом, синтезирующим в органическом единстве различные виды искусства, документальный и художественный материал, зрелище, игру, моменты спонтанной импровизации, ритуал, обряд, карнавальное шествие и народное гуляние выступает театрализация, дающая возможность, строить праздник, организуя художественно, по законам театра как его содержание, так и деятельность его участников.

Можно констатировать, что, для возникновения массового праздника необходимы три основных слагаемых:

1. *Традиционные основы* (традиции, обычаи, привычные формы и нормативы проведения, определенное сущностное наполнение и т.д.);
2. *Реальное событие* (смена времен года, историческая дата, религиозное, светское, политическое событие и т.д.);
3. *Организационное начало* (творческое осмысление праздника, разработка сценария и режиссерской экспликации, создание пространства праздника, административные работы и т.д.).

Первые два слагаемых – традиционные основы и реальное событие – образуют так называемую *праздничную ситуацию, порыв масс*. Организующее начало, *замысел руководителей* претворяет массовый праздник в жизнь, реализует его. Это возможно, как писал еще А.В. Луначарский, при выполнении, по меньшей мере, трех условий. Это искреннее желание аудитории «откликнуться всем сердцем на событие, которое празднуется», определенный «минимум праздничного настроения», талантливые организаторы, способные организовать действие и руководить им так, «чтобы естественный порыв масс, с одной стороны, и полный энтузиазма, насквозь искренний замысел руководителей, с другой, сливались между собой»¹⁹.

Со времен античности известна двойственная природа праздника: он принадлежит и миру человека и миру социальной системы, в отношении которых ему приходится играть, как правило, прямо противоположные роли. Находясь в «мире идеалов», поддерживаемых массовым зрелищем, зритель активнее и легче воспринимает доносимую организаторами необходимую им информацию. «Хлеба и зрелищ» требовали древние римляне, на многие столетия вперед утвердив равновесие между материально-физиологическими и духовно-социальными потребностями толпы.

Праздник в представлении древних народов был реализацией мечты об идеальной жизни. Привлекательные, яркие фрагменты обыденной жизни, отраженные в празднике обретали иной смысл, трансформировались функционально. В праздник привносились элементы будней посредством магических обрядов призванных умилоствить сверхъестественные силы, вызвать удачу в охоте, добрый урожай, хороший приплод скота, отвести зло. Во время праздника происходило переосмысление этих действий. Благодаря праздничному мироощущению, отключению в праздничное время негативных в психологическом плане элементов, всеобщему осмеянию, всенародному характеру, полному освобождению от жизненной серьезности, публичному веселью, то, что в обыденной жизни казалось серьезным, во время праздника превращалось в

¹⁸ Каган М. Морфология искусств. – М., 1972. – С.235.

¹⁹ Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. – М., 1981. – С.68 -85.

активное действие в виде игр, шуток, забав, розыгрышей. Праздник помимо прагматического наполнения приобретает идеальную, духовную ценность. Приближение всякого значительного события, обещающего перерыв в повседневности, несущее какую-либо надежду порождает приятные ожидания, формировало «праздничную ситуацию. Массовый праздник, таким образом, связывается не с одной из сторон духовного мира людей, и не с каким-либо одним из видов их деятельности, а с народным миропониманием и жизнью в целом.

Другой аспект сущности праздника связан с чисто служебной, технической ролью, навязанной социальной системой, сутью которой становится управление жизнью индивидуума, коллектива, общества. Власть с этой целью постоянно прибегала к воздействию с помощью культурных социально-психологических механизмов. Массовые праздники и зрелища со времен античности активно использовались структурами власти. Достаточно вспомнить праздники французской революции, или праздничную культуру тоталитарных режимов, чтобы прийти к выводу: смена государственного строя влечет за собой смену праздничного календаря. Видные политические деятели, а также деятели культуры и искусства опираясь на традиционно-народные праздники, придавая им новые смысловые оттенки, создавая новые массовые праздники и зрелища с опорой на идеологически приемлемый для данного государственного строя событийный ряд формировали свою систему праздников.

Принципиальное отличие при рассмотрении современной социокультурной ситуации состоит в том, что следует учитывать специфику действия закономерностей культуры в новых сложившихся социальных условиях. Возникшая новая социальная структура породила и новую дифференцированную реальность: меняются масштабы жизни и деятельности, претерпевают трансформацию ценностные ориентиры, радикально реконструируются существующие социокультурные институты и технологии управления. Перестройка всей жизни, происходящая в последние десятилетия, затрагивает и праздничную культуру. Современное общество диктует новые формы и смыслы празднования, происходит трансформация структуры праздничной культуры, её функций и особенностей воплощения. Кардинальные изменения обусловили формирование нового праздничного календаря, отражающего драматические социальные перевороты современности. Социальные, экономические и политические трансформации приводят к изменениям характера функционирования разных элементов культуры, переосмыслению ее символов, переопределяют способы культурного наследования и коммуникации, отношения власти в рамках культурных институтов. Визуализация современной культуры, ее мозаичный и фрагментарный характер, утрата больших идеологий, цементирующих духовную жизнь общества, т.е. децентрация духовной культуры, обуславливает особое внимание философии культуры к массовым праздникам и зрелищам, так как именно эти формы позволяют объединить массы людей на почве единой культурной традиции, приобщить к вечным ценностям разрозненных индивидов. Рост утилитаризма и прагматизма в обществе, смещение интересов с ценностей добра, истины, красоты, веры на прагматические ценности отдыха и развлечения ставит вопрос о необходимости и возможности существования содержательного, серьезного, символического зрелища или игрового праздничного действия. Разнообразие праздничных форм и нестабильность самой праздничной ситуации свидетельствуют о наступлении нового эволюционного витка в формировании массовых праздников и зрелищ. Таким образом, трансформация праздничной культуры является частью общей динамики социокультурного пространства и вытекает из тех же самых причин и, прежде всего: из изменений социально-экономической структуры и политического строя; из изменений условий жизни; из изменений общественного сознания, выражающихся в изменениях системы ценностей.

При сохранении различий в определении свободного и праздничного времени в современных условиях происходит их постепенное сближение. Развитие социального законодательства, сокращение рабочего времени, распространение системы отпусков уменьшают значение праздника как формы отдыха. В условиях интенсивного промышленного производства формируется и все шире распространяется новый ритм жизни, охватывающий быстро меняющиеся фазы производства и потребления, труда и

свободного времени. Стремительное расширение информационного пространства провоцирует развивающуюся тенденцию открытости общества: моральное, виртуальное и фактическое стирание границ между государствами, «прозрачность» границ в широком смысле, качественно новое восприятие людьми окружающего мира и своего места в мире.

Процесс глобализации с различных методологических позиций затрагивается сегодня многими авторами, причем далеко не всегда в позитивном смысле. В обществе, где рынок становится основной формой всех жизненных установок, праздник вплотную смыкается с экономическим потреблением, т.е. фактором, стимулирующим развитие праздничной культуры, становится не только ее духовная сторона, но ее прагматическая сторона, выражающаяся в коммерческих подходах к проведению праздников. Усиление экономического значения праздника – несмотря на явное ослабление культурных, религиозных, идейных и мировоззренческих потребностей, связанных с ним – одна из характерных особенностей нашего времени. Кроме того, для значительной части современного общества праздник – это возможность не только отдохнуть, повеселиться, пообщаться с приятными людьми, не только возможность сменить обстановку, восстановить силы после трудовых будней. Это еще и возможность зарабатывать капитала, это бизнес, который осуществляется тем успешнее, чем чаще и шире будут праздноваться те или иные события.

Огромное влияние на характер современного праздника оказывают изменения, происходящие в сфере услуг. Распространение ставших обыденными развлечений всякого рода, например танцев, музыки, зрелищ, которые издавна предназначались для праздничных периодов, а теперь стали доступными независимо от праздничного календаря, заметно уменьшило привлекательность самого праздника в этом плане. На потребительском рынке стремительно развивается индустрия «праздничной символики»; средства массовой информации популяризуют картину праздников в масштабе, не имеющем прецедента в истории культуры. Периодические издания пестрят объявлениями разного рода арт-студий, продюсерских центров, концертных объединений предлагающих услуги по организации общегородских, сельских, корпоративных, молодежных, детских праздников с полным PR-сопровождением. Стоит только оплатить счет и к вашим услугам ведущие-шоумены, ди-джеи, цирковые артисты и дрессировщики, пародисты и шоу-балеты, ростовые куклы и надувные аттракционы, фейерверки и сценические конструкции, художественное оформление и многое другое. Популярна литература, включающая тосты, поздравления, праздничные открытки как забавного, так и серьезного содержания.

Происходит утилизация праздничного пространства-времени для решения экономических проблем. Кроме того, само праздничное время (как и праздник в целом) зачастую становится объектом потребления экономической структуры. При этом, независимо от сущностного наполнения праздника (будь то Рождество, Масленица, 8 марта, или День Конституции и др.) форма проведения массового площадного действия остается примерно одинаковой, представляя собой нечто среднее между массовым праздником тоталитаризма и массовым зрелищем западной шоу-культуры. Театральность, фрагментарность, принцип монтажности, стирание приоритетов, стилевой синкретизм, работа на публику, обязательный учет аудитории – все эти слагаемые, вообще характерные для культуры постмодернизма, проявляются в массовых праздниках современной России в полной мере. Праздник можно *купить, заказать, продать, подарить*, то есть манипуляции совершаются на уровне товарооборота. Утилитарно-практическое начало все более превалирует над сакрально-возвышенным. Таким образом, ярко проявляющаяся в традиционной культуре оппозиция «праздник – жизнь», претерпевает качественные изменения. Происходит смещение границ между праздничной и бытовой сферами.

Таким образом, выявляя культурологические параметры массовых праздников и зрелищ в различных социокультурных контекстах, обозначив при этом исходную точку соотношения в оппозиции «народ – власть», можно выделить следующие типологические модели:

1. Массовые праздники и зрелища как способ этнокультурной идентификации;

2. *Массовые праздники и зрелища как социокультурная манифестация власти;*
3. *Массовые праздники и зрелища как объект потребления.*

Массовый праздник как социально-художественный феномен эстетически организует и переоформляет время и пространство человеческой жизни, внося в нее элементы полноты, удовлетворения и гармонии, и, как бы, соизмеряет ее с жизнью общества в целом, жизнью природы. Пространство массового праздника динамично, оно подобно вектору, устремленному в идеальное, трансформирующему обыденное и перемещающему в мир прекрасного. Но, одновременно, массовый праздник выполняет и чисто техническую, служебную задачу, навязанную социально-классовой системой и ориентированную на реализацию интересов, совпадающих с интересами власти, или господствующего в обществе класса. Теряя свою сакральную сущность и все более трансформируясь в объект массового потребления, праздники и зрелища все чаще рассматриваются как эффективное средство сильнейшего воздействия на формирование политических установок личности.

Еще Эсхил указывал: «большая сила – мнение народное»²⁰. Особо она велика, если народное мнение объединено одной идеей, более того о степени жизненности идеи можно судить по отношению к ней масс. А «мнение народное» или отношение масс может формироваться и трансформироваться всеми доступными средствами в умелых руках идеолога. Необходимо отметить, что современное общественное мнение в России, в силу крайней нестабильности политической и социальной обстановки отличается большей подверженностью манипулированию, готовностью впасть в крайности, низкой способностью к поиску компромиссов, маргинальностью оценок в суждении. В настоящее время, массовые праздники и зрелища как важнейшая составляющая истории и современности культуры, неотъемлемый элемент социокультурной системы, занимают далеко не последнее место в современной иерархической системе СМИ, и потому активно используются в качестве инструмента идеологического управления. Массовое действо, обладая свойствами драматизации и метафоричности, делает доступными самые сложные для понимания политические идеи, и зрители автоматически становятся их сторонниками.

В последние годы можно наблюдать множество такого рода конкретных проявлений, – от различного рода политических акций на региональном уровне, до выборов президента страны. В этих событиях политической жизни наиболее очевидно просматривается использование эмоционально-художественных средств психологического воздействия. И чем сильнее размах политической борьбы и необходимость давления на общественное мнение, тем более яркое, красочное шоу стараются выстроить организаторы. В ход идут проверенные и безотказные приемы и методы активизации зрительской аудитории, основанные на умелом использовании архетипов: традиционные народные праздники, театрализованные представления, зрелища, фестивали, концерты, розыгрыши призов, игровые и конкурсные программы, музыкальные и световые эффекты, средства пиротехники и новейшие достижения мультимедиа. Активно используются символы, лозунги, звучные пароли, учитывается и тот факт, что «самым прекрасным зрелищем для народа всегда будет сам народ».²¹ Массовая готовность к восприятию, к любым действиям в определенных ситуациях, подкрепленных зрелищными элементами, приводит к возможности образной материализации идей и определенной «настройки» коллективных переживаний, для дирижирования эмоциями и представлениями, и, как следствие, продвижения и внедрения различных политических идей. При этом наибольшее идеологическое воздействие на политическое сознание масс осуществляется теми массовыми действиями, в которых политические идеи, на первый взгляд, играют второстепенную роль по сравнению со зрелищными приемами, то есть информация подается не «в лоб», а транслируется через иллюзию праздничности, «карнавальную игру», использование зримых узнаваемых образов и оригинальных подходов оказывая, тем самым, почти гипнотическое воздействие. Чем более велика сила эмоции в момент восприятия объектом, тем глубже последующее осознание действия, вызвавшего ее, и тем более

²⁰ Эсхил. Трагедии. – М.-Л.: «Академия», 1937, – С. 264.

²¹ Ромен Ролан «Народный театр»: Собр. соч. т.14. – М.: Гослитиздат, 1958.-С. 118.

вероятна трансформация зрителя в соучаствующего субъекта. Поэтому, каким бы информативным, организованным по всем технологическим правилам не было бы массовое действие, оно не достигнет необходимых целей, не произведя эмоционального впечатления на зрителя. Учитывая психологический фактор, Л.С. Выготский отмечал: «... ни один элемент в произведении искусства сам по себе не важен. Это только клавиша. Важна та эмоциональная реакция, которую он в нас пробуждает»²². Автоматически выстраивается логическая цепочка от красоты к удовольствию. И, далее, – к постижению «правильности» внедряемой в сознание идеологии и политики.

Список литературы

1. Снегирев, И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды / И.М. Снегирев. – М.: Сов. Россия, 1990. – Ч.1. – 158 с.; Ч.2. – 78 с.
2. Терещенко, А.В. Быт русского народа. / А.В. Терещенко. – М., 1997. – Ч. 5. – 221 с. – Ч. 7. – 348 с.
3. Чичеров, В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX вв. / В.И. Чичеров. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. – 235 с.
4. Пропп, В.Я. Русские аграрные праздники / В.Я. Пропп. – Л.: ЛГУ, 1986. – 184с.
5. Миллер, В. Русская масленица и западноевропейский карнавал / В. Миллер. – М.: Наука, 1984. – 43с.
6. Мизов, Н. Праздник как общественное явление / Н. Мизов. – София, 1966. – 124 с.
7. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга – М.: Прогресс, 1992. – 462 с.
8. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 544 с.
9. Жигульский, К. Праздник и культура / К. Жигульский. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.
10. Кудайбергенов Б.К. Культура современных праздников и обрядов / Б.К.Кудайбергенов, О.Е.Иванов, П.А.Сапронов. – Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1986. – 72с.
11. Генкин, Д.М. Массовые праздники / Д.М. Генкин. – М.: Просвещение, 1975. – 140 с.
12. Карпова, Г.Г. Праздник в контексте социальных изменений: Дис. ...канд.социол.наук. – Саратов, 2001. – 156 с.
13. Гагин В.Н. Национальные праздники и обряды, или Праздничность как феномен русской культуры: теоретический и исторический аспект / В.Н. Гагин – М.: Профиздат, 2005 – 320 с.
14. Чередниченко, Т. Праздничность / Т. Чередниченко // Новый мир. – 2002, – №11. – С. 155-167.
15. Пронина, И.Н. Феномен праздника в контексте отечественной культуры: Дис. ...канд.философ.наук. – Саранск, 2001. – 143 с.
16. Орлов, О.Л. Праздничная культура России / О.Л. Орлов. – СПб.: КультИнформПресс, 2001. – 160 с.
17. Меньшиков А.М. Фестиваль как социокультурный феномен современного театрального процесса: Дис. ...канд.искусствоведения. – Москва, 2004. – 178 с.
18. Каган М. Морфология искусства / М. Каган – М.: «Искусство», 1972. – 441с.
19. Луначарский, А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке / А.В. Луначарский. – М.: Просвещение, 1981. – 429с.
20. Эсхил. Трагедии / Эсхил – М.: «Художественная литература», 1971. – 441с.
21. Ромен Ролан «Народный театр»: Собр. соч. т.14. – М.: Гослитиздат, 1958. 418с.
22. Выготский Л.С. Психология искусства / – М.: Педагогика, 1987. – 215с.

CLASSIFICATION AND TYPOLOGY OF MASS HOLIDAYS AND SPECTACLES

M.V. LITVINOVA

Belgorod State Institute of Arts and Culture

e-mail: margarita-litvinova@yandex.ru

The semantic content of the holiday as a philosophical culturological category is revealed in the article; the theoretical-methodological approaches in the study of the phenomenon of a holiday and culturological models of an explanation of celebratory culture are investigated; the basic concepts of cultural typology of a phenomenon of a holiday are analyzed, the place of mass holidays and shows in the system of celebratory culture is defined.

Keywords: holiday, celebratory culture, spectacle, phenomenon of holiday, classification of holiday, cultural typology.

²² Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987. – С. 195.

ЭВОЛЮЦИЯ БОГОСЛОВСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ЛЮТЕРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Т.В. ЛУЦЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: luzenko@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу эволюции богословских положений Лютера в период его реформаторской деятельности по следующим направлениям: теология протестантизма (*sola Scriptura* – только Писание, *sola Fide* – только Вера, *sola Gratia* – только Благодать) и в отношении Лютера к Римскому папе. Выясняется взаимосвязь идей Реформации и духовного кризиса современного общества.

Ключевые слова: Мартин Лютер, Реформация, *sola Scriptura*, *sola Fide*, *sola Gratia*, Римский папа, духовный кризис общества.

В России в настоящее время предпринимаются попытки выстроить концептуальную модель преодоления глубокого кризиса в сфере культуры, морали и духовных ценностей. Зачастую круг исследований ограничивается анализом внешних проявлений кризиса, в то время как внимание могло быть сконцентрировано на его предпосылках, заложенных в духовных основах современной цивилизации, которая на протяжении веков основывается на парадигмальных основаниях протестантской культуры. Это касается развития современного государственного устройства, науки, технологии бизнеса и современной профессиональной этики.

Реформация, как внутрицерковное явление, явилась закономерным следствием вырождения католицизма, признанием ренессансным социумом неспособности католицизма осуществить основной замысел средневековой культуры: организовать земную жизнь истинных христиан, как подготовку к вхождению в «Царствие Небесное». Необходимо вернуться к непосредственному первоисточнику истины – Священному Писанию и отбросить все позднейшие наслоения, которые являет институт Священного Предания. Главные принципы протестантского вероучения, которые были сформулированы в ходе Реформации таковы: спасение только верой – *sola Fide*, вера только по Писанию – *sola Scriptura*, спасение дается по Божественной благодати – *sola Gratia*. Одна из символических книг Лютеранской Церкви определяет: «Мы веруем, учим и исповедуем, что единственным правилом и путеводной нитью, по которым можно судить и оценивать всякое учение и всяких учителей, являются только пророческие и апостольские писания Ветхого и Нового Заветов»²³. С такой же определенностью изложено и отношение к Священному Преданию: «Противны Евангелию и учению о вере во Христа все человеческие постановления и предания ... на основании деяний и слов Св. отцов нельзя определить догматов веры»²⁴.

Принцип *sola Scriptura* исходил из общей идеи Реформации о правомочности личного, непосредственного обращения к Богу. Сила спасения принадлежит только Богу, но обращаться к Нему за ее действием каждый христианин должен сам, без всякого посредничества, земного или небесного. Прежде посредником в спасении была Католическая Церковь, так как она сообщала верным спасающую силу таинств. Церковь также была посредником в вере, потому что она предлагала человеку для познания Бога свой опыт знания о Нем – Священное Предание. Между человеком и Откровением в Священном Писании она утверждала посредство Свщ. Предания. В стремлении уничтожить любое посредничество между Богом и человеком Реформация оставила только Свщ. Писание, открыв которое, каждый мог непосредственно знать о Боге из Его

²³ Васечко В., иерей. Сравнительное богословие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – С. 63.

²⁴ Там же. – С. 64.

слов. В культе Свщ. Писания личный вероучительный опыт вытеснил собой вероучительный опыт Церкви.

В католицизме Священное Писание можно правильно понимать только в контексте Священного Предания. В этой связи становится ясным, какую силу давало папству такое решение вопроса. Чтобы лишить папство силы этой позиции, протестантизму было необходимо лишить его монопольного права толкования Библии. Для этого Мартин Лютер провозгласил право каждого верующего не только самостоятельно читать, но и толковать Библию. Допуская философское мышление в качестве дополнения веры, протестантизм считал последнюю единственным критерием истинности восприятия библейского откровения. Итак, данный тезис отрицает соборный авторитет и утверждает авторитет каждой отдельной личности при наличии равенства условий для всех индивидов общества. Из идеи равенства вытекает идея конкуренции и соревновательности. С православной позиции идея равенства есть посыл ложный, так как установка на «отстаивание индивидуальности» заменяет установку заботы и доминанты на другого, установка потребления заменяет установку даяния. Это приводит, во-первых, к атомизации индивидов, во-вторых, к инфантилизации общества, которая понимается как потеря роста ответственности, а значит взросления, и, в-третьих, к замене понятных установок любви, дружбы, заботы и уважения красивыми, но не до конца понятными установками толерантности и лояльности. Общественный идеал такого общества можно выразить формулой «Я над Мы» – доминирование индивидуальных интересов, целей, и средств, в то время как православный идеал соборности – «Я в Мы».

Следующий столп протестантизма – *sola Fide* – провозглашает спасение только верой. «Бог производит в нас добро и зло; спасает нас без нашей заслуги и обвиняет без вины»²⁵. По мысли отцов Реформации стоит быть уверенным в собственном спасении, чтобы обладать им в действительности, ибо оправдывающая вера сочетает в себе обращение к Богу и Его действие, как говорит об этом Лютер: «мысли о деле спасения, и оно будет твоим достоянием»²⁶. В каком-то смысле «*sola Fide*» стала протестантским «*opus operatum*». По замечанию архим. Хрисанфа (Ретивцева): «Протестантизм поставило во главу угла принцип «Верую, следовательно, спасаюсь»²⁷. Спасительная вера дает оправдание, но не как избавление от греха, а как избавление от наказания. В этом тезисе содержится отказ от самоактуализации человека, как духовно-нравственного перерождения личности на пути к изменению отношений человека и Бога, потому что Бог уже спас все человечество Своей Жертвой. Реформация, освободив человека от гнета его совести всеобщей спасенностью, позволяла направить все его силы на практическое обустройство земной жизни, накопление материальных благ, положив этот утилитарный принцип в основу экономического формирования протестантских стран.

Следующий протестантский вероучительный принцип – *sola Gratia* – по своей сути отрицает существование земной Церкви, как посредника между Богом и человеком. Исторически такой взгляд развился, как реакция на существенные недостатки католической эклизиологии. В числе таких недостатков нужно назвать: преобладающее представление о церкви, как идеологическом сообществе, угнетенное бытие таинств, которое претворяло это общество в Тело Христово. Земному образу Церкви Реформация на самом старте своего развития противопоставила образ невидимой небесной церкви, отрицая возможность существования ее земного бытия. «Вместо Церкви, совершающейся в таинствах, Реформация утвердила образ церкви, совершающейся верой каждого из ее верных»²⁸. Тезис *sola Gratia* – это отрицание церковного авторитета и иерархии.

В этой связи нам кажется целесообразным рассмотреть эволюцию **личного отношения Лютера к Римскому папе**.

²⁵ Мартин Лютер. Избранные произведения. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. С. 428.

²⁶ Там же. – С. 432.

²⁷ Хрисанф (Ретивцев), архим. Характер протестантизма и его историческое развитие. СПб., 1871 // Репринт. – М., 1992. – С. 29.

²⁸ Васечко В., иерей. Сравнительное богословие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – С. 66.

В начале своей жизни Мартин Лютер, как правоверный католик слепо верил в непогрешимость папы и истинность всех его поступков. Позднее принятая им идея об оправдании верой не мешает ему оставаться ярким поклонником папы и верным сыном церкви, каким он был в момент поступления в монастырь. «Я так благоговел перед папой, что ради него сжег бы всякого еретика»²⁹. По приезде в Рим в 1511 году Лютер испытал чувство глубокого религиозного благоговения, все его чувства можно было охарактеризовать чувствами пламенного католика и монаха. Но во время этой поездки Лютер убедился в том, что Рим – логово всех пороков. Но он оправдывал папу, думал, что папа – невинная жертва окружающих его волков – «агнец среди волков»³⁰. Но следует заметить, что на Лютера римские впечатления подействовали отрезвляюще. Тем не менее, нельзя сказать, что это путешествие совершило переворот в отношении Лютера к папству, сделав его из горячего приверженца непримиримым врагом. Все виденное и слышанное Лютером в Риме не поколебало его основных убеждений. В продолжение многих лет после этого путешествия мы замечаем в Лютере то же строго церковное отношение к верховному авторитету тогдашнего христианства, которое он усвоил себе с юношеских лет. В 1517-1518 годах он еще делает строгое различие между папством, в лице данного его представителя, и первоначальным призванием папы, как главы католической церкви. В 1517 г. в письме к Штаупицу Лютер пишет: «Я готов подчиниться Римскому Первосвященнику, как самому Христу»³¹. Вот еще одна цитата: «Падая к ногам твоим, Святейший Отец, я предаюсь тебе со всем, что я есмь, и со всем, что имею. Дай мне жизнь, или отними ее; оправдай, или осуди, как тебе будет угодно. Если я заслужил, то не отрекаюсь умереть... Да хранит тебя Господь во веки веков. Аминь»³².

Но в 25 тезисе можно увидеть начало «ереси» – умаление безграничной власти папы: «Тою же властью, как Папа, обладает... всякий епископ в своей епархии и всякий священник в приходе своем»³³.

В письме к папе (от 3 марта) 1519 года Лютер уверяет, что «никогда не имел и не имеет намерения нападать на власть Римской церкви и папы»³⁴, и признает, что «церковь выше всего», но это уже не искренне. 13 марта он писал Спалатину: «Я не знаю, есть ли папа сам антихрист или только апостол его»³⁵, в другом письме он прямо заявляет, что антихрист, о котором говорит апостол Павел, управляет Римской курией: «Еще большее готовит теперь мое перо. Я и сам не знаю, откуда берутся у меня эти мысли. Это дело, по моему разумению, еще не началось, хотя высокие господа в Риме ожидают уже его конца»³⁶.

После диспута с Экком и выхода папской буллы о его отлучении Лютер пишет Папе: «Папа Лев...если эта булла исходит от вас, то я... увещаю вас прийти в себя и прекратить кощунство...Если же этого не сделаете, то знайте, что я и все Христовы служители почитаем ваш первосвященнический престол седалищем сатаны и Антихриста, коему мы не хотим подчиняться...»³⁷.

Теперь мы можем наблюдать коренной переворот во взглядах реформатора. «Я теперь несомненно уверен, что Папа – Антихрист» – писал Лютер одному из своих друзей и учеников 11-го окт. 1520 г. Этот религиозный опыт «Папа-Антихрист» базируется в «темных водах Средних веков»³⁸, в познании абсолютного зла, как личного начала – дьявола. «Папа – Антихрист» для Лютера не отвлеченный

²⁹ Мережковский, Д. С. Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль. – Брюссель, Париж: «Жизнь с Богом», «La Presse Libre», 1990. – С. 41.

³⁰ Мартин Лютер. Избранные произведения. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. – С.113 .

³¹ Там же. – С. 139.

³² Там же. – С. 140.

³³ Мартин Лютер. 95 тезисов. – СПб.: Роза Мира, 2002. – С. 18.

³⁴ Цит. по Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: Биографические очерки. – М.: Республика, 1995. – С. 125.

³⁵ Там же. – С. 126.

³⁶ Там же. – С. 129.

³⁷ Цит. по Мережковский, Д. С. Реформаторы. – С. 65.

³⁸ Там же. – С. 65.

богословский опыт, это мистический страх нечистой силы, который тяготеет над ним всю жизнь. «Я не знаю, кто такой Папа – сам ли Антихрист или только апостол его» – эту мысль посещала Лютера в течение всей его дальнейшей жизни.

10 дек. 1520 г. Лютер сжег папскую буллу о собственном отлучении. «Жребий брошен, – писал в эти дни Лютер Спалатину. – Я презираю ярость и милость Рима; я не помирюсь с ним во веки веков; наступил конец смирению»³⁹.

Многие исследователи деятельности Лютера, например, Брендлер [6], Бецольд [7], говорят о том, что реформатор был человеком крайностей, не признававшим серединного пути. Из страстного и горячего поклонника папы Лютер стал таким же горячим его гонителем. Ненависть Лютера к папе, в котором он видел антихриста и дьявола, с годами только усиливалась, принимая характер настоящей *idee fixe*. Он сам сознается в этом, говоря: «Я не могу молиться, не проклиная папы, не могу сказать: «Да святится имя Твое», не прибавляя: «И да будет проклято имя папистов». Воистину так молюсь я каждый день устно, а сердцем своим непрестанно»⁴⁰. Последнее сочинение Лютера «Папство, учрежденное дьяволом», вышедшее в 1545 году, представляет собой апогей ненависти реформатора к папе. Лютер полностью отказывается от личного авторитета первосвященника Римской церкви, противопоставив ему авторитет общедоступный и неиерархический – собственное толкование Слова Божия.

Реформы Лютера изначально были направлены на улучшение устройства Католической церкви, но в итоге они обратились против тех столпов, которые лежат в основе любого общества и цементируют его. Это можно представить следующим образом:

- авторитет соборный отвергает тезис *sola Scriptura*;
- авторитет личный отвергается признанием Папы, как Антихриста;
- авторитет церковный отвергает тезис *sola Gratia*.

Реформация не оставила новой культуре охранительных традиций, кроме защиты механизмов функционирования, религиозной и психологической мотивации. Этот процесс принял форму прогресса, для которого приемлемы лишь материальные результаты – сенсорные истины. Этот прогресс не знает преемственности ценностей, эта революция, которая не сменяется миром. Без сдерживающих общество духовных авторитетов начинают стремительно действовать центробежные силы. Если общество, в котором сильны основы православной веры можно по аналогии сравнить с деревом, иерархически упорядоченной структурой, католическую общину – с единым целым, монолитом, то протестантское общество – с кучей песка, где каждый его член – отдельный, самостоятельный и индивидуальный атом. О том, что последствия его реформ центробежны и губительны для общества, Лютер убедился, когда Реформация захватила всю Германию, став необратимым процессом. Нам известен факт, что в течение своей реформаторской деятельности Мартин Лютер изменил первоначальные богословские положения, которые легли в основу протестантского учения в том направлении, которое можно определить, как более близкое духу православной церкви. Далее мы рассмотрим эволюцию религиозной доктрины Лютера.

Право свободного толкования Писания привело к религиозному произволу среди населения, необходимость ограничения этого произвола привела к возникновению так называемых символических книг протестантизма – второго основного источника протестантского вероучения, которые образовали Свщ. Предание протестантизма. Каждое протестантское направление имеет свои символические книги, факт их существования противоречит изначальному принципу Реформации – *sola Scriptura*.

Это противоречие отражают ранние символические книги Германской Реформации. Например, «Формула согласия» провозглашает, что «одно Священное Писание следует признавать критерием, нормой и правилом веры, символы же авторитетного значения в делах веры не имеют, а только служат свидетельством о

³⁹ Мартин Лютер. Избранные произведения. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. – С.251.

⁴⁰ Там же. – С. 296.

нашей вере»⁴¹. С другой стороны «Формула согласия» предписывает, что «символами должно проверять все другие книги относительно того, правильно ли и согласно ли со словом Божиим излагаются в них христианские догматы» и определяет, что символы содержат учение, которое «существовало и навсегда должно существовать в Церкви»⁴².

Лютер понял, что отсутствие сдерживающего авторитета Церковного Предания ведет к разрушительным последствиям в общественной среде. Теперь он старается восстановить утраченное равновесие между верой и нравственностью. В первоначальных сочинениях Лютера в начале Реформации краеугольным камнем христианской общины должна была стать христианская свобода, не допускавшая обязательности каких бы то ни было внешних форм и обрядов. В более поздних сочинениях значение такой свободы для народа полностью отрицается. Проповедникам вменяется в непрелюбую обязанность сохранять постоянно одни и те же формулы для преподавания учения веры. «Молодой и глупый народ следует учить всегда в одних и тех же выражениях; в противном случае неизбежны заблуждения... Кто не хочет учиться, того не допускать к Святому Причастию; детей его оставлять некрещеными...»⁴³.

После кровавых последствий Крестьянской войны необходимость принципа *sola Fide* так же больше не утверждается, а одним из непрелюбых условий ставится исполнение закона. Лютер размеряет всякий шаг христианской жизни; на каждый случай предписывает либо молитвы, либо благочестивые изречения. Реформатор обличает народ, который из всей Евангельской проповеди извлекает только одно необузданное своеволие. Если сначала реформатор ратовал против соблюдения постов и различных благочестивых обрядов, теперь он признает их полезность для обуздания плоти. Так же он оставляет большинство обрядов старой церкви, если они прямо не противоречат Священному Писанию, требует исповеди перед Причащением. Самое важное право – свобода толковать слово Божье и свобода религиозной мысли, вначале Реформации предоставленная Лютером каждому человеку, отнимается у мирян новым церковным устройством. Теперь только проповедник или приходской священник получал право толковать Священное Писание, из этого права следовала неограниченная власть священника над совестью прихожан.

Ход Реформации и первые шаги к учреждению духовной невидимой церкви заставили ее создателей изменить собственным убеждениям, потому что невидимая церковь превращалась в церковь неведомую. Такой церкви угрожала опасность стать несуществующей в глазах верных. Сразу после разрушения земного церковного здания католичества Реформация была вынуждена оградить свое собственное церковное здание внешними признаками и таким образом придать ему видимую форму, которую она категорично отвергала. «Апология Аугсбургского исповедания» утверждает, что «истинная Церковь имеет и внешние признаки, по которым узнается, а именно: она несомненно там, где чисто проповедуется слово Божие и таинства совершаются согласно слову»⁴⁴. В конце реформаторской деятельности Лютер пишет в «Застольных речах»: «Если бы мне теперь пришлось снова объяснять народу Слово Божие, я бы иначе распорядился; ибо кто хочет учить других и сам понимать эту книгу, должен обогатиться запасом житейской опытности и оглядеться хорошенько в мире. Огромное большинство неисправимых грешников я оставил бы под игом папы. Ведь учение Евангелия им впрок не идет, а только приводит к злоупотреблению свободой. Но истерзанным и отчаявшимся совестям я стал бы исключительно проповедовать утешения Евангелия. Проповедник должен прежде всего познакомиться с миром, убедиться, что он собственность дьявола, и не ожидать от него исправления. Он не должен быть таким простодушным агнцем, каким был я, который не на шутку верил в

⁴¹ Мартин Лютер. Книга Согласия: Вероисповедание и учение лютеранской церкви. СПб: Фонд «Лютеранское Наследие». 1996. – же. – С. 274.

⁴² Там же. – С. 288.

⁴³ Мартин Лютер. Избранные произведения [Текст] / М. Лютер. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. – С. 291.

⁴⁴ Там же. – С. 342.

незлобие мира и полагал, что при первом звуке Евангелия все соберутся под кров его и примут его с восторгом. Теперь только я с душевным прискорбием узнал, как жестоко ошибался!»⁴⁵. После того, как все сдерживающие общество факторы потеряли силу авторитета, каждый последователь Реформации был вынужден развивать свой собственный опыт общения с Богом, теряя при этом любые критерии правомерности такого опыта. Из собственных слов Лютера в его письме к Цвингли – «Если мир еще долго будет существовать, то я возвещаю, что при различных толкованиях Писания, которые находятся у нас, не остается другого средства поддержать единство веры, как принять решения Соборов и прибегнуть под защиту церковной власти»⁴⁶ – мы можем судить о том, что Лютер осознал всю опасность проведенных им реформ для духовного состояния общества и был близок к диалогу с Православной Церковью. Но реформатор так и не смог остановить механизмов, которые он привел в действие, дав жизнь новой протестантской и пост-протестантской цивилизациям.

Процессы реформации общества, которые начал Лютер в XVI веке, оказались губительными для него. Особенно наглядно это проявляется в настоящее время, потому что начало III тысячелетия человеческой истории предстаёт как духовный Рубикон. Глубокий духовный кризис поразил все без исключения христианские народы и страны, в большинстве своем основанные на этике протестантизма. Финансово-экономический кризис глобального масштаба ясно показал: мир Протестантизма, некогда доминирующий, и породивший политические и экономические «гиганты» Западной цивилизации, стал неуспешен в ведении созданного им капиталистического хозяйства. В изначальном девизе Лютера и Кальвина «Во имя Бога и прибыли», «Бог» и «прибыль» с течением времени поменялись местами. На сегодняшний день этот девиз можно сформулировать следующим образом: «Обогащение – вне Бога и прибыли»⁴⁷. Духовность этих цивилизаций безвозвратно утеряна. Имеет место, так называемый парадокс бездуховности. Став бездуховной, личность оказывается не в состоянии ощутить и осознать свою бездуховность. Утрата духовности на уровне нации означает, как мы сегодня видим, близкий конец её истории. В этой ситуации Россия, в силу богатства своей культуры, конфессиональной последовательности и открытости, полифонии и многообразия, несет ответственность не только за собственное развитие, но и за происходящее в мире, особенно в духовной сфере. Негативные стороны развития протестантской культуры развиваются так повсеместно по той причине, что Россия все еще не осознала для себя в более полном объеме своей духовной традиции. В том числе необходимо более детальное изучение истоков духовных, культурных проблем Западной цивилизации, принявших универсальный характер; более тщательная оценка духовной, культурной и технологической информации, которая массовым потоком импортируется в Россию протестантскими странами; культивирование теоретического и практического интереса к актуальным вопросам современности – духовности, аутентичности и пределам роста.

Список литературы

1. Васечко В., иерей. Сравнительное богословие [Текст]: учеб. пособ. / В. Васечко. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – 100 с.
2. Мартин Лютер. Избранные произведения [Текст] / М. Лютер. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. – 427 с.
3. Мережковский, Д. С. Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль [Текст] / Д. С. Мережковский; под. ред. и с предисловиями Темиры Пахмусс – Брюссель, Париж: «Жизнь с Богом», «La Presse Libre», 1990. – 341 с
4. Хрисанф (Ретивцев), архим. Характер протестантизма и его историческое развитие. СПб., 1871 // Репринт. – М., 1992. – 342 с.

⁴⁵ Хрисанф (Ретивцев), архим. Характер протестантизма и его историческое развитие. СПб., 1871 // Репринт. – М., 1992. – С. 24.

⁴⁶ Мартин Лютер. Избранные произведения [Текст] / М. Лютер. – СПб.: «Андреев и согласие», 1994. – С. 405.

⁴⁷ Сурин В. А. Неореформация: день первый. Аксиомы, интуиции и оросы посткапиталистической цивилизации // «Политический класс – М., 2008. – № 12. – С. 20.

5. Мартин Лютер. 95 тезисов [Текст] / М. Лютер; сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И. Фокина. – СПб.: Роза Мира, 2002. – 657 с.
6. Брендлер Герхард. Мартин Лютер: Теология и революция [Текст] / Герхард Брендлер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 368 с.
7. Бецольд, Ф. История Реформации в Германии. Сочинения [текст]: в 4 т. / Ф. Бецольд; пер. с нем. А. С. Лактионов. – СПб.: Питер, 1997. – Т.1-2. – 438 с.
8. Мартин Лютер. Книга Согласия: Вероисповедание и учение лютеранской церкви [Текст] / М. Лютер. – СПб: Фонд «Лютеранское Наследие». 1996. – 325 с.
9. Сурин В. А. Неореформация: день первый. Аксиомы, интуиции и оросы посткапиталистической цивилизации // «Политический класс – М., 2008. – № 12. – С. 20.
10. Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: Биографические очерки [Текст] / сост. Б. Д. Порозовская. – М.: Республика, 1995. – 384 с.: илл.

EVOLUTION OF THEOLOGICAL VIEWS OF LUTHER IN THE PRESENT CONTEXT

T.V. LUTSENKO

*Belgorod National Research
University*

e-mail: luzenko@bsu.edu.ru

The article is devoted to the analysis of evolution of theological positions of Luther in its reformatory activity: theology of Protestantism (*sola Scriptura* – only Writing, *sola Fide* – only Belief, *sola Gratia* – only Good fortune) and concerning Luther to the Pope. The interrelation of ideas Реформации and spiritual crisis of a modern society is found out.

Keywords: Martin Luther, Reformation, *sola Scriptura*, *sola Fide*, *sola Gratia*, the Pope, spiritual crisis of a society.

УДК 291.1

ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИИ ПОНЯТИЙ «РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА» И «РЕЛИГИОЗНАЯ СУБКУЛЬТУРА»

С.С. ПОЧЕПЦОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
pocheptsov@bsu.edu.ru*

Разность культурных форм и традиций способна формировать различные цивилизационные и общественные устои и идеалы. «Ядром» той или иной культурной традиции выступают разделяемые большинством общества идеалы и традиции, формирующие мировоззрение и жизненный уклад социума. Однако в любом обществе существуют группы, которые, разделяя основные ценности господствующей культуры, имеют и ряд отличительных признаков, выделяющих их из общей массы. Такие группы являются субкультурными.

Под воздействием религиозных доктрин могут возникнуть как религиозные культуры, так и религиозные субкультуры. Религиозные субкультуры консолидируют в своих рамках тех представителей общества, которые не принимают всех элементов господствующей религиозной традиции, но разделяют ценности, учтённые и представленные в религиозной субкультуре, что соответствует их религиозным представлениям и предпочтениям. Ярким примером религиозной субкультуры в России является субкультура старообрядчества.

Ключевые слова: культура, «ядро культуры», субкультура, религиозная культура, старообрядчество.

Прежде, чем говорить о религиозной культуре и религиозной субкультуре, необходимо определиться с самим понятием «культура». Как известно, первоначально термин «культура» употреблялся по отношению к земледелию и трактовался как возделывание земли. Иное значение данному термину дал Марк Туллий Цицерон, употребив его по отношению к человеку. Для Цицерона *cultura* – это возделывание, преобразование, развитие человека, человеческой души. С того времени и до наших дней возникло множество дефиниций понятия «культура». Например, З. Фрейд видел в культуре совокупность социальных рамок и табу, ограничивающих естественную свободу и волю человека. Тем самым культура рассматривалась как некий инструмент угнетения и подавления человеческой личности. Близкой к пониманию культуры З. Фрейдом по своему сущностному содержанию была трактовка Освальда Шпенглера, который соотносил понятия культуры и цивилизации. Исключением являлся лишь тот факт, что цивилизация – это «культура без души». В культуре О. Шпенглер видел гармонию свободы и духа, тогда как цивилизация ограничивала и загоняла культуру в определенные, цивилизационные, рамки, навязывая человеку некие стереотипы и устои. Данный акт порождал собой уже определенную цивилизацию со свойственной ей культурой. С точки зрения О. Шпенглера, «культура – это первофеномен всякой прошлой и будущей мировой истории»¹.

Лингвист Э. Сепир определил культуру как «социально унаследованный комплекс способов деятельности и убеждений, составляющих ткань нашей жизни»². По мнению Т. Роззака, который особое внимание уделял контркультуре, «всякая новая культура, культура конкретной эпохи рождается как осознание кризиса предшествующей социокультурной парадигмы»³.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М., 2006. – С. 313.

² Султанова М. Философия культуры Теодора Роззака (Очерк филос. публицистики). – М., 2005. – С. 9.

³ Там же.

Множество определений понятия «культура» связано с теми сферами человеческого знания и соответствующими методами исследования, в рамках которых осуществлялась выработка дефиниций данного термина. Наиболее широкое и, в то же время, интуитивное определение культуры дает Мира Султанова. В её работе «Философия культуры Теодора Роззака» культура рассматривается как «совокупность способов и приёмов человеческой деятельности, как материальной, так и духовной»⁴.

Стремление к более полному и глубокому изучению феномена культуры нашло отражение в различных культурологических теориях и гипотезах. Взгляд на культуру как на систему позволил выделить этапы развития культуры (культурогенез), типы и функции культуры в социуме и т.д. Рассматривая типологию культуры, можно говорить о культуре материальной и духовной, а также о культуре массовой и элитарной. Продолжая типологизацию, следует также вести речь о светской и религиозной культуре.

Религия, как составная и неотъемлемая часть культуры, является не только культурным феноменом, но и сама способна формировать культурно-религиозные системы. Влияние религиозных идей на культуру столь велико, что они способны создавать новые «религиозные культуры», лежащие в основе цивилизаций, культурных традиций определенных стран и эпох.

Влияние религии на культуру и культуры на религию является взаимным. Светское и религиозное начала зачастую, на практике, строго не разграничены, а границы их соприкосновения нечетки и размыты. Одно из определений религиозной культуры даёт С. Лебедев, говоря о ней как о «культурной системе, возникшей и развившейся под определяющим влиянием той или иной религии (конфессии) и «обслуживающей» сакральное отношение последней. Идеальный тип религиозной культуры характеризуется в структурном отношении строго иерархической (пирамидальной) архитектоникой, а в содержательном отношении сложным двухуровневым строением, предполагающим сочетание «сверхчувственного» и «чувственного» социально-когнитивного содержания»⁵.

Еще одна точка зрения представлена в определении известного религиоведа И.Н. Яблокова, который под религиозной культурой понимает «совокупность имеющихся в религии способов и приёмов обеспечения и осуществления бытия человека, которые реализуются в ходе религиозной деятельности и представлены в её продуктах, несущих религиозные значения и смыслы»⁶.

Многоплановость и многообразие самой культуры в формах её проявления и содержания порождают в социуме различное отношение к тем или иным культурным феноменам. Сталкиваясь с определёнными культурными формами и воспринимая их, человек и общество способны усваивать или же трансформировать различные аспекты культуры. Воспринимая культурные установки через призму своего собственного мировоззрения, человек имеет возможность признать и воспринять господствующую форму культуры, либо же принять некоторые элементы господствующей культуры, при этом присоединяя к ним другие культурные формы, имеющие свои специфические отличительные атрибуты. Таким образом происходит формирование субкультурных феноменов.

В научный оборот термин «субкультура» был введен американским социологом Теодором Роззаком в 30-х гг. XX в⁷. Исследуя контркультуры, Т. Роззак видел в «субкультуре», прежде всего, контркультурные элементы. Таким образом, «субкультура» противопоставлялась массовой, господствующей культуре, считаясь маргинальным и периферийным явлением, находящимся в оппозиции к культурному мейнстриму.

⁴ Султанова М. Философия культуры Теодора Роззака (Очерк филос. публицистики). — М., 2005. — С. 12.

⁵ Лебедев С.Д. Словарь сайта Сергея Лебедева. Режим доступа: <http://www.socionav.narod.ru/monograf/slovar.htm>

⁶ Яблоков И.Н. Проблема определения религии. Режим доступа: http://www.religare.ru/2_21.html#back

⁷ Художественная жизнь современного общества. — Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Под ред. К.Б. Соколова. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/227250/>

Согласно теории Р. Мертона, наряду с «ядром культуры» сосуществуют, развиваются, борются и взаимодействуют разного рода субкультуры, которые создают свои собственные «культурные миры». По мнению Р. Мертона, их специфическое назначение – «накопление разнообразного опыта мировосприятия на социально-групповом уровне»⁸.

Развивая эту идею, К.Б. Соколов указывает, что субкультуры в обществе можно разделить по двум главным критериям. Во-первых, это – отличия субкультур друг от друга; во-вторых, степень противостояния субкультур «основной» (общей, традиционной) культуре общества, для обозначения которой К.Б. Соколовым и вводится в модель корреляции культуры и субкультур представление о «ядре культуры». В данном контексте под «ядром культуры» подразумевается наличие разделяемых всем обществом ценностей и признаваемых всеми культурных стандартов. Если же подчеркивается существование неких общностей, отстаивающих собственные, специфические для них ценности и признающих особенные культурные стандарты, следует говорить о субкультурах⁹.

Другим определением данного феномена является дефиниция британского ученого М. Брейка, определившего субкультуру как «нормы, отделенные от общепринятой системы ценностей и способствующие поддержанию и развитию коллективного стиля жизни, также отделённого от традиционного стиля, принятого в данном обществе»¹⁰. По мнению американца Н. Смелзера, субкультурой является любая система норм и ценностей, которая выделяет группу из большого сообщества¹¹. Близка к этому определению и дефиниция Б. Филипса, который подчеркивает, что субкультура – это система ожиданий и целей, широко разделяемая внутри некоторой подгруппы общества¹².

Отечественными исследователями термин «субкультура» до недавнего времени употреблялся не столь часто. И не всегда в отечественной культурологической и социологической литературе его значение соответствует принятому на Западе. Понятие «субкультура» вошло в научный оборот в нашей стране впервые лишь в конце 60-х гг. XX в., после перевода на русский язык нескольких англоязычных работ по истории культуры. В 1987 г. С.Я. Матвеева в качестве «культурных особенностей субкультуры» назвала следующие отличия: «ценностно-ориентационные, социально-политические, религиозные факторы, определенный «идеологический заряд», отличающий её от окружения...»¹³. В.А. Гришин эксплицировал субкультуру как «особую и обособленную сферу жизнедеятельности человека, которую отличает определенная специфическая система ценностей»¹⁴. А.Г. Эффендиев определил субкультуры как «модификации культуры общества в соответствии с возрастными, профессиональными, поселенческими, территориальными, классовыми и т.д. особенностями той или иной группы людей»¹⁵. При этом, все субкультуры сохраняют верность «ядру» своей культуры, поскольку несут в себе «характерный для данной культуры менталитет», а также «иерархию ведущих ценностей, норм и образцов поведения»¹⁶.

Еще одну дефиницию понятия «субкультура» даёт П.С. Гуревич. В «Современном гуманитарном словаре-справочнике» он говорит о субкультуре как об «отдельной зоне культуры со своими ценностями, «кодексами чести», обычаями, нормами морали, «отклоняющимися от магистрального пути» культуры»¹⁷. Продолжая развивать данную

⁸ Художественная жизнь современного общества. – Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Под ред. К.Б. Соколова. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/227250/>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Смелзер Н. Дж. Социология // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 119-137.

¹² Художественная жизнь современного общества. – Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Под ред. К.Б. Соколова. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/227250/>

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гуревич П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник. – М., 1999. – С. 403.

мысль, П.С. Гуревич выделяет множественность субкультур: социальные и этнографические, демографические, элитарные и массовые, официальные и народные, эзотерические, языческие, христианские и т.д. Таким образом, любая культура – «это спектр субкультурных феноменов»¹⁸. Если культура – это целое, то субкультура – это часть, если культура – это структура, то субкультура – её элемент.

Н.Д. Саркитов характеризует субкультуру, как «автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни и мышления её носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами»¹⁹. Или, более подробно, субкультура – это «специфический способ дифференциации развитых национальных и региональных культур, в которых наряду с основной классической тенденцией существует ряд своеобразных культурных образований, как по форме, так и по содержанию отличающихся от ведущей культурной традиции, но являющихся в то же время прямым генетическим порождением последней»²⁰.

С формированием и развитием культуры происходит становление субкультурных форм в обществе. Как было сказано выше, субкультуры могут различаться по идеологическому, возрастному, гендерному, религиозному и иному признаку, определяющему их генезис. На протяжении тысячелетий религиозный признак доминировал. Наряду с религиозными культурами появлялись религиозные субкультуры. Можно говорить даже о том, что существовали и существуют ключевые религиозные субкультуры, способные активно влиять на культуру социума в целом²¹. Например, христианство на Руси до 988 г. было такой религиозной субкультурой. «Ядро» восточнославянской культуры первоначально формировалось язычеством. Но, начиная с X в., православное христианство определяло господствующий тип культуры, т.е. стало «ядром» древнерусской культурной традиции, явилось решающим фактором культурогенеза, определило мировоззренческие устои традиционного русского общества.

Представляя собой, в сущности, социально-психологические явления – особые картины мира, субкультуры, тем не менее, стремятся и к внешнему обособлению от другого мира, используя для этого разнообразные способы: особый язык, манеру говорить, или особую одежду, или какие-либо знаки, по которым определяют «своего». Это могут быть особая этика, правила взаимоотношений между носителями субкультуры. Наконец, вырабатывается вполне определенный стиль и, даже, образ жизни, поддерживаемый носителями данной субкультуры²².

Язык любой субкультурной группы является прекрасным показателем интересов и занятий её членов. Представители различных субкультурных групп испытывают специфические переживания и вырабатывают специальные термины, чтобы их выразить. Жаргон подростков, «новых предпринимателей», так же как и диалекты этнических меньшинств, могут существенно отличаться от общепринятого языка. Развитие особых жаргонов, арго (фактически особых языков) создает в дальнейшем барьеры, отделяющие субкультурную группу от посторонних, поскольку последние часто не в состоянии понять, что было сказано носителем субкультуры²³.

Одна из важнейших функций субкультуры состоит в том, что в её рамках осуществляется становление и формирование личности, т.е. реализуются процессы социализации. Поэтому влияние субкультур на их носителей на разных возрастных этапах неодинаково. В этом, возможно, кроется объяснение того, что наиболее ярко выраженными являются молодёжные субкультуры (панки, готы, рокеры и т.д.).

Среди других функций, общих для всех субкультур, можно выделить коммуникативную – обеспечивающую поиск единомышленников и общение внутри

¹⁸ Гуревич П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник. – М., 1999. – С. 403.

¹⁹ Художественная жизнь современного общества. – Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Под ред. К.Б. Соколова. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/227250/>

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

группы; компенсаторную, обеспечивающую достаточно высокую степень самооценки каждого члена группы; охранительную – направленную на сохранение специфических особенностей, присущих данной субкультуре.

Преобладание той или иной функции субкультуры (или их сочетаний) во многом определяет характер их взаимоотношений с другими субкультурами и «ядром культуры». Например, усиление охранительной функции делает субкультуру более «закрытой» как для влияния со стороны других субкультур, так и для освоения ценностей «ядра культуры» (пример – субкультура старообрядцев). Ярко выраженная компенсаторная функция может сделать субкультуру агрессивной или «воинствующей», противопоставляющей себя другим субкультурам и даже культуре в целом, привести к полному отрицанию «чужой» системы культурных ценностей и отказу ей в праве на существование (как, например, в некоторых молодёжных субкультурах)²⁴.

В большинстве субкультур существует также личностный образец – образ человека, достойного подражания, принятый в данной группе в качестве идеала и выступающий в качестве объекта притязания. Этот образец отражает иерархию ценностей, принятую в данной субкультуре, и побуждает к подражанию или действию. Нередко такой образец возникает еще в детстве под влиянием трансляции образцов культуры предыдущих поколений и затем влияет на формирование картины мира индивида²⁵.

Необходимо обратить внимание и на следующее обстоятельство: этническое большинство само по себе не является субкультурной общностью, поскольку оно, в сущности, составляет основу данного социума. Члены этнического большинства образуют субкультуры по разным признакам – возрастным, профессиональным, досуговым, религиозным и т.п. Этнические общности могут породить любые национальные субкультуры, существуя в качестве меньшинств в преобладающей инонациональной среде²⁶.

Зачастую этнические меньшинства имеют свою особую и обособленную религиозную традицию, отличную от той, что разделяется этническим большинством. Этот фактор может служить дополнительным или основным мотивом для консолидации группы. В ряде случаев возможно, чтобы принадлежность к той или иной религиозной группе оказывала влияние и на социальный статус человека в обществе. Таким примером могут служить приверженцы зороастризма в современном Иране, которых ныне там значительно меньше, чем мусульман.

Для сбалансированного взаимодействия культурных и субкультурных элементов в обществе, социум должен располагать, с одной стороны, консервативными или «традиционными» религиозными субкультурами, носители которых – приверженцы старых верований и культов, вышедшего из употребления этикета, устаревших идей, жанров и направлений в искусстве и т.п., от которых «ядро культуры» ушло далеко вперед.

«Традиционные» религиозные субкультуры – хранители «прошлых» ценностей – не только не позволяют слишком радикальным субкультурам демонтировать «ядро культуры» (что важно для сохранения культурной самобытности и преемственности), но, если ситуация потребует возврата к традиционным ценностям, готовы тут же предложить их обществу.

В России примером «традиционной» религиозной субкультуры является субкультура старообрядчества. Сформировавшись и обособившись от господствующей церковной культуры во второй половине XVII в., она зиждилась на фундаменте дореформенных религиозных устоев и обрядов, стараясь сохранить их в неискаженном виде. Находясь в оппозиции к религиозной реформе патриарха Никона, воспринимаемой старообрядцами как угроза всему сущему, старообрядческая субкультура была вытеснена на периферию, сохранив при этом верность дореформенной религиозной традиции.

²⁴ Художественная жизнь современного общества. – Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Под ред. К.Б. Соколова. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/227250/>

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Одним наиболее ярких и характерных субкультурных феноменов в беспоповском старообрядчестве стало Выговское общежительство. Основанное выходцами из Соловецкой обители примерно в 1695 г., оно возникло на берегу Онежского озера, в месте слияния двух рек – Выг и Сосновки. В своем укладе обитель сохраняла традиции Соловецкого монастыря, разгромленного во время восстания 1676 г., за исключением того, что не признавала более церковной иерархии и священноначалия и таинств, совершаемых священнослужителями. Отказ от иерархии в старообрядчестве был мотивирован тем, что, с точки зрения старообрядцев-беспоповцев, нововведения, принятые при патриархе Никоне, безблагодатны, равно как безблагодатны и те, кто их принял. Отсюда и безблагодатность новопоставленного духовенства. Отсутствие священства повлекло за собой утрату определённого числа таинств в беспоповском согласии старообрядчества.

Яркой чертой субкультуры Выгореции было безбрачие её насельников, хотя они не принимали монашеского пострига. Непризнание рукоположения клириков по новому обряду влекло за собой невозможность совершения таинства венчания. Таким образом, канонический брак не мог быть заключен, а всякое иное сожительство считалось греховным и недопустимым. С течением времени вокруг Выговской пустыни стали формироваться поселения, где жили семейные люди из числа примкнувших и разделяющих старообрядческие идеи, но в самой обители сохранялся монастырский тип проживания. Но Выговская пустынь не была монастырём в каноническом понимании.

Тем не менее, в рамках беспоповского направления старообрядчества продолжали существовать таинства крещения, исповеди и евхаристии. Они совершались мирянами, которые выбирались из числа насельников пустыни. Возможность совершения одних и невозможность совершения других таинств мирянами обуславливались тем, что без крещения и причастия невозможна сама жизнь христианина.

Продолжая традиции Соловецкого монастыря, в Выговской обители сохранялся обычай избирать настоятеля общины. Вообще, принцип соборности, практиковавшийся в Выговской пустыни, был поставлен во главу угла. Несмотря на всё уважение, которое оказывалось настоятелям обители, все важные вопросы решались исключительно соборно. Даже такие известные «киновиархи» как Андрей и Семён Денисовы, при которых Выгореция достигла своего наивысшего расцвета, всегда выступали не от своего имени, а от имени собора насельников. Сохранение соборности было еще одним фактором, формирующим отличительные черты Выгореции как субкультурного феномена, оппозиционного по отношению к господствующей религиозной культуре, поскольку, начиная с XV – XVI вв., в русских монастырях выборный принцип священноначалия уступал место назначению игуменов и архимандритов епископами²⁷.

Кроме того, сформировалась своеобразная литературно-художественная традиция Выгореции, продолжавшая древнерусские традиции. В выговской литературной школе получили продолжение практически все жанры, существовавшие в древнерусской литературе: агиография, историческое повествование, летописание, сказания, различные виды слов-обращений (торжественные, воспоминательные, надгробные и др.), проповеди, послания, поучения, полемические сочинения, службы, силлабическая поэзия²⁸. Однако братья Денисовы, наиболее известные лидеры Выгореции, стремившиеся создать в Выговской пустыни своего рода старообрядческую академию для подготовки миссионеров, в собранной ими библиотеке хранили не только святоотеческую литературу в дониконовских изводах, но и труды светских авторов, в т.ч. работы европейских алхимиков (например, Раймонда Луллия). Возможно, изучение алхимических трактатов было связано с целями, далёкими от мистического познания бытия Бога. Насельники Выгореции славились как искусные купцы, горные мастера,

²⁷ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. – М., 2006. – С. 392.

²⁸ Панченко Ф. В. Выголексинское общежительство // Православная энциклопедия. Режим доступа <http://www.pravenc.ru/text/161059.html>

врачи. А в произведениях алхимиков можно найти и практические рекомендации горных дел мастерам и медикам.

На иконах выговского письма с конца XVIII века пишутся тёмные лики на золотом фоне, что сближает выговскую иконопись с иконописными традициями XIV – XV вв. Но в выговской иконописи также присутствуют пейзажные мотивы, вводятся элементы изображения северной природы (тундра, покрытая мхом, с растущими на ней низкими ёлками)²⁹. Особый интерес представляют иконы с ликами выговских «святых» – Данилы Викулина, Петра Прокопьева, Андрея и Семена Денисовых, иноков Корнилия и Виталия – первых выговских поселенцев. Многие лики на этих иконах являются, по сути, портретами выговских «святых», что было новым явлением в иконописи³⁰.

В поисках выхода из создавшейся ситуации, когда, по мнению старообрядцев, были искажены сами основы христианской веры, старообрядческая субкультура во многом способствовала сохранению дореформенных черт русского православия. Но при этом, решая свои насущные проблемы выживания и сохранения духовных ценностей, старообрядчество привнесло в русскую культуру новые элементы.

Таким образом, разность культурных форм и традиций способна формировать различные цивилизационные и общественные устои и идеалы. «Ядром» той или иной культурной традиции выступают разделяемые большинством общества идеалы и традиции, формирующие мировоззрение и жизненный уклад социума. Однако в любом обществе существуют группы, которые, разделяя основные ценности господствующей культуры, имеют и ряд отличительных признаков, выделяющих их из общей массы. Такие группы, как было сказано выше, именуется субкультурными.

Особое влияние на культурогенез могут оказывать различные факторы, как материальные (климат, природные условия и т.д.), так и духовные (религиозные традиции, обряды). Когда та или иная культура или субкультура формируется под воздействием определенной религиозной доктрины, она может считаться религиозной.

Субкультуры могут формироваться по различным признакам: национальным, религиозным, гендерным, возрастным и т.д. Но долгое время религиозные признаки были доминирующими в процессе культурогенеза.

Взаимоотношения между «ядром культуры» и субкультурами зависят от того, насколько полно та или иная субкультура несет в себе элементы господствующей культуры. Религиозные субкультуры консолидируют в своих рамках тех представителей общества, которые не принимают всех элементов господствующей религиозной традиции, но разделяют ценности, учтённые и представленные в религиозной субкультуре, что соответствует их религиозным представлениям и предпочтениям.

В зависимости от базисных элементов, лежащих в основании субкультуры, они также могут дифференцироваться на «радикальные» и «традиционные». «Радикальные» субкультурные направления стремятся к более глубоким и кардинальным преобразованиям существующих культурных форм, которые, по мнению их представителей, способны в большей мере оказать положительное влияние на человека и общество. «Традиционные субкультуры» в большей степени консервативны и направлены на сохранение существующих культурных форм, либо же ратуют за возврат к таковым формам.

«Традиционные» субкультуры не только не позволяют слишком радикальным субкультурам демонтировать «ядро культуры», что важно для сохранения культурной самобытности и преемственности, но, если ситуация требует возврата к традиционным ценностям, готовы тут же предложить их обществу. В России одной из «традиционных» религиозных субкультур является старообрядчество. Наиболее ярко старообрядческая субкультурность выражена в его беспоповском согласии, что можно проследить на примере Выгореции.

Список литературы

²⁹ Пашков А. Выговская поморская пустынь и её культура. Режим доступа: <http://kitezh.onego.ru/vygoresia/pashkov.html>

³⁰ Там же.

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М., 2006. – С. 313.
2. Султанова М. Философия культуры Теодора Роззака (Очерк филос. публицистики). – М., 2005. – С. 9.
3. Лебедев С.Д. Словарь сайта Сергея Лебедева. Режим доступа: <http://www.socionav.narod.ru/monograf/slovar.htm>
4. Яблоков И.Н. Проблема определения религии. Режим доступа: http://www.religare.ru/2_21.html#back
5. Художественная жизнь современного общества. – Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни / Под ред. К.Б. Соколова. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/227250/>
6. Смелзер Н. Дж. Социология // Социологические исследования. – 1990. – № 12. – С. 119-137.
7. Гуревич П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник. – М., 1999. – С. 403.
8. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. – М., 2006. – С. 392.
9. Панченко Ф. В. Выголексинское общежительство // Православная энциклопедия. Режим доступа <http://www.pravenc.ru/text/161059.html>
10. Пашков А. Выговская поморская пустынь и её культура. Режим доступа: <http://kitezh.onego.ru/vygoretsia/pashkov.html>

PROBLEM OF CORRELATION OF THE CONCEPTS “RELIGIOUS CULTURE” AND “RELIGIOUS SUBCULTURE”

S.S. POCHETSOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

The difference between cultural forms and traditions is able to form different civilizational and social foundations and ideals. “Core” of a cultural tradition is the ideals and traditions perceived by the majority of society. They form the worldview and lifestyles of the society. However, in any society there are groups perceiving the core values of the dominant culture. They have a number of distinctive features distinguishing them from the total mass. Such groups are referred as subcultures.

Under the influence of religious doctrine religious subcultures can also appear. In their limits they consolidate members of society who don't perceive all the elements of the dominant religious tradition, but perceive values, considered and presented in a religious subculture, thus conforming to their religious beliefs and preferences. A bright example of a religious subculture is subculture of the Old Believers.

Keywords: culture, “core of culture”, subculture, religious culture, Old Believers.

А. П. ЧЕХОВ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

О.И. РОДИОНОВА

*Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова*

В статье рассматриваются взгляды А.П. Чехова на русскую интеллигенцию. Тема русской интеллигенции являлась важной для А.П. Чехова, и он неоднократно обращался к ней в своей переписке. Приводится перечень положительных и отрицательных черт, присущих, по мнению Чехова, русской интеллигенции. Указывается, в чём состоит общность и различие оценок русской интеллигенции А.П. Чеховым и авторами «Вех».

Ключевые слова: Чехов, интеллигенция, письма Чехова, переписка Чехова, «Вехи».

Вопрос о русской интеллигенции – её назначении и роли в общественной жизни – являлся одним из важнейших для русской литературы и философии конца XIX – начала XX в. Авторы, статьи которых вошли в сборник «Вехи», единогласно признавая актуальность этого вопроса, отвечали на него различным образом. Так, например, С.Н. Булгаков писал, что «для патриота, любящего свой народ и болеющего нуждами русской государственности, нет сейчас более захватывающей темы для размышлений, как о природе русской интеллигенции»¹, поскольку «ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь устрашающе огромна ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным!»². Другой автор сборника, П.Б. Струве, писал не о просветительских задачах интеллигенции (справедливо отмечая, что «образованный класс» составляла в России всегда некоторая часть духовенства, потом первое место в этом отношении заняло дворянство»³), а о происхождении и историческом значении интеллигенции, конкретизируя первое посредством представления «интеллигенции, как политической категории, объявившейся в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружившей себя в революцию 1905 -07 гг»⁴, и видя второе в «её отношении к государству в его идее и в его реальном воплощении»⁵. Не облакая, подобно авторам «Вех», свои размышления в форму специально посвященных вопросу о русской интеллигенции статей, А.П. Чехов, тем не менее, не раз обращался к этой актуальной для того времени теме. Далее мы рассмотрим, как она представлена в его письмах.

Целью статьи является подробный анализ зафиксированных в эпистолярном наследии А.П. Чехова комментариев, характеризующих отдельных представителей русской интеллигенции и русскую интеллигенцию как феномен в целом. Нами были проанализированы все двенадцать томов переписки А.П. Чехова, в результате чего выделены цитаты, содержащие интересные для нас высказывания.

Все отобранные нами цитаты из писем Чехова можно условно разделить на три группы. В первую группу входят цитаты, которые не содержат характеристик и оценок русской интеллигенции, но свидетельствуют о *значимости категории «интеллигентность»* для автора, поскольку среди множества категорий, с помощью которых можно описать объект, он выбирает именно эту категорию. Примеры этого

¹ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.41-42.

² Там же. – С.41.

³ Там же. – С.187.

⁴ Там же. – С.188.

⁵ Там же.

находим в следующих высказываниях: «Очень красивы буксирные пароходы, тащущие за собой по 4-5 барж; похоже на то, как будто молодой, изящный *интеллигент* (курсив здесь и далее наш – О.Р.) хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены»⁶ [П-4, 66], «Красноярск красивый *интеллигентный* город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные» [П-4, 98]; «Иркутск превосходный город. Совсем *интеллигентный*. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы...» [П-4, 107], «Будьте добры при случае передайте редакции, что анонс, в котором она величает меня "высокоталантливым" и заглавие моего рассказа печатает буквами вывесочного размера,- этот анонс произвел на меня самое неприятное впечатление. Это похоже на рекламу зубного врача или массажистки и во всяком случае *неинтеллигентно*» [П-5, 59], «Путь от Ярославля до Нижнего красив, но я раньше уже видел его. К тому же в каюте было очень жарко, а на палубе по физиономии хлестал ветер. Публика *неинтеллигентная*, раздражающая своим присутствием» [П-5, 309], «Перед отъездом, кстати сказать, я был на репетиции "Фед<ора> Иоан<новича>". Меня приятно тронула *интеллигентность* тона, и со сцены повеяло настоящим искусством, хотя играли и не великие таланты» [П-7, 289], «Судя по газетам, начало было блестящее – и я очень, очень рад, так рад, что ты и представить себе не можешь. Этот Ваш успех еще раз лишнее доказательство, что и публике, и актерам нужен *интеллигентный* театр» [П-7, 303], «В Ялте на Пасхе будут пушкинские дни – на второй и третий день праздника; между прочим пойдет «Борис Годунов». Не найдет ли возможным она, Ольга Мих<айловна>, приехать в Ялту и сыграть Марину, а ее муж – Самозванца? <...> Тут есть Пимен, есть Годунов, но нет Марины и Самозванца, да и всем хочется, чтобы эти роли исполнялись настоящими, *интеллигентными* артистами» [П-8, 53], «Мои рассказы с таким названием, как «Были и сказки», не пойдут, потому что все эти книжные названия в последние десять лет устарели, выжили и не представляются *интеллигентными*» [П-9, 83], «Вы должны трактовать современную жизнь, ту самую, какою живет интеллигенция и какая не находит себе трактования в других театрах, за полную их *неинтеллигентность* и отчасти бездарность» [П-9, 125], «Сапоги хороши, только почему-то левый тесноват, и оба стучат при ходьбе, так что в них не чувствуешь себя *интеллигентным* человеком» [П-12, 66].

Первая группа также дополняется цитатами, в которых А.П. Чехов характеризует с помощью категории «интеллигентность» людей и литературных персонажей: «Другой поручик, Меллер, топограф, тихий, скромный и вполне *интеллигентный* малый» [П-4, 119], «Сахалинский генерал Кононович *интеллигентный* и порядочный человек» [П-4, 133], «Дорогой Николай Александрович, вчера я виделся с художником, о котором сестра и я говорили Вам, когда Вы были у нас <...> Это мужчина 30 лет, очень добрый, смирный, *интеллигентный* и нескучный» [П-6, 59], «Члена Т<аганрогск>ой городской управы зовут не Иорданский, а Иорданов, Павел Федорович. Я написал ему. Это *интеллигентный*, доброжелательный и, по-видимому, отзывчивый человек; по образованию врач» [П-6, 206], «В своих рассказах Вы вполне художник, притом *интеллигентный* по-настоящему. Вам менее всего присуща именно грубость, Вы умны и чувствуете тонко и изящно» [П-8, 11], «Дорогой Александр Леонидович, податель сего Андрей Николаевич Лесков, сын известного писателя Н. С. Лескова, приехал в Москву, чтобы побывать в театрах и познакомиться вообще с постановкой театрального дела в Москве. <...> Это очень хороший, *интеллигентный* человек, вполне достойный Вашего участия. Кстати сказать, он сам желает поступить на сцену» [П-8, 56], «Милый Владимир Иванович, на сих днях в театр к тебе придет познакомиться сын писателя Лескова, Андрей Николаевич, офицер. <...> Это вполне *интеллигентный*, нервный человек, держится хорошо, гибко, умеет говорить и, мне кажется, владеет достоинствами, которые с лихвой окупят такие недостатки его, как малый рост и несколько гнусавый голос» [П-8, 58], «Прежде всего И<оганнес> *интеллигентен* вполне; это молодой ученый, выросший в универ<ситетском> городе. Совершенное отсутствие буржуазных элементов. Манеры

⁶ Все цитаты приводятся нами по изданию: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах – М.: Наука, 1974–1983. В квадратных скобках указывается номер тома писем и страница.

воспитанного, привыкшего к обществу порядочных людей (как Анна) человека; в движениях и в наружности мягкость и моложавость, как у человека, выросшего в семье, избалованного семьей и всё еще живущего под крылышком у маменьки» [П-8, 274], «Бухштаб не так гнусен, как Вы полагаете; это один из *интеллигентнейших* людей в Одессе, а если он сам изрыгает хулу, то потому, что был доведен до бешенства господами писателями» [П-9, 61], «А<лексей> М<аксимович> не изменился, всё такой же порядочный, и интеллигентный, и добрый» [П-10, 117]. Приведённые цитаты свидетельствуют о том, что Чехов в слово «интеллигентный» вкладывает разные смыслы, но для нас здесь важно подчеркнуть именно значимость для него этой категории.

Во вторую группу входят цитаты, которые содержат отсылки к художественным произведениям А.П. Чехова и свидетельствуют о том, что для писателя являлась важной не только категория «интеллигентность», но и сама *тема русской интеллигенции*: «Посылаю Вам моск<овский> фельетон. Хотел изобразить кратко *московского интеллигента*» [П-4, 314] (речь идёт о фельетоне «В Москве», впервые опубликованном в «Новом времени» 7 декабря 1891, № 5667), «Сим извещаю Вас, что рассказ, который я пишу для "Нивы", уже подваливает к концу второго листа. Называться он будет, кажется, "Моя женитьба" – наверное еще не могу сказать, – сюжет из жизни *провинциальной интеллигенции*» [П-6, 145]. К теме русской интеллигенции Чехов обращался чаще, чем это следует из двух приведённых цитат, но прямые указания на эту тему в его эпистолярном наследии мы смогли обнаружить лишь дважды. Вторая группа цитат дополняется зафиксированными в письмах описаниями чеховских героев-представителей интеллигенции. Это персонажи, которых Чехов первоначально предполагал ввести в пьесу «Леший»: Александр Платоныч Благодетель, Борис – сын Благодетель, Галахов, Василий Гаврилович Волков (см. письмо к А.С. Суворину от 18 октября 1888 г.). Приведём здесь описание только одного персонажа (описание прочих опустим по причине их обширности): «Борис <...> юнец, очень нежный, очень честный, но ни бельмеса не смыслящий в жизни. Вообразив себя однажды народником, он вздумал одеться мужиком и нарядился турком. Играет отлично на рояли, поет с чувством, пишет тайком пьесы, влюбчив, тратит массу денег и всегда говорит вздор. Учится плохо» [П-3, 33]. Уже из этого описания мы можем вывести некоторые характеристики представителей интеллигенции, в частности, замену общественно полезной деятельности внешней атрибутикой этой деятельности («вздумал одеться мужиком и нарядился турком»), отсутствие серьезных занятий («влюбчив, тратит массу денег и всегда говорит вздор») и знаний («учится плохо»). Последнее напоминает описание студенчества, данным в «Вехах» А.С. Изгоевым: «Прежде всего, надо покончить с пользующейся правами неоспоримости легендой, будто русское студенчество целой головой выше заграничного. Это уже по одному тому не может быть правдой, что русское студенчество занимается по крайней мере в два раза меньше, чем заграничное. <...> Русская молодежь мало и плохо учится, и всякий, кто ее искренно любит, обязан ей постоянно говорить это в лицо, а не петь ей дифирамбы, не объяснять возвышенными мотивами социально-политического характера того, что сплошь и рядом объясняется слабой культурой ума и воли, нравственным разгильдяйством и привычкой к фразерству»⁷. Отдельные характеристики русской интеллигенции мы находим и в повествовании об одном литературном замысле Чехова (скорее всего, речь здесь идёт о замысле «Дуэли» – см. примечания к письму 539, П-3): «Ах, какой я начал рассказ! Привезу и попрошу Вас прочесть его. Пишу на тему о любви. Форму избрал фельетонно-беллетристическую. Порядочный человек увез от порядочного человека жену и пишет об этом свое мнение; живет с ней – мнение; расходится – опять мнение. Мельком говорю о театре, о предрассудочности «несходства убеждений», о Военно-Грузинской дороге, о семейной жизни, о неспособности современного интеллигента к этой жизни, о Печорине, об Онегине, о Казбеке...» [П-3, 78]. Здесь Чехов говорит о незрелости современного интеллигента (его неспособности к семейной жизни, которая требует как раз таки

⁷ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.270-273.

зрелости) и о склонности русской интеллигенции к доктринёрству (каждое своё действие интеллигент объясняет не личными склонностями и особенностями, а мнением, убеждением и, чаще всего, теорией). Это описание является хорошей иллюстрацией слов Бердяева о тяготении русской интеллигенции к подведению всех своих действий под философские максимы: «...наша интеллигенция всегда интересовалась вопросами философского порядка, хотя и не в философской их постановке: она умудрялась даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер, конкретное и частное она превращала в отвлеченное и общее...»⁸. Интересный (и, пожалуй, наиболее полный из всех приведенных нами) портрет русского интеллигента даёт Чехов в описании своего Иванова: «Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян. <...> Прошлое у него прекрасное, как у большинства русских интеллигентных людей. Нет или почти нет того русского барина или университетского человека, который не хвастался бы своим прошлым. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость. Человек сгорая, едва спрыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство, и за "Вестник Европы", говорит речи, пишет министру, воюет со злом, рукоплещет добру, любит не просто и не как-нибудь, а непременно или синих чулков, или психопаток, или жидовок, или даже проституток, которых спасает, и проч. и проч... Но едва дожил он до 30-35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку» [П-3, 109-110]. С.Н. Булгаков в «Вехах» даёт похожую картину смены умонастроения русского интеллигента и приводит возможные причины такой неустойчивости: «Благодаря молодости с ее физиологией и психологией, недостаток жизненного опыта и научных знаний, заменяемому пылкостью и самоуверенностью, благодаря привилегированности социального положения, не доходящей, однако, до буржуазной замкнутости западного студенчества, наша молодежь выражает с наибольшей полнотой тип героического максимализма. <...> Подъем героизма в действительности доступен лишь избранным натурам и притом в исключительные моменты истории, между тем жизнь складывается из повседневности, а интеллигенция состоит не из одних только героических натур. <...> Самообожение в кредит, не всегда делающее героя, способно воспитывать arrogantов. <...> Из этой же героической аффектации, поверхностной и непрочной, объясняется поразительная неустойчивость интеллигентских вкусов, верований, настроений, меняющихся по прихоти моды. Многие удивленно стоят теперь перед переменной настроений, совершившейся на протяжении последних лет, от настроения героически революционного к нигилистическому и порнографическому, а также пред этой эпидемией самоубийств, которую ошибочно объясняют только политической реакцией и тяжелыми впечатлениями русской жизни»⁹. Чехов, продолжая описание Иванова, приводит список его «врагов»: утомление, скуку, чувство вины, одиночество и требования жизни. На последнем позволим себе остановиться подробнее, чтобы опровергнуть высказывание В.В. Воровского, что «Чехов видел её (интеллигенции – О.Р.) упадок, но не понимал его объективного, исторического значения. Подобно самой интеллигенции, он готов был объяснить его исключительно тяжелыми внешними условиями»¹⁰. Внешние условия Чехов ставит лишь на пятое место, возводя прочее к «сложному сплетению причин, главные из которых не социальные, а духовные, мировоззренческие»¹¹: «Теперь пятый враг. Иванов утомлен, не понимает себя, но жизни нет до этого никакого дела. Она предъявляет к нему свои законные требования, и он, хочешь не хочешь, должен решать вопросы» [П-3, 111].

⁸ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонъ, 2011. – С.12.

⁹ Там же. – С.66-71.

¹⁰ Воровский В.В. А.П. Чехов и русская интеллигенция // Воровский В.В. Статьи о русской литературе. – М., 1986. – С.265.

¹¹ Криницын А. Проблемы "вырождения" у Чехова и Макса Нордау // Чехов и Германия. – М., 1996. – С.170.

Резюмируя цитаты с описанием Иванова и наши комментарии к нему, можем сделать вывод, что к перечню характеристик интеллигента здесь добавляются нервность, неустойчивость вкусов и предпочтений, максимализм желаний и скорая утомляемость, апатия, пассивность, неспособность достойно отвечать на запросы жизни.

Дополняет портрет русского интеллигента описание другого героя пьесы – доктора Львова. «Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека. Про таких умные люди говорят: “Он глуп, но в нем есть честное чувство”. Всё, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблон, ходячая тенденция. На каждое явление и лицо он смотрит сквозь тесную раму, ибо всем судит предвзято. Кто кричит: “Дорогу честному труду!”, на того он молится; кто же не кричит этого, тот подлец и кулак. Середины нет» [П-3, 112-113]. В этом описании Чехов, с одной стороны, дал оценку некоторым представителям литературного круга, в частности, своим критикам и недоброжелателям (ср. описание Львова со строками из его письма: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепенонец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им» [П-3, 11]) и, с другой стороны, коснулся общей склонности интеллигентов мыслить резко и категорично, мыслить именами, теориями и тенденциями. Об этом писал в «Вехах» М.О. Гершензон: «Не поразительно ли, что история нашей общественной мысли делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизм, гегелианство, сен-симонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм, – что ни этап, то иностранное имя»¹² (сходство размышлений Чехова и авторов «Вех» свидетельствует не просто о «совпадении» идей, а о влиянии Чехова на авторов «Вех»¹³).

В третью группу вошли цитаты, содержащие *характеристики, присущие, по мнению Чехова, русской интеллигенции*. Преимущественно отрицательные характеристики интеллигентов находим в путевых (написанных во время поездок по России) письмах Чехова: «Интеллигенты, снующие по вагонам, напоминают камбурят. Паршивенькие такие» [П-2, 54], «Писарь прекрасный, интеллигентный человек, протестующий либерал, учившийся в Петербурге, свободный, неизвестно как попавший в Сибирь, зараженный до мозга костей всеми болезнями и спивающийся по милости своего принципала, называющего его Колей» [П-4, 89], «Кама прескучнейшая река <...> Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие. На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода – событие. Всё больше Шербаненки и Чугуевцы, в таких же шляпах, с такими же голосами и с таким же выражением “второй скрипки” во всей фигуре; по-видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь» [П-4, 70-71], «Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не попросил бы водки» [П-4, 91]. Здесь Чехов отмечает некоторые черты провинциальной интеллигенции: безволие, безделье, недалёкость, склонность к пьянству.

В описаниях уездной интеллигенции и столичных гостей на передний план выходит ряд других качеств: бестактность, бесцеремонность, притязательность («новые претензии») и опять-таки недалёкость: «Ах, если б Вы знали, как я утомлен! Утомлен до напряжения. Гости, гости, гости... Моя усадьба стоит как раз на Каширском тракте, в всякий проезжий интеллигент считает должным и нужным заехать ко мне и погреться, а иногда даже и ночевать остаться» [П-5, 139], «Если Вам когда-нибудь случится в своих “маленьких письмах” посылать интеллигенцию в деревню, то ставьте непременно условием, чтобы люди, не умеющие писать, читать, лечить, работать на фабрике, учить в школе или, как покойный Голохвастов, копать в истории, оставались бы в городе, иначе они очутятся в дураках. Один мой сосед, молодой интеллигент, сознавался мне, что

¹² Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.118.

¹³ Подробнее об этом см. в статье Соболевской Н.Н. Чехов и сборник “Вехи”: диалог во времени// Книга и литература в культурном контексте. – Новосибирск, 2003.

он очень любит читать, но не в состоянии дочитать книгу до конца. Что он делает в зимние вечера, для меня непостижимо» [П-5, 130-131], «Мне кажется, что ко всему можно привыкнуть, но только не к русской уездной скуке. Деревня мила, но уезд с его интеллигенцией и новыми усадьбами, и новыми претензиями – просто чепуха» [П-7, 233-234].

А.П. Чехов называет несколько факторов, «виновных» в таком состоянии русской интеллигенции: «В вырождениях, в общей нервности, дряблости и т. п. виноват не один S, а совокупность многих факторов: водка, табак, обжорство интеллигентного класса, отвратительное воспитание, недостаток физического труда, условия городской жизни и проч. и проч.» [П-6, 29].

В других письмах указывается и на ряд более «тонких» пороков: склонность к составлению мнений без достаточных знаний, на которую Чехов указывал своему брату Михаилу («Предубеждение к Петербургу – вещь довольно непохвальная в интеллигентном человеке. Чтобы убедиться в том, что он в самом деле плох и хуже Москвы, надо пожить в нем, а ты и одного дня не пробыл» [П-5, 151-152]), праздность и неспособность к серьёзным, искренним, честным поискам ответов на существенные вопросы («Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались <...> Теперешняя культура – это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает» [П-11, 106]).

Далее приведём выдержки из двух писем, наиболее часто цитируемых в работах, посвящённых взглядам А.П. Чехова на русскую интеллигенцию. В первом из них, адресованном А.С. Суворину, Чехов не только характеризует интеллигенцию, но и даёт оценку современным ему писателям, которые своим творчеством лишь потакают её слабостям. О них он писал: «...современные лучшие писатели, которых я люблю, служат злу, так как разрушают. Одни из них, как Толстой, говорят: “не употребляй женщин, потому что у них бели; жена противна, потому что у нее пахнет изо рта; жизнь – это сплошное лицемерие и обман, так как человек по утрам ставит себе клистир, а перед смертью с трудом сидит на судне, причем видит свои исхудалые ляжки”. Другие же, еще не импотенты, не пресыщенные телом, но уж пресыщенные духом, изоцряют свою фантазию до зеленых чёртиков и изобретают несуществующего полубога Сикста и “психологические” опыты. Правда, Бурже приделал благополучный конец, но этот банальный конец скоро забывается, и в памяти остаются только Сикст и “опыты”, которые убивают сразу сто зайцев: компрометируют в глазах толпы науку, которая, подобно жене Цезаря, не должна быть подозреваема, и третируют с высоты писательского величия совесть, свободу, любовь, честь, нравственность, вселяя в толпу уверенность, что всё это, что сдерживает в ней зверя и отличает ее от собаки и что добыто путем вековой борьбы с природою, легко может быть дискредитировано “опытами”, если не теперь, то в будущем. Неужели подобные авторы “заставляют искать лучшего, заставляют думать и признавать, что скверное действительно скверно”? (побуждение к поиску лучшего является для Чехова одним из критериев настоящего писательства: «...писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель» [П-5, 133] – О.Р.) Неужели они заставляют “обновляться”? Нет, они заставляют Францию вырождаться, а в России они помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами» [П-3, 308-309].

Вслед за характеристикой оказывающих негативное влияние на русскую интеллигенцию писателей в указанном письме приводится описание самой русской интеллигенции с упоминанием ряда отрицательных её черт: апатичности, безделья, неспособности к серьёзным размышлениям, отсутствия твердых убеждений, бесполезности для общества: «Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая никак не может придумать для себя приличного образца для

кредитных бумажек, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесятикопеечный бордель, которая брюзжит и охотно отрицает всё, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать детей и т. д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях – и всё это в силу того, что жизнь не имеет смысла, что у женщин бели и что деньги – зло. Где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыши, ранняя старость, брюзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там несправедливость во всей своей форме. Общество, которое не верует в бога, но боится примет и чёрта, которое отрицает всех врачей и в то же время лицемерно оплакивает Боткина и поклоняется Захарьину, не смеет и заикаться о том, что оно знакомо с справедливостью» [П-3, 309].

Были ли в литературном мире того времени писатели, оказывающие, по мнению Чехова, более здоровое влияние на русскую интеллигенцию? В одном из писем он в качестве примера такого писателя он указывает на Салтыкова-Щедрина. Откликаясь на смерть последнего, он в письме к А.Н. Плещееву от 14 мая 1889 г. напишет следующие строки: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, изможденничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения» [П-3, 212-213].

Во втором из наиболее часто цитируемых при обращении к теме «Чехов и интеллигенция» писем, письме к И.И. Орлову от 22 февраля 1899 года, Чехов критикует своего адресата за узость взгляда на социальные проблемы: «На Ваше сетование относительно губернатора (губернатора – О.Р.) и всяких неудач я отвечу тоже текстом: не надейся на князи и сыны человеческие... И напомним еще одно выражение, касающееся сынов человеческих, тех самых, которые так мешают жить Вам: сыны века. Не губернатор, а вся интеллигенция виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студенты и курсистки – это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращается в дым, и остаются на фильтре одни докторадачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры. Вспомните, что Катков, Победоносцев, Вышнеградский – это питомцы университетов, это наши профессора, отнюдь не бурбоны, а профессора, светила... Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» [П-8, 100-101]. Пятью годами позже А.С. Изгоев напишет в «Вехах»: «Если чем памятен иной раз на всю жизнь наши университеты, то именно своим молодым товарищеским духом, интенсивной общественной жизнью, которая почти все время держит на высоком подъеме нервы студента и не дает ему погрузиться в омут личных своекорыстно-карьерных интересов. В известной мере, повторяю, это – правда. Но в то же время у нас стало как бы общепризнанным и никого не смущающим фактом, что горячий юноша-идеалист, полный возвышеннейших революционных порывов, не успеет получить аттестат зрелости, как мгновенно превращается либо в чиновника-карьериста, либо в своекорыстного дельца»¹⁴. Как мы видим, и здесь «веховцы» близки к идеям Чехова.

Подчеркивая, что не социальное положение человека определяет его вклад в пользу общества, Чехов говорит о своей вере в «отдельных личностей», указывая этим путь развития России: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать

¹⁴ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.275-276.

беспокойный характер и т. д., и т. д. – и всё это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что» [П-8, 101].

Строки из письма к И.И. Орлову были использованы М.О. Гершензоном в его «веховской» статье «Творческое самосознание»¹⁵. Другие строки письма («Я верую в отдельных людей...») послужили эпиграфом к одной из самых новых биографий Чехова, принадлежащей перу А.П. Кузичевой¹⁶. Для нас в этом письме важно то, что Чехов не только даёт характеристику русской интеллигенции (это, как мы видели, он делал и во многих других своих письмах), но и говорит об истоках её болезней, которые он видит не во внешних обстоятельствах, а в личностных несовершенствах самих же интеллигентов. В отличие от многих мыслителей того времени (которые критиковались авторами «Вех» за то, что все беды выводили из самодержавия), Чехов видел причины пороков не во внешнем, а во внутреннем, и в этом солидаризовался с авторами «Вех», «общей платформой» которых являлось «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития»¹⁷. Вторым важным моментом для нас здесь является то, что Чехов свои надежды на улучшение русской жизни возлагает не на интеллигенцию (и вообще не на социальный класс, прослойку, кружок), а на отдельных личностей (в отличие от «Вех», авторы которых направили свою критику именно в адрес интеллигенции как класса, от которого, по их мнению, в наибольшей степени зависит судьба России). Согласно В.Б. Катаеву, «Говоря о вине каждого, Чехов спорил с традиционной для русской интеллигенции позицией в ответе на вопрос «кто виноват?». Сословный, классовый, партийный ответ представлялся Чехову и несправедливым, и узким (в перспективе же нашей истории он-то и возымел большое и злое будущее)»¹⁸. Хотя мысли Чехова и «веховцев» созвучны почти во всем, первый, по нашему мнению, видел проблему более широко.

Высота Чехова видится и в том, что в его портрете русского интеллигента рядом с отрицательными характеристиками соседствуют положительные (психологи назвали бы это сложным, дифференцированным образом русского интеллигента в сознании Чехова). Он отмечал «тонкие душевные движения, присущие интеллигент<ным> людям...» [П-9, 7], особенную жизнь, «какою живет интеллигенция» [П-9, 125], честность, деловитость и знания представителей земства («Интеллигенция здесь очень милая и интересная. Главное – честная. Одна только полиция несимпатична» [П-5, 113], «Земцы здесь интеллигентные, товарищи дельные и знающие люди...» [П-5, 96], «Земство наше медлительно, но интеллигентно и сговорчиво...» [П-5, 99]), желание лучших представителей интеллигенции вступить за невинного («У нас только и разговора, что о Зола и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Зола и верит в невинность Дрейфуса. Зола вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступить» [П-7, 157], «Ты спрашиваешь, какого я мнения насчет Зола и его процесса. Я считаю прежде всего с очевидностью: на стороне Зола вся европейская интеллигенция и против него всё, что есть гадкого и сомнительного» [П-7, 173]). Этот сложный (включающий и отрицательные, и положительные черты) образ интеллигенции не позволяет нам согласиться с тем, что Чехов «по сути дела, ощущает в себе и не приемлет в других, в том числе и в своих персонажах, «небывалого» и «притом типичного в своей житейской захудалости, в своих нервах» русского интеллигента»¹⁹, с тем, что «Чехов активно не любил, более того, не выносил интеллигенцию как класс, как образ жизни и тем более – как пресловутую «главную надежду» России»²⁰.

¹⁵ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона и др. 3-е издание. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. – С.81.

¹⁶ Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». – М.: Молодая гвардия, 2010. – С.5.

¹⁷ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонь, 2011. – С.6.

¹⁸ Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов : (К истории понятия "интеллигенция" в русской литературе) // Русская интеллигенция : История и судьба. – М., 1999. – С.395.

¹⁹ Злотникова Т. Антон Чехов, интеллигент из провинции // Мир русской провинции и провинциальная культура. – СПб., 1997. – С.45.

²⁰ Арон Л. Чеховский экзистенциалист, или от интеллигенции к среднему классу/ Пер. Георгадзе М.// Континент. – М.; Париж, 2004. – № 119. – С.201.

Особое внимание уделяет Чехов в своих письмах примерам работы интеллигенции для общественного блага: «Интеллигенция работает шибко, не щадя ни живота, ни денег; я вижу ее каждый день и умиляюсь, и когда при этом вспоминаю, как Житель и Буренин выливали свои желчные кислоты на эту интеллигенцию, мне делается немножко душно. В Нижнем врачи и вообще культурные люди делали чудеса. Я ужасался от восторга, читая про холеру. В доброе старое время, когда заболели и умирали тысячами, не могли и мечтать о тех поразительных победах, какие совершаются теперь на наших глазах. Жаль, что Вы не врач и не можете разделить со мной удовольствия, т.е. достаточно прочувствовать и сознать и оценить всё, что делается» [П-5, 104]. И здесь мы видим очень интересный феномен: именно в таких случаях Чехов, обычно описывающий интеллигенцию с внешней позиции (что мы можем видеть во всех приведённых нами ранее цитатах), идентифицируется с ней: «Толстой вот величает нас мерзавцами («Мерзавцами» называет докторов персонаж «Крейцеровой сонаты» Позднышев» [П-5, 420] – О.Р.), а я положительно убежден, что без *нашего брата* пришлось бы круто. В 30 верстах от меня заболело холерой 16 человек и умерло только 4, т. е. 25%. Такой малый процент я объясняю прямо-таки тем, что дело не обошлось без вмешательства моих коллег Петра Иваныча и Ивана Корниловича, с которыми, кстати сказать, 29-го я буду обедать» [П-5, 126], «На съезде актеров Вы, вероятно, увидите проект громадного народного театра, который мы затеваем. Мы, т. е. представители московской интеллигенции (интеллигенция идет навстречу капиталу, и капитал не чужд взаимности). Под одной крышей, в красивом, опрятном здании помещаются театр, аудитории, библиотека, читальня, чайные и проч. и проч.» [П-6, 297]. Иными словами, Чехов встаёт во внешнюю по отношению к интеллигенции позицию во всех случаях, кроме тех, когда речь идёт об общественно полезной деятельности. Если этот показатель является основанием для идентификации Чеховым себя как интеллигента, значит, именно он выступает для него самым важным в интеллигентском облике (эта важность подтверждается и многочисленными общественно полезными делами самого Чехова).

Приведём ниже несколько цитат, в которых Чехов с уважением отзывается о знакомых ему интеллигентах: «Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах <...> В изображениях интеллигентных людей чувствуется напряжение, как будто осторожность; это не потому, что Вы мало наблюдали интеллигентных людей, Вы знаете их, но точно не знаете, с какой стороны подойти к ним. <...> Я Вас не знаю, не знаю, откуда и кто Вы, но мне кажется, что Вам, пока Вы еще молоды, следовало бы покинуть Нижний и года два-три пожить, так сказать, потереться около литературы и литературных людей <...> Короленко, Потапенко, Мамин, Эртель – это превосходные люди...» [П-7, 352], «Добрейший Евграф Петрович, пишу Вам это из Воронежской губ<ернии>. Произошло то же самое, что и в Нижнем, т.е. губернатор пригласил меня обедать, и мне пришлось много говорить и слышать о голоде <...> Голодное дело поставлено здесь гораздо основательнее, чем в Нижегородск<ой> губ<ернии>. Выдают не только хлеб, но даже переносные печи и каменный уголь. Устроены мастерские, много столовых. Вчера в театре был спектакль в пользу голодающих – сбор полный. Куровский интеллигентный и искренний человек; работает так же много, как Баранов» [П-4, 356-357]. С особенной теплотой писал Чехов о профессоре Московского университета М.М. Ковалевском: «В настоящее время в Париже живет бывший профессор Московского университета Максим Максимович Ковалевский, прекрасный, всеми уважаемый человек, представитель лучшей части русской интеллигенции. Он знает оба языка в совершенстве и может оценить Ваши переводы по достоинству» [П-7, 108], «Ковалевский произвел на Вас хорошее, здоровое впечатление? Я ожидал этого. Он на целых пять голов выше нашей столичной передовой интеллигенции, ежедневно справляющей юбилей» [П-7, 104], «Ковалевский в Париже, и я написал ему о том, что ты имеешь намерение вознести ему хвалу в декабр<ьской> книжке. Какой это, кстати сказать, жизнерадостный и жизнеспособный человек! Большой человечина во всех смыслах» [П-7, 124]. Мы видим, что Чехов отмечал не только недостатки, но и достоинства русской интеллигенции, высоко оценивая лучших её представителей.

Итак, мы подробно рассмотрели характеристики русской интеллигенции, зафиксированные в письмах Чехова. В этих характеристиках встречаются два момента:

дескриптивный (описательный) и прескриптивный (предписывающий) – именно за счёт этой встречи одна и та же оценка облекается в разные слова: неинтеллигентные театры становятся таковыми, поскольку не дотягивают до интеллигентных (прескрипция), а «паршивенькие» интеллигенты, «снующие по вагонам», тем не менее, остаются интеллигентами, поскольку являются носителями тех признаков, которые, по мнению Чехова, присущи интеллигенции (дескрипция). Но заслуга Чехова не только в том, что он указал на разные качества интеллигентов, дал представление как о текущем положении интеллигенции, так и о желаемом её облике. Его заслуга состоит в соответствующей постановке вопроса, в том, что он «привносит в систему традиционных вопросов еще один, предельно актуализировавшийся к концу XIX в. – русская интеллигенция, её природа, социальная суть, место и роль в современном обществе»²¹.

Завершая статью, представим в выводах её основные положения:

1. Тема русской интеллигенции представляла интерес для Чехова, и он неоднократно обращался к ней в своей переписке.
2. Отношение А.П. Чехова к русской интеллигенции было противоречивым: в своих письмах он приводит как положительные, так и отрицательные её характеристики.
3. Самоидентификация А.П. Чехова как интеллигента обнаруживается лишь в тех случаях, когда речь идёт о деятельности интеллигенции на благо общества. Следовательно, эту характеристику русской интеллигенции следует считать наиболее важной для А.П. Чехова.
4. А.П. Чехов предвосхитил и выразил в своей переписке те оценки русской интеллигенции, которые впоследствии были развиты в работах отечественных философов, в частности, в сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи».
5. А.П. Чехов свои надежды на улучшение русской жизни возлагает не на интеллигенцию (и вообще не на социальный класс, прослойку, кружок), а на «отдельных личностей» (в отличие от «Вех», авторы которых направили свою критику именно в адрес интеллигенции как класса, от которого, по их мнению, в наибольшей степени зависит судьба России).

Список литературы

1. Арон Л. Чеховский экзистенциалист, или от интеллигенции к среднему классу/ Пер. Георгадзе М.// Континент. – М.; Париж, 2004. – № 119.
2. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – СПб.: Азбука-Аттикус, Авалонъ, 2011.
3. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона и др. 3-е издание. – М.: Тип. В.М. Саблина, 1909.
4. Воровский В.В. А.П. Чехов и русская интеллигенция// Воровский В.В. Статьи о русской литературе. – М., 1986.
5. Злотникова Т. Антон Чехов, интеллигент из провинции // Мир русской провинции и провинциальная культура. – СПб., 1997.
6. Катаев В.Б. Боборыкин и Чехов : (К истории понятия "интеллигенция" в русской литературе) // Русская интеллигенция : История и судьба. – М., 1999.
7. Криницын А. Проблемы "вырождения" у Чехова и Макса Нордау // Чехов и Германия. – М., 1996.
8. Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». – М.: Молодая гвардия, 2010.
9. Соболевская Н.Н. Чехов и сборник "Вехи": диалог во времени// Книга и литература в культурном контексте. – Новосибирск, 2003.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах – М.: Наука, 1974–1983.

A.P. CHEKHOV ON THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA

O.I. RODIONOVA

The article is devoted to the characteristics of Russian intelligentsia fixed in A.P. Chekhov's letters. Chekhov's approach is compared with approaches of the authors of «Vekhi».

Lomonosov Moscow State University

Keywords: Chekhov, intelligentsia, Chekhov's letters, Chekhov's correspondence, «Vekhi».

²¹ Соболевская Н.Н. Чехов и сборник "Вехи": диалог во времени// Книга и литература в культурном контексте. – Новосибирск, 2003. – С.383.

УДК 177

ВИРТУАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ – ОДИНОЧЕСТВО ИЛИ ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ?

М.С. СОРОЦКИЙ

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail:**msorotsky@yandex.ru*

Обсуждаемую проблему можно представить в виде конstellации различных факторов: социальное или межличностное одиночество, аффилиативная тенденция, социальный хронотоп, необходимость в исповедальном диалоге. Сетевое пространство, будучи интерактивным, предлагает человеку сформировать виртуальный мир, имитирующий ситуацию взаимодействия с другими людьми. Интернет-аддикция формируется лишь в случае предпочтения сетевых взаимодействий в качестве основных, предпочитаемых реальным.

Ключевые слова: социальное (межличностное) одиночество, аффилиация, социальный хронотоп, исповедальный диалог

Кому повем печаль мою
Кого призову к рыданию?

Плач Иосифа Пекраснаго, егда
продаша братия его во Египет

Обсуждаемую проблему возможно представить в виде конstellации¹ различных факторов, где таковыми являются: социальное или межличностное одиночество, тенденции к аффилиации, наличие социального хронотопа, необходимость в исповедальном диалоге

В XX веке проблема одиночества настолько стала близка человечеству, что Н.А.Бердяев счел уместным назвать ее основной проблемой человеческой личности и философии человеческого существования². М. Бубер в работе "Проблема человека" (1947) выделял в истории человечества "эпохи обустроенности" (*Behausheit*) и "эпохи бездомности". В эпоху обустроенности человек чувствует себя органичной частью космоса — как в обжитом доме. Самочувствие обустроенности характерно, например, для восприятия древних греков. В рамках подобного мировоззрения нет ощущения фатального одиночества. В эпоху бездомности мир уже не кажется гармонически упорядоченным целым, и человеку трудно найти себе "уютное место" в нем, — отсюда чувство неприкаянности и "сиротства". В результате перемен в мировоззрении, происшедших в Новое время, личность "стала бездомной посреди бесконечного". XXI век, с его глобальными потрясениями, открыл человеку глаза на его бесприютное, негарантированное существование. Реакциями на новую ситуацию бездомности оказались индивидуализм (поэтизация одиночества) и коллективизм. Тенденция к коллективизму есть попытка растворения личности в каком-либо большом групповом образовании. Но подобное растворение само по себе не гарантирует единения личности с личностью. Ни индивидуализм, ни коллективизм не решают проблемы одиночества. Понятие одиночества многомерно. Современная философия рассматривает феномен одиночества в следующих аспектах: а) одиночество- "бездомность" — это неопределенность роли и смысла человеческого пребывания в мире; неприкаянность человека в бесконечности; отсутствие предустановленной гармонии

¹ Конstellация (от лат *con* — вместе и лат *stella* — звезда) — в широком смысле взаимное расположение и взаимодействие различных факторов.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. — С. 267, 273, 283.

человека с миром (Паскаль, Киркегор, Ницше, Бубер, экзистенциалисты); б) одиночество-неслиянность — это изначальная и неодолимая обособленность существования "я" от других существований (феноменология, экзистенциализм); в) одиночество-ответственность — это "обреченность" каждого человека на самостоятельный выбор образа действия, невозможность переложить ответственность за свой выбор на другого (Сартр и другие экзистенциалисты); г) одиночество-уединение — это добровольное избегание контактов с другими людьми, преследующее цель сосредоточиться на каком-то деле, предмете, самом себе (Торо и др.).

Современная психология, исходя из обобщенной картины, также выделяет различные модусы одиночества: космическое, культурное, социальное, межличностное одиночество.

Тема виртуального общения корреспондируется с темой культурного, социального и межличностного одиночества. Культурное одиночество — переживания человека, связанные прежде всего с тем, что его ценности, идеалы, представления о должном, сформировавшиеся в определенной культурной среде, не находят отклика и понимания у окружающих людей. Ситуации, в которых у человека возникают такого рода переживания, могут быть обусловлены следующими факторами: а) миграция (переезды людей на жительство в другую страну, город, деревню); б) быстрая переориентация общества на новые ценности (чаще всего в связи с революциями, крупными реформами. В таких ситуациях типичны "конфликты отцов и детей", представляющих старую и новую культуру); в) быстрое интеллектуальное развитие отдельной личности, делающее проблематичным общение с близкими прежде людьми (пример — Мартин Иден, герой романа Дж. Лондона). Социальное одиночество — переживания человека, обусловленные исключением его из определенной группы или невозможностью вступления в группу. Такого рода ситуации чрезвычайно многообразны. Назовем, хотя бы, наиболее распространенные: увольнение с работы, отставка, выход на пенсию, исключение из команды, остракизм, неприятие коллективом по новому месту работы и т.п. Межличностное одиночество — переживание человеком утраты или недостатка духовной связи с другой конкретной, единственной и неповторимой личностью (близкий родственник, друг, любимый).

Человеку свойственно стремиться к людям, пытаться сблизиться, выстроить доверительные отношения. Все это укладывается в понятие «аффилиация»³. «Мотив аффилиации побуждает заводить дружбу и испытывать привязанность, радоваться другим людям и жить вместе с ними, сотрудничать и общаться с ними, любить, присоединяться к группе». Цель аффилиации — взаимный поиск приятия, желанности себя, дружеской поддержки и симпатии, созвучия переживаний. Люди с ярко выраженным мотивом аффилиации чаще общаются друг с другом, реализуя таким образом свою потребность в доверительных контактах. Они воспринимают других людей более позитивно и более похожими на себя, что вызывает ответные чувства и даже в общении с незнакомым человеком приводит к ощущению доверия и комфорта. Страх отвержения со стороны других не приводит к снижению аффилиативной потребности, а, скорее, активизирует поиск путей к сближению.

Чрезвычайно важным для раскрытия обсуждаемой темы является рассмотрение феномена социального хронотопа⁴. Ряд исследований в данной области связан с изучением специфических наборов пространственных и временных констант коммуникативных ситуаций. Подобные вычлененные наборы и получили название «хронотопов». Описаны, например, такие хронотопы, как хронотоп «больничной палаты», «вагонного попутчика» и др. Специфика ситуации общения создает здесь порой неожиданные эффекты воздействия: например, не всегда объяснимую откровенность по отношению к первому встречному, если это «вагонный попутчик». По сути, «хронотоп» —

³ Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов.- СПб.; Питер, 2001. — С.36.

⁴ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъектности. Учебное пособие для вузов.- М.: Школа-Пресс, 1995. — С. 145.

ближайший собрат понятия «архетип». Понятию “архетип” дал жизнь известный психоаналитик Карл Густав Юнг, объяснявший через него существование коллективного бессознательного — фундамента, на котором строится сознательная жизнь. Термин “хронотоп” появился позднее, впервые был употреблен А. А. Ухтомским, но в общественном сознании связан скорее с М. М. Бахтиным, активно им пользовавшимся. По сути, хронотоп — “специфический набор пространственных и временных констант коммуникативных ситуаций”⁵. Онтологизация движения смыслов в социальном времени и пространстве, иначе говоря, актуализация социального хронотопа, не реализуется ли в вышеозначенных социальных сетях? А “хронотоп больничной палаты” и “хронотоп вагонного попутчика” при наличии максимального раскрытия душевных переживаний, личностного «душевного стриптиза» (даже при наличии определенной «маски», «ника») не являются ли подтверждением действия социального хронотопа?

На сегодняшний день весьма актуальной является часто нереализованная возможность «поговорить по душам», то есть проблема доверительного общения, реализуемая в условиях исповедального диалога. «Исповедальный диалог — самое доверительное общение — происходит в том случае, когда человек стремится выразить и разделить свои глубокие чувства и переживания. Это интимное общение, основанное на взаимопринятии индивидов, на разделении ими общих смыслов и ценностей жизни»⁶. Ситуация исповеди — исповедальное состояние является предельно возможным самораскрытием человека человеку. В.И. Даль в “Толковом словаре живого Великорусского языка” характеризовал исповедь как “искреннее и полное сознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел”. Исповедь, как особый литературный жанр, имеет давнюю историю, классические образцы ее представлены в европейской культуре “Исповедями” Бл. Августина, Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстого. Исповедальное общение подразумевает особенно глубокий контакт взаимодействующих сознаний. Оно является именно общением, а не “коммуникацией” — не просто связью двух субъектов сознания с целью обмена информацией, где ценностью обладает информация, а не связующее отношение. Для исповедания важно наличие связи сознающих субъектов, единство разделенных сознаний в общем духовно-психическом творческом акте. Сама потребность исповедания рождается в момент ощущения личностью предела своей самоизолированности, и душа человеческая рвется за пределы созданной им темницы

Является ли виртуальное общение патологичным? Ж. Бодрияру принадлежит следующее утверждение: «В современном мире доминируют смоделированные опыт и чувства, и мы уже потеряли способность воспринимать реальность саму по себе. Наш опыт состоит из обработанных реальностей...». Приобретая компьютер, человек не просто осваивает очередной инструмент. После приобретения способности к манипуляциям с компьютером в жизни человека автоматически возникает дополнительная реальность, называемая «виртуальной». Она является противоположностью естественной, внешней реальности, ее воображаемым, информационным эквивалентом. Виртуальная реальность «имитирует» те же действия и чувства человека, которые он может испытывать в физической реальности. Новая реальность формируется независимо от желаний человека и занимает в его жизни тем больше места, чем больше он взаимодействует с компьютером. Эта реальность становится дополнительным, вспомогательным инструментом, облегчающим достижение целей человека. Особенности взаимоотношений с этой реальностью оказываются отражением жизни человека и ее продолжением, то есть еще одним местом, в которое он может помещать и свои достижения, и свои проблемы. По мнению А.В. Котлярова, виртуальная реальность — это особое, «промежуточное» психологическое «пространство»⁷. За счет виртуальной реальности человек продолжает свою внутреннюю реальность в том направлении, которое соответствует его целям. Виртуальная реальность заполняет

⁵ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2008.

⁶ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъектности. Учебное пособие для вузов.- М.: Школа-Пресс, 1995. – С. 144.

⁷ Котляров А.В. Другие наркотики, или Homo addictus: Человек зависимый. – М.: Психотерапия, 2006. – С. 71-86.

«пустоты» в жизни человека, создает возможность «изменить, улучшить и создать» на месте обычной реальности новую, сконструированную по заказу. «Новая» реальность дает возможность достигать в ней свои цели и этим привлекательна. Чем больше проблем с достижением в обычной реальности, тем привлекательнее создание виртуальной. Обладание компьютером дает главное — активное участие в формировании реальности «под себя». Виртуальная реальность дала беспрецедентную возможность изменять ее в соответствии с целями человека. В результате она становится еще одним способом отражения человеческой жизни. В виртуальной реальности находит место дефицит общения, близости, неудовлетворенность своими способностями, ролями, их оценкой. Чем больше сил человек вкладывает в ее создание и развитие, тем чаще и быстрее оно становится тем пространством, в котором человек компенсирует свои неудачи в жизни. И чаще всего виртуальная реальность становится пространством компенсации взаимоотношений и радости от действительности. А это значит, что в виртуальной реальности человек пытается достичь тех целей, которые требуют участия других людей, и пытается компенсировать отсутствие радости и праздника из-за неудовлетворенности целями вообще. В итоге человек помещает все свои отношения и способы получения радости в виртуальную реальность и усугубляет свои неудачи во внешнем мире.

Итак, каковой будет виртуальная реальность, в каких взаимоотношениях она будет с внешней реальностью и с внутренним миром человека, зависит от того, каковы цели человека. И если в виртуальной реальности человек находит больше возможностей для комфортного достижения собственных целей, она начинает занимать в его жизни особо важное место, постепенно меняя отношение к обычной жизни. В случае полного перенесения человеком своей цели в виртуальную реальность, происходит «растворение» в чужеродной реальности и становление зависимости. Назначение виртуальной реальности — помочь человеку достичь целей, расположенных в обычной жизни. Она создается как помощник. Но как только человек перестает использовать виртуальную реальность как вспомогательный инструмент, упрощающий его жизнь, и полностью перемещает свою цель в виртуальную реальность, она становится для него основным пространством, в котором проходит жизнь. Человек стирает границы между миром людей и миром компьютера. Началом для этого процесса является признание виртуальной реальности основой своей жизни, единственным достойным местом для своей реализации. Параллельно снижается значение обычной реальности. Сначала у человека размывается граница между реальной жизнью и компьютерным миром, он перестает ее замечать. Затем эта граница начинает смещаться и мир компьютера поглощает его жизнь. «Настоящим» миром человека, его психической реальностью становится виртуальная реальность. Человек начинает воспринимать виртуальную реальность как часть своего внутреннего или внешнего мира и становится зависимым. Человек теряет активность, становится потребителем виртуальной реальности, а не ее исследователем и творцом.

Исходя из того, какие цели человек помещает в виртуальную реальность, зависимость может иметь различные внешне проявления: 1. Виртуальные отношения проявляются заменой реальных отношений и секса виртуальным общением в Интернете (часто, но не обязательно сексуально окрашенным). Благоприятные условия для переноса отношений в виртуальную реальность — анонимность и доступность. Человек получает возможность свободно проявить любые скрытые или подавляемые фантазии без страха понести физический ущерб, быть наказанным и осмеянным. Виртуальная реальность откликается на любые пожелания, что дает ощущение признания своего успеха в отношениях. Женщины получают возможность «изменить» свою привлекательность и подтвердить собственные ограничивающие представления о ней. Мужчины подтверждают свои ограничения, «пряча» свою тревогу по поводу материальной состоятельности, потенции. 2. Виртуальные взаимодействия с людьми проявляются заменой реальных взаимодействий виртуальными (общение в чатах). 3. Виртуальные действия проявляются заменой реальных поступков виртуальными (азартные сетевые игры, зависимость от интерактивных аукционов и бирж в Интернете, компьютерные игры, информационная перегрузка).

Виртуальная реальность благодаря своей уникальной особенности — интерактивности, подстраивается под любого пользователя. Возможности виртуальной реальности, способствующие возникновению зависимости таковы: **1. Возможность сокрытия любого проявления жизни.** Обеспечивается прежде всего за счет анонимности (сокрытия своего имени). Если человек остается неизвестным, то он автоматически освобождает себя от ответственности за свои действия. Отсутствие ответственности создает для него иллюзию свободы. Человек «может делать что угодно», поскольку о том, что это сделал именно он, никто не узнает». Следующая возможность — право на изменение пола. Возможность сокрытия пола используется достаточно часто для «бегства» от реальных отношений с позиции своего пола **2. Возможность изменения роли.** Она подразумевает отказ от роли, которая соответствует реальности и выбор виртуальной роли. Человек получает возможность создать новую, виртуальную личность и «убежать из собственного тела». Так человек сразу получает не только анонимность имени, но и «новую» жизнь, пол, возраст, социальный статус, внешность (с самостоятельно выбранной привлекательностью). **3. Возможность замены действий игрой** Человек испытывает постоянную потребность к перевоплощению, желание попробовать себя в той роли, которая недоступна в жизни. Это роль космонавта, наемного бойца, следователя, Бога, полководца... Мужчине хочется побыть в роли женщины, и наоборот... Если человек отрицает возможность игры в жизни, то он начинает использовать «разрешенные варианты» игры (игра в супружескую измену, игра в риск). **4. Возможность изменения мира вокруг себя, конструирования другой реальности.** Замена объективной реальности виртуальным миром вызвана потребностью полностью «отстраниться» от жизни и ее проблем, избавиться от душевного дискомфорта. Этот радикальный способ в основном предоставляют компьютерные игры.

Зависимость от сетевых действий получила название интернет-аддикция. Сетевое пространство предлагает человеку сформировать такой виртуальный мир, который имитирует ситуацию взаимодействия с другими людьми. Сетевой виртуальный мир — особое место для взаимодействия, которое в силу ряда своих особенностей может легко оказаться комфортной средой для размещения ложной цели.

- Виртуальный мир сети имеет общие признаки с реальностью, что способствует «размыванию» и устранению границ между ними. Загадочность и непредсказуемость Интернета напоминают неопределенность и изменчивость мира. Неискренность, замаскированность самого себя в Интернете похожа на маски, которые человек одевает в реальной жизни.

- Виртуальный мир сети пропагандирует легко доступные, очевидные преимущества перед реальностью. Это возможность добиться успеха «только за счет активности и творчества», за счет сокрытия своих реальных физических особенностей, которые сам человек привычно считает недостатками, за счет возможности взять себе любую роль, оставаясь анонимным и невидимым, а также в любое время ее сменить. Виртуальный мир всегда доступен для использования, позволяет контролировать время своего использования, давая полную власть над взаимоотношениями.

- В виртуальном мире предоставляется возможность любого поведения без ответственности за него, без страха получения последствий, отвержения или осуждения. Это достигается за счет анонимности и недостижимости. Часто высказывания противоречат мнению других людей. В реальной жизни Интернет-зависимые не могут высказать аналогичные мнения даже своим близким знакомым и супругам.

- Виртуальная реальность сети позволяет создать иллюзию защиты от одиночества, получить эмоциональную поддержку и признание в Интернете. Она компенсирует причины трудностей в реальном общении без их понимания и действительных шагов для их устранения.

- Виртуальный мир позволяет уйти от взаимодействий с реальными людьми, не учитывать их особенности, цели, что невозможно в жизни. Сетевой мир позволяет легко перенести любые свои убеждения по поводу взаимодействий на воображаемого

собеседника, «наделить» его любимыми способностями, выгодными для своих ложных целей.

• Сетевая реальность позволяет имитировать творческое состояние. Это достигается за счет возникновения в процессе использования сети состояния, по внешним признакам близкого к творческому. Это прежде всего возможность постоянного доступа к большим массивам информации, их «открытие», «поиск». И самое главное — это возможность испытать во время серфинга в сети состояние «потока». Оно проявляется в поглощенности деятельностью, отвлечением от окружения и «выключенностью» из времени, в ощущении переноса в иной мир, другую реальность, в новые измерения.

Зависимость формируется в том случае, когда человек перестает использовать виртуальные сетевые взаимодействия для достижения целей в обычной жизни, как только он переносит свои жизненные цели в эти виртуальные взаимодействия, воспринимает сетевые взаимодействия как основные, предпочитаемые реальным, и даже как единственные взаимодействия для достижения целей. Подобная зависимость называется патологическим использованием Интернета (pathological Internet use, сокращенно PIU) или зависимостью от Интернета (Internet] addiction disorder, или IAD).

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2008
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
3. Котляров А.В. Другие наркотики, или Homo addictus: Человек зависимый. – М.: Психотерапия, 2006.
4. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. Учебник для вузов.- СПб.; Питер, 2001.
5. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъектности. Учебное пособие для вузов.- М.: Школа-Пресс, 1995.

VIRTUAL COMMUNICATION: SOCIAL NETWORKS – LONELINESS OR FRANKNESS?

M.S. SOROTSKII

*Tula State Pedagogical
Institute Named After
L.N. Tolstoy*

*e-mail:
msorotsky@yandex.ru*

The problem being discussed can be considered as the following constellation: social or interpersonal loneliness, affiliative tendency, social chronotrope, necessity of confessional dialogue.

The network space, being interactive, suggests humans to make a virtual world which imitates interaction with other people. Internet-addiction is formed only when network interactions are preferred as the real ones.

Keywords: social (interpersonal) loneliness, affiliation, social chronotrope, confessional dialogue.

УДК 352

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.М. ЯГУТКИН
Е.С. ЯГУТКИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: yagutkin@yandex.ru

В статье обобщается зарубежный опыт местного самоуправления, рассматриваются базовые принципы социально-экономического взаимодействия между федеральным центром и территориально-обособленными административными образованиями (муниципалитетами), обосновывается возможность использования зарубежного опыта в практике местного управления современной России.

Ключевые слова: территориальное самоуправление, местное самоуправление, муниципальное управление, государственная служба, зарубежные модели самоуправления.

С позиций предмета исследования, региональное самоуправление – это система отношений общества связанная с размещением и эффективностью использования производственных ресурсов административно-обособленных социально-экономических комплексов обладающих законодательной самостоятельностью.

Территориальное самоуправление – это система отношений общества возникающая в территориально и административно обособленных социально-экономических комплексах, не обладающих законодательной инициативой.

По данным федерального статистического наблюдения, в органах государственной власти Российской Федерации на региональном уровне (в федеральных государственных органах и государственных органах субъектов Российской Федерации) на конец июня 2011г. замещали должности государственной гражданской службы 759,7 тыс.человек, или 71,0% от общей численности работников¹, занятых в этих органах.

На должностях муниципальной службы было занято 337,4 тыс.человек, или 67,2% от общей численности занятых в органах местного самоуправления и избирательных комиссиях муниципальных образований. Численность муниципальных служащих Центрального федерального округа соответственно составила 74,0 тыс. человек, в том числе Белгородской области 4,5 тыс.человек¹. По мере развития общества стоящие перед органами местного самоуправления задачи будут усложняться, что вызывает объективный интерес к зарубежному опыту местного самоуправления и возможности его использования в современной России.

Обобщение зарубежного опыта показывает, что Формирование и развитие системы государственного и муниципального управления в значительной степени определяется национальными, историческими и экономическими особенностями государства².

Европейские страны, отличающиеся компактностью размещения населения, наличием ограниченных сырьевых ресурсов и выгодным географическим расположением, накопили значительный исторический опыт местного самоуправления³. Они в значительной степени сформировали его общепринятые в мировом сообществе

¹ Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации Справка о численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов в I полугодии 2011 года (официальный сайт) //http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/state

² Воронин А.Г. Муниципальное хозяйствование и муниципальное управление: проблемы теории и практики. /А.Г. Воронин – М.: Финансы и статистика, 2004. – 176с.

³ Свешников М.И. Основы и пределы самоуправления. Опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европейских государств.: / М.И. Свешников– М.: Книга по требованию, 2011. – 573 с.

основы. Основополагающим здесь является следующее. Во-первых, проживающее на территории муниципалитетов население является основным элементом демократического общества. Во-вторых, граждане имеют право и, главное, возможность реального участия в деятельности муниципалитетов. В-третьих, поступление доходов и расходы местного бюджета, прозрачны, находятся под контролем общественности. Наличные платежи из муниципального бюджета не используются и запрещены законом. Безналичные платежи осуществляются через уполномоченные банки, деятельность которых прозрачна. В-четвертых, открытость муниципальных служащих, возможность свободного доступа к актуальной информации. В-пятых, развития системы обратной связи между населением и специалистами муниципальных служб, необходимыми для решения возникающих вопросов. В-шестых, муниципальная собственность и муниципальные предприятия выполняя социально-значимые функции должны приносить прибыль, обеспечивающую реализацию принципа самодостаточности и экономической целесообразности развития самоуправляемых территорий.

Приемлемыми для России здесь являются незыблемые постулаты системы местного самоуправления, основанные на выборности аппарата управления и значительной самостоятельности в решении местных вопросов. Муниципалитеты имеют в своем распоряжении приносящую доход недвижимость, предприятия, право взимания и распоряжения местными налогами, возможность принятия широкого круга нормативных актов по вопросам внутритерриториального управления, управление муниципальной полицией и т.д. Главными критериями эффективности работы российских муниципальных служащих, так же как и их зарубежных коллег должны стать рост благосостояния проживающего на территории местного самоуправления населения и оперативность в решении хозяйственных вопросов.

В основе современной *Европейской модели* местного самоуправления лежит Европейская хартия, принятая Советом Европы 15 октября 1985 года. В ней представлено общее определение местного самоуправления. Под местным самоуправлением Хартия понимает право и способность местных сообществ контролировать значительную часть общественных дел, управлять ею в рамках закона под свою ответственность и на благо населения. Последнее представляется наиболее значимым, поскольку результатом проводимых отечественных социально-экономических реформ стало снижение жизненного уровня населения, сокращение его численности и вывоз капитала за рубеж.

Европейские страны выделяют три условия правового регулирования местного самоуправления. Во-первых, федеральное законодательство, которое является своеобразным базисом развития общества. Во-вторых, законодательство отдельных земель, которое учитывает территориальные социально-экономические особенности. В-третьих, принимаемые самими общинами правовые установления, связанные, главным образом, с этно-бытовыми особенностями проживающего населения.

Органы местного самоуправления не могут решать политические вопросы, затрагивающие интересы государства и общества в целом, поскольку они не связаны с решением местных проблем муниципальных и входящих в их состав административно-территориальных образований. Но органы местного самоуправления могут выступать с законодательной инициативой в определении способов решения общенациональных проблем.

Основополагающими принципами системы местного самоуправления в европейских странах является самодостаточность, межрегиональная интеграция и кооперация, рост душевого потребления разнообразных товаров и услуг, продление биологически активного срока жизни. Данное положение представляется интересным для органов государственного и местного самоуправления в современной России, поскольку весьма спорная политика приватизации наиболее доходных активов государственной и муниципальной собственности является сегодня приоритетной при пополнении доходной части местных бюджетов. Это, безусловно, приведет к потере доходной части бюджетов в будущем периоде, снижению возможностей в решении постоянно возникающих и углубляющихся социально-экономических проблем роста благосостояния проживающего на территории муниципального образования населения.

Муниципальное самоуправление в Германии, характеризуется принципами, присущими для многих развитых демократических государств⁴. Сюда относятся самостоятельность в реализации функций самоуправления, в рамках действующих разграничений полномочий между федеральным центром и муниципальными образованиями, который сочетается с принципом ответственности в решении местных общественных задач, при этом субъекты самоуправления являются субъектами публичного права. Деятельность муниципальных служащих осуществляется как на профессиональной, так и непрофессиональной основе. Органы местного самоуправления наделены правом выборов органов самоуправления; правом принимать собственные нормативные акты; финансовой автономией; независимостью в проведении кадровой политики; независимостью в области территориального планирования; осуществлением государственного надзора и контроля за деятельностью муниципальных образований. Это позволяет оперативно решать вопросы, связанные с улучшением качества жизни населения, проживающего на территории муниципального образования в рамках общенациональной концепции развития.

Из опыта Германии для России наиболее интересным представляется опыт обязательного использования безналичных платежей, публикация бюджетов с постатейным раскрытием доходной и расходной части, проведение открытых, конкурсных торгов по материально-техническому снабжению и оптовых продаж товаров и услуг муниципальных предприятий. Это позволяет обеспечить прозрачность расходования муниципального бюджета и общественный контроль за эффективностью всей системы муниципального управления.

Формирование *Латинской модели* местного самоуправления изначально было обусловлено рядом факторов, в том числе влиянием испанского колониального законодательства. Органам местной власти, с одной стороны, предоставлялись широкие полномочия, с другой – они находились под жестким контролем со стороны центральных властей. Принципиальным моментом является то, что руководители муниципальных органов – главные алькальды (мэры) или коррехидоры (советники) – являлись служащими центральных властей. Как правило, они не были связаны с местными клановыми группировками и не имели перед ними абсолютно никаких обязательств. Это позволяло проводить единую жесткую политику в условиях наличия разнообразных социально-культурных групп населения, с их противоречивыми и порою взаимоисключающими интересами. Единый подход в социально-экономическом развитии региона, проводимый чиновниками лишенных кланово-родовых предрассудков, позволил в значительной мере сформировать новую нацию и не позволил скатиться континенту в разрушительную череду бесперспективных этно-теологических войн и конфликтов. Жесткая и независимая центральная власть, стоящая над клановыми интересами, независимые ситименджеры, не связанные с местными криминальными группировками, подчиняющиеся центру, явились и до сих пор являются залогом процветания отдельных современных Латино-Американских государств⁵ [3].

Данная модель самоуправления наибольший интерес представляет для Северо-Кавказского региона России, отличающегося значительными различиями в этнической и политической культуре, религии, а так же противоречивыми интересами местных территориально-криминальных группировок, финансируемых из-за рубежа различными объединениями легальных и полуполигальных сообществ международных террористов и правительств государств, объективно имеющих противоположные с Россией интересы. Социально-экономический кризис в данном регионе в значительной степени стал следствием децентрализации государственного управления, передачи центром местным органом власти не свойственным им функций. Повсеместная болезнь «суверенитизации»

⁴ Дроботенко И. Зарубежные модели самоуправления. Опыт для России /И. Дроботенко // Власть. – 2010. – № 1. – С. 119-122.

⁵ Левин С.А. Местное самоуправление в федеративных государствах Европы: современные проблемы и возможность использования при осуществлении муниципальной реформы в России. /С.А.Левин // Государственное строительство и право. Вып. 21: Сб. научных статей. / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. – М.: Изд-во МосГУ. 2007. – С. 56-65.

в отдельных регионах приняла гипертрофированные формы, ставя под угрозу само существование Российского государства как целостного политического образования. Разнузданный либерализм и популизм толпы, граничащий с политической и экономической безответственностью облеченных властью отдельно коррумпированных чиновников, являются главной причиной затянувшегося социально-экономического кризиса в регионе. Наличие собственного и поставляемого из-за рубежа оружия в условиях безработицы, тотального обнищания населения и непрекращающейся идеологической агрессии радикальных антироссийских и общечеловеческих течений, обильно финансируемых отдельными зарубежными группировками международных террористов непрерывно подпитывают бредовые идеи территориального национализма с ярко выраженными сепаратистскими настроениями

Исторически *Англосаксонская модель* самоуправления сложилась в Великобритании, США, Канаде, Индии, Австралии, Новой Зеландии и соответствующих постколониальных странах. Характерными чертами здесь является: а) высокая степень автономии местного самоуправления; б) выборность и контроль со стороны населения; в) приоритет косвенных, экономических методов государственного саморегулирования. Главным принципом англосаксонской модели является самостоятельность действий муниципальных образований, в рамках полномочий, предоставленных из центра – парламента Англии или правительством штатов в США. Выборные органы местного самоуправления самостоятельно и под свою ответственность решают вопросы, не отнесенные к компетенции государства, а экономическая ответственность за результаты принимаемых решений, является основой стабильности и взвешенного подхода в системе местного самоуправления⁶.

Для России здесь интересным представляется механизм прямого государственного регулирования деятельности муниципалитетов за счет принятия модельных законов, которые органы местного самоуправления вводят на своей территории с изменениями. Государственный контроль за деятельностью органов местного самоуправления осуществляется в форме судебного контроля, сочетаемого с эффективной системой централизованного налогообложения и демократического финансирования общенациональных программ.

В странах континентальной Европы (Франция, Италия, Испания, Бельгия) и в большинстве стран Латинской Америки, Ближнего Востока, франкоязычной Африки сложилась *континентальная модель* системы местного самоуправления. Для неё характерны следующие специфические особенности. Во-первых, выборности в муниципальных образованиях и административного назначения в органах государственной власти местного уровня. Во-вторых, относительно жесткая иерархия системы управления, в которой местное самоуправление является нижестоящим звеном по сравнению с государственным. В-третьих, административно ограниченная автономия местного самоуправления. В-четвертых, наличие института специальных государственных уполномоченных, контролирующих органы местного самоуправления. В-пятых, экономическая самостоятельность в сочетании с централизованным политическим контролем за тенденциями развития самоуправляемых территорий.

Принципиальной особенностью континентальной модели является то, что невыполнимые для первичного муниципалитета задачи не передаются вышестоящему уровню управления. Местные общины могут их решать посредством объединения и добровольного соглашения между собой. Это создает объективные предпосылки для развития процессов кооперации и муниципальной интеграции, что для современной России послужило бы дополнительным стимулом укрепления государственности и противостояния откровенно выраженным сепаратистским настроениям в отдельных регионах.

⁶ Левин С.А. Местное самоуправление в федеративных государствах Европы: современные проблемы и возможность использования при осуществлении муниципальной реформы в России. /С.А.Левин // Государственное строительство и право. Вып. 21: Сб. научных статей. / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. – М.: Изд-во МосГУ. 2007. – С. 56-65.

Кадры решают все. Зарубежный опыт отличается разнообразием подходов к подготовке, отбору и оценки эффективности труда муниципальных служащих. Например, в Великобритании нет стандартной организации управленческих служб. Органы местной власти создают свои собственные внутренние структуры, исходя из особенностей регионального развития, специфических особенностей социально-экономического развития, актуальности и сложности решаемых целей и задач.

В США каждый штат самостоятельно определяет систему, структуру, полномочия местных органов власти, что изначально приводит к многообразию правового статуса муниципальных единиц. С позиций организации местного самоуправления специфической особенностью является то, что каждый штат имеет собственную правовую базу кадровой политики, отличающуюся от других штатов и различных уровней местного управления.

Для России американский опыт может быть использован при управлении анклава – Калининградской области, а так же расположенных на значительном удалении от центра Сибирских и Дальневосточных муниципальных образований.

Специфической является *Китайская модель* местного самоуправления⁷. Здесь сложились своеобразные, неписанные правила национальных традиций. Во-первых, не могут быть выдвинуты на руководство административно-территориальных образований люди, имеющие судимость, что бы не дискредитировать систему местного самоуправления, жестко регулируемую органами государственной власти. Во-вторых, не служившие в армии мужчины, имеют мало шансов карьерного роста, поскольку служба в вооруженных силах является священным долгом и обязанностью населения. В-третьих, не могут занимать административные должности люди, имеющие по мимо китайского, иное гражданство. В этом случае, патриотизм и чистота их помыслов изначально ставится под сомнение. В-четвертых, значительная часть бизнесменов являются членами китайской коммунистической партии, отсюда сформировался чисто китайский идеологический механизм государственного, местного и частного партнерства. Богатые китайцы инвестируют часть своих доходов в решение социально-экономических проблем на территории своей малой родины, сельской общины, где они родились или по месту учета в партийной организации. В-пятых, значительные социальные льготы национальным меньшинствам, проживающих на территории Китая, включая отмену запрета на рождение второго и последующих детей, получение образования за счет государственного бюджета. При этом негласная политика натурализации национальных меньшинств, предполагает не только разбавление местного населения автономных образований китайцами, но и всевозможное стимулирование вхождения национальных меньшинств в китайскую социально-экономическую среду, с постепенным размыванием этно-национальных особенностей.

Идеологический централизм является специфической особенностью китайского местного самоуправления. Партийные руководители, фактически являются менеджерами территориальных холдингов, в состав которых входят акционерные предприятия всех сфер местной экономики с контрольными или блокирующими пакетами, находящихся в руках государства или местного территориального образования. Прибыль предприятий в значительной степени формируют доходную часть бюджетов территориальных образований. Местные предприятия изначально ориентированы на получение прибыли на основе производства и оказания населению доступных товаров и услуг. От уровня профессионализма местных партийных чиновников, их умения хозяйствовать рачительно зависит благополучие проживающего на данной территории населения. Партийные органы в условиях хозяйственной самостоятельности административно-территориальных образований, зорко следят за эффективностью местных территориальных холдингов, жестко наказывая за бесхозяйственность и ущемление интересов населения. Показательные казни и наказания виновных чиновников является недорогим, но очень эффективным методом

⁷ Лысякова Л.М. Развитие самоуправления на низовом уровне: сравнительный анализ России и Китая / Л.М.Лысякова // <http://www.pravo.vuzlib.net/book/z368> page 15.

повышения эффективности управленческого труда. Экономическая самостоятельность территориальных образований при идеологическом и политическом контроле центра играют ключевую роль в обеспечении динамического и поступательного развития китайского общества. Приверженность общенациональной идеи построения коммунистического общества, основанного на могуществе Великого Китая, расширение территориальных границ и превращение китайской экономики в ведущую мировую, способную оставить далеко позади экономику США, приоритет национальных интересов над личными – все это отличительные черты китайских служащих. Современные европейские, американские и латиноамериканские ситименеджеры, все же стремятся сочетать свои приоритетные личные интересы с интересами развития муниципального образования. Общенациональная идея и идеологическая сплоченность нации является исключительным конкурентным преимуществом китайского самоуправления, фундаментом китайского экономического чуда, выражающегося в устойчивом развитии общества даже в условиях усиливающегося глобального экономического кризиса. Китайский опыт может быть эффективно использован в территориально-административных образованиях, находящихся на значительном удалении от федерального центра и, в первую очередь, в российском анклаве, Калининградской области, Дальнем Востоке и т.д.

Однако, не смотря на все многообразие моделей местного самоуправления, с присущими национальными особенностями, следует выделить общие принципы и положения. Во-первых, конкурсный отбор претендентов на замещение вакантных должностей, что позволяет выбрать наиболее достойных. Во-вторых, периодические профессиональные экзамены для служащих и предварительное тестирование для претендентов, что стимулирует муниципальных служащих на повышение собственного профессионального уровня и не позволяет «выдавить» случайных популистов еще на предварительном этапе конкурсного отбора. В-третьих, срочность заключаемых контрактов и ротация служащих по мере изменения и усложнения стоящих перед муниципалитетами целей и задач. В-четвертых, четкое функциональное разграничение и «прозрачность» результатов работы муниципальных служащих, использование современных технических средств и социальных общедоступных сетей для установления прямой связи между населением и социально-значимыми службами и подразделениями. В-пятых, мотивация муниципальных и государственных служащих на принятие и реализацию управленческих решений, способствующих росту благосостояния местного населения.

Таким образом, система государственного и муниципального управления России находится в стадии развития. Учитывая исторические, социально-экономические, этнографические особенности целесообразно использовать положительные стороны всех моделей муниципального управления. Наибольший интерес для россиян представляет китайская модель, при которой экономическая и хозяйственная самостоятельность муниципалитетов с заботой о росте благосостояния населения сочетается с жестким административным и идеологическим контролем центра. Это позволит при стремлении аппарата управления муниципального образования к росту душевого потребления товаров и услуг проживающего населения, изначально исключить потенциальные сепаратистские настроения, ставящие интересы этно-кланового меньшинства выше интересов большинства россиян, предотвратить потенциальную угрозу распада России на территориально-обособленные образования.

Список литературы

1. Воронин А.Г. Муниципальное хозяйство и муниципальное управление: проблемы теории и практики. /А.Г. Воронин – М.: Финансы и статистика, 2004. – 176с.
2. Дроботенко И. Зарубежные модели самоуправления. Опыт для России /И. Дроботенко // Власть. – 2010. – № 1. – с. 119-122.
3. Еремян В.В. Местное управление и самоуправление в Латинской Америке. Монография. – Изд-во: РУДН, М., – 2001, 497с.
4. Левин С.А. Местное самоуправление в федеративных государствах Европы: современные проблемы и возможность использования при осуществлении муниципальной

реформы в России. /С.А.Левин // Государственное строительство и право. Вып. 21: Сб. научных статей / Под общ. ред. Г.В. Мальцева. – М.: Изд-во МосГУ. 2007. – С. 56-65.

5. Лысякова Л.М. Развитие самоуправления на низовом уровне: сравнительный анализ России и Китая / Л.М.Лысякова // <http://www.pravo.vuzlib.net/book/z368> page 15.

6. Свешников М.И. Основы и пределы самоуправления. Опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европейских государств / М.И. Свешников – М.: Книга по требованию, 2011. – 573 с.

7. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации Справка о численности и оплате труда гражданских служащих федеральных государственных органов в I полугодии 2011 года (официальный сайт) // <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/state>

FOREIGN EXPERIENCE OF LOCAL GOVERNMENT AND POSSIBILITIES OF IT'S APPLICATION IN MODERN RUSSIA

**S. YAGUTKIN
E. YAGUTKINA**

*Belgorod National
Research University*

e-mail: yagutkin@yandex.ru

The article generalizes foreign experience of local government. The base principles of social and economic interaction are considered between the federal center and territorial isolated administrative formations (municipalities). The possibility of use of foreign experience locates in practice of local management in modern Russia.

Keywords: territorial self-government, local government, municipal management, public service, foreign models of self-government.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ/ПОД РЕД. А.П. КОЗЫРЕВА. – М.: ИЗД-ВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2011 – 496С.¹

С.М. КЛИМОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: klimova@bsu.edu.ru

В 2011 году исполнилось 70 лет со дня восстановления философского факультета в составе МГУ. Отмечено это событие появлением необычной книги, раскрывающей важнейшие вехи этого периода, но не в традиционной форме описания истории институционального развития факультета, а через репрезентацию биографий всех его деканов, начиная с 1941 года, и нескольких интервью с ведущими учеными факультета. Книга состоит из двух частей, логически связанных друг с другом и в тоже время вполне автономных. Первая часть включает в себя подробное библиографическое исследование С.Н. Корсакова «Деканы философского факультета», в котором, на основе тщательного изучения архивных документов, монографических и отдельных научных источников, воспоминаний и бесед в хронологической последовательности были представлены биографии всех деканов философского факультета МГУ, после его восстановления в составе МГУ 25 декабря 1941г. В их деятельности и творчестве отражены некоторые вехи общественно-политической истории страны, дискуссии и конфликты времени, продемонстрирована роль философского факультета в научной, политической и идеологической жизни советского общества. По крупицам собраны факты биографий, дано изложение базовых философских идей деканов, с которыми подробно можно ознакомиться также и по изложенному в конце каждой главы списку сочинений исследуемой персоны и литературы о нем.

Вторая часть является собранием интервью с выдающимися профессорами философского факультета МГУ – А.А. Старченко, В.В. Соколовым, Е.К. Войшвилло, Е.В. Волковой, Т.И. Ойзерманом, А.М. Ковалевым, А.В. Паниным, Г.Г. Майоровым, а также профессором филологического факультета МГУ А.А. Тахо-Годи (воспоминания об А.Ф. Лосеве), записанными в разные годы последнего десятилетия. Несмотря на кажущуюся разноплановость данных частей, они представляют собой единый комплекс «интеллектуальных биографий», позволяющих реконструировать не только жизнь, идеи, взгляды ученых, занимавших административные должности, а также профессоров университета, но и представить биографические факты как исключительно значимые для понимания судеб конкретного человека, профессионального сообщества и даже всей страны. Не стоит забывать, что речь идет о философствующих личностях, а философия, – по словам профессора Г.Г. Майорова: «затрагивает личность человеческую полностью, в отличие от других наук... Выше философии только мудрость» (с. 491).

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету на 2012 год (номер проекта 6.1239.2011).

Жанр интеллектуальных биографий в начале 90-х начал развивать Г. С. Батыгин². Сегодня его блестящее продолжение мы видим в серии биографий, издаваемых ИФ РАН. Данная книга в полной мере вписана в традиции жанра и является его прекрасным развитием³. В первой части речь идет о судьбе философии и философов-руководителей: «В этом случае можно сказать, что история административного управления становится составной частью социальной истории философии» (с.13). Сложность поставленной задачи состоит в том, что необходимо было найти грань между судьбой администратора и судьбой ученого; не всегда легко понять, где кончается администратор/ученый и начинается идеология; такого рода трудности характерны не только для биографий, но и для философии и социальной истории в целом. С.Н. Корсакову удалось справиться с поставленной задачей в полной мере. Биографии деканов написаны разносторонне, «безоценочно», что сделать, как нам кажется, было чрезвычайно не просто. Это вовсе не значит, что симпатии или антипатии пишущего не угадываются или, что читатель не сможет (или не имеет права) самостоятельно оценить изложенный материал, разобраться в избираемых, тем или иным деканом, приоритетах при принятии решений или совершении поступка. Но все же автору, как нам кажется, «бепристрастность изложения» удалось осуществить при одном методологическом допущении, широко используемом им при анализе биографий. Он неустанно показывает читателю, что человек во власти, как и человек науки неразрывно связан с системой, и любой его поступок необходимо «пропустить» через контекстуальное напряжение репрессивного времени и тоталитарной истории, которая собственно и является тем вечным русским рубиконом, определяющим оценочность поступков и истинность идей отдельных судеб и всей интеллигенции. Поэтому важно не то, о ком идет речь: о трагической фигуре Б. С. Чернышова (декан в 1943г.), одного из создателей знаменитого трехтомника «Истории философии» (как известно, в 1943 г. учебник получил Сталинскую премию, которая, по доносу З. Я. Белецкого – известного «догматика и икаписта», которому важно было вовремя «вдарить» (оценки Т.И. Ойзермана), много лет терроризировавшего факультет – была снята с третьего тома, посвященного немецкой классической философии и изданного как раз под редакцией Чернышова. Эта история послужила причиной его скорой кончины от сердечного приступа в сентябре 1944г.) или о благополучном декане В. С. Молодцове (декан 1952-1968 гг.), «которому удалось решить задачу, с которой не смогли справиться несколько предыдущих деканов: «выжить» с факультета... З.Я. Белецкого и расформировать его кафедру» (с.111). Судьба всех героев этой книги трагична в своей основе: их жизнями «управляла» не философия, но система в целом, которая и определила их интеллектуальные биографии. Иногда трагедия даже оборачивается фарсом, когда мучитель и мученик вдруг оказывались вместе «изничтоженными» системой, да еще и «по одним и тем же основаниям»: «Историческим курьезом оказалось то, что удаление в 1955 г. с факультета Белецкого и его сторонников совпало с изгнанием из числа преподавателей Э. В. Ильенкова и В.И. Коровикова за их известные «тезисы». Белецкианцы и ильенковцы не имели между собой ничего общего. Но и те и другие были изгнаны из МГУ одновременно и с одной и той же формулировкой: по обвинению в гносеологизме» (с.113).

Через интеллектуальные биографии автор демонстрирует узловые переломные моменты нашей истории: в частности, он говорит об исторических развилках 50-х-60-х гг., 80-90-х гг., когда происходил выбор не только исторического пути страны, но и путей философии в целом.

Следует отметить, что автор умело внутренне дифференцирует биографии деканов, которые построены исключительно на административной основе от биографий деканов-ученых, чьи идеи легли в основание идейного реформирования факультета и

² Подр.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах/Отв. ред. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999 – 683с. В книге приведен пример публикации подобного рода, принадлежащей перу одного из деканов – А.Д. Косичеву. Речь идет о книге воспоминаний: «Философия, время, люди: Воспоминания и размышления декана факультета МГУ». М.: 2003. – 350 с.

³ В книге приведен пример публикации подобного рода, принадлежащей перу одного из деканов философского факультета – А.Д. Косичеву. Речь идет о книге воспоминаний: «Философия, время, люди: Воспоминания и размышления декана факультета МГУ». М.: 2003. – 350 с.

философского знания в целом. Именно с приходом второго типа деканов, на факультете, как правило, начинали работать уникальные философы, расширялись творческие контакты с представителями мировой философии, появлялись неординарные ученики и последователи. Ярким примером такого типа декана-ученого является деятельность М.Ф. Овсянникова (1968-1974гг.) – одного из основателей эстетического направления в отечественной философии. «Во времена идеологического контроля он сумел создать на факультете неидеологизированную атмосферу, не допускал преследований и проработок, прикрываемых идеологическими мотивами, использования идеологических рычагов в групповых интересах. Это не означало отсутствия убеждений» (с.135).

Почти весь семидесятилетний период истории факультета отмечен внутригрупповой борьбой и конфликтами идей и людей, начавших утихать лишь в перестройку, с приходом к деканству Р.И. Косолапова в 1986г. «Как декан Р.И. Косолапов провел кадровую перестройку на факультете в сторону омоложения, заменил ряд заведующих кафедрой пенсионного возраста, прекратил склоки, сотрясавшие факультет в течение многих лет» (221). При этом он так и не был утвержден ректоратом на должность декана, оставаясь последовательным противником перестройки и линии М.С. Горбачева. До сегодняшнего дня, отстаивая позиции коммунизма, Р.И. Косолапов развивает идеи особой евразийской цивилизации, которая будет занимать ведущие позиции в мировой политике. Он также хорошо известен как популяризатор идей И. Сталина; в данный момент является старейшим сотрудником философского факультета МГУ.

В полной мере можно назвать деканом переходного времени А.В. Панина (1987-1998), явившего образец настоящего ученого, который еще в 70-е годы, изучая труды западных философов, был лично знаком с Поппером, Лакатосом, Куном и Фейерабендом (знакомство состоялось в служебных командировках в Англии и США). «Став деканом, А.В. Панин поставил перед собой задачи: 1) деидеологизировать факультет; 2) прекратить групповщину и склоки на факультете; 3) омолодить кадры; 4) развить на факультете новые исследовательские направления: философию науки, философскую антропологию, философию культуры; 5) преодолеть философский провинциализм, отрыв от развития мировой философии, расширить контакты с зарубежными философами» (с.251). Вместо памятной многим поколениям философов КСБФ (Критики современной буржуазной философии) студенты погрузились в чтение первоисточников философов-экзистенциалистов, познакомились с психоанализом и постмодернизмом, были налажены непосредственные контакты с зарубежными учеными, приезжавшими с лекциями на философский факультет. Эти же тенденции сохраняются и развиваются при нынешнем декане (с 1998г.) – член-кор. АН, профессоре В.В. Миронове, который, по мнению автора книги, является современным образцом выдающегося ученого и одновременно блестящего организатора учебного и научного процесса на факультете. Он, как бы олицетворяет соединение собственных философских идей с деятельным образом жизни, что в полной мере соответствует характеристике подлинного философа. Для него «философия выступает... как школа формирования человеческой индивидуальности, как способ обретения собственного Я через осознанное принятие определенной системы ценностей и как закалка человеческого духа, испытывающего нравственную ответственность перед персонифицируемым в тебе человечеством» (с.267). Эти слова можно в целом отнести и к описанному в первой части книги опыту «управления философией» в МГУ.

Что касается оценок философской жизни на факультете за последние 70 лет, то с нашей точки зрения, стоит прислушаться к мнению А. В. Панина, высказанного в интервью Алексею Козыреву: «**А.К.** Считают, что факультет был крайне идеологизированным, начётчество было. Это ощущалось или все-таки поляризация была какая-то? **А.П.** Здесь надо было просто иметь ум. Идеологизация была страшная. И вот насчет моего деканства: когда я пришел, я до этого стажировался в Англии, потом Америке, поэтому, если знаешь, состояние философии за рубежом, здесь это ощущалось страшным образом..... при всей идеологизации, при всем начётничестве все-таки факультет был серьезной организацией, потому что были кадры хорошие. И тот, кто хотел учиться, мог тут получить знания. А вот этот нанос идеологический, эти охотники за блохами идеализма на теле марксизма – ну их тоже хватало. **А.К.** Сейчас вот вышел фильм «Отдел». Вы смотрели? **А.П.** Нет. **А.К.** 8-серийный фильм про Мамардашвили, Ильенкова, Батищева, Зиновьева и т.д. Создатели, режиссеры считают, что был один

сплошной мрак и был луч света в темном царстве – журнал «Проблемы мира и социализма». А.П. Да не было этого. Было много у нас толковых философов. А что касается идеологии, умные люди занимались, чем хотели, изучали что хотели. Отдельвались ритуальными фразами»» (с.470-471).

Вторая часть книги под названием «Беседы», состоит из ряда интервью с различными учеными философского факультета, взятыми А.П. Козыревым и др. в разные годы последнего десятилетия. Значение воспоминаний, личных свидетельств, «устных историй» для науки бесценно. Но это уже несколько иной круг источников – в их основании лежат не факты и архивные материалы, но живое слово живых людей – чувствующих и переосмысляющих события прошлого и настоящего в текущем пространстве беседы. Говоря и вспоминая одновременно, человек неотделим от своего прошлого, он погружен в него как в свое собственное бытие «здесь и сейчас». Беседа фиксирует неувидимые моменты живой памяти человека: факты биографии, или содержание личного опыта, собранные и обобщенные затем исследователем, обязательно станут объектом рефлексии и оценки со стороны другого мировоззрения и другой эпохи, другого опыта и культуры и в этом их дополнительная значимость. Преимущества такого подхода давно известны науке и успешно используются в социологических, биографических, исторических работах. Тем более их положительный результат явен тогда, когда речь идет о близком и родном – своей собственной культуре, истории, мировоззрении; о людях, которые живы и опыт которых востребован для новых поколений, живущих уже в «другие» времена. А что может быть достовернее непритворных слов тех людей, которые создали эпоху, идеи, идеологию, и одновременно сами были их порождением. Хочется напомнить слова Н.Н. Козловой – автора одной из блестящих книг, написанных в жанре биографии: «Пишущей о своей культуре обладает тем, что не может быть дано наблюдателю со стороны: памятью тела – тела, наполненного немотой воспоминаний, тела маркированного, нагруженного уже свершившейся историей. Именно благодаря памяти тела рождается ощущение подлинности воскрешенного прошлого, и мы испытываем радость, обретая действительность»⁴. Эти слова в полной мере относятся и к тем, кто вспоминает и рассказывает о «времени и о себе».

При этом надо помнить, что данные беседы не составляют альтернативы фактам и документам; при этом они обладают одним несомненным преимуществом – притягательной силой искренности слов и интонаций, идущих от рассказывающего историю своей жизни как историю своих идей. Хотя, они и далеки от исповедальности, в них есть нечто, сближающее высказывающегося и вспоминающего о прошлом человека, с внутренним диалогизмом или дискуссионностью, характерной для исповедального слова, противоположного бездушным фактам и казенным биографиям. Нет смысла пересказывать содержания интервью: их просто надо читать и перечитывать, помня о том, что кроме системы есть еще наша жизнь и наша смерть – явления уникальные, не подвластные времени, хотя и подсудные ему. Как писал известный социолог И. Гофман, человек, принимая на себя ту или иную роль, может верить в нее, а может и не верить, но всегда есть некоторый смысл, подвигающий его на ее исполнение. Вокруг этого смысла и происходит непрерывная работа души, собирание всех душевных сил в одно целое человеческой личности.

**FACULTY OF PHILOSOPHY OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY:
PAGES OF HISTORY / ED. BY A. P. KOZYREV. – M.: MSU, 2011 – 496p.**

S.M. KLIMOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: klimova@bsu.edu.ru

⁴ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Европа, 2005. – С. 18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Азарина М.С.** – аспирантка Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Архипцев И.Н.** – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Бахарев В.В.** – доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Белогурова Ю.Г.** – аспирантка Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бородовская М.А.** – преподаватель Ростовского филиала МЭСУ
- Васильченко Д.Г.** – кандидат экономических наук, методист деканата дополнительного и послевузовского профессионального образования Воронежского института экономики и социального управления
- Горайнов А.А.** – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ермаков С.А.** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-политических наук Нижегородского коммерческого института
- Зотов В.В.** – доктор социологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского управления развития государственной и муниципальной службы Курской академии государственной и муниципальной службы
- Калинина Г.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Каменева Т.Н.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета
- Каменский Е.Г.** – кандидат социологических наук доцент, Юго-Западного государственного университета
- Климова С.М.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ковальчук О.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кожемякин М.В.** – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Балтийского федерального университета им. И. Канта
- Кравченко Е.С.** – аспирантка Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Литич Т.И.** – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Литвинова М.В.** – кандидат философских наук, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и

- праздников Белгородского государственного института искусств и культуры
- Лукьянова Н.А.** – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой социологии, психологии и права гуманитарного факультета Национального исследовательского Томского политехнического университета
- Луповской М.С.** – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Луценко Т.В.** – аспирантка Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Лыткин В.В.** – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой религиоведения, социально – культурной антропологии и туризма Калужского государственного университета им.К.Э.Циолковского; Преподаватель Международного космического университета (Страсбург, Франция)
- Максименко А.А.** – кандидат психологических наук Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова
- Мезина Л.Г.** – старший преподаватель кафедры иностранных языков и связей с общественностью Нижегородского коммерческого института
- Митякина Н.М.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Почепцов С.С.** – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Родионова О.И.** – аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Сафронова Е.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и международного права; доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сороцкий М.С.** – аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Тарабаева В.Б.** – доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Трошихин В.В.** – доктор философских наук, профессор, заведующий

- кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук Белгородского университета потребительской кооперации
- Туранин В.Ю.** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тычинин С.В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного университета
- Филенко Л.П.** – аспирантка Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Фомченкова Г.А.** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии смоленского государственного университета
- Шаповалова И.С.** – доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шевченко А.А.** – докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
- Шмигирилова Л.Н.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ягуткин С.М.** – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ягуткина Е.С.** – студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
 3. Ключевые слова.
 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
 5. Библиографический список.
 6. Ссылки.
 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).
- на русском и английском языках
- на русском языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзачным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

**А. В. ИВАНОВ¹
Л. Н. ПЕТРОВ²**

*¹Департамент
экономического развития
Белгородской области
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*

*²Белгородский
государственный
университет
e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

**A. V. IVANOV¹
L. N. PETROV²**

*¹Department of economic
development of the Belgorod area
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*

*²Belgorod state university
e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

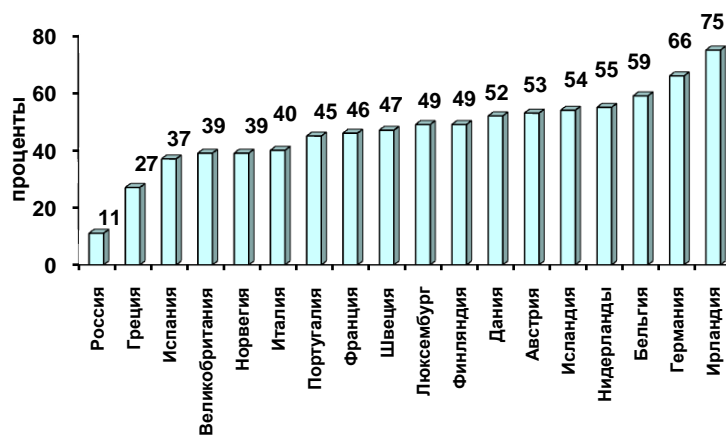

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

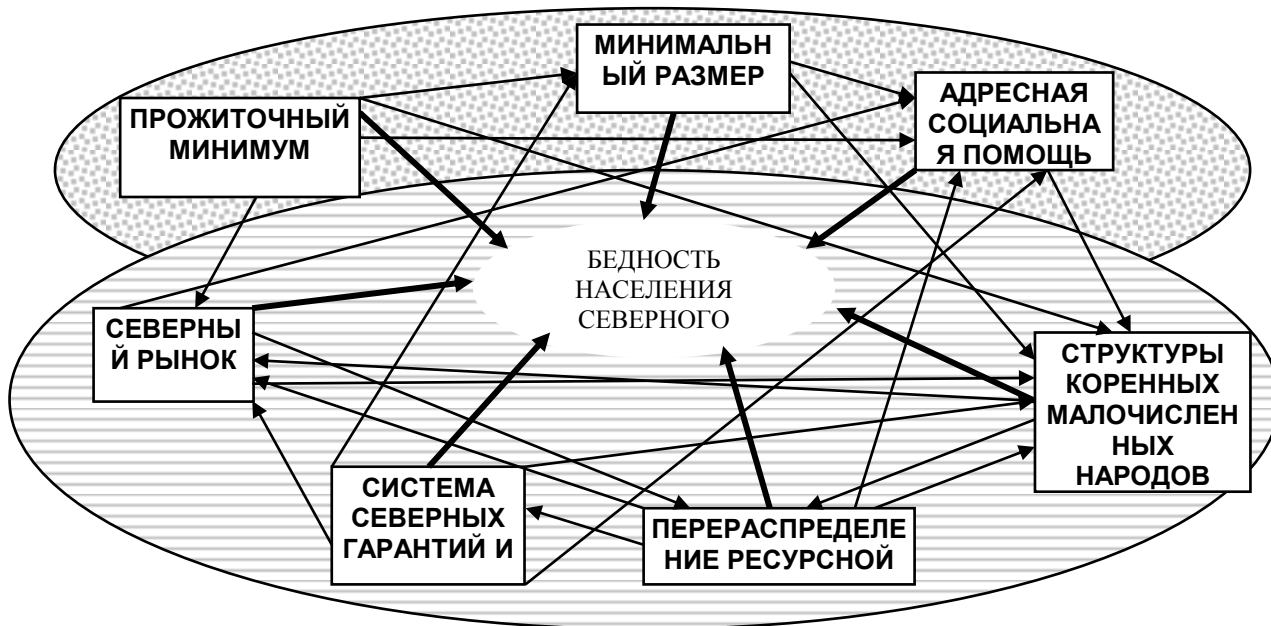

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.